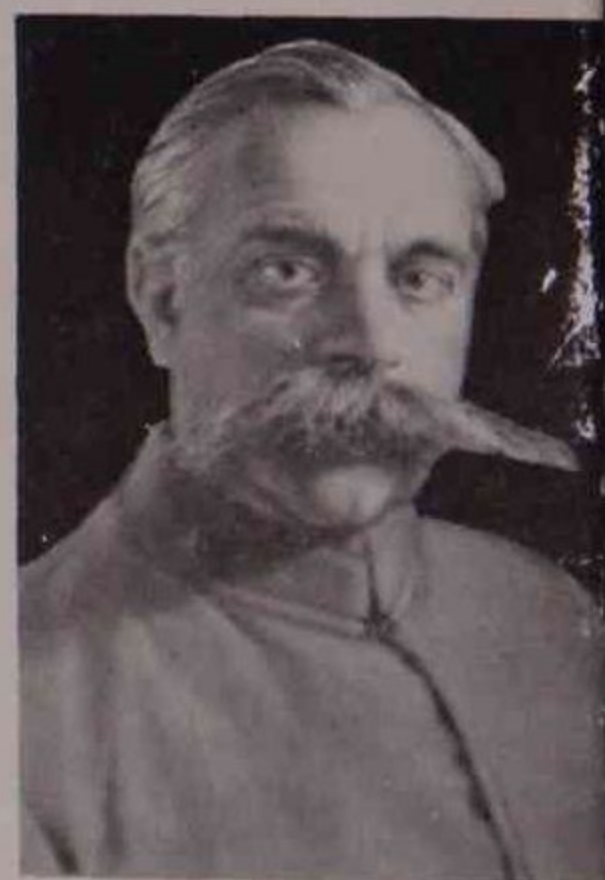

А.Г. КАВТАРАДЗЕ

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ НА СЛУЖБЕ РЕСПУБЛИКИ СОВЕТОВ 1917 – 1920 ГГ.

«Найка»

8071
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

А.Г. КАВТАРАДЗЕ

**ВОЕННЫЕ
СПЕЦИАЛИСТЫ
НА СЛУЖБЕ
РЕСПУБЛИКИ
СОВЕТОВ
1917-1920 ГГ.**

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. И. ПЕТРОВ

Fr. R. Kretzwaldi
nim. ENSV Riiklik
Raamatukogu

2-179476 K

МОСКВА «НАУКА» 1988

Sisaldab ESTONICAT

Откопировал Jus 06.10.2008

Монография, основанная на значительном новом архивном материале, является первым в советской историографии специальным исследованием проблемы привлечения бывших генералов и офицеров старой русской армии к строительству Советских Вооруженных Сил и защите Советского государства в 1917—1920 гг.

Рецензенты:

Л. М. ГАВРИЛОВ, В. П. НАУМОВ,

С. А. ФЕДЮКИН

На обложке фотографии
(слева направо):

М. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА, И. И. ВАЦЕТИСА,
С. С. КАМЕНЕВА

К 0505030102—310 36—87—IV
042 (02)—88

© Издательство «Наука», 1988 г.

ISBN 5-02-008451-4

Введение

Привлечение командного состава старой русской армии к военному строительству и защите Советской Республики от объединенных сил международного империализма и внутренней контрреволюции представляет собой важнейший аспект общей проблемы использования знаний и опыта буржуазно-дворянской интеллигенции в различных областях народного хозяйства и управления в интересах Советского государства.

Первостепенное значение привлечения на сторону Советской власти бывших генералов и офицеров объясняется тем, что в условиях острого недостатка своих военных кадров (особенно высшего и старшего звеньев) и при отсутствии необходимого времени для их подготовки из среды рабочих и трудящихся крестьян необходимо было в кратчайший срок создать сильную регулярную Красную Армию, способную отстоять социалистическое Отечество от империалистических интервентов и белогвардейцев. В июле 1918 г., когда вокруг Советской России замкнулось кольцо фронтов, В. И. Ленин подчеркивал, что судьбу революции «*решает военное положение, решает война (гражданская)...* решает военный исход»¹.

Заслуга теоретической разработки принципиальных положений рассматриваемой проблемы и их реализации на практике принадлежит В. И. Ленину. Он обосновал необходимость использования культурного наследия капитализма в интересах социалистического строительства: вопрос о буржуазных специалистах «*стоит в армии, в промышленности, в кооперативах, стоит везде*», поэтому «*нам нужны в большем и большем, против прежнего, числе инженеры, агрономы, техники, научно-образованные специалисты всякого рода*». При этом, писал В. И. Ленин, следует «*не только сломить*» их «*какое бы то ни было сопротивление*», но и «*заставить работать в новых организационно-государственных рамках*»².

Решение этой важной задачи осложнялось тем, что значительная часть буржуазных специалистов либо заняли по отношению к Советской власти выжидательную позицию, либо оказались в стане ее врагов, ибо в кругах буржуазных специалистов были очень сильны тенденциозные представления о том, что победа социалистической революции в России несет с собой лишь все-

общее разрушение и крушение многовековой русской культуры, науки, искусства, традиций и т. д., что российская интеллигенция обречена на гибель. Значительная часть буржуазной интеллигенции не поняла того, что социалистическая революция, критически осмысливая наследие прошлого, стремилась все самое ценное и полезное из него поставить на службу новому обществу.

Процесс привлечения буржуазных специалистов на службу Советской власти был весьма сложным. В. И. Ленин определил его как одну из форм классовой борьбы¹, своеобразие которой состояло в том, что, во-первых, это была борьба «не с интеллигенцией как таковой, а борьба за интеллигенцию», во-вторых, эта борьба включала в себя проведение работы «по изменению отношения к интеллигенции со стороны рабочего класса, трудящихся масс»². Необходимо было также преодолеть внутри партии негативное отношение к самой идее привлечения буржуазных специалистов к социалистическому строительству. Часть коммунистов, даже находившихся на руководящих постах, не только не разделяли ленинского положения о возможности привлечения буржуазных специалистов, в том числе бывших генералов и офицеров, даже при условии установления всестороннего контроля за их деятельностью со стороны рабочего класса, но и вообще исключали сотрудничество с буржуазными специалистами в любых формах.

Коммунистическая партия и Советское правительство не строили иллюзий в отношении того, что многие буржуазные специалисты настроены по отношению к Советской власти враждебно. И тем не менее они сознательно шли на риск и, привлекая к сотрудничеству нужных специалистов, несмотря на их политические убеждения, предоставляли им крупные посты в отраслях народного хозяйства, в армии, в области науки и культуры и т. д. «Мы прибегали к помощи буржуазных специалистов, — говорил В. И. Ленин, — которые насквозь проникнуты буржуазной психологией и которые нас предавали и будут предавать еще годы. Тем не менее ... у нас есть закаленность в борьбе, есть силы, единство, и мы должны идти путем организационной работы, используя знания и опыт этих специалистов. Это необходимое условие, без которого социализма построить нельзя»³. Важно отметить, что Советская власть привлекала к сотрудничеству даже лиц, которые, не приняв Октябрьскую революцию, ушли в лагерь ее врагов и с оружием в руках боролись против Республики Советов, но затем в силу разных причин признали свои ошибки и заблуждения. В. И. Ленин указывал: «Всякий, кто хочет работать, нам ценен»⁴.

В общей проблеме привлечения буржуазных специалистов к сотрудничеству с Советской властью весьма важным является вопрос, какое место в мероприятиях Коммунистической партии и Советского государства по отношению к ним занимали элементы принуждения. Он приобретает особую остроту в связи с тем, что в работах историков, от белоэмигрантских начала 20-х годов и до

вышедших за рубежом в наше время, в различных вариациях проводится мысль о том, что сразу же после Октябрьской революции для буржуазно-дворянской интеллигенции и специалистов начался «путь на Голгофу»: массовые репрессии в качестве «главного метода» воздействия на них «со стороны государственной власти». В результате этих репрессий большевики якобы уничтожили большую и лучшую часть буржуазно-дворянской интеллигенции, а ту сравнительно небольшую ее часть, которая не эмигрировала и была вынуждена по разным причинам остаться в России, заставляли лишь мерами принуждения служить Советской власти (бывших офицеров, в частности, служить в Красной Армии «под дулом наганов Чека»)⁵.

Но даже в условиях гражданской войны, контрреволюционных восстаний, заговоров и многочисленных фактов измены, в том числе и со стороны военных специалистов, Советская власть требовала от своих карательных органов особой осмотрительности при привлечении к ответственности представителей буржуазно-дворянской интеллигенции. Так, 11 декабря 1918 г. было издано постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны о порядке ареста ВЧК сотрудников советских учреждений и предприятий⁶. Во исполнение этого постановления был издан приказ Президиума ВЧК от 17 декабря 1918 г., в котором говорилось, что «к аресту специалиста надо прибегать лишь тогда, если установлено, что его работа направлена к свержению Советской власти. Арестовать же его лишь за то, что он бывший дворянин, что когда-то был работодателем и эксплуататором, нельзя, если он исправно работает»⁷.

Правда, при проведении карательных мер, как отмечает С. А. Федюкин, не «удалось совершенно избежать ненужных жертв, ошибок, несоответствия меры вины мере наказания»⁸. «Немало царских генералов и офицеров, — писал М. Д. Бонч-Бруевич, — стало жертвами красного террора, явившегося неминуемым ответом на проводившийся белыми и интервентами массовый террор»⁹. Одной из причин подобного положения, и на это неоднократно указывал В. И. Ленин, было то, что местные партийные и советские органы допускали ошибки в проводимых ими мероприятиях по отношению к буржуазно-дворянской интеллигенции, в основе которых лежало «неумелое пользование властью»¹⁰. Так, часть партийных и военных работников (К. Х. Данишевский, Н. В. Крыленко, М. Я. Лацис и др.) считали, что в борьбе с контрреволюцией следует руководствоваться не какими-либо юридическими нормами, а лишь «принципом политической целесообразности и правосознанием коммунистов»¹¹, основанными исключительно на социальной и классовой принадлежности обвиняемого, без доказательства его прямой вины по отношению к Советской власти. За опубликование статей, авторы которых придерживались подобных взглядов, журналы «Красный террор» и «Вестник ВЧК» по указанию ЦК партии были закрыты¹².

Советская власть располагала достаточными возможностями, чтобы силой заставить служить себе буржуазных специалистов. Однако изучение проблемы решительно опровергает тезис о том, что путем одного принуждения и насилия можно было обеспечить сотрудничество многих десятков тысяч человек с Советской властью. «Здесь... одним насилием, — указывал В. И. Ленин, — ничего не сделаешь. Тут, в добавление к насилию... нужна организованность, дисциплина и моральный вес победившего пролетариата, подчиняющего себе и втягивающего в свою работу всех буржуазных специалистов!»¹⁵. Вот почему В. И. Ленин особенно настойчиво ставил вопрос о непринудительных путях и способах вовлечения буржуазных специалистов в строительство социализма. Для этого требовалось заинтересовать их в сотрудничестве с Советской властью, прежде всего путем создания для них лучших материальных условий¹⁶. В трудах В. И. Ленина, материалах VII—IX съездов РКП(б), V Всероссийского съезда Советов, других партийных и государственных документах были заложены методологические основы для научной разработки важнейших проблем истории гражданской войны. Была создана и солидная источниковая база, и прежде всего концентрация основных документов в фондах государственных архивов. Все это позволило создать ряд серьезных работ по истории гражданской войны, в некоторых из которых нашли отражение отдельные аспекты интересующей нас темы¹⁷. Следует назвать также некоторые работы, в которых приводились сведения о численности военных специалистов в Красной Армии. Так, в статье Е. Островского говорилось, что «в 1918 г. три четверти (76%) всего командно-административного состава Красной Армии состояло из бывших офицеров, причем на руководящих постах находились почти исключительно старые военные специалисты»¹⁸. В. А. Антонов-Овсенко указывал, что к 1 января 1921 г. офицеры старой армии составляли 34% от общей численности командного состава Красной Армии всех степеней¹⁹. В статье Н. А. Ефимова «Командный состав Красной Армии» была приведена общая численность военных специалистов в Красной Армии на 15 августа 1920 г.²⁰ Наконец, крупный историк гражданской войны Н. Е. Какурин сделал, на наш взгляд, правильный вывод, что «главным источником пополнения (Красной.— А. К.) армии командным составом во время гражданской войны (можно было бы добавить к этому — вплоть до ее окончания.— А. К.) явились мобилизации офицерского и унтер-офицерского состава старой армии»²¹.

Таким образом, к концу 20-х — началу 30-х годов имелись все условия для изучения вопроса о привлечении командного состава старой русской армии к военному строительству и защите Советского государства. Однако эта важная тема не только не стала предметом монографического исследования, но по ней не было написано ни одной специальной статьи. Подобное положение можно объяснить тем, что с начала 30-х годов начала складываться обстановка культа личности И. В. Сталина, которая

нанесла «серьезный ущерб самой исторической науке, разработке ее военных аспектов»²².

В шестом томе 1-го издания «Малой советской энциклопедии» (1931. Стб. 208) старое офицерство характеризовалось следующим образом: «Офицеры представляли замкнутую касту, доступ в которую был открыт преимущественно представителям господствующего класса. За исключением небольших групп, как, например, декабристы, они являлись верной опорой самодержавия в его борьбе с революционным движением. Офицеры руководили подавлением выступлений рабочих, усмирением крестьянских восстаний, участвовали в карательных экспедициях и проч. Сметены Октябрьской революцией».

Постановлением ЦК ВКП(б) от 30 июля 1934 г. была начата подготовка к изданию «Истории гражданской войны», в которой предусматривался раздел «Специалисты в армии»²³. Однако в составленном через два года подробном плане-проспекте этого капитального труда в 23-й теме лишь один небольшой раздел в параграфе 12 под названием «Комсостав РККА» отводился военным специалистам в Красной Армии, причем этот раздел назывался не «военные специалисты», а «старое офицерство в Красной Армии»²⁴. В проекте словника «Советской военной энциклопедии» (М., 1931. С. 43) статья «Военные специалисты в Красной Армии» также не предусматривалась. В 43-м томе «Большой советской энциклопедии» (1939. Стб. 673, 674), в статье «Офицер», наряду с положениями, содержащимися в «Малой советской энциклопедии», говорилось, что «основная часть бывших офицеров царской армии пошла на службу контрреволюции, всячески содействовала интервенции империалистов и составляла ядро белогвардейских армий; эти офицеры явились злейшими врагами рабочего класса и всех трудящихся советских республик. Другая часть бывших офицеров была привлечена Советским правительством для участия в строительстве РККА... И среди этой части бывших офицеров оказалось немало предателей и шпионов, разоблаченных советской разведкой и понесших заслуженную кару. Все же использование военных специалистов из бывших офицеров в РККА и Военно-Морском Флоте сыграло определенную положительную роль».

Из официальных изданий такие оценки бывших офицеров старой русской армии были перенесены в работы советских историков (например, Э. Б. Генкиной «Борьба за Царицын в 1918 году» (М., 1940), изданную под грифом секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны», В. А. Меликова «Героическая оборона Царицына» (М., 1940), художественную литературу (например, повесть А. Н. Толстого «Хлеб (Оборона Царицына)» (Л., 1938), написанную «по документам и материалам» указанной выше редакции), в кинофильмы и т. д. Именно поэтому, как отмечает С. А. Федюкин, «в работах историков гражданской войны, вышедших еще десяток лет назад (в 50-х годах.— А. К.), трудно встретить даже упоминание о том, что тот

или иной советский военный деятель был офицером или генералом царской службы. А если и указывалось, что в Красной Армии служили бывшие офицеры старой армии, то характеристика им давалась, как правило, самая отрицательная»²⁵.

Научное исследование интересующей нас темы как части общей проблемы использования знаний и опыта старой интеллигенции в интересах Советского государства началось в середине 50-х годов, когда советские историки обратились к разработке таких проблем и тем, которые ранее «были слабо изучены или совсем не изучались»²⁶. В третьем томе «Истории гражданской войны в СССР» (М., 1957) были устранены субъективизм и догматизм, допускаясь ранее при оценке некоторых узловых и принципиальных вопросов истории гражданской войны в СССР, в том числе и по вопросу об использовании знаний и опыта военных специалистов в военном строительстве и защите Советского государства. С этого времени данная тема «находит более глубокую и объективную оценку»²⁷ как в коллективных трудах²⁸, так и в работах историков, прежде всего С. А. Федюкина, который внес значительный вклад в разработку вопроса о военных специалистах как составной части общей проблемы использования наследия буржуазной культуры и буржуазных специалистов при построении социалистического общества и организации защиты завоеваний Великого Октября²⁹. Однако и во второй половине 50-х — начале 60-х годов, да, пожалуй, и в наши дни, появляются книги, кинофильмы и телевизионные передачи, в которых прослеживается тенденция показа военных специалистов только с негативной стороны³⁰.

Вопросы привлечения командного состава старой армии на службу Советской власти рассматривались в работах А. М. Иовлева, Н. И. Шатагина, Д. М. Гринишина, И. И. Власова, Н. Ф. Кузьмина, Н. Н. Цветаева, Ю. П. Петрова, А. Ф. Данилевского, С. М. Кляцкина, Е. Н. Городецкого, М. П. Ирошников, С. В. Липицкого, Ю. И. Кораблева, В. И. Петрова, Н. Н. Азовцева, И. И. Минца³¹, а также в статьях И. М. Волкова, А. Т. Котова, В. Домникова, А. В. Винокурова, Я. Г. Зимина, И. З. Хасанова³² и др.

Особо хотелось бы отметить статью «Военспец», опубликованную в «Советской военной энциклопедии» (М., 1976. Т. 2. С. 274), и статью Л. М. Спирина «В. И. Ленин и создание советских военных кадров»³³. Несомненное значение первой из них состоит в том, что впервые в советской историографии (в том числе энциклопедических изданиях) появилась статья о военных специалистах, свидетельствующая как о правомерности рассматриваемой проблемы, так и о необходимости ее дальнейшей разработки. В статье Л. М. Спирина также впервые в советской исторической литературе поднят широкий круг вопросов, касающихся состояния и численности офицерского корпуса русской армии, в том числе генштабистов, накануне Октября, численности военных специалистов в Красной Армии к концу гражданской

войны и др. Несмотря на то что с некоторыми положениями и цифрами, приведенными в статье, на наш взгляд, согласиться нельзя, статья Л. М. Спирина явилась важным шагом в изучении темы.

Исследование проблемы привлечения командного состава старой армии к военному строительству и защите Советского государства невозможно без знакомства, хотя бы в основных чертах, с офицерским корпусом русской армии накануне первой мировой войны, с изменениями, которые произошли в нем за три с лишним года войны, а главное — с составом и характеристикой этого корпуса накануне Октябрьской революции. Эти вопросы рассматривались в работах Б. М. Шапошникова, Л. М. Спирина, П. А. Зайончковского, Л. М. Гаврилова и В. В. Кутузова, А. П. Корелина, А. А. Буравченкова, М. Н. Герасимова и др.³⁴

Для разработки интересующей нас проблемы весьма ценным источником являются изданные ЦГАСА и Институтом военной истории МО СССР сборники документов «Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920 гг.)» (М., 1969) и «Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922)» (М., 1971—1978. Т. 1—4). При этом исключительно важное значение имеет помещенный в четвертом томе второго из указанных изданий список руководящего состава Красной Армии и войск НРА ДВР в период 1918—1920 гг. (командующих и членов реввоенсоветов фронтов и армий, а также начальников, комиссаров и начальников штабов дивизий).

О жизни и деятельности военных специалистов в последние десятилетия написано множество биографических очерков, статей, персоналий и т. д. Не имея возможности привести всю библиографию этих работ, отметим лишь те, которые посвящены известным военачальникам Красной Армии, бывшим генералам и полковникам старой армии, а также офицерам Генерального штаба³⁵. Значительное число статей об указанных категориях военных специалистов опубликовано в «Военно-историческом журнале»³⁶.

Важным источником по рассматриваемой теме являются воспоминания самих военных специалистов: М. Д. Бонч-Бруевича, А. А. Брусилова, И. И. Вацетиса, А. И. Верховского, В. Е. Егорьева, С. С. Каменева, А. И. Корка, С. А. Меженинова, Д. П. Парского, А. А. Самойло и др.³⁷ К этой же группе источников относятся написанные Н. М. Потаповым «Краткая справка о деятельности Народного комиссариата по военным делам в первые месяцы после Октябрьской революции», подготовленная к печати Е. Н. Городецким и С. М. Кляцкиным³⁸, а также «Записки о первых шагах советского военного строительства» (подготовлена к печати Е. Н. Городецким, которому принадлежит и предпосланная публикации статья «О записках Н. М. Потапова») ³⁹.

Вопросы, рассматриваемые в монографии, нашли также освещение в белоэмигрантской и современной западной буржуазной

исторической литературе. Не ставя перед собой задачи давать полный ее обзор, коротко остановимся лишь на некоторых моментах.

В 1920—1921 гг. в издававшейся в Париже газете «Общее дело» (редактор-издатель В. Л. Бурцев) под броскими заголовками «Как они продались III Интернационалу», «Предатели-пахлебники» и т. д.⁴⁰ (авторы — бывший полковник П. П. Дьяконов, писатель А. Ветлугин и др.) был опубликован ряд статей о службе военных специалистов в Красной Армии; в них были приведены также списки бывших генералов и офицеров, которые одни из первых перешли на сторону Советской власти и оказали ей наибольшие услуги. Эти лица, по словам Бурцева, всей белой эмиграцией были поставлены «вне закона» и «подлежали повешению», как только «законная власть» вновь возвратится в Россию.

Следует отметить, что вообще факт привлечения бывших генералов и офицеров в Красную Армию, а затем и дальнейшее участие их в строительстве армии и гражданской войне идеологами белого движения воспринимались особенно болезненно; ими так и не было понято, почему генералы и штаб-офицеры, «оставившие свое положение» при старом режиме, служившие ему «верой и правдой», перешли на сторону Советской власти. Кроме того, они гиперболизировали роль и значение офицерского корпуса старой армии в строительстве Красной Армии и ее победах на фронтах гражданской войны. Так, один из организаторов белого движения — А. И. Деникин писал, что Красная Армия строилась «исключительно умом и опытом старых царских генералов», что «все органы центрального военного управления возглавлялись генералами-специалистами» и что, наконец, «особенно широко был представлен Генеральный штаб»⁴¹. Кстати сказать, вопросу размежевания после Октябрьской революции корпуса офицеров Генерального штаба белоэмигрантские авторы придавали особое значение, а бывшие генштабисты полковник А. А. Зайцов и генерал А. К. Банов посвятили ему специальные работы⁴².

Насколько мы можем судить, в подходе к рассматриваемой проблеме современные западноевропейские и американские буржуазные историки не отказались от сложившихся в 20—30-е годы белоэмигрантских и других концепций гражданской войны в России. Можно согласиться с выводом, сделанным С. Ф. Фоминых, что «происхождение целого ряда версий и аргументов (западных авторов. — А. К.)... берет начало в белоэмигрантской литературе», в работах «политических деятелей различных контрреволюционных партий и группировок, белогвардейских генералов»⁴³.

Некоторые вопросы рассматриваемой проблемы в советской исторической литературе получили достаточно полное и глубокое освещение: выдающаяся роль В. И. Ленина в теоретической разработке проблемы привлечения к социалистическому строительству буржуазной интеллигенции, в частности военной, для военного строительства и защиты Советского государства; значение

VIII съезда партии для утверждения ленинского курса на широкое привлечение бывших генералов и офицеров к делу создания массовой регулярной Красной Армии; роль военных комиссаров, обеспечивавших партийный и государственный контроль за деятельностью военных специалистов, и т. д. Вместе с тем ряд важных вопросов остается недостаточно разработанным: понятие «военный специалист»; состояние офицерского корпуса русской армии и его численность накануне Октябрьской революции; судьбы бывших генералов и офицеров старой армии в результате ее слома; их отношение к Октябрьской революции; сотрудничество бывших генералов и офицеров с Советской властью в качестве военных экспертов, консультантов и инструкторов в первые месяцы после Октябрьской революции; причины, побуждавшие подавляющую часть бывших кадровых офицеров воздерживаться от вступления в Красную Армию в период ее строительства на добровольных началах, и др. Совершенно не разработана проблема деятельности Коммунистической партии и Советского правительства по усилению Действующей Красной Армии командным составом за счет бывших генералов и офицеров после VIII съезда партии, хотя, как справедливо отмечает С. А. Федюкин, «проблема военспецов стояла остро и до, и после съезда вплоть до самого окончания гражданской войны»⁴⁴. Требуют уточнения как общая численность военных специалистов в Красной Армии к концу гражданской войны (к ноябрю 1920 г., т. е. к моменту ликвидации основных фронтов), так и численность по категориям офицерского корпуса — бывшие генералы, штаб- и обер-офицеры. Еще недостаточно разработана тема привлечения в Красную Армию и службы в ней самой ценной и подготовленной части офицерского корпуса русской армии — корпуса офицеров Генерального штаба. По-прежнему остается открытым вопрос, связанный с привлечением в Красную Армию офицеров белогвардейских армий, буржуазно-националистических формирований и т. д., взятых в плен или перешедших добровольно на сторону Советской власти. До сих пор еще нет работы, в которой были бы приведены достаточно полные данные о тех военных специалистах, которые приняли активное участие в строительстве Красной Армии с первых же дней ее создания и в защите Республики Советов на фронтах гражданской войны. В результате сотни этих лиц (кроме «обоймы» из одного-двух десятков фамилий, упоминаемых в литературе) буквально растворились в общей цифре военных специалистов, которые в период гражданской войны служили в Красной Армии.

Таким образом, оценивая степень изучения рассматриваемой проблемы, приходится констатировать, что, несмотря на определенные успехи в разработке ряда ее аспектов, в советской историографии еще нет обобщающей монографии, в которой были бы комплексно рассмотрены и решены основные вопросы темы. Подобные недостатки в значительной степени вызваны тем, что авторы имеющихся работ в недостаточной степени использовали

статистические и историко-социологические источники. Между тем интересы дальнейшего развития советской исторической науки требуют создания трудов широкой исторической перспективы, что невозможно без расширения документальной базы. Поэтому автором данной монографии и была сделана попытка значительно расширить источниковую базу исследования с тем, чтобы, говоря словами В. И. Ленина, «установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно бы было опираться»⁴⁵ в своих окончательных выводах.

Но прежде чем перейти к задачам, которые стоят перед настоящим исследованием, попытаемся сформулировать само понятие «военные специалисты». Впервые его дефиниция была дана в «Советской военной энциклопедии» (М., 1976. Т. 2), где говорилось, что военный специалист (военспец) — генерал, адмирал, офицер или чиновник старой русской армии и флота, привлеченный на службу в РККА и РККФ во время гражданской войны и военной интервенции в России⁴⁶. Однако из этого определения необходимо, по нашему мнению, прежде всего исключить военных чиновников, а также уточнить, следует ли относить к «военным специалистам» только кадровых офицеров или всех офицеров, в том числе офицеров военного времени. Последнее тем более важно, что некоторые авторы, как, например, К. Е. Ворошилов, прапорщиков вообще к офицерам не относили, приравнивая их к унтер-офицерам и даже рядовым⁴⁷.

Бывших военных чиновников (или, как их именовали, «классных чинов»), служивших в русской армии, к категории «военные специалисты», на наш взгляд, относить неправомерно потому, что они, как правило, не имели специального военного образования (не учились в кадетских корпусах, не заканчивали военных или специальных училищ, военных академий и т. д.), а являлись обычными «буржуазными специалистами» (с высшим или средним гражданским образованием) — врачами, преподавателями гражданских предметов военно-учебных заведений и т. д., которые служили в военном ведомстве. Их фамилии не включались в «Общий список офицерским чинам русской императорской армии»⁴⁸, а учитывались в специальных справочных изданиях: «Общем расписании классных должностей в империи», «Списке чинов корпуса военных топографов и служащих по военно-топографической части» и т. д.

Что же касается офицеров военного времени (офицеров запаса, призванных по мобилизации во время первой мировой войны; окончивших ускоренный курс военных или специальных училищ или школ прапорщиков с производством в первый офицерский чин (прапорщика) в военное время; получивших этот чин за храбрость и т. д.), то их правомерно, по нашему мнению, наряду с кадровыми офицерами относить к «военным специалистам». Конечно, свыше трех четвертей офицеров военного времени по своему общеобразовательному цензу, военному образованию, опыту службы и боевому опыту не могли быть поставлены

в один ряд с кадровыми офицерами. Но при этом следует иметь в виду, что и среди бывших офицеров военного времени были тысячи командиров (преимущественно произведенных в первый офицерский чин во второй половине 1914 и в 1915 г.), которые, получив боевой опыт на фронтах мировой войны, к октябрю 1917 г. были уже штабс-капитанами⁴⁹ и успешно командовали ротами и батальонами. Представляя более демократические по сравнению с кадровым офицерством слои русского общества, значительная часть этих офицеров после Октябрьской революции перешла на сторону Советской власти и составила основу строевого командного состава Красной Армии среднего, нередко старшего и даже высшего звеньев, дала видных военачальников и героев гражданской войны. Достаточно назвать такие фамилии, как Е. С. Алехин, Я. Ф. Балахонов, С. С. Вострецов, С. Е. Грибов, И. Ф. Дашичев, Е. С. Казанский, Е. И. Ковтюх, В. К. Путьна, А. И. Тодорский, И. П. Уборевич-Губоревич, К. П. Ушаков, И. Ф. Федько, Г. Д. Хаханьян, Р. П. Эйдеман, Г. Х. Эйхе. Значительное число бывших офицеров военного времени занимали высшие должности (в том числе командующих фронтами и армиями) и в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Термин «военные специалисты» появился сразу после Октябрьской революции. Однако в первые месяцы после Октября бывших генералов и офицеров, которые сами предложили свои услуги Советской власти или которых привлекли к сотрудничеству с ней, чаще называли не «военными специалистами», а «военными экспертами (консультантами)», «инструкторами», «техническими руководителями» и т. д. Термин же «военные специалисты» («военспецы») стал применяться повсеместно с марта—апреля 1918 г., когда был принят ленинский курс на создание массовой регулярной армии с широким привлечением бывших генералов и офицеров. Учреждение «института военных специалистов», в свою очередь, вызвало необходимость создания «института военных комиссаров», в задачу которого входили контроль за деятельностью «военных специалистов» и обеспечение таких условий, при которых была бы исключена всякая возможность каких-либо с их стороны акций, направленных против Советского государства.

Таким образом, термин «военные специалисты» имел определенное классовое содержание и был применим только к тем категориям командного состава (прежде всего бывшим генералам и кадровым офицерам), которые в период гражданской войны служили как правило на командных должностях в Действующей Красной Армии под контролем военных комиссаров.

В связи с этим нам представляется не совсем точной формулировка, которая часто встречается в советской исторической литературе: «привлечение военных специалистов» (на службу Советской власти, в Красную Армию и т. д.), ибо «привлекались» (на добровольных началах или по мобилизации) прежде всего бывшие генералы и офицеры старой армии, т. е. определен-

ная категория «буржуазных специалистов», профессиональные военные, знания и опыт службы которых были необходимы для военного строительства и защиты Советского государства. «Военными специалистами» эти бывшие генералы и офицеры стали только после зачисления их на службу в Красную Армию (преимущественно на высшие и старшие командные, штабные или административные должности) под контролем военных комиссаров. Об этом «превращении» бывшего генерала или офицера в «военного специалиста» писал в своих воспоминаниях, в частности, М. Д. Бонч-Бруевич: «В то время любой из мелких как будто вопросов, хотя бы о том, куда и на какую работу назначать превратившегося в военспеца бывшего генерала, охотно и вдумчиво решался Владимиром Ильичем»³⁰.

Таким образом, «военные специалисты» были не просто бывшими офицерами и генералами с профессиональными военными знаниями, а определенной социально-классовой категорией, присущей определенному периоду в истории Советского государства — периоду гражданской войны и империалистической интервенции.

Для научной разработки рассматриваемой проблемы важное значение имеет также раскрытие понятия «военная интеллигенция», тем более что в советской исторической литературе имеется тенденция к его отождествлению с понятием «военные специалисты», что, на наш взгляд, не совсем правильно³¹. Первая попытка обосновать правомерность понятия «военная интеллигенция», показать его отличие от понятия «военные специалисты», раскрыть, какие категории офицерского корпуса русской армии могут быть отнесены к категории «военная интеллигенция», наконец, определить соотношение военной интеллигенции и военных специалистов в Красной Армии содержится в нашей статье³².

Задача настоящего исследования — рассмотрение узловых вопросов проблемы привлечения командного состава старой армии к военному строительству и защите Советского государства. Автор выражает надежду, что данная работа послужит дальнейшей разработке таких вопросов, как роль военных специалистов в создании и деятельности центральных и местных органов военного управления, в строительстве массовой регулярной Красной Армии, в подготовке командных кадров из рабочих и трудящихся крестьян, в том числе высшей военной квалификации, в становлении советской военной науки, в победе Красной Армии над силами внутренней и внешней контрреволюции и т. д. Сложность и многоплановость этой проблемы, а также ограниченный объем монографии вынуждают автора не ставить перед собой задачи исчерпывающего анализа всех ее аспектов, а, во-первых, рассмотреть только некоторые вопросы, которые представляются нам наиболее важными и вместе с тем требующими дополнительного изучения, во-вторых, ограничить это рассмотрение, если так можно выразиться, «верхним слоем» быв-

шего офицерского корпуса старой армии — генералами, штаб-офицерами (полковниками и подполковниками) и офицерами Генерального штаба, т. е. теми категориями командного состава старой армии, привлечению которых на службу в Красной Армии В. И. Ленин, ЦК РКП(б) и Советское правительство уделяли особое внимание. Именно бывшие генералы и штаб-офицеры (особенно генштабисты) с их значительным опытом службы в мирное и военное время на высоких командных, штабных, административно-хозяйственных и профессорско-преподавательских должностях и явились теми «военспецами», которым пришлось предоставлять при самом строгом контроле со стороны органов Коммунистической партии и Советского государства ответственные посты в Красной Армии для решения важных военно-технических и оперативно-стратегических задач³³.

При написании монографии автором были изучены многие фонды ЦГВИА (в том числе фонд 409, в котором сосредоточены послужные списки офицеров русской армии конца XIX — начала XX в.) и ЦГАСА (в частности, фонд 4 с материалами о деятельности Особой комиссии при Реввоенсовете Республики по учету бывших офицеров, а также хранящиеся в этом архиве учетные карточки служивших в Красной Армии военных специалистов).

Источником для изучения офицерского корпуса русской армии послужили также справочные издания: «Общий список офицерским чинам русской императорской армии (по состоянию на 1 января 1910 года)» (СПб., 1910); списки генералам по старшинству на 15 июля 1914 г. и на 1 августа 1916 г.; списки полковникам по старшинству на 15 июля 1914 г. и на 1 августа 1916 г.; список подполковникам по старшинству на 20 сентября 1913 г. Для контроля персоналий бывших офицеров Генерального штаба широко использовались «Список Генерального штаба (с приложением изменений по 18 июля 1914 г.)» (Пг., 1914) и «Список Генерального штаба (с приложением изменений по 8 февраля 1917 г.)» (Пг., 1917). Кроме того, автором были использованы «Свод военных постановлений 1869 г.» (2-е изд. СПб., 1907. Кн. 5—7); «Свод штатов военно-сухопутного ведомства» (СПб., 1910—1914. Кн. 1—4); «Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год» (СПб., 1914) и т. д.; «высочайшие приказы» и приказы Временного правительства; приказы верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко, Высшего Военного Совета, Реввоенсовета Республики, а также периодическая печать (в частности, газеты «Правда», «Известия ВЦИК», «Армия и Флот рабочей и крестьянской России», затем «Рабочая и Крестьянская Армия и Флот» и др.).

В монографии помещен ряд приложений, которые органически связаны с ее содержанием и наряду с таблицами в тексте служат документальным подтверждением выдвигаемых автором положений и выводов. Приложения и таблицы содержат сотни фамилий военных специалистов. Необходимость этого диктуется тем, что с середины 50-х годов в исследованиях по истории

гражданской войны появились «тысячи имен»²⁴ активных ее участников. Однако это значительное расширение круга персоналий в меньшей степени коснулось военных специалистов, подтверждением чему может служить энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (М., 1983), где отсутствуют фамилии 29 (из 81) командующих армиями — бывших кадровых офицеров: Генштаба генералов Е. А. Некрицкого, А. В. Новикова, А. К. Ремезова, Генштаба полковников В. Е. Гарфа и В. Н. Зарубаева, полковников Е. М. Голубинцева и А. И. Ратайского, Генштаба подполковников А. А. Дункевича, В. В. Любимова, И. Х. Паука, подполковников П. К. Мармузова, В. П. Распопова, А. С. Смирнова и др. Еще более ограниченно в нем представлены персоналии начальников дивизий: из замещавших в годы гражданской войны эту должность 472 человек отсутствуют персоналии более 350 человек (свыше 70%): полковников М. Н. Васильева, В. Ф. Карпова, Ф. А. Кузнецова, А. Г. Скоробогача, И. Ф. Шарскова; подполковников В. Ф. Грушецкого, М. Е. Медведева, В. И. Солодухина и др. Между тем военные специалисты — командующие армиями и начальники дивизий, а также начальники их штабов, хотя персоналии многих из них и не были помещены в энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР», внесли значительный вклад в строительство Красной Армии и ее победу над силами внутренней и внешней контрреволюции. Поэтому они заслуживают того, чтобы их имена не были преданы забвению.

Методологической основой исследования и важнейшими источниками при изложении поставленных в монографии вопросов являются произведения В. И. Ленина и материалы его «Биографической хроники», решения съездов Коммунистической партии и особенно VIII съезда РКП(б), закрепившего ленинский курс на создание массовой регулярной Красной Армии с широким использованием в ней знаний и опыта военных специалистов, в том числе на высших командных должностях, под контролем военных комиссаров, постановления съездов Советов, и в частности V Всероссийского съезда Советов (июль 1918 г.). В этих материалах содержится ключ к решению основных вопросов темы, раскрывается роль В. И. Ленина, Коммунистической партии и Советского правительства в теоретической разработке и практическом осуществлении основных принципов привлечения бывших генералов и офицеров к военному строительству и защите Советского государства.

* * *

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 526.

² Там же. Т. 34. С. 311, 312; Т. 38. С. 165.

³ См.: Там же. Т. 39. С. 264.

⁴ Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. С. 71.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 142.

⁶ Там же. Т. 35. С. 64.

⁷ Федюкин С. А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965. С. 11.

⁸ Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 208—209.

⁹ Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии, 1917—1921: Сб. документов. М., 1958. С. 346.

¹⁰ Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. С. 95.

¹¹ Болч-Брусевич М. Д. Вся власть Советам. М., 1964. С. 284.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 228.

¹³ Известия ВЦИК, 1919, 3 янв.

¹⁴ Портнов В. П., Славин М. М. Правовые основы строительства Красной Армии, 1918—1920 гг. М., 1985. С. 211—212.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 56.

¹⁶ См.: Там же. С. 168.

¹⁷ Берлин Р. И. Этапы организации и развития Красной Армии. Харьков, 1920; Бубнов А. С. Гражданская война, партия, военное дело. М., 1928; Гусев С. И. Уроки гражданской войны. 2-е изд. М., 1921; Он же. Гражданская война и Красная Армия. М.; Л., 1925; Какурин Н. Е. Как сражалась революция. М.; Л., 1925—1926. Т. 1, 2; Мещин И. Комплектование Красной Армии в 1918—1920 гг. // Гражданская война 1918—1921 гг. М., 1928. Т. 2; Никонов Ф. Главнейшие моменты организации Красной Армии // Там же; Гудачевский М. Н. Избр. произведения. М., 1964. Т. 1; Фрунзе М. В. Собр. соч. М., 1926—1927. Т. 1—3; Ярославский Еж. Новая армия. М., 1918, и др.

¹⁸ Политработа. 1921. № 1/2. С. 36, 37.

¹⁹ Антонов-Дессенко В. А. Строительство Красной Армии в революции. М., 1923. С. 31.

²⁰ Гражданская война 1918—1921 гг. Т. 2. С. 95.

²¹ Большая советская энциклопедия. 1-е изд. Т. 18. Стб. 697.

²² Смирин Л. М., Литвин А. Л. На защите революции: В. И. Ленин, РКП(б) в годы гражданской войны. Л., 1985. С. 45. Подробнее об отношениях И. В. Сталина с военными специалистами см.: Шапошник В. Н. Северо-Кавказский военный округ в 1918 году. Ростов н/Д, 1980; Колесниченко И. К вопросу о конфликте в Революционном совете Южного фронта (сентябрь — октябрь 1918 года) // Во-

ен.-ист. журн. 1962. № 2; Кудашкин Н. Об одной невыполненной директиве Главкома // Там же. № 9, и др.

²³ Правда, 1931, 31 июля.

²⁴ Информационный листок. М., 1934. № 2. С. 35.

²⁵ Федюкин С. А. Советская власть и буржуазные специалисты. С. 8, 9.

²⁶ Шалестов Д. К. Об изучении истории гражданской войны и интервенции // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М., 1962. С. 379.

²⁷ Федюкин С. А. Советская власть и буржуазные специалисты. С. 10.

²⁸ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1968. Т. 3, кн. 2; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 7.

²⁹ Федюкин С. А. Об использовании военных специалистов в Красной Армии // Воен.-ист. журн. 1962. № 6; Он же. Советская власть и буржуазные специалисты. С. 48—94; Он же. Военные специалисты // Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. С. 110—143.

³⁰ Буденный С. М. Пройденный путь. М., 1958. Кн. 1; Грозкий Д. И. Окопная правда. М., 1958; Муромцев И. М. Годы грозные: Воспоминания бывших командиров Морозовско-Донской дивизии. М., 1958; и др. Справедливая критика, в частности, автора первой из указанных книг дана в статьях А. И. Тодорского «Думы участника гражданской войны» (Воен.-ист. журн. 1961. № 2) и «Размышления о прочитанных мемуарах» (Там же. 1962. № 12).

³¹ Никлаев А. М. Борьба Коммунистической партии за создание и подготовку командных кадров Советской Армии (1918—1928 гг.) // Труды Военной академии им. М. В. Фрунзе. 1964. Сб. № 38; Никлаев А. М., Воробьев Д. А. Борьба Коммунистической партии за создание военных кадров (1918—1941 гг.). М., 1956; Он же. Борьба КПСС за создание военных кадров. 2-е изд. испр. и доп. М., 1960; Никлаев А. М. Разработка и осуществление ленинской политики в отношении специалистов старой армии (1917—1920 гг.) // Вопр. истории КПСС. 1968. № 4; Он же. Деятельность КПСС по под-

- готовке военных кадров. М., 1976; *Он же*. Ленинская политика привлечения буржуазных военных специалистов в Красную Армию. М., 1988; *Шагагин Н. И.* Организация и строительство Советской Армии в 1918—1920 гг. М., 1954; *Он же*. Коммунистическая партия — организатор Советской Армии // *Вопр. истории*. 1958. № 1; *Гриншпун Д. М.* Военная деятельность В. И. Ленина. 2-е изд. М., 1960; *Власов Н. И.* В. И. Ленин и строительство Советской Армии. М., 1958; *Кузьмин Н. Ф.* В. И. Ленин во главе обороны Советской страны (1918—1920 гг.). М., 1958; *Цвиганов Н. Н.* Военные вопросы в решениях VIII съезда РКП(б). М., 1960; *Петров Ю. П.* Партийное строительство в Советской Армии и Флоте (1918—1961 гг.). М., 1964; *Данилевский А. Ф.* В. И. Ленин и вопросы военного строительства на VIII съезде РКП(б). М., 1964; *Казукин С. М.* На защите Октября, 1917—1920. М., 1965; *Городецкий Е. Н.* Рождение Советского государства (1917—1918 гг.). М., 1965; *Прошников М. П.* Создание советского центрального аппарата. М., 1966; *Лилицкий С. В.* Военная деятельность ЦК РКП(б), 1917—1920. М., 1973; *Он же*. Ленинское руководство обороной страны, 1917—1920. М., 1979; *Кораблев Ю. И.* В. И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября. 2-е изд. М., 1979; *Петров В. И.* Отражение Страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году. М., 1980; *Азовцев Н. Н.* В. И. Ленин и советская военная наука. 2-е изд. М., 1981; *Миц Н. Н.* Год 1918-й. М., 1982.
- ²² *Волков Н. М.* Строительство Красной Армии в 1918 г. // *Из истории гражданской войны 1918—1919 гг.* М., 1956; *Котов А. Т.* Победа Великой Октябрьской социалистической революции и проблема использования старой интеллигенции // *Учен. зап. Белорус. гос. ин-та физкультуры*. Минск, 1958. Вып. 2; *Домникова В.* Великий Октябрь и создание советских военных кадров // *Воен.-ист. журн.* 1967. № 11; *Винокуров А. В.* Проблема использования военных специалистов в Красной Армии (1917—1920 гг.) в советской историко-партийной литературе // *Из истории борьбы Коммунистической партии за победу буржуазно-демократической и социалистической революций и построение социализма в СССР*. М., 1968; *Зыбин Н. Г.* В. И. Ленин и создание высших органов военного руководства Советского государства (1917—1920 гг.) // *Воен.-ист. журн.* 1968. № 6; *Он же*. В. И. Ленин и начало строительства высших военных органов Советского государства // *Там же*. 1969. № 11; *Хасанов И. З.* Борьба партии за привлечение военных специалистов (1918—1920 гг.) // *Вести ЛГУ*. 1971. № 2. История. Яз. Лит. Вып. 1.
- ²³ *Воен.-ист. журн.* 1965. № 4.
- ²⁴ *Шапошников Б. М.* Воспоминания. 2-е изд. доп. М., 1982; *Спирин Л. М.* Указ. соч.; *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. М., 1973; *Он же*. Офицерский корпус русской армии перед первой мировой войной // *Вопр. истории*. 1981. № 4; *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России, 1861—1904 гг. М., 1979; *Гаврилов Л. М.*, *Кутузов В. В.* Перепись русской армии 25 октября 1917 года // *История СССР*. 1964. № 2; *Буравченков А. А.* Офицерский корпус русской армии накануне Октябрьской революции // *Интеллигенция и революция, XX век*. М., 1985; *Герасимов М. Н.* Пробуждение. М., 1965; и др.
- ²⁵ *Семанов С. Н.* Генерал Брусиллов. М., 1986; *Главкомандующий всеми Вооруженными Силами Республики И. И. Вацетис*: Сб. документов. Рига, 1978; *Горелик Я. М.* Солдат революции: О жизни и деятельности Августа Корка. Таллин, 1969. На эст. яз.; *Он же*. Командарм Александр Кукк. Таллин, 1983; *Он же*. Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников. М., 1961; *Во главе штаба РККА (о П. П. Лебедеве)* // *Наши земляки — герои гражданской войны*. Чебоксары, 1984; *Устюгов В. Н.* Меженников Сергей Александрович // *Вся жизнь — народу*. Пермь, 1984; *Сбойчаков М.*

- Его подвиг*: Н. И. Петин. Архангельск, 1979; *Андрей Евгеньевич Снесарев: Жизнь и деятельность*. М., 1973; *Познанский В. С.* Сибирский красный генерал. 2-е изд. Новосибирск, 1978; *Он же*. Д. М. Карбышев. Новосибирск, 1980; *Ладухин В. И.* В. И. Шорш. Калинин, 1960; и др.
- ²⁶ *Касьяков И.* Оборона Кушки в 1918 г. (А. П. Востросаблин) // *Воен.-ист. журн.* 1962. № 1; *Тракунов М.* Комкор А. И. Геккер // *Там же*. 1966. № 5; *Трифонов В. В.* Военачальник, ученый, педагог (В. Д. Грендаль) // *Там же*. 1984. № 4; *Пенароков А. П.* Историк гражданской войны (И. Е. Какурин) // *Там же*. 1964. № 2; *Он же*. Главком С. С. Каменев // *Там же*. 1966. № 3; *Леонидов Л. Б.* Василий Федорович Новицкий (к столетию со дня рождения) // *Там же*. 1960. № 3; *Ладухин В.* Начальник Полевого штаба Реввоенсовета Республики: (К 100-летию со дня рождения П. П. Лебедева) // *Там же*. 1972. № 4; *Кавтарадзе А. Г.* Командующий Восточным фронтом (В. А. Ольдерогге) // *Там же*. 1981. № 7; *Стебакова Л. Д.* П. Парский // *Там же*. 1966. № 10; *Ангарский М.*, *Цалькович И.* Комкор Н. И. Петин // *Там же*. 1969. № 4; *Кавтарадзе А. Г.* Начальник Всероссийского главного штаба (Н. И. Ратэль) // *Там же*. 1975. № 12; *Агеев А. М.* Военный теоретик и военный историк А. А. Свечин: (К 100-летию со дня рождения) // *Там же*. 1978. № 8; *Геллер Ю.* Комбриг М. С. Свечников // *Там же*. 1967. № 7; *Дудник В.*, *Смирнов Д.* Вся жизнь науке (А. Е. Снесарев) // *Там же*. 1965. № 2; *Ланно Д.* Первый командующий 8-й армией Южного фронта (В. В. Чернавин) // *Там же*. 1974. № 6; *Кавтарадзе А. Г.* Ф. П. Шафалович // *Там же*. 1975. № 1.
- ²⁷ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. М., 1957. (М., 1964); *Брусиллов А. А.* Мои воспоминания. М., 1929; *Из воспоминаний Главкома И. И. Вацетиса* // *Воен.-ист. журн.* 1962. № 4; *Верховский А. И.* На трудном перевале. М., 1959; *Езоров В. Н.* Из жизни Западной завесы // *Этапы большо-*

- го пути*. М., 1963; *Каменев С. С.* Записки о гражданской войне и военном строительстве. М., 1963; *Корк А. И.* Взятие перекопско-юшуньских позиций войсками 6-й армии в ноябре 1920 г. // *Этапы большого пути*; *Меженников С. А.* Борьба за Киев в конце 1919 // *Там же*; *Парский Д. И.* Воспоминания о Ямбургском отряде Красной Армии в марте — апреле 1918 // *Военно-исторический сборник*. М., 1919. Вып. 2; *Самойло А. А.* Две жизни. М., 1958; и др.
- ²⁸ *Ист. арх.* 1962. № 1.
- ²⁹ *Воен.-ист. журн.* 1968. № 1.
- ⁴⁰ *Общее дело*. Париж, 1920. 8 февр.; 1921. 10, 17—20 февр.
- ⁴¹ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Париж, 1924. Т. 3. С. 144.
- ⁴² *Зайцов А. А.* Где был наш Генеральный штаб во время гражданской войны // *Русский инвалид*. 1933. № 36/37; *Он же*. 1918 год: Очерки по истории русской гражданской войны. Париж, 1934. С. 184—187; *Баиов А. К.* Генеральный штаб во время гражданской войны // *Часовой*. 1932. 15 июля.
- ⁴³ *Фоминих С. Ф.* Основные тенденции англо-американской историографии гражданской войны и антисоветской интервенции // *Из истории гражданской войны и интервенции*. 1917—1922. М., 1974. С. 438.
- ⁴⁴ *Федюкин С. А.* Советская власть и буржуазные специалисты. С. 10.
- ⁴⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 350.
- ⁴⁶ *Советская военная энциклопедия*. М., 1976. Т. 2. С. 274.
- ⁴⁷ *Ворошилов К. Е.* Статьи и речи. М., 1936. С. 227.
- ⁴⁸ Последний такой список был издан на 1 января 1910 г.
- ⁴⁹ Чинопроизводство офицеров военного времени в пехоте (в соответствии с занимаемыми ими должностями) проходило так быстро, что они стали «обгонять» по чинам кадровых обер-офицеров, которые служили в кавалерии, артиллерии, инженерных войсках и т. д. Поэтому с целью исправить подобное положение (и одновременно преградить доступ в старший обер-офицерский чин — капитана — демократическим элементам) начиная с 1917 г. и особенно со второй его половины,

производство офицеров военного времени и нехоте из штабе-капитанов в капитаны (даже в том случае, когда занимаемая ими должность соответствовала чину не только капитана, но и подполковника) всеми мерами «затормаживалось» до производства в капитаны кадровых штабе-капитанов в кавалерии и специальных родах войск.

⁵⁰ Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М., 1964. С. 272.

⁵¹ Федюкин С. А. Советская власть и буржуазные специалисты. С. 48; Он же. Великий Октябрь и интеллигенция. С. 110, 140.

⁵² Кавтарадзе А. Г. Некоторые итоги изучения проблемы «Октябрь и военная интеллигенция» // Интеллигенция и революция. XX век. С. 151—158.

⁵³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 182, 183.

⁵⁴ Шелестов Д. К. Новейшая историография гражданской войны в СССР // Вопр. истории. 1968. № 11. С. 161.

⁵⁵ Особенно неполно в указанной энциклопедии представлены персоналии начальников штабов (фронтов, армий и дивизий), большинство из которых являлись военными специалистами (из них свыше 60% были кадровыми офицерами, в том числе офицерами Генерального штаба). Следует отметить, что отсутствие в энциклопедии многих персоналий — командующих армиями, начальников дивизий и т. д. в какой-то степени восполнено во втором томе труда «Гражданская война в СССР» (М., 1986).

Великая Октябрьская социалистическая революция и офицерский корпус русской армии

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС РУССКОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ 1917 г.

Прежде чем рассмотреть состояние офицерского корпуса русской армии на октябрь 1917 г., кратко остановимся на том, что представлял собой этот корпус перед первой мировой войной и какие изменения произошли в нем за три с половиной года. Необходимость такого экскурса диктуется тем, что без него невозможно уяснить отношение российского офицерства к Октябрьской революции и проследить его сложные пути в результате слома старой армии и упразднения офицерского корпуса. Проследить один из этих путей — переход на службу Республике Советов — и составляет основную задачу монографии.

Из табл. 1 видно, что наибольшая численность офицерских чинов была в Петербургском (с учетом Военного министерства), Киевском, Варшавском, Московском и Виленском военных округах; в Петербургском и Московском военных округах было сосредоточено и значительное число военно-учебных заведений: 100% академий, 40 военных (и специальных) училищ и 25% кадетских корпусов.

Что же представлял собой офицерский корпус русской армии в отношении социального и имущественного положения и какие изменения в нем произошли за три с половиной года войны по состоянию на октябрь 1917 г.?

При рассмотрении социального положения российского офицерства советские историки (Л. М. Спирин, П. А. Зайончковский, Л. Г. Протасов, А. П. Корелин, А. А. Буравченков и др.¹) основываются на данных, опубликованных в «Военно-статистическом ежегоднике русской армии на 1912 год». В нем, в частности, говорится, что потомственные дворяне в русской армии составляли: среди генералов — 87,5%, штаб-офицеров — 71,5, обер-офицеров — 50,4%². Между тем приводимые указанными авторами сведения содержат, на наш взгляд, существенный недостаток: в них отсутствует категория «личных дворян»³, к которой принадлежал значительный процент русского офицерства, особенно в чине от подпоручика до подполковника включительно. Что же касается генералов и полковников, то они все относились к потомственным дворянам по происхождению или за службу, в последнем случае, согласно указу от 9 декабря 1856 г., — при производстве в чин полковника. Из данных, приведенных, в ча-

ТАБЛИЦА 1. ШТАТНЫЙ СОСТАВ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА РУССКОЙ АРМИИ ПО ДАННЫМ НА 1 ЯНВАРЯ 1914 Г.^{1*}

	Численность офицеров			
	генералы	штаб-офицеры	обер-офицеры	всего
Военное министерство ^{2*}	191	499	279	969
Военные округа ^{3*} :				
Петербургский (Гвардейский, 1-й, 18-й, 22-й армейские корпуса)	145	864	4203	5212
Виленьский (2-й, 4-й, 20-й армейские корпуса)	98	650	3697	4445
Варшавский (6-й, 14-й, 15-й, 19-й, 23-й армейские корпуса)	133	778	4794	5705
Киевский (10-й, 11-й, 12-й, 21-й армейские корпуса)	114	814	4853	5781
Одесский (7-й, 8-й армейские корпуса)	62	400	1727	2189
Московский (Гренадерский, 5-й, 13-й, 17-й, 25-й армейские корпуса)	100	837	4724	5661
Казанский (16-й, 24-й армейские корпуса)	67	454	2317	2838
Кавказский (1-й, 2-й, 3-й Кавказские армейские корпуса)	83	521	2915	3519
Туркестанский (1-й, 2-й Туркестанские армейские корпуса)	39	269	1172	1480
Омский	20	109	531	660
Иркутский (2-й, 3-й Сибирские армейские корпуса)	47	297	1772	2116
Приамурский (1-й, 4-й, 5-й Сибирские армейские корпуса)	69	456	2737	3262
Итого по округам:	1168	6948	35 721	43 837 ^{4*}
Военно-учебные заведения ^{5*}	95	422	1602 ^{6*}	2119
Всего:	1263	7370	37 323	45 956 ^{7*}

^{1*} Составлено по: Подробная ведомость о штатном числе офицерских... чинов... в регулярных войсках, управлениях, заведениях и учреждениях военного ведомства // ЦГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2885. Л. 81, 82.

^{2*} Военное министерство накануне мировой войны включало девять главных управлений, два управления и шесть управлений генералов-инспекторов; кроме того, в состав Военного министерства входили: Военный совет, Александровский комитет о раненых, Главный военный суд и т. д. См.: Адрес-календарь: Общая роспись начальствующим и другим должностным лицам по всем управлениям в Российской империи за 1913 г. СПб., 1913.

^{3*} Состав военных округов по губерниям и уездам см.: Военно-статистический ежегодник за 1912 г. СПб., 1914. С. 473—515.

^{4*} В том числе 27 генералов, 241 штаб- и 2129 обер-офицеров казачьих войск. При этом в строевых частях русской армии существовал «некомплект», который на апрель 1914 г. составлял 3380 обер-офицеров (ЦГВИА. Научно-справочная библиотека. Всеподданнейший доклад Военного министерства за 1914 г. С. 1).

^{5*} К Октябрю 1917 г. в русской армии были следующие средние военно-учебные заведения: Пажеский корпус (привилегированное заведение, состоявшее из пяти старших классов кадетских корпусов и двух специальных классов с курсом военных училищ); военные училища: Александровское, Алексеевское, Владимир-

ское, Виленское, Иркутское, Казанское, Киевское (с июля 1914 по октябрь 1915 г. — 1-е Киевское), Николаевское (с июля 1914 по октябрь 1915 г. — 2-е Киевское), Одесское, Павловское, Ташкентское, Тифлиское, Чугуевское; кавалерийские училища: Елизаветградское, Николаевское, Тверское; казачьи училища: Новочеркасское, Оренбургское; артиллерийские училища: Константиновское, Михайловское, Николаевское, Сергиевское; инженерные училища: Алексеевское, Николаевское; Военно-топографическое. Всего в Пажеском корпусе и 25 училищах было 780 генералов, штаб- и обер-офицеров и 10 178 юнкеров (из них 330 пажей). Хотелось бы особо отметить, что в русской армии с 1910 г. «юнкерских училищ», о которых часто говорится в советской исторической литературе, уже не было: приказами по военному ведомству № 62 и 243 от 1910 г. последние юнкерские училища (Одесское, Чугуевское, Виленское, Тифлиское пехотные, Тверское кавалерийское, Новочеркасское, Оренбургское казачьи) были переименованы в военные (соответственно в кавалерийские и казачьи) училища. В русской армии было 29 кадетских корпусов, в которых по штату состояло 785 генералов, штаб- и обер-офицеров и 11 618 кадетов. См.: Общий состав чинов. I. Управление генерал-инспектора военно-учебных заведений. II. Главного управления сил заведений. III. Всех военно-учебных заведений, подведомственных названному Главному управлению. СПб., 1914 г.

По данным, приведенным в работе П. А. Зайончковского, «подавляющая часть офицеров — потомственных дворян (по

стности, в работах Зайончковского и Корелина, видно, что удельный вес потомственных дворян по происхождению (родовых дворян) составлял в офицерском корпусе русской армии на 1895 г. 50,8%¹, на 1897 г. — 51,9%² (значительно более высокий процент родовых дворян сохранялся в привилегированных полках гвардии, особенно в гвардейской кавалерии). Однако накануне мировой войны, в результате определенной демократизации офицерского корпуса, что явилось следствием реформ после поражения царизма в русско-японской войне, удельный вес потомственных дворян по происхождению становится уже менее 50%, подтверждением чему может служить корпус офицеров Генерального штаба. Так, при его общей численности накануне мировой войны в 1135 человек из 425 генералов потомственных дворян по происхождению было 184 (43%), из 472 штаб-офицеров — 159 (33), из 238 обер-офицеров — 106 (44%), т. е. в среднем потомственные дворяне составляли около 40%³.

^{1*} В том числе офицеры, обучавшиеся в пяти академиях: Николаевской военной (до 1909 г. — Генерального штаба), Михайловской артиллерийской, Николаевской инженерной, Александровской военно-юридической, Интендантской и в офицерских школах (Стрелковой, Кавалерийской, Электротехнической, Воздухоплавательной и др.).

^{2*} В это число не входят: офицеры Отдельного корпуса пограничной стражи (27 генералов, 280 штаб- и 1338 обер-офицеров), который в мирное время имел двойное подчинение: его шефом был министр финансов, вопросы же укомплектования, размещения, обучения и т. д. находились в ведении военного министра; офицеры Отдельного корпуса жандармов (35 генералов, 407 штаб- и 555 обер-офицеров), подчинявшегося министру внутренних дел (после Февральской революции этот корпус был упразднен, многие генералы и старшие офицеры уволены, а младшие офицеры направлены в Действующую армию); примерно 200 генералов, штаб- и обер-офицеров казачьих войск, проходивших службу во внутреннем военном управлении во всех 11 казачьих войсках (Донском, Кубанском, Терском, Оренбургском, Забайкальском, Сибирском, Уральском, Семиреченском, Астраханском, Амурском, Уссурийском, по данным на 1 апреля 1912 г.).

происхождению.— А. К.) не имела никакой собственности⁷; исключение составляла гвардия. Поэтому можно согласиться с мнением А. П. Корелина, что «в целом для большинства (по нашему мнению, для подавляющего большинства.— А. К.) офицеров жалование (а после выхода в отставку — пенсия.— А. К.) представляло единственный источник средств существования»⁸.

Таким образом, несмотря на то что в сословном отношении офицерский корпус русской армии накануне мировой войны «сохранял в основном дворянский характер»⁹, родовое дворянство (исключая офицерство, относившееся к наиболее привилегированным полкам гвардии и особенно гвардейской кавалерии) было, как правило, беспоместным, а среди служилого дворянства высокий процент составляли разночинцы, хотя, как справедливо подчеркивает П. А. Зайончковский, это отнюдь не означало господства в офицерском корпусе «разночинной идеологии»¹⁰. Поэтому положение о том, что офицерский корпус русской армии был «буржуазно-помещичьим» или что он состоял, «как правило», «в подавляющем большинстве» из выходцев или представителей «эксплуататорских классов»¹¹, не может быть, как нам представляется, признано правомерным ни для времени накануне мировой войны, ни тем более для осени 1917 г.

Коренные изменения в офицерском корпусе русской армии, особенно его обер-офицерском составе, который превышал 80% численности этого корпуса, произошли за время мировой войны.

12 июля 1914 г., на месяц раньше срока, был произведен в офицеры 2831 человек¹², а с объявлением мобилизации 18 июля призваны офицеры из запаса и отставки, в результате чего общая численность офицерского состава достигла 80 тыс.¹³ С начала войны — хотя и с сокращенным сроком обучения, но с чином «подпоручик» (т. е. с правами кадровых офицеров) — были выпущены: 24 августа — 350 человек в артиллерию, 1 октября — 2500 человек в пехоту, 1 декабря (последний выпуск подпоручиков) — 455 человек в артиллерию и 99 — в инженерные войска¹⁴.

Большие потери офицерского состава, особенно в пехоте¹⁵, расширение масштабов войны и необходимость в связи с этим формирования новых соединений и частей¹⁶ потребовали значительного увеличения численности офицерского корпуса. Для этого была начата в широких масштабах подготовка офицеров военного времени — прапорщиков¹⁷ путем перевода военных и специальных училищ на ускоренный (3—4-месячный для пехоты и 6-месячный для кавалерии, артиллерии и инженерных войск) курс обучения (причем в 1915 г. в Киеве были учреждены два военных училища — Николаевское артиллерийское и Алексеевское инженерное) и открытия школ прапорщиков с такими же сроками обучения (всего была открыта 41 школа)¹⁸. Подготовка офицеров военного времени проводилась также в школах прапорщиков ополчения; в школах, созданных при фронтах и отдельных армиях; при запасных пехотных и артиллерийских

бригадах; при некоторых кадетских корпусах¹⁹, и т. д. Кроме того, в чин прапорщика производились и без прохождения ускоренного курса в училищах и школах прапорщиков вольноопределяющиеся, «охотники» и так называемые «жеребьевые 1-го разряда по образованию», поступившие на действительную военную службу по жребию к 1 января 1914 г. (по Уставу о воинской повинности 1912 г.), а также тысячи унтер-офицеров и солдат за боевые отличия, юнкера «ударных батальонов» после первых же боев, в которых они участвовали, независимо от времени их пребывания в военном училище или школе прапорщиков²⁰ и т. д. Первый выпуск прапорщиков пехоты — офицеров военного времени — из военных училищ численностью 4 тыс. человек состоялся 1 декабря 1914 г., всего же до 10 мая 1917 г. было подготовлено свыше 170 тыс. прапорщиков (табл. 2).

Для того чтобы выяснить, сколько же всего было выпущено офицеров военного времени по октябрь 1917 г. включительно, воспользуемся вспомогательными данными. Так, в течение десяти месяцев 1917 г. из школ подготовки прапорщиков пехоты было выпущено около 39 тыс. человек, из Петроградской школы подготовки прапорщиков инженерных войск — 830, из Екатеринодарской школы подготовки прапорщиков казачьих войск — 400 человек. Из военных училищ после окончания ускоренного курса за тот же период было выпущено офицерами 24 532 человека, из специальных военных училищ (артиллерийских и инженерных) — 3675 человек²¹; с 11 мая по октябрь 1917 г. было три выпуска из казачьих училищ (два из Новочеркасского и один из Оренбургского) — всего 600 прапорщиков казачьих войск.

Приведенные цифры в основном характеризуют численность прапорщиков, выпущенных из военных (специальных) училищ и школ прапорщиков за 10 месяцев (с января по октябрь 1917 г.). Следовательно, мы можем принять, что за 6 месяцев (с мая по октябрь) была выпущена в среднем половина этого числа.

Таким образом, общее количество офицеров военного времени, подготовленных в военных и специальных училищах и в школах прапорщиков пехоты и специальных войск, по состоянию на октябрь 1917 г. может быть представлено следующим образом: подготовлено прапорщиков с 1 декабря 1914 по 10 мая 1917 г. 172 358 человек; выпущено из военных, специальных и казачьих училищ с 11 мая по октябрь 1917 г. 14 700 человек; выпущено из школ прапорщиков пехоты, инженерных и казачьих войск с 11 мая по октябрь 1917 г. 20 115 человек; всего около 207 тыс. человек. Если к этому прибавить произведенных в прапорщики за время июньского наступления 1917 г. юнкеров, унтер-офицеров и солдат «ударных батальонов», «батальонов смерти» и т. д., то можно в целом согласиться с мнением Л. М. Спирина, что всего за время войны в прапорщики было произведено около 220 тыс. человек²².

ТАБЛИЦА 2. ЧИСЛЕННОСТЬ ОФИЦЕРОВ, ВЫПУЩЕННЫХ ИЗ ПАЖЕСКОГО КОРПУСА, ВОЕННЫХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧИЛИЩ, А ТАКЖЕ ПРОИЗВЕДЕННЫХ В ЧИН ПРАПОРЩИКА ЗА БОЕВЫЕ ОТЛИЧИЯ С 1 ДЕКАБРЯ 1914 ПО 10 МАЯ 1917 Г.¹⁸

Категория прапорщиков	Год и номер приказа по военному ведомству	Число прапорщиков
Окончили ускоренные курсы при Пажеском корпусе, военных и специальных училищах	1914, № 689, 756 1916, № 3091	63 785
Произведены в чин прапорщика по выдержанию экзамена в инженерных училищах по программе ускоренного курса	1915, № 618	96
Окончили школы подготовки прапорщиков пехоты, комплектуемые воспитанниками высших учебных заведений ¹⁹	1916, № 162	7 429
Произведены в чин прапорщика за боевые отличия как пользующиеся правами по образованию, так и не имеющие таких прав	1914, № 617	11 494
Выпущены из школ подготовки прапорщиков пехоты, школ прапорщиков ополчения и школ прапорщиков инженерных и казачьих войск ²⁰	1914, № 742 1915, № 189, 228, 689 1916, № 622	81 426
Произведены в чин прапорщика на фронте или в тылу по «удостоению строевого начальства» для пополнения некомплекта (1-го и 2-го разрядов по образованию)	1914, № 587 1915, № 110, 423	8 128
Всего прапорщиков		172 358

¹⁸ Составлено по: ЦГВИА. Ф. 2015. Оп. 1. Д. 4. Л. 5 об. — 6.

¹⁹ Для подготовки офицеров пехоты военного времени из воспитанников высших учебных заведений было выделено 12 школ прапорщиков на 500 юнкеров и одна школа прапорщиков инженерных войск на 500 юнкеров (ЦГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 264. Л. 1, 2). После одного выпуска эти школы прапорщиков были реформированы в школы, комплектуемые на общих основаниях.

²⁰ В отношении этих прапорщиков было сказано: «Правами офицеров действительной службы не пользуются; по демобилизации армии подлежат увольнению в запас или ополчение» (ЦГВИА. Ф. 2015. Оп. 1. Д. 4. Л. 5).

Необходимость подготовки такого количества командного состава диктовалась тем, что кадровый состав основного рода войск — пехоты понес тяжелые потери уже в боях первых месяцев войны и был «добит» во время летнего отступления 1915 г.; уже к концу этого года подавляющее большинство ротных и даже часть батальонных командиров были офицерами военного времени. В результате к осени 1917 г. в пехотных полках командный состав можно было разделить на две неравные, резко отличавшиеся друг от друга части — кадровых офицеров (главным образом начавших войну младшими офицерами), в какой-то степени еще сохранивших свои сословные признаки, и офицеров

военного времени, которые в своем подавляющем большинстве представляли мелкую и среднюю буржуазию, интеллигенцию, служащих. Первые составляли около 4% от всего офицерского состава²¹ (т. е. 1–2 кадровых офицера на полк), остальные 96% были офицерами военного времени²².

Большинство из оставшихся в строю прапорщиков выпусков конца 1914 — первой половины 1915 г., получив боевой опыт, к октябрю 1917 г. были уже поручиками и штабс-капитанами²³, многие из них успешно командовали ротами и даже батальонами. Прапорщики, выпущенные во второй половине 1916 г., и особенно в 1917 г. (они составляли не менее 50% от общего числа офицеров военного времени), имели значительно меньший боевой опыт, а многие из них вообще его не имели. Подобное положение можно объяснить тем, что боевых потерь с весны 1917 г. по сравнению с первыми двумя годами войны было относительно мало, производство же офицеров военного времени шло прежним, усиленным темпом, и на фронт поступали тысячи молодых офицеров.

Отсутствие достаточного боевого опыта у офицеров военного времени могло быть в какой-то степени возмещено их теоретической подготовкой — общеобразовательной и специальной военной. Однако общеобразовательный ценз офицеров военного времени был невысок: несмотря на его разнообразие — от примитивной грамотности до законченного высшего образования, в целом свыше 50% офицеров военного времени не имели даже общего среднего образования. Что же касается специальной военной подготовки, то ее также нельзя было считать удовлетворительной, особенно у окончивших 3-месячный курс школ подготовки прапорщиков (уровень общеобразовательной и военной подготовки был выше у офицеров военного времени, окончивших кадетские корпуса).

Таким образом, к осени 1917 г. командный состав Действующей армии, составлявший почти 70% численности офицерского корпуса, практически соответствовал числу лиц в России того времени, имевших какое-либо образование (хотя бы и низшее); все такие лица призывного возраста, годные по состоянию здоровья к военной службе, становились офицерами²⁴. Основная их масса происходила из мелкой и средней буржуазии, интеллигенции, служащих и даже из рабочих, но их было немного²⁵. Следует особо подчеркнуть, что до 80% прапорщиков происходили из крестьян и только 4% — из дворян²⁶.

Важным источником для характеристики социального состава офицеров военного времени является доклад генерала А. А. Адлерберга, состоявшего в распоряжении верховного главнокомандующего, о результатах осмотра запасных батальонов в конце 1915 г. В докладе отмечалось, что «большинство прапорщиков состоит из крайне нежелательных для офицерской среды элементов» (среди них были чернорабочие, слесари, каменщики, подотеры, буфетчики и т. д.). Вследствие того что «низкие чины

часто, не спросив даже разрешения, отираются держать экзамены», имели место факты, когда «совершенно негодные нижние чины» попадали в прапорщики. В соответствии с резолюцией на этом документе Николая II — «на это надо обратить серьезное внимание» — военный министр предписал начальнику Главного управления военно-учебных заведений «при приемах в военные училища молодых людей со стороны (т. е. не из кадетских корпусов.— А. К.) обращать строгое внимание на соответствие кандидатов офицерскому званию, нижних же чинов принимать в военные училища при обязательном условии удостаивания (согласно.— А. К.) их к тому начальством»²⁸. Приведенный документ является еще одним доказательством того, что основную массу строевого офицерства русской армии в годы первой мировой войны никак нельзя относить к «буржуазно-помещичьим» кругам России. Ошибочной также является точка зрения некоторых советских историков, и в частности Ю. П. Петрова, согласно которой «офицерский корпус старой русской армии... комплектовался из представителей господствующих классов — помещиков и буржуазии» и лишь в связи со значительным увеличением численности этого корпуса в его среду получили «некоторый доступ» представители демократических элементов²⁹. Между тем из вышесказанного видно, что этот «некоторый доступ» в офицерский корпус демократических элементов практически означал, что они составляли свыше 80% офицеров военного времени. Что же касается генералов и штаб-офицеров, то можно согласиться с мнением Л. М. Спирина, что за время войны социальный состав генералов претерпел незначительные изменения, а среди штаб-офицеров несколько возросло число представителей буржуазии. Таким образом, к осени 1917 г. «верхушка офицерского корпуса по-прежнему оставалась дворянской»³¹.

В исторической литературе в отношении численности офицерского корпуса русской армии по состоянию на октябрь 1917 г. существуют различные точки зрения: Л. М. Спирин определяет ее в 240 тыс. человек³², А. А. Буравченков — в 275—280 тыс.³³, а Г. Е. Зиновьев доводит до полумиллиона³⁴.

По нашему мнению, этот вопрос требует специального всестороннего исследования. Но в интересах темы целесообразно сделать попытку, не претендуя на исчерпывающую точность приводимых данных, высказать следующие соображения. Как отмечалось выше, после проведения мобилизации офицеров, состоявших в запасе и бывших в отставке, а также досрочных выпусков офицеров из военных и специальных училищ численность офицерского корпуса достигла 80 тыс. человек. За время войны в него влилось примерно 220 тыс. прапорщиков. Потери офицерского состава за время войны достигли 71 298 человек³⁵, из них вернулось в строй (после излечения ранений, контузий, болезней и т. д.) до 20 тыс. человек³⁶. Таким образом, можно принять численность офицерского корпуса русской армии к октябрю 1917 г. в 250 тыс. человек.

ОКтябрьская революция. Слом старой армии. Судьбы русского офицерства

25 октября (7 ноября) 1917 г.³⁷ свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, которая открыла новую эру в истории человечества.

Как писал Е. Н. Городецкий, к этому времени русская армия состояла из двух частей: с одной стороны, из миллионов одетых в солдатские шинели крестьян и рабочих, которые принимали активное участие в Февральской революции, а после Октябрьской революции — в борьбе за демократические переустройства в армии и за мир, и, с другой стороны, 250-тысячного офицерского корпуса, который в отличие от революционной армии Ленин называл контрреволюционными верхами³⁸.

В результате подобного подхода к проблеме в советской историографии закрепился своего рода стереотип: подавляющее большинство генералов и офицеров русской армии, как это и подобает контрреволюционным элементам, не только враждебно встретили Октябрьскую революцию, но сразу же бежали «на Дон и на Восток»³⁹, чтобы начать вооруженную борьбу против Советской власти. И. З. Хасанов, например, пишет, что после Октябрьской революции «подавляющее большинство офицеров и генералов царской армии выступило против Советской власти...»⁴⁰; Ю. И. Кораблев говорит о «значительной части офицерского состава» и «большой части генералитета» как о противниках власти Советов⁴¹; Н. И. Шатагин считает, что «многие из них (т. е. генералов и офицеров.— А. К.) с первых же дней Октябрьской революции перешли в лагерь контрреволюции и стали сколачивать белогвардейские войска для борьбы против Советской Республики»⁴².

Если согласиться с приведенными высказываниями, следует принять следующую схему: «подавляющее большинство» генералов и офицеров русской армии (из принятой нами численности в 250 тыс. человек, скажем, более 200 тыс.), встретив враждебно Октябрьскую революцию, бежали «на Дон и на Восток», чтобы выступить против нее с оружием в руках. Однако подобная схема нам представляется не только слишком упрощенной, но и неверной. По нашему мнению, отношение русского офицерства к Октябрьской революции, его размежевание после Октября имели более глубокие корни и зависели от многих обстоятельств объективного и субъективного характера, без выяснения которых невозможно разрешить этот вопрос.

Прежде всего следует особо подчеркнуть, что поляризация офицерского корпуса русской армии началась задолго до Октябрьской революции, еще в ходе мировой войны, когда кадровый офицерский состав Действующей армии понес тяжелые потери и офицерский корпус пополнился 220 тыс. офицеров военного времени, т. е. в 4,5 раза больше, чем было кадровых офицеров накануне первой мировой войны.

Известно, что офицерский состав императорской армии относился к свержению самодержавия в целом без активного противодействия, а в своем большинстве даже сочувственно. Особенно это относилось к офицерству Действующей армии. Достаточно сказать, что даже самые «верхи» армии — начальник штаба верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев и все главнокомандующие армиями фронтов — генералы Н. В. Рузский (Северный фронт), А. Е. Эверт (Западный фронт), А. А. Брусиллов (Юго-Западный фронт), В. В. Сахаров (Румынский фронт), великий князь Николай Николаевич (Кавказский фронт) высказались за отречение Николая II от престола. Из всех высших военачальников (в звене армия — корпус) только генералы Ф. А. Келлер и Хан-Гуссейн-Нахичеванский (командиры 3-го и Гвардейского кавалерийских корпусов) сделали попытку встать на защиту последнего российского самодержавца. Сочувственное отношение офицерского состава к падению самодержавия выразилось прежде всего в том, что как в Действующей армии, так и в тыловых округах присяга Временному правительству прошла, за редким исключением, сравнительно гладко. Из этого, конечно, не следует, что подавляющее большинство генералов и офицеров после Февральской революции стали республиканцами: бесславный финал самодержавного правления Николая II убедил их в необходимости изменения государственного правления России.

После Февральской революции офицерский корпус русской армии претерпел значительные изменения. Временное правительство уволило из армии сотни генералов, занимавших при самодержавии высшие строевые и административные должности (достаточно сказать, что были уволены 70 начальников дивизий, т. е. 25% от их общего числа). Многие генералы, отрицательно относившиеся к проводимым в армии реформам и выслужившие право на пенсию, уходили из армии сами, причем Временное правительство уже первыми своими постановлениями от 4 и 10 марта 1917 г. узаконило им высокие пенсии.

Февральская революция значительно осложнила положение офицерского корпуса. Приказ № 1 Петроградского Совета «вырвал Петроградский гарнизон из-под власти офицерства»⁴³; вышедшая 1 марта листовка «Товарищи солдаты» призывала солдат, чтобы их «не обманули дворяне и офицеры — эта романовская шайка», взять «власть в свои руки», выбирать самим «сводных, ротных и полковых командиров» и «ротные комитеты», под контролем которых должны были находиться все офицеры⁴⁴. Уже 6 марта 1917 г. главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Рузский телеграфировал начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу Алексееву: «Ежедневные публичные аресты генеральских и офицерских чинов (в Пскове, Двинске и других городах. — А. К.), несмотря на признание всеми нового государственного строя, производимые при этом в оскорбительной форме, ставят командный состав армии... в безвыходное положение... Вместе с арестами продолжа-

ется, особенно на железнодорожных станциях, обезоруживание офицеров, в том числе едущих на фронт...». В этих условиях представляется вполне реальной опасность разложения армии, что ставит под сомнение возможность «успешной борьбы с нашим противником»⁴⁵. Состоявшийся в апреле 1917 г. съезд депутатов армий и тыла Западного фронта в принятом им «Проекте устава Западного фронта» постановил упразднить офицерские звания, предоставил солдатским комитетам право контроля за боевой подготовкой частей и ведением боя, отвода и аттестации командного состава и т. д.⁴⁶ В это же время Ставка сообщала, что в армии «повторяются случаи насильственного удаления самозваными комитетами начальствующих лиц», и в связи с этим требовала самыми решительными мерами «сравнительного и служебного воздействия» возвращать удаленных начальников на свои места, ибо в противном случае «фактически установится выборное начало, губительное для армии»⁴⁷.

Однако остановить процесс революционизирования солдатских масс, все возрастающий антагонизм между ними и офицерским составом Временное правительство уже не могло. Позорный провал июньского наступления показал, что солдатские массы, несмотря на все репрессии вплоть до введения на фронте смертной казни, не желают продолжать войну в интересах антинародного Временного правительства. Июльские события в Петрограде, Государственное совещание в Москве и т. д. означали мобилизацию сил контрреволюции в стране и армии и открывали дорогу военной диктатуре — последнему средству для разгрома революционных сил.

Попытка Корнилова в конце августа 1917 г. выдвинуться на роль русского Кавеньяка окончилась не только провалом с последующим арестом организаторов мятежа, но и отразилась на положении офицерства как Действующей армии, так и внутренних военных округов. Корниловщина внесла раскол в среду офицерства, разделив его на сторонников военной диктатуры и ее противников, образовала непреодолимую пропасть между командным составом и солдатской массой, вызвав ненависть ко всем офицерам независимо от их служебного положения и социального происхождения. В Действующей армии и во внутренних военных округах прошла волна самосудов над офицерами (в частности, убийство 29 августа в Выборге одиннадцати офицеров 42-го Отдельного армейского корпуса, в том числе его командира генерала В. А. Орановского), из полков по требованию солдат изгонялись ненавистные и не пользовавшиеся у них доверием офицеры. Так, например, из 708-го пехотного Россненского полка (177-я пехотная дивизия), как пишет в своих воспоминаниях ротный командир этого полка М. Н. Герасимов, были изгнаны 23 офицера (т. е. 20% офицеров полка)⁴⁸. Следует отметить, что солдаты зачисляли в разряд «корниловцев» и «контрреволюционеров» не только тех, кто был причастен в той или иной мере к мятежу Корнилова, но часто и вообще всех офицеров, ко-

торые продолжали требовать выполнения обязанностей службы и не сумели найти общего языка с солдатами и их комитетами.

В исторической литературе нет данных о том, сколько всего офицеров было изгнано из Действующей армии, а также из внутренних военных округов после ликвидации корниловского мятежа. Но количество таких офицеров в строевых частях Действующей армии можно приблизительно принять в 10 тыс. Справедливость этой цифры доказывают результаты однодневной переписи личного состава Действующей армии 25 октября 1917 г.: разница между списочным (157 773 человека) и наличным (138 473 человека) составом офицеров была свыше 19,3 тыс. (они значились как находившиеся «в отпуску», но отпускники, безусловно, составляли менее половины указанного числа). Нам здесь важно подчеркнуть, что после корниловщины «доверие к офицерам, кое-где еще сохранившееся, было окончательно подорвано»⁴⁹.

В сентябре—октябре 1917 г. революционизирование и распад старой русской армии продолжали нарастать быстрыми темпами, что вынужден был признать даже комиссар Временного правительства при Ставке В. Б. Станкевич: «Трудно представить себе более неприглядную картину. Но зато нетрудно учесть последствия: армия разваливалась, армия потеряла способность быть управляемой»⁵⁰. Справедливость этих слов подтверждали, в частности, и два видных генерала русской армии — В. Н. Егорьев, один из первых генералов, перешедших на сторону Советской власти, и А. И. Деникин, впоследствии один из организаторов белого движения на Юге страны. Первый из них писал, что разложение старой армии проходило в процессе событий, «непосредственно связанных с войной», и что только «большевистская пропаганда» и только в самое последнее время внесла в это стихийное разложение «некоторую революционную целесообразность и революционный темп развития»⁵¹. Деникин же, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к большевикам, высказался более определенно: «Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие...»⁵². Большевики не несли ответственности за разложение русской армии в 1917 г., все эти обвинения нужны были, как писал В. И. Ленин, лишь для того, чтобы «заткнуть рот большевикам»⁵³.

Сделаем попытку определить, хотя бы приблизительно, какой же процент российского офицерства из общей его численности, принятой нами в 250 тыс. человек, встретив Октябрьскую революцию враждебно, сразу же выступил против нее с оружием в руках?

Как известно, главной силой мятежа Керенского—Краснова, начатого 26 октября (8 ноября), был 3-й конный корпус в составе 1-й Донской казачьей и Уссурийской конной дивизий. По штату в первой из них было 104 офицера и 3836 казаков, во второй — 92 офицера и 4364 казака⁵⁴; кроме того, следует учиты-

вать офицеров штаба корпуса, поддерживающих частей и т. д. — еще около 100 человек. В бою под Пулковом 30 октября (12 ноября) участвовали девять неполных сотен 9-го и 10-го Донских казачьих полков⁵⁵, 18 орудий, броневик и бронепоезд с общим числом офицеров не более 100⁵⁶.

Известно так же, что 29 октября (11 ноября) в Петрограде произошел юнкерский мятеж, в задачу которого входили захват важнейших опорных пунктов Петрограда для содействия 3-му конному корпусу в овладении столицей. Предполагалось, что в мятеже примут участие юнкера ряда училищ (Павловского и Владимирского военных, Николаевского кавалерийского, Михайловского и Константиновского артиллерийских, Николаевского инженерного), ударники из дворца М. Ф. Кшесинской. Однако почти все они были своевременно разоружены (или нейтрализованы) и «активного участия в мятеже не приняли»⁵⁷; в мятеже участвовали «около 800 юнкеров и ударников, разбросанных в различных частях города»⁵⁸ (предположим, что вместе с юнкерами и ударниками были положенные по штату офицеры). К 17 часам «значительная часть юнкеров разбежалась», оставшиеся были разоружены и отправлены в Петропавловскую крепость⁵⁹, многие из них вскоре выпущены. Фактически оказало сопротивление революционным войскам на протяжении нескольких часов лишь Владимирское военное училище. В нем по штату было 8 рот (из них 7-я и 8-я роты в мятеже не участвовали; из дислоцировавшихся в здании училища шесть рот три (до 400 юнкеров) в мятеже также не участвовали, так как 9 октября половина юнкеров были выпущены в офицеры), 76 строевых офицеров (кроме положенных в роте по штату 4 младших офицеров, в годы войны к ним прикомандировали четырех помощников из окончивших училище прапорщиков) и 1 тыс. юнкеров. Потери последних составили до 200 человек⁶⁰; остальные были арестованы, а затем освобождены.

В боях в Москве 27 октября — 1 ноября (9—14 ноября) наиболее активную роль играли Александровское и Алексеевское военные училища, насчитывавшие 2 тыс. юнкеров при 150 строевых офицерах. Однако в вооруженном выступлении на стороне городской думы и «Комитета общественной безопасности» приняло участие ограниченное число офицеров. Так, к 10 часам утра 27 октября (9 ноября) на плацу Александровского военного училища «собралось несколько сот юнкеров и очень мало офицеров. Среди училищных офицеров оказались подавшие рапорта о болезни, а то и просто не явившиеся без указания причин»⁶¹. Не оправдались надежды и на присоединение к вооруженному выступлению хотя бы части офицеров из нескольких десятков тысяч, находившихся к этому времени в Москве. «Офицеров откликнулось мало — необходим был приказ от авторитетного возглавления, чтобы поднять эту массу», но генерал А. А. Брусилов отказался стать во главе вооруженного выступления, не проявив в этом отношении инициативу и другие находившиеся в Моск-

ве известные военачальники⁶². Что же касается шести московских школ прапорщиков, то в вооруженном выступлении приняли, и то ограниченно, участие лишь юнкера 2-й школы; юнкера же остальных школ, как, например, 6-й, расположенной в Кремле и укомплектованной подпрапорщиками-фронтовиками, объявили «нейтралитет», а юнкера расположенной около Смоленского рынка 4-й школы вообще оставались в своих казармах.

Таким образом, из находившихся в двух столицах нескольких десятков тысяч офицеров против Октябрьской революции сразу же выступили максимум четыре сотни офицеров.

Сразу после побед Октября возникли три главных контрреволюционных очага на окраинах страны — на Дону, в Оренбуржье и Забайкалье. Почти все строевые части Донского, Оренбургского и Забайкальского казачьих войск находились в Действующей армии, некоторые полки — в Петрограде и Москве. На территории же указанных казачьих войск с началом мировой войны оставалось лишь внутреннее военное и местное управление, в котором было всего 97 офицеров (из них в Донском — 48, Оренбургском — 28 и Забайкальском — 21)⁶³, не считая состоявших в отставке, раненых и выздоравливавших, находившихся в отпуске и т. д. Об ограниченном числе строевых офицеров, в частности на Дону, свидетельствует тот факт, что Каледин, начав мятеж 25 октября (7 ноября), сумел выделить для поддержки вооруженного восстания юнкеров в Москве всего бригаду 7-й Донской казачьей дивизии (21-й и 41-й Донские казачьи полки) с 15-й Донской казачьей батареей⁶⁴. Однако, получив известия о подавлении мятежей Керенского—Краснова и юнкерских в столицах, Каледин отменил даже этот свой приказ. Вооруженные же выступления части оренбургского казачества во главе с войсковым старшиной А. И. Дутовым и отряда забайкальских казаков, возглавляемого есаулом Г. М. Семеновым, как известно, были сравнительно легко пресечены революционными войсками.

Наиболее серьезный очаг контрреволюции возник в начале ноября на Дону, куда из Действующей армии, различных городов (прежде всего Петрограда и Москвы) устремилось значительное число офицеров. Ядро этого офицерства составили изгнанные из Действующей армии и запасных полков корниловцы и другие контрреволюционно настроенные элементы. Они видели выход из создавшегося положения только в установлении военной диктатуры, чтобы «огнем и мечом» подавить в стране революцию. Нельзя, однако, сбрасывать со счетов то, что среди этих офицеров были и такие, которые не принимали активного участия в корниловском мятеже, не изгонялись солдатами из частей и т. д., а оказались на Дону в силу других обстоятельств.

25 октября (7 ноября) Петроградский Военно-революционный комитет издал приказ армейским комитетам и Советам солдатских депутатов, в котором призвал «революционных солдат бдительно следить за поведением командного состава»; офицеры, которые «прямо и открыто» не присоединятся к совершившейся

революции, должны были быть «немедленно арестованы, как враги». Насколько важное значение придавалось выполнению этого приказа, доказывают содержащиеся в нем требование «немедленно огласить» приказ перед частями «всех родов оружия» и предупреждение, что сокрытие его от солдатских масс расценивается как тягчайшее преступление перед революцией и будет «караться по всей строгости революционного закона»⁶⁵. Присоединиться к Октябрьской революции «прямо и открыто» могли лишь те сравнительно немногочисленные офицеры, которые уже были членами партии большевиков, стояли на ее платформе или хотя бы ей сочувствовали. Подавляющему же большинству генералов и офицеров (особенно кадровых) выполнить это требование было более чем сложно: прежде чем принять решение присоединиться или нет к Октябрьской революции, им необходимо было время для того, чтобы разобраться в создавшейся обстановке. В результате, чтобы не оказаться в положении арестованных, многие офицеры предпочли бежать на Дон, хотя это и было связано с большими опасностями, так как со стороны органов Советской власти принимались достаточно эффективные и суровые меры, чтобы не допустить сосредоточения сил контрреволюции на Юге России.

В Новочеркасске 2 (15) ноября 1917 г. возникла так называемая «Алексеевская организация» (по имени ее организатора генерала М. В. Алексеева), ставшая ядром Добровольческой армии, создание которой было провозглашено 25 декабря 1917 г. (7 января 1918 г.). Численность ее к 9 февраля 1918 г., когда добровольцы из станиц Ольгинской вышли в свой «1-й Кубанский поход», составляла около 3700 человек, в том числе примерно 2350 офицеров⁶⁶. Из этого числа 500 были кадровыми офицерами, в том числе 36 генералов и 242 штаб-офицера (24 из них были офицерами Генерального штаба) и 1848 — офицерами военного времени (не считая капитанов, которые относились к кадровым): штабс-капитанов — 251, поручиков — 394, подпоручиков — 535 и прапорщиков — 668 (в том числе произведенных в этот чин из юнкеров).

Наличие в Добровольческой армии значительного числа офицеров военного времени объясняется тем, что часть этой категории офицеров отнеслась к Октябрьской революции враждебно. Эти офицеры, большинство которых вышли из низов русского общества, за время войны, получив чины и отличия, уже привыкли к власти. М. Н. Герасимов писал в воспоминаниях: накануне выпуска из 3-й Московской школы прапорщиков (ноябрь 1916 г.) им уже были выданы офицерские гимнастерки «со свежими, для многих такими желанными погонами с одной звездочкой», которая могла стать «путеводной звездой — звездой счастья. Подумать только — большинство из нас — народные учителя, мелкие служащие, небогатые торговцы, зажиточные крестьяне наравне с избранным меньшинством — дворянами, профессорами и адвокатами (а таких немало у нас в школе) и изнеженными сыновья-

ми банковских тузов, крупных фабрикантов и подобных им — станут „ваше благородие“. Есть над чем подумать...»⁶⁷ А после производства в офицеры Герасимов писал: «Итак, свершилось. Мы — офицеры... Нужно сознаться, быть офицером все же приятно. Нет-нет да и скосишь глаз на погон. Идущих навстречу солдат мы замечаем еще издали и ревниво следим, как отдают они честь»⁶⁸. Для многих офицеров военного времени, имевших невысокую общеобразовательную и военную подготовку, мечтавших после окончания войны устроиться на хороших должностях, переход от полученной в армии власти к прежнему «ничтожному существованию» казался весьма нежелательным. А в Добровольческой армии они стояли в одном строю не только с кадровыми офицерами, но даже и со штаб-офицерами. К началу 1918 г. в Добровольческой армии было свыше тысячи юнкеров, студентов, воспитанников кадетских корпусов и гимназистов старших классов, а также 235 рядовых, в том числе 169 солдат, что являлось ярким свидетельством отсутствия у «белого движения» какой-либо поддержки в народе.

В историографии имеет место не совсем, на наш взгляд, правильная точка зрения о том, что офицерство Добровольческой армии с точки зрения его социального происхождения и имущественного положения относилось к помещикам и капиталистам. Так, Л. М. Спирин, называя Добровольческую армию «буржуазно-помещичьей», пишет, что входившие в нее «люди (автор, видимо, имеет в виду всех добровольцев, не только офицеров.— А. К.) знали, за что они дрались», ибо «они не могли смириться с тем, что рабочие и крестьяне отняли у них и их отцов земли, имения, фабрики, заводы»⁶⁹. К сожалению, автор не указывает, на основании каких материалов он делает столь категоричный вывод об имущественном положении офицеров-добровольцев. Поэтому приведем сведения из послужных списков семидесяти одного генерала и офицера — организаторов и видных деятелей Добровольческой армии, участников «1-го Кубанского похода» с указанием их социального происхождения и имущественного положения (см. прил. 1).

Из данных, приведенных в приложении, видно, что к крупным помещикам можно отнести Я. Ф. Гилленшмидта и В. А. Карцова, к средним — Л. М. Ерогина, А. В. Корвин-Круковского; сведения об имущественном положении Е. Г. Булюбаши и Г. М. Гротенгельма отсутствуют; у 64 человек (90%) никакого недвижимого имущества, родового или благоприобретенного, не имелось. Совершенно очевидно, что имущественное положение у основной части участников «1-го Кубанского похода» — офицеров военного времени, юнкеров, воспитанников кадетских корпусов и гимназистов старших классов было еще более скромным. Включать же в число «добровольцев» следовавших в обозе гражданских лиц (их было 52 человека), и в частности бывшего председателя Временного комитета Государственной думы крупного помещика М. В. Родзянко едва ли правомерно.

Что же касается социального происхождения, то из указанных в приложении 71 человека потомственных дворян по происхождению было 15 (21%), личных дворян — 27 (39%), остальные происходили из мещан, крестьян, были сыновьями мелких чиновников и солдат.

Итак, сделаем попытку подсчитать, какое же количество офицеров встретили Октябрьскую революцию враждебно и сразу же выступили против нее с оружием в руках в основных очагах контрреволюции: в мятеже Керенского—Краснова — 300 офицеров, в юнкерском мятеже в Петрограде — не более 150 (из них около 60 — во Владимировском военном училище), в Москве — не более 250 (из них в Александровском и Алексеевском военных училищах — не более 150), на Дону, в Оренбуржье и в Забайкалье — не более 400, в Добровольческой армии (накануне ее выступления в «1-й Кубанский поход») — 2350, а всего примерно 3,5 тыс. офицеров (при этом мы предположили, что против Советской власти выступило 100% состоявших по штату офицеров, чего, как отмечалось выше, в действительности не было). Допустим также, что, кроме указанных известных всем очагов контрреволюции, в отдельных частях в Действующей армии и тыловых военных округах также сразу же выступила против Октябрьской революции с оружием в руках половина указанного числа офицеров, т. е. примерно 2 тыс. человек⁷⁰.

Таким образом, из 250-тысячного офицерского корпуса сразу же выступили против Октябрьской революции с оружием в руках максимум 5,5 тыс. офицеров (т. е. менее 3% от их общей численности). Даже эти приблизительные данные свидетельствуют о том, что точка зрения о «подавляющем большинстве» российского офицерства, сразу же выступившем с «оружием в руках» против Советской власти, не имеет реальной основы.

Что же касается действительно «подавляющего большинства» офицерского корпуса, то оно, на наш взгляд, не заняло по отношению к Октябрьской революции враждебной позиции, скорее ее можно назвать выжидательной или даже враждебно-выжидательной⁷¹. Эта точка зрения основывается прежде всего на том, что при открыто враждебном отношении подавляющего большинства русского офицерства к Октябрьской революции (и тем более, если бы оно сразу же после ее победы оказалось в лагере контрреволюции и с оружием в руках выступило против Советской власти) последней едва ли бы удалось так легко ликвидировать очаги контрреволюции в Петрограде, Москве, на Дону и т. д. Кроме того, была бы в принципе невозможна служба десятков тысяч бывших офицеров старой армии, в том числе генералов и кадровых офицеров, в Красной Армии, и, следовательно, вообще не могло быть и речи о привлечении командного состава старой армии к военному строительству и защите Советского государства. Таким образом, уже само по себе существование рассматриваемой нами проблемы (правомерность которой ни у кого не вызывает сомнений), теоретически разработанной В. И. Лениным и

блестяще разрешенной под его руководством на практике при защите Советского государства от сил внутренней контрреволюции и международного империализма, является самым убедительным аргументом в пользу несостоятельности точки зрения о враждебности по отношению к Октябрьской революции и Советской власти «подавляющего большинства» офицерского корпуса старой армии.

В советской историографии имеется ряд работ, в которых вопрос слома старой русской армии после Великого Октября исследован с достаточной полнотой⁷². Поэтому мы остановимся лишь на важнейшем элементе этого слома — упразднении офицерского корпуса русской армии, т. е. на том вопросе, который имеет непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме и который, на наш взгляд, не получил должного отражения в литературе.

Известно, что старая русская армия, несмотря на значительные демократические преобразования, происшедшие в ней после Февральской революции, не могла быть использована для защиты Советской Республики. Будучи организованной, обученной и воспитанной как орудие буржуазно-помещичьего государства и находясь под властью генералитета, поддерживавшего антинародную политику Временного правительства (и в первую очередь по вопросу продолжения войны), старая армия «сохраняла контрреволюционный дух, и враги революции могли использовать какую-то ее часть для борьбы против Советской власти»⁷³. Поэтому интересы социалистической революции настоятельно диктовали необходимость слома старой армии, о чем В. И. Ленин писал: «Первой заповедью всякой победоносной революции — Маркс и Энгельс многократно подчеркивали это — было: разбить старую армию, распустить ее, заменить ее новой»⁷⁴. Однако никакой слом армии нельзя было осуществить до проведения в ней полной демократизации, т. е. смещения со всех, прежде всего командных, должностей генералов и офицеров, не признавших власть Совнаркома и Наркомвоена, и замены их выборными начальниками (офицерами, унтер-офицерами и солдатами), поддерживавшими политику Советской власти в армии.

Основные принципы демократизации старой армии и ее важнейший элемент — выборность командного состава были провозглашены уже в первых декретах и постановлениях Советской власти. Так, постановление II Всероссийского съезда Советов от 26 октября (8 ноября) 1917 г. обязывало создавать во всех армиях временные революционные комитеты, решениям которых обязаны были подчиняться главнокомандующие армиями фронта⁷⁵. А 27 октября (9 ноября) делегатам съезда — представителям от фронтов — были вручены в Смольном мандаты: они уполномочивались образовывать на местах временные революционные комитеты с предоставлением им права отстранять от должности не признающей Советскую власть командный состав, от главнокомандующего армиями фронта до командира взвода, и вы-

бирать новых командиров по усмотрению ВРК⁷⁶. В обращении съезда к казакам подчеркивалось, что врагами революции объявляются «черносотенные генералы: слуги помещиков, слуги Николая кровавого»⁷⁷, а в «Декларации прав народов России», опубликованной 2 (15) ноября 1917 г., говорилось, что отныне солдаты раскрепощаются «от власти самодержавных генералов, ибо генералы отныне будут выборными и сменяемыми»⁷⁸.

Первым и крупным актом введения в армии выборного начала было решение Совнаркома от 9 (22) ноября 1917 г. о смещении верховного главнокомандующего генерала Духонина «за неповиновение предписаниям» Советского правительства и назначении на этот важнейший в Действующей армии пост прапорщика Н. В. Крыленко⁷⁹. «Уже само по себе назначение младшего офицера на пост верховного (главнокомандующего. — А. К.) взрывало кастовость офицерства и открывало этап массового выдвижения на командные посты солдат и офицеров, перешедших на сторону революции»⁸⁰. Заместителем верховного главнокомандующего был назначен прапорщик А. Ф. Мясников, избранный 20 ноября (3 декабря) главнокомандующим армиями Западного фронта. После этого кампания по проведению выборов нового командного состава в Действующей армии развернулась сначала снизу — в подразделениях (ротах, батальонах) и полках (отдельных частях), а затем в соединениях (дивизии, корпуса) и объединениях (армии, фронты).

В период с 8 (21) ноября 1917 г. по 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.) был издан ряд документов, юридически закреплявших уже проведенные в основном в армии мероприятия по ее полной демократизации. Поскольку все эти документы имели непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме, коротко остановимся на изложенных в них основных положениях.

В опубликованном Наркомвоеном 8(21) ноября 1917 г. проекте «К солдатам революционной армии» уже выдвигались принципы не только выборности командного состава из числа офицеров и солдат, но и уничтожения чинов, титулования, знаков воинского отличия и т. д.⁸¹

Приказом верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко № 976 от 3 (16) декабря 1917 г.⁸² предписывалось «впредь до издания общего положения Советом Народных Комиссаров... в видах достижения однообразия... руководствоваться положением о демократизации армии, разосланным военно-революционным комитетом при Ставке», которое упраздняло офицерские чины и звания и ношение погон. Поскольку, согласно параграфу 1 положения, «вся полнота власти в пределах каждой войсковой части» принадлежала соответствующему солдатскому комитету, все военные начальники фактически лишались какой-бы то ни было власти. В армии вводилась выборность всех категорий командного состава и должностных лиц до командира полка включительно общим голосованием данного состава подразделения (части), а в параграфе 5 положения говорилось, что «солдатским само-

управлениям предоставляется право избрания, утверждения и смещения с должностей соответствующих командиров на низшие должности до рядового включительно». Отстраненным и оставшимся невыбранными лицам командного состава, которые по своему правовому положению приравнивались «к остальным солдатам революционной армии», предоставлялось право, если их возраст превышал призывной возраст состоявших на службе солдат (39 лет), уходить в отставку (те же лица, которых комитеты назначали на должности, хотя бы и ниже занимаемых ими ранее, должны были на них оставаться и продолжать службу). Жалованье командному составу устанавливалось соответственно должностям, на которые он избирался, а отстраненный от должности получал содержание, положенное рядовому составу. Согласно параграфу 17 положения, увольняемым и уволенным в отставку офицерам пенсия за службу не предусматривалась, за исключением «потерявших трудоспособность», которые должны были поступать в ведение органов государственного призрения. Семьи же «смещенных или неизбранных лиц бывшего командного состава» должны были получать паек, «назначенный Советом рабочих, солдатских депутатов или комитетами». Упразднился (параграф 20 положения) резерв чинов при штабах военных округов, в котором находились сотни генералов и штаб-офицеров.

В связи с многочисленными запросами из частей и соединений Действующей армии в Ставку с просьбами разъяснить некоторые статьи «Положения о демократизации армии» приказом верховного главнокомандующего № 990 от 17 (30) декабря 1917 г.⁸² устанавливалось, что бывших генералов и офицеров, «достигших высшего возраста солдат, состоявших на службе», надлежит при их желании уволить в отставку на общих с солдатами основаниях. Что же касается бывших генералов и офицеров, не достигших предельного возраста солдат, то «по осуществлении выборного начала» следовало освидетельствовать состояние их здоровья во врачебных комиссиях с целью определения годности к строевой и нестроевой военной службе «на установленных для солдат основаниях»⁸³. Бывшие генералы и офицеры, не выбранные на командные должности и тем самым смещенные на должности рядового, признанные врачебными комиссиями годными к службе, подлежали «немедленному переводу, распоряжением армий, в другие части», причем запасные части должны были отправлять этих лиц «обязательно в действующие части» (т. е. на фронт). В связи с упразднением резерва чинов при штабах военных округов состоявшие в резерве бывшие генералы и офицеры — «сверстники солдат призыва 1901 года» (т. е. родившиеся в 1880 г. и ранее) подлежали «обязательному увольнению в отставку»; не достигшие этого возраста после освидетельствования врачебными комиссиями либо увольнялись «от военной службы» (в случае признания их негодными к таковой), либо назначались в войсковые части, штабы и управления. Учитывая, что после Октябрьской революции, и особенно после приказа

верховного главнокомандующего № 976, наметилось заметное стремление бывших генералов и офицеров всеми правдами и неправдами покинуть Действующую армию, в связи с чем приказ № 990 предписывал «отпуски бывшим чинам армии и вообще всем солдатам выдавать только войсковым комитетам».

11 (24) декабря 1917 г. декретом ВЦИК и Совнаркома упразднились «все существовавшие доньше в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения», уничтожались «всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.)» и устанавливалось «одно общее для всего населения России наименование граждан Российской Республики»⁸⁵. Другим декретом Совнаркома от того же числа было постановлено прекратить выдачу «из средств Государственного казначейства пенсий, превышающих 300 руб. ежемесячной выдачи одному лицу или семейству»⁸⁶. Этот предел касался лишь пенсий из казны и не мог быть распространен на пенсии, производимые из средств эмеритальных⁸⁷ и пенсионных касс, из invalidного капитала⁸⁸.

14 (27) декабря 1917 г. был издан приказ по военному ведомству № 36, в котором излагались ограничения в денежном содержании военнослужащих⁸⁹. Так, были отменены установленные постановлениями Временного правительства от 14 сентября и 11 октября 1917 г. «прибавки к содержанию и единовременные пособия на дороговизну офицерам... всех частей войск, штабов, управлений, учреждений и заведений военного ведомства», а уже выданные суммы подлежали «возвращению в казну». Военнослужащие, отстраненные от занимаемых ими штатных должностей по военному ведомству вследствие избрания «в установленном порядке» на эти должности других лиц или «по другим причинам»⁹⁰, теряли право на все виды денежного довольствия, присвоенные по чину и должности, «со дня получения» этого приказа на месте. Отменялись все постановления, на основании которых было установлено право семейств офицеров, военных чиновников, врачей и духовенства «на получение квартирных денег и на наем прислуги», вместо чего на указанные категории военнослужащих были распространены правила, «установленные для семей солдат». Наконец, в пункте 6 приказа говорилось, что «офицеры и военные чиновники, достигшие отпускного возраста (старше 39 лет.— А. К.), могут увольняться от службы на равных основаниях с солдатами».

16 (29) декабря 1917 г. были изданы два декрета СНК: «Об уравнении всех военнослужащих в правах» и «О выборном начале и об организации власти в армии»⁹¹. В них были помещены основные положения, изложенные в указанных выше приказах верховного главнокомандующего № 976 и 990.

Согласно первому декрету, в армии упразднились все чины и звания, «начиная с ефрейторского и кончая генеральским», отме-

циялись «титулования» и «все ордена и прочие знаки отличия», а также все преимущества, «связанные с прежними чинами и званиями». С уничтожением офицерского звания упразднились «все отдельные офицерские организации» и существовавший в Действующей армии для личных услуг офицерам «институт вестовых»⁹². Декрет ликвидировал все проявления классового и политического неравенства в армии — отныне армия Российской республики состояла «из свободных и равных друг другу граждан, носящих почетное звание солдат революционной армии».

Во втором декрете (параграф 10) говорилось, что командный состав, возраст которого выше призывного возраста солдат и который не избран на те или другие должности и тем самым оказался «на положении рядового», имел право выхода в отставку. Декрет регламентировал также порядок выборов как на командные, так и на штабные должности, в том числе и лиц Генштаба, как стали именовать офицеров Генерального штаба после отмены в армии чинов. Последние занимали должности по командной линии от командира полка и выше и, согласно декрету, должны были избираться общим голосованием командиров полков, а командиры выше полкового — съездами или совещаниями при соответствующих комитетах. Что касается штабных должностей, то начальники штабов должны были избираться съездами лиц со специальной подготовкой, а все остальные чины штабов — назначаться начальниками штабов и утверждаться «соответствующими съездами». Одним из наиболее важных положений декрета являлось то, что «все лица со специальным образованием (в том числе и бывшие офицеры Генерального штаба.— А. К.) подлежат особому учету»⁹³.

В конце декабря 1917 г. «в развитие положения о демократизации армии» было объявлено положение о назначении на должности Генерального штаба в Действующей армии⁹⁴. В нем, в частности, отмечалось, что «к числу должностей технических, указанных в § 13 положения о демократизации армии, относятся должности Генерального штаба, так как таковые требуют специального образования, специальных знаний и практической подготовки». Лица Генштаба, которые «числятся на особом учете в штабах фронтов», могли занимать как командные, так и специальные должности Генерального штаба, ведомость которых прилагалась к приказу. В первом случае они назначались по правилам выборного начала на общих основаниях, а во втором — «путем особого нижеследующего выборного порядка»: в каждой строевой части начальник штаба должен был выбираться на общих основаниях из лиц Генштаба, затем он избирал кандидатов на непосредственно подчиненные ему в штабе должности Генштаба. При этом каждому войсковому комитету предоставлялось право (по согласованию с соответствующими начальниками) выдвижения и отвода лиц Генштаба, если их деятельность по обстоятельствам «текущего времени» приносила ущерб работе или носила «явно контрреволюционный характер». В случае отвода

лиц Генштаба от должности, который производился на общих основаниях, они должны были либо перемещаться на другую должность на том же фронте, либо зачисляться в распоряжение штаба армий фронта, если не желали воспользоваться «своим правом на уход в отставку». Лица Генштаба, отстраненные от должности «по подозрению в контрреволюционной деятельности», подлежали переводу «во всяком случае в строй на общем основании», причем их фамилии должны были сообщаться в управление генерал-квартирмейстера при Ставке верховного главнокомандующего, где были сосредоточены все вопросы по службе бывших офицеров Генерального штаба.

Декрет Совнаркома от 16(29) декабря 1917 г. о выборном начале и об организации власти в армии стремился сохранить «все те элементы, опираясь на которые, можно было строить новую армию»⁹⁵. В. И. Ленин, у которого, по словам К. С. Еремеева, хотя и было «совершенно определенное мнение» в отношении старой армии («роль ее кончена», а офицерство должно быть распущено «на основе учета»), «надежных офицеров требовал втягивать в нашу военную работу и, хорошенько проверив, использовать без опасений»⁹⁶.

В процессе проведения в жизнь выборного начала обращалось, в частности, внимание на необходимость сохранения аппарата управления войсками, и прежде всего в Действующей армии; в связи с этим признавалось, что «распространять выборное начало в полной мере на штабы, управления, учреждения и заведения Действующей армии не представляется возможным»⁹⁷. Приказом по военному ведомству № 68 от 27 декабря 1917 г. (9 января 1918 г.) в дополнение и развитие приказа по военному ведомству № 36 от 14(27) декабря 1917 г. и декрета Совнаркома «О выборном начале и об организации власти в армии» предлагалось принять к руководству, что пункт 6 приказа и параграф 10 декрета (о праве бывших офицеров, достигших одинакового возраста с увольняемыми от службы солдатами, на увольнение) распространяются «в полном объеме исключительно на строевые части армии». Что же касается штабов, управлений и заведений военного ведомства как в Действующей армии, так и в округах, то «в целях обеспечения планомерной деятельности таковых путем оставления в их составе необходимого числа надлежаще подготовленных работников» увольнения от службы этих военнослужащих надлежало производить только в том случае, «если занимаемые ими должности и без нарушения нормальной деятельности подлежащего (т. е. непосредственно подчиненного.— А. К.) учреждения могут быть замещены соответственно подготовленными лицами». Вопрос о возможности освобождения этих лиц от несения ими служебных обязанностей должен был решаться «в каждом отдельном случае лицами, на которых лежит ответственность за служебную деятельность штабов, управлений, учреждений и заведений, по соглашению с соответствующими комитетами или другими выборными организациями».

В случае оставления этих военнослужащих, достигших отсуесного возраста, на занимаемых ими должностях им должно было выдаваться «сверх получаемого по должности содержания, добавочного вознаграждения в размере 35% прибавки к основному окладу, но не менее 75 рублей в месяц»⁹⁸.

Однако, несмотря на указанные выше приказы, командный состав в Действующей армии, представлявший основную массу бывшего офицерства, оказался в тяжелом положении, так как значительное количество офицеров не были избраны на ранее занимаемые ими должности. Так, из 45-й пехотной дивизии, расположенной в районе крепости Петра Великого (Северный фронт), сообщали, что «невыбранные офицеры или дезертируют... или же уходят по болезни... офицерский состав тает с каждым днем»⁹⁹.

Сложное положение создалось и с офицерами Генштаба. Многие из них, занимавшие в Действующей армии как штатные должности Генерального штаба, так и командные должности (преимущественно командиров полков), оказались на эти должности не избранными. Кроме того, в связи с продолжавшейся демобилизацией армии происходило расформирование различных штабов и управлений, в которых освобождались от должностей лица Генштаба. Согласно существовавшему положению офицеры Генштаба, отставленные от занимаемых должностей, направлялись в резервы чинов при штабах Петроградского, Московского, Киевского, Одесского, Двинского и Кавказского военных округов. Однако в связи с упразднением этих резервов состоявшие в них лица Генштаба, как специалисты с высшим военным образованием, не подлежавшие принудительному увольнению в отставку, должны были быть командированы в распоряжение начальников штабов армий фронтов (Северного, Западного или Кавказского); имевшие же право и желавшие быть уволенными в отставку «могли быть уволены от службы»¹⁰⁰.

Назначенные в распоряжение штабов армий фронтов лица Генштаба должны были незамедлительно назначаться на соответствующие должности Генштаба. Однако вследствие направления этих лиц из упраздненных резервов чинов при штабах военных округов в распоряжение штабов армий фронтов в последних образовался значительный резерв лиц Генштаба. Число их по мере продолжения демобилизации все увеличивалось, так как рассчитывать получить какие-либо новые назначения вследствие сокращения числа должностей Генерального штаба могло лишь незначительное число генштабистов.

Положение командного состава старой армии к началу 1918 г. видно из донесения исполняющего должность начальника штаба 39-го армейского корпуса Генштаба С. Н. Колегова генерал-квартирмейстеру Особой армии: «На фронте остаются все меньше бывших офицеров, и в частности бывших офицеров Генштаба, всё стремится в тыл и устраивает свою судьбу в материальное положение. До конца оставшиеся на фронте бывшие

офицеры возвратятся в тыл, когда уже устроить свою личную судьбу будет трудно, так как подходящие места будут уже заняты предусмотрительно ушедшими с фронта раньше». В связи с этим Колегов просил запросить теперь же гражданские учреждения внутренних органов и прислать соответствующее количество вакансий в штаб армии для развертки их по войскам. «Особенно желательно,— продолжал Колегов,— устройство судьбы кадровых офицеров, которых осталось (в Действующей армии.— А. К.) немного и которые имеют только специальную военную подготовку». Для переподготовки «к новым видам труда» им необходимо предоставить «право бесплатного обучения и льготного приема в высшие учебные заведения или создание для них специальных курсов» и даже выяснить вопрос «о возможности перехода кадровых офицеров на службу в одну из иностранных армий»¹⁰¹. К этому же времени относится и телеграмма начальника штаба верховного главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевича: после расформирования к 20 февраля 1918 г. большей части Ставки «несколько сот военнослужащих, честно и с полным напряжением сил работавших в Ставке, останутся без работы и без средств существования». В связи с этим он ходатайствовал выдать «каждому уходящему из Ставки... двухмесячный оклад содержания по новым, сильно уменьшенным против прежнего нормам», что позволит «существовать до приискания работы и выехать из Могилева», тем более что многие чины Ставки «достигли столь значительного возраста, что переход на совершенно новый род занятий для них является делом крайне затруднительным, между тем они лишены той пенсии, на которую надеялись до последних дней своей службы»¹⁰². На этой телеграмме имеется резолюция начальника Генерального штаба Н. М. Потапова: «Товарищ народного комиссара Склянский определенно заявил, что военнослужащим (бывшим офицерам.— А. К.) никаких пособий при увольнении от должностей (за штат и в отставку) выдаваться не будет, так как для них имеется выход — поступать в Красную Армию»¹⁰³. Однако вопрос состоял именно в том, что командный состав Действующей армии, не избранный на ранее занимаемые им должности или оказавшийся вне штата, вследствие расформирования строевых частей (соединений), штабов и т. д. оказался в безвыходном положении. Поступить в какие-либо учреждения и заведения военного ведомства (даже не в соответствии с их прежней должностью) они не могли, так как эти места уже были заняты командным составом, который ранее оказался «не у дел». Служить же в отрядах Красной гвардии, а затем в формируемых руководителями Наркомвоена отрядах Красной Армии («красных батальонах», создававшихся для оказания сопротивления регулярным войскам империалистов) с выборными командирами, комитетами и т. д. бывшие офицеры, тем более кадровые, не могли, да их туда никто и не приглашал: так, по мнению Н. В. Крыленко, «в проваденной нами работе по формированию армии военные специа-

листы оказались излишними. Излишними они оказались и для другой работы»¹⁰⁴.

Положение офицерства усугублялось тем, что в органах, руководивших выборами командного состава в армии, было много лиц с левацкими взглядами. Кроме того, сам процесс демократизации и проведения выборного начала в Действующей армии проводился чрезвычайно быстро, ибо всякая задержка приводила «к резкому обострению отношений между солдатами и офицерами, к усилению развала дисциплины, к самосудам (над командным составом.— А. К.) и дезорганизации»¹⁰⁵. Это вело к тому, что процесс демократизации нередко проходил в «нежелательных» и «самочинных формах». Так, в частности, приказ № 4 по Западному фронту, подписанный бывшим подполковником В. В. Каменниковым, «ставя фактически весь командный состав вне закона, ни с правовой, ни с юридической стороны не выдерживает... элементарной критики»¹⁰⁶; в отношении наказа, принятого делегатами 3-й армии на съезде Западного фронта, отмечалось, что проведение его в жизнь «грозит поголовным бегством всех оставшихся бывших офицеров, врачей, инженеров и других специалистов»¹⁰⁷.

Поэтому, в частности, процесс демократизации старой армии, порядок и форма его проведения, особенно выборное начало, вызвали резкую критику командного состава всех степеней, ибо он считал, что демократизация, наносившая «решительный и сокрушительный удар по всему строю жизни старой армии»¹⁰⁸, в условиях продолжавшейся войны со странами Четверного союза приведет лишь к краху армии, а вместе с ним и к гибели России. Так думала не только та часть генералов и офицеров, которая выступила против Советской власти, но и те, кто впоследствии в числе первых добровольно поступил на службу в Красную Армию. В качестве примера можно привести телеграмму командующего 7-й армии генерала Я. К. Циховича, который в ответ на телеграмму Н. В. Крыленко № 8577 от 1(14) декабря 1917 г. с требованием руководствоваться положением о демократизации, разосланным ВРК при Ставке, писал, что «армия уже демократизирована до такой степени, что на мировой чаше весов она исчезла и никто с ней не считается». Проводя переустройство армии «на образец невиданный и неслыханный ни в одной из армий», при котором не может быть не затронута «масса правовых вопросов», руководство Наркомвоена пока «совершенно технически» их не разработало. Уничтожение резерва при штабах военных округов «заставляет массу офицеров, покинувших строй не по своей воле, а вследствие полной разрухи армии (неизбрания на соответствующие должности.— А. К.), пойти на улицу просить подаяния». Снятие погон — единственного знака, по которому «можно хоть приблизительно отличить полки многомиллионной армии, превращает ее в серое скопище человеческих тел». В заключение говорилось: «считаю эти реформы «гибельными для тех остатков, которые называются армией»¹⁰⁹.

Эта телеграмма была направлена начальнику штаба верховного главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевичу, который спустя две недели писал, что декреты Совнаркома от 16(29) декабря 1917 г. «ошеломили меня. Я не понимал, что все это делалось только для того, чтобы вырвать армию из рук реакционного генералитета и офицерства и помешать ей, как это было в пятом году, снова превратиться в орудие подавления революции»¹¹⁰. А то, что такая опасность существовала, подтвердили последующие события: там, где контрреволюционному генералитету и офицерству удалось не допустить демократизации, и в частности выборности командного состава, воинские части и соединения становились опорой контрреволюции. Так было с 1-м польским корпусом легионеров под командованием генерала Р. И. Довбор-Мусницкого, чешско-словацким корпусом во главе с генералом В. Н. Шокоровым и др. Поддержка эсеров-меньшевистскими комитетами помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта генерала Д. Г. Щербачева позволила ему, подавив силой оружия солдатские выступления, не только сохранить свою власть в армии, но и способствовать формированию с помощью Антанты отрядов для усиления Добровольческой армии на Северном Кавказе (например, формированию в Яссах 3-тысячного отряда Генштаба полковника М. Г. Дроздовского). Поэтому логика подавления классового сопротивления, в первую очередь командных «верхов» армии, логика слома старого буржуазного аппарата, в том числе и военного, заставляла делать «неразумное» с точки зрения старого офицерства, но вполне разумное и необходимое с позиций Советской власти¹¹¹.

Как отмечалось выше, слом старой армии поставил русское офицерство в трудное положение. Десятки тысяч бывших офицеров, от генерала до прапорщика, снятых с должностей и не избранных на них солдатами (к тому же поставленных во всех отношениях в равное с ними положение), а также имевших возраст свыше 39 лет, вынуждены были уходить в отставку, или, как тогда говорили, «обращаться в первобытное состояние» (т. е. в то состояние, в котором офицер находился до поступления на военную службу). Кадровые офицеры, как правило, уезжали в места дислокации частей (штабов, учреждений и заведений), в которых они служили и имели казенные квартиры в мирное время и где находились их семьи.

Часть генералов и кадровых офицеров, служивших на высших военных и административных должностях и в привилегированных полках гвардии (особенно в кавалерии), эмигрировали за границу, но в первое время после Октябрьской революции эта часть офицерства по отношению к общей его численности составляла ничтожный процент (в дальнейшем, по мере расширения масштабов гражданской войны, процент эмигрантов значительно возрос).

Что же касается офицеров военного времени, то одни уезжали туда, где работали до призыва в армию и где находились их

семьи, а другие, пришедшие в армию со школьной скамьи и окончившие ускоренный курс обучения в военных училищах или школах прапорщиков (не имевшие ни гражданской специальности, ни, как правило, семьи), либо уезжали в места, где жили их родители, и поступали на любую работу в гражданские учреждения, либо вступали в отряды Красной гвардии (меньшая часть), либо, наконец, пополняли ряды белых, буржуазно-националистических и других армий.

Одним из самых сложных и болезненных вопросов в судьбах бывшего кадрового офицерства было пенсионное обеспечение (лишение при увольнении бывших генералов и офицеров выслуженных ими пенсий, эмеритальная часть которой, как отмечалось выше, представляла собой сбережения, вычитавшиеся из денежного содержания офицера). Важно отметить, что в декретах Совнаркома от 16(29) декабря 1917 г. не содержалось указаний на увольнение командного состава старой армии без пенсий. Но эти декреты и не отменяли положения о лишении пенсий командного состава, содержавшиеся в приказах Н. В. Крыленко, которые получили в силу этого как бы юридическое основание.

Отметим, что для подавляющего большинства офицеров русской армии, не имевших ни гражданской специальности, ни каких-либо источников дохода, кроме жалованья, пенсия была единственным средством существования. По мнению крупного военного специалиста А. А. Свечина, в период слома старой армии и ее офицерского корпуса была «допущена большая ошибка», в результате которой многие тысячи бывших офицеров пополнили армии Алексея, Деникина, Врангеля и др., — демобилизация «бывших генералов и офицеров без всякого обеспечения». Разумнее было бы создание, как в апреле 1919 г., «резервов чинов при комиссариатах»¹¹².

А пока вопросы социального обеспечения уволенных из армии без пенсии генералов и офицеров оставались нерешенными. офицерство рассеивалось по всей территории бывшей Российской империи. Наибольшее число офицеров (до 70 тыс.) оказалось в Петрограде и Москве, губернских городах (Киеве, Одессе, Хабаровске, Ташкенте), где были расположены штабы военных округов, а также в местах дислокации в мирное время штабов корпусов, дивизий и т. д. Вопросами трудоустройства этих многих десятков тысяч офицеров никто не занимался, и они готовы были поступить, если позволял возраст, а главное — состояние здоровья, буквально на любую, в том числе и связанную с физическим трудом, работу.

Не бегство «подавляющего большинства» бывших генералов и офицеров на Юг и Восток страны, чтобы начать вооруженную борьбу с Советской властью, и не «репрессии ЧК» по отношению к бывшим офицерам, якобы вынудившие последних покидать Центральную Россию для образования антибольшевистских фронтов, как это писали белоэмигрантские авторы, и в частности

бывший Генштаба генерал П. И. Залесский¹¹³, а прежде всего дислокация русской армии в мирное время и изменения ее, происшедшие в годы первой мировой войны, стали первопричиной того, как сложилась судьба того или иного генерала или офицера. В самом деле, начиная с февраля 1918 г., когда Украина и западная часть России оказались оккупированы кайзеровскими и австро-венгерскими войсками, и с лета того же года, когда вследствие мятежа Чехословацкого корпуса возникли в Сибири власть Комуча, а на Юге — денкинищина и т. д., многие бывшие генералы и офицеры, проживавшие на этой территории, оказались в денкинской и позднее колчаковской армиях, в буржуазно-националистических формированиях на Украине, в Прибалтике и т. д. Только часть из них при этом делала сознательный классовый выбор, большинство же поступало на службу, испытывая материальные затруднения или по принуждению. Так, в приказе коменданта города Ельца генерала И. И. Мельникова в августе 1919 г. было сказано: «Приказываю всем офицерам русской армии и добровольцам, не поступившим еще в войска, с необходимым снаряжением явиться не позднее семи часов вечера сего 20-го августа (в здании Русско-Азиатского банка) в мое распоряжение. Невыполнение сего приказа влечет за собой строжайшую ответственность»¹¹⁴.

Была еще одна группа генералов и офицеров, которая добровольно поступила в Красную Армию, но затем осталась на территории, захваченной противником. Так было, в частности, с управлением Приволжского военного округа, которое во главе с военным руководителем, бывшим генералом В. В. Нотбеком, осталось в Самаре после ее захвата 8 июня 1918 г. белочехами (кроме начальника штаба округа, бывшего полковника Н. В. Пневского, возвратившегося в Советскую Россию). Аналогичное положение имело место и на Украине, когда почти вся ее территория осенью 1919 г. была захвачена денкинскими войсками. Тысячи военных специалистов, служивших в Красной Армии на строевых должностях, а также в Наркомвоене УССР, пропали без вести, «растворились» среди гражданского населения, оказались в денкинской, петлюровской, «галицийской» и других армиях, эмигрировали и т. д. О численности этих военных специалистов может свидетельствовать, в частности, и такой факт: из 70 бывших офицеров Генерального штаба, значившихся в «Дополнительном списке Генерального штаба», по сведениям бывшего Наркомвоена УССР, к 1 сентября 1919 г. лишь пятеро (Н. Н. Десино, Д. П. Кадомский, К. А. Мартынов, И. Н. Поярков и М. В. Фастыковский) вернулись в Советскую Россию и продолжали службу в Красной Армии.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что к Октябрю 1917 г. офицерский корпус русской армии (и даже ее генералитет) не представлял собой какой-то единой, монолитной массы, прочно стоявшей на контрреволюционных позициях. Поскольку российское офицерство являлось частью общества, правда с при-

сущими командному составу специфическими особенностями, в нем отражались все те социальные, политические, духовные и иные процессы, которые происходили в России после свержения самодержавия и в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Существенное значение имело также и то обстоятельство, что за указанный период резко изменился социальный состав офицерства: в результате тяжелых потерь кадрового строевого состава и производства в офицеры военного времени — прапорщики сотен тысяч человек, подавляющее большинство которых происходили из демократических слоев русского общества, офицерский корпус претерпел серьезные изменения, что, в свою очередь, вызвало «полевение» его политических взглядов. Это проявилось прежде всего в том, что из 250 тыс. офицеров менее 3% сразу же с оружием в руках выступили против Октябрьской революции.

Слом старой армии и упразднение ее офицерского корпуса нанесли тяжелый удар по всем категориям офицерства. Оказавшаяся фактически не у дел почти четвертьмиллионная его масса рассеялась по всей территории бывшей Российской империи. Поэтому при рассмотрении судеб российского офицерства после Октябрьской революции не следует огульно зачислять его в лагерь контрреволюции, не учитывая всей совокупности объективных (в частности, местожительства после увольнения из армии) и субъективных (политические взгляды, прежнее занимаемое положение, происхождение, имущественное и семейное положение, возраст, состояние здоровья) факторов, которые часто играли решающую роль в том, по какую сторону баррикад оказался тот или иной генерал или офицер.

* * *

¹ Спириин Л. М. В. И. Ленин и создание советских командных кадров // Воен.-ист. журн. 1965. № 4. С. 10; Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. М., 1973. С. 203; Он же. Офицерский корпус русской армии перед первой мировой войной // Вопр. истории. 1981. № 4. С. 22; Протасов Л. Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж, 1978. С. 27—30; Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России, 1861—1904 гг. М., 1979. С. 86; Буравченков А. А. Офицерский корпус русской армии накануне Октябрьской революции // Интеллигенция и революция, XX век. М., 1985. С. 145—150; и др.

² Военно-статистический ежегодник

русской армии на 1912 год. СПб., 1914. С. 32—33.

³ Л. М. Спириин в своей статье указанную в ежегоднике категорию «потомственных дворян» показал как просто «дворян».

⁴ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 203.

⁵ Корелин А. П. Указ. соч. С. 86.

⁶ За основу взят «Список по старшинству в чинах генералам, штаб- и обер-офицерам, служащим и прежде служившим в Генеральном штабе» (см: Список Генерального штаба. Пг., 1914. С. 755—770), так как в корпусе офицеров Генерального штаба были представлены генералы и офицеры всех чинов (от полного генерала до капитана включительно), возрастов, имущественного и социального положения (происхождения)

и т. д. Данные о социальном положении (происхождении) взяты из послужных списков. См.: ЦГВИА. Ф. 409.

⁷ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 211.

⁸ Корелин А. П. Указ. соч. С. 87.

⁹ Зайончковский П. А. Офицерский корпус русской армии. С. 26.

¹⁰ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 207.

¹¹ Шагазин Н. П. Организация и строительство Советской Армии в 1918—1920 гг. М., 1954. С. 47; Ерыкалов Е. Ф. Роль Красной гвардии Петрограда в разгроме первых очагов внутренней контрреволюции на окраинах страны (ноябрь 1917 г.—февраль 1918 г.) // Из истории борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г.: Сб. статей. М., 1956. С. 31; Кузьмин Н. Ф. В. И. Ленин и создание командных и политических кадров Советских Вооруженных Сил (1918—1920 гг.) // Вопр. истории. 1958. № 4. С. 23; Данилевский А. Ф. В. И. Ленин и вопросы военного строительства на VIII съезде РКП(б). М., 1964. С. 24; Спириин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977. С. 270; и др.

¹² ЦГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2883. Л. 0017.

¹³ Там же. Л. 00132.

¹⁴ Там же.

¹⁵ За время войны пехотные полки потеряли по несколько комплектов рядового и офицерского состава: лишь в немногих полках потери убитыми и ранеными составляли 300%, обычно они достигали 400—500% и более. Что касается потерь офицеров-артиллеристов, то они составляли в полевой артиллерии 15—40%, а в тяжелой артиллерии еще меньше; потери офицеров в кавалерии были неравномерными: в одних частях высокие (однако по сравнению с потерями пехоты ничтожные), в других — незначительные (как в тяжелой артиллерии).

¹⁶ Так, с началом мобилизации 18 июля 1914 г. из пехотных дивизий 1-й очереди были развернуты дивизии 2-й очереди (с 53-й

по 84-ю); весной 1915 г. из ополчения были развернуты пехотные дивизии 3-й очереди (с 100-й по 127-ю) и, наконец, к февралю 1917 г. были сформированы пехотные дивизии 4-й очереди (128—138-я, 151-я, 153—157-я, 159—194-я) за счет изъятия из пехотных полков четвертых батальонов, в результате чего в армейских корпусах стало 3 дивизии по 12 батальонов каждая (вместо 2 дивизий по 16 батальонов).

¹⁷ Чин прапорщика как первый (младший) офицерский чин в пехоте и кавалерии был введен Петром I в 1712 г. (в артиллерии — в 1811 г.). В 1884 г. чин прапорщика был сохранен лишь для офицеров запаса и оставлен только для военного времени.

¹⁸ Пехотные: Горькая, Душетская, 1—3-я Иркутские, 1—2-я Казанские, 1—5-я Киевские, 1—6-я Московские, 1—2-я Одесские, 1—2-я Омские, 1—2-я Ораниенбаумские, Оренбургская, 1—4-я Петергофские, 1—3-я Саратовские, Ташкентская, Телавская, 1—4-я Тифлисская, Чистопольская; Екатеринодарская казачья и Петроградская инженерная.

¹⁹ В мае 1916 г. были открыты временные школы для подготовки одного выпуска прапорщиков при четырех Петроградских, трех Московских, Киевском, Одесском и Тифлисском кадетских корпусах.

²⁰ Приказ по военному ведомству № 496 от 7 августа 1917 г.

²¹ ЦГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2186. Л. 15 об.

²² Спириин Л. М. В. И. Ленин и создание советских командных кадров. С. 11. Примерно такой же цифры (215 тыс. человек) придерживается и Л. Г. Протасов (Указ. соч. С. 27) со ссылкой на ЦГВИА (Ф. 366. Оп. 2. Д. 214. Л. 79).

²³ В эту группу входили кадровые офицеры, которые со своими полками выступили на фронт, а также офицеры, переведенные во время войны в строевые части из различных учреждений военного ведомства.

²⁴ Чернавин В. В. К вопросу об офицерском составе старой русской армии к концу ее существования // Военный сб. Белград, 1924. № 5.

льготы за участие в войне, службу в отдаленной местности и т. д.).
 87 Эмеритальная касса военного ведомства была учреждена для «производства пенсий ее участникам и для производства пенсий и выдачи единовременных пособий их семьям». У членов этой кассы ежемесячно удерживали 6—5% от получаемого содержания, или они вносили сами соответствующие взносы в кассу. За счет эмеритальной кассы пенсия увеличивалась примерно на 15—20%. См.: Положение об эмеритальной кассе военно-сухопутного ведомства // Новый устав о пенсиях и единовременных пособиях чинам военного ведомства и их семьям: Закон 23 июня 1912 года. СПб., 1912. С. 77—119.
 88 Инвалидный капитал — особый капитал для назначения пенсий и пособий раненым офицерам и офицерам-инвалидам и их семьям, а также солдатам. Состоял при Александровском комитете о раненых, который в 1909 г. был включен в состав Военного министерства.
 89 ЦГАСА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 86. Л. 9, 9 об.
 90 За невыполнение декретов и постановлений Советского правительства, приказов и приказаний верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко, постановлений местных армейских и окружных Советов солдатских депутатов, а также солдатских комитетов и т. д.
 91 Декреты Советской власти. Т. 1. С. 242—243, 244—245. Эти декреты «для сведения и руководства» были объявлены в приказах верховного главнокомандующего № 999 и 1000 от 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.) (ЦГВИА. Научно-справочная библиотека).
 92 Уничтожение всех отдельных офицерских организаций пресекало попытки их использования в контрреволюционных целях. Что касается вестовых (до Февральской революции их именовали денщиками), то они были оставлены лишь в канцеляриях, управлениях, полковых комитетах и т. п. (ЦГАСА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60, Л. 49).
 93 Согласно разъяснению коллегии

при штабе верховного главнокомандующего, «все лица, окончившие Военную академию, называемую ранее Академией Генерального штаба, являются специалистами» (ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 69).
 94 Приказ верховного главнокомандующего № 1006 от 29 декабря 1917 г. (11 января 1918 г.) с приложением ведомости специальных должностей Генерального штаба Действующей армии (ЦГВИА. Ф. 2333. Оп. 1. Д. 28. Л. 4).
 95 *Городецкий Е. Н.* Указ. соч. С. 375.
 96 *Еремеев К. С.* Начало Красной Армии // Пролетарская революция. 1928. № 4. С. 156.
 97 Приказ верховного главнокомандующего № 998 от 21 декабря 1917 г.
 98 ЦГВИА. Ф. 2123. Оп. 1. Д. 88. Л. 443.
 99 Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 68. Л. 20.
 100 ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 998. Л. 79, 44.
 101 Там же. Оп. 4. Д. 124. Л. 427, 428.
 102 Телеграмма № 163 от 29 января 1918 г. была адресована управляющему делами Совнаркома (Смольный), наркомвоену и начальнику Генерального штаба (Там же. Л. 425, 426).
 103 Там же. Л. 425.
 104 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 4.
 105 Известия армейского комитета 1-й армии. 1917. 25 нояб.
 106 ЦГАСА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60. Л. 55, 55 об.
 107 Известия армейского Совета 3-й армии. 1918. 4 янв.
 108 *Городецкий Е. Н.* Указ. соч. С. 372.
 109 ЦГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1803. Л. 151—155. Телеграмма от 1(14) декабря 1917 г.
 110 *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. М., 1964. С. 227—228.
 111 *Городецкий Е. Н.* Указ. соч. С. 377.
 112 ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 1343. Л. 28 об. Отчет о докладе А. А. Свечина «О демобилизации в истории» на заседании Исторической комиссии 11 февраля 1921 г.
 113 *Залесский П. И.* Возмездие: Причины русской катастрофы. Борлнн, 1925. С. 223.
 114 ЦГАСА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 361. Л. 12.

Ленинский курс на привлечение командного состава старой армии к военному строительству и защите Советского государства

ПРИВЛЕЧЕНИЕ БЫВШИХ ГЕНЕРАЛОВ И ОФИЦЕРОВ НА СЛУЖБУ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ ОКТЯБРЯ

Наряду со сломом старой армии, в том числе ее офицерского корпуса, первым звеном ленинского плана организации защиты завоеваний Октябрьской революции было подавление антисоветских мятежей и очагов вооруженного сопротивления внутренней контрреволюции¹.

В выполнении этой задачи участвовали многие видные руководители Красной гвардии, среди которых были и представители командного состава старой армии, преимущественно бывшие офицеры военного времени. Так, например, командирами трех крупных отрядов, принимавших участие в борьбе с каледищиной, ликвидацию которой В. И. Ленин расценивал как первую победу над контрреволюцией в гражданской войне², были офицеры военного времени прапорщики Ю. В. Саблин, Р. Ф. Сиверс и Г. К. Петров; революционными войсками, наступавшими в это время с юга на Ростов и взявшими город 23 февраля 1918 г., командовал прапорщик А. И. Автономов. Во главе советских войск, нанесших поражение Добровольческой армии под Екатеринодаром, наряду с Автономовым находился прапорщик И. Л. Сорокин. Крупную роль в ликвидации первых очагов контрреволюции сыграли офицеры военного времени Р. И. Берзин, Е. М. Венедиктов, А. Ф. Ильин-Женевский, Н. В. Крыленко, И. П. Павлуновский, С. И. Петриковский (Петренко), М. К. Тер-Арутюнянц и др. Служили в Красной гвардии и бывшие кадровые офицеры (И. И. Вацетис, В. В. Каменщиков, Н. Д. Каширин, Н. Г. Крапивянский и др.).

Важно отметить, что уже в период организации разгрома первых очагов контрреволюции В. И. Ленин советовал В. А. Антонову-Овсеенко, назначенному командующим советскими войсками внутреннего фронта для борьбы с контрреволюцией, смелее привлекать военных специалистов в качестве инструкторов, особенно для организации штабов³.

Сотрудничество части командного состава старой армии с Советской властью как для непосредственного руководства боевыми действиями против внутренних сил контрреволюции, также и в

качестве военных консультантов, экспертов, инструкторов и т. д. началось буквально с первых дней существования Советской власти: уже 25 октября (7 ноября) в 12 часов 50 минут исполняющий должность начальника 106-й пехотной дивизии Генштаба полковник М. С. Свечников, член партии большевиков с мая 1917 г., телеграфировал в Петроград из Финляндии, где дислоцировалась дивизия, о готовности дивизии выступить на защиту Октябрьской революции¹.

ЦК РСДРП(б), Совнарком и Военно-революционный комитет создали 27 октября (9 ноября) комиссию во главе с В. И. Лениным для руководства обороной Петрограда от наступивших на столицу контрреволюционных войск Керенского-Краснова². В ночь с 27 на 28 октября (с 9 на 10 ноября) В. И. Ленин заслушал в штабе Петроградского военного округа (Дворцовая площадь, 4) В. А. Антонова-Овсеенко, К. А. Мехоницина и Н. И. Подвойского о положении под Петроградом. Поставив задачу штабу ВРК по организации защиты города, он назначил начальником обороны Петрограда и Петроградского района подполковника М. А. Муравьева³. 28 октября (10 ноября) Муравьев был назначен командующим войсками Петроградского военного округа: комиссаром к нему был направлен член ВРК большевик К. С. Еремеев, помощником Муравьева стал Антонов-Овсеенко, а должность начальника штаба дал согласие занять полковник П. Б. Вальден, выборный командир гвардии резервного 2-го Царскосельского полка.

Муравьев был левым эсером и вместе с другими членами этой партии предложил ЦК партии большевиков свои услуги для борьбы с контрреволюцией еще накануне Октября. Он обладал организаторскими способностями, имел боевой опыт и, следовательно, как военный специалист был полезен для организации обороны Петрограда. «Талантливый бесспорно, но ненадежный», — отзывался о нем В. И. Ленин⁴. Политический авантюризм и диктаторские замашки Муравьева выявились очень скоро⁵, в результате чего постановлением Совнаркома от 7(20) ноября 1917 г. он был освобожден от исполнения обязанностей командующего по обороне Петрограда и войсками Петроградского военного округа, на эту должность был назначен В. А. Антонов-Овсеенко⁶.

События, связанные с ликвидацией контрреволюционной Ставки в Могилеве, в советской исторической литературе изложены достаточно подробно⁷. Поэтому остановимся лишь на вопросе, имеющем непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме, а именно привлечении к сотрудничеству с Советской властью офицеров одного из самых важных управлений Ставки — Управления генерал-квартирмейстера.

19 ноября (2 декабря) 1917 г. в 4 часа утра в Ставку прибыла делегация от Н. В. Крыленко (который в это время находился в Орше) во главе с состоявшим при нем генералом С. И. Одинцовым, который сразу же после Октябрьской револю-

ции являлся как бы посредником между Наркомвоеном и управляющим Военным министерством генералом А. А. Машиковским. В ходе переговоров со сторонниками подчинения Ставки Советской власти и сдачи ее без боя (в частности, комендантом Могилева генералом М. Д. Бонч-Бруевичем, старшим среди начальников управлений Ставки генерал-инспектором инженерной части генералом К. И. Величко, состоявшим при Ставке бывшим главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта генералом Алексеем Е. Гутором) Одинцов сориентировал их в отношении подготовки и проведения мирных переговоров, а также реорганизации Ставки и дальнейшего ее использования в интересах Советской власти.

После того как в ходе переговоров выяснилось, что революционным войскам никакого сопротивления со стороны частей, составлявших гарнизон Могилева, в том числе со стороны охранявшего Ставку Георгиевского батальона, оказано не будет, на следующий день утром в Могилев прибыл во главе революционных войск верховный главнокомандующий Крыленко. Таким образом, в том, что контрреволюционная Ставка была ликвидирована так легко и при этом удалось избежать кровопролития, большая заслуга принадлежала генералам и офицерам, в частности Одинцову. В связи с этим вызывает недоумение утверждение автора одной из статей о ликвидации контрреволюционной Ставки, который отнес Одинцова к изменникам⁸.

В советской исторической литературе существует мнение, что уже с началом Октябрьской революции из Могилева началось повальное бегство чинов Ставки, а сама Ставка при вступлении в нее революционных войск 20 ноября (3 декабря) была разгромлена. Так, в литературе и даже в архивных документах указывается: «Ставка разбегается. Офицеры разъезжаются... солдаты в Ставке арестовывают офицеров и отбирают автомобили»⁹, «офицерство и сочувствовавшие им из Ставки бегут»¹⁰, «Ставка таяла...»¹¹ и так далее. А в статье М. С. Лазарева сказано, что переговоры в Ставке 20 ноября (3 декабря) проходили тогда, когда уже «основные чины контрреволюционной Ставки бежали из Могилева и Быхова. 19 ноября покинули Могилев генерал-квартирмейстер Дитерихс... почти все офицеры оперативного отдела Верховного главнокомандующего»¹². В этих двух фразах Лазарев допускает ряд ошибок: во-первых, в Быхове никаких чинов контрреволюционной Ставки не было: там находились отстраненные от должности и арестованные Временным правительством генерал Л. Г. Корнилов и его единомышленники; во-вторых, генерал М. К. Дитерихс, впоследствии активный сотрудник адмирала А. В. Колчака, передал должность генерал-квартирмейстера генералу В. Е. Скалону еще 8(21) ноября¹³, после чего находился в Ставке без должности, но в качестве главного советника Духовина. С приближением к Могилеву революционных войск Дитерихс укрылся во французской военной миссии, переоделся в форму французского солдата и 18 ноября (1 декабря) в

составе этой миссии выехал в Киев; в-третьих, фраза о том, что «почти все офицеры оперативного отдела» (кстати сказать, тако-го органа в Ставке не было — было Управление генерал-квартирмейстера) бежали из Могилева, также не соответствует действительности: находившиеся с 19 ноября (2 декабря) под домашним арестом по месту проживания в гостинице «Бристоль» чины Ставки уже вечером 20 ноября (3 декабря) были освобождены и вернулись к исполнению своих обязанностей, что можно проследить и на примере Управления генерал-квартирмейстера.

В этом управлении на 19 октября (1 ноября) 1917 г. состояли 17 офицеров Генерального штаба, в том числе два генерала (М. К. Дитерихс и В. Е. Скалон), шесть полковников (П. А. Базаров, Н. Я. Капустин, Г. Т. Киященко, П. А. Кусонский, М. С. Михалькович, Б. Н. Сергеевский), шесть подполковников (К. Б. Болецкий, А. В. Румянцев, Д. Н. Тихобразов, П. А. Чебыкин, К. Г. Язвин, Я. А. Яковлев) и три капитана (А. В. Кожеников, А. А. Колчинский, А. М. Шкеленко). В период с 19 октября (1 ноября) по 19 ноября (2 декабря) в управление прибыли два полковника — Л. К. Александров и Г. К. Гук; подполковнику Болецкому был предоставлен отпуск с 1(13) ноября на пять недель. Таким образом, в управлении на 19 ноября (2 декабря) было 18 офицеров¹⁷. Из этого числа из Ставки бежали два человека: Дитерихс и начальник 1-го отдела Кусонский, который убыл якобы в отпуск по 24 декабря 1917 г. (6 января 1918 г.) «с сохранением содержания»¹⁸, а в действительности был направлен Духониным в Старый Быхов с предписанием об освобождении из-под стражи Корнилова и его единомышленников. Как мы видим, из 18 офицеров Управления генерал-квартирмейстера покинули Ставку только два человека. Где же здесь бегство из Могилева «почти всех офицеров оперативного отдела»?

20 ноября (3 декабря) в должность начальника штаба верховного главнокомандующего вступил М. Д. Бонч-Бруевич, а на следующий день «начальники отделов Ставки и весь ее состав был представлен новому главноверху (Н. В. Крыленко.— А. К.); они единодушно обещали работать на пользу армии»¹⁹. С образованием Революционного Полевого штаба при Ставке полковник И. И. Вацетис и подполковник В. В. Каменщиков вошли в его состав.

Бывшие генералы и офицеры принимали активное участие в качестве военных консультантов и в мирных переговорах в Брест-Литовске. Так, С. И. Одинцов в первой половине ноября 1917 г. обратился с письмом в Наркоминдел с предложением создать из генералов и офицеров группу военных экспертов для оказания помощи в разработке военно-технических вопросов перемирия с Германией. В. И. Ленин, придавая большое значение обеспечению военной стороны этих переговоров, в письме Одинцову от 15(28) ноября дал указание собрать 16(29) ноября утром согласных сотрудничать с Советской властью штабных офицеров

и генералов и прислать к вечеру краткий конспект вопросов о перемирии (определение линии фронта, условие о неотводе войск на другие фронты, меры контроля и т. п.), а также порекомендовать военных экспертов для непосредственного участия в переговорах²⁰.

Переговоры об общем перемирии между Советской Россией и странами Четверного союза должны были происходить в Брест-Литовске, где находился штаб главнокомандующего германским Восточным фронтом. В. И. Ленин считал целесообразным включить в состав советской делегации по одному офицеру Генерального штаба от фронтов и представителей Балтийского и Черноморского флотов. Эти представители должны были прибыть в Петроград для «составления редакции проекта договора»²¹. В состав группы военных экспертов входили: генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем Генштаба генерал В. Е. Скалон²², состоящий при начальнике Генштаба генерал Ю. Н. Данилов, помощник начальника Морского Генерального штаба контр-адмирал В. М. Альтфатер, начальник Николаевской военной академии Генштаба генерал А. И. Андоский, генерал-квартирмейстеры штаба 10-й армии Генштаба генерал А. А. Самойло, штаба 2-й армии Генштаба полковник В. И. Шипкин, штаб-офицер для поручений по авиации отдела генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии Генштаба подполковник Д. Г. Фокке, старшие адъютанты отдела генерал-квартирмейстера штаба 1-й и 5-й армий Генштаба подполковники К. Ю. Берендс и В. Г. Сухов, начальник отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Северного фронта Генштаба подполковник Ф. А. Мороз, помощник начальника контрразведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта Генштаба подполковник И. Я. Цеплит и помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 10-й армии Генштаба капитан В. А. Липский²³.

Таким образом, участие военных специалистов обеспечило бескровную ликвидацию контрреволюционной Ставки и помогло советской делегации в решении военно-технических вопросов во время переговоров в Брест-Литовске.

Рассмотрим сотрудничество бывших генералов и офицеров старой армии с Советской властью в период слома Военного министерства, которое накануне Октября 1917 г. состояло из Главного штаба, восемнадцати управлений, в том числе девяти главных и пяти управлений генерал-инспекторов, а также других учреждений. Общая численность офицерских и классовых чинов в министерстве достигла 3 тыс. человек, а с учетом солдат, проходивших службу писарями, шоферами, вахтерами, дворниками и т. д., она была в полтора раза больше²⁴.

Почти во всех работах советских историков, посвященных советскому военному строительству, в какой-то степени освещается проблема слома военного аппарата Временного правительства,

и в частности Военного министерства. Для того чтобы не повторяться, остановимся лишь на одном вопросе, имеющем непосредственное отношение к рассматриваемой теме: как умелое использование предложивших свои услуги Советской власти генералов и офицеров Военного министерства позволило сделать его органом, в котором, по авторитетному свидетельству Н. В. Крыленко, «ни на один день не было саботажа в тех острых формах, в каких он проявился в министерствах финансов, просвещения и др.»²⁵. Это свидетельство для нас особенно важно, ибо В. И. Ленин ценил Крыленко как «одного из самых... близких к армии представителей большевиков»²⁶.

25 октября (7 ноября) 1917 г. временно управляющий Военным министерством генерал А. А. Маниковский был арестован в Зимнем дворце вместе с министрами Временного правительства. В связи с этим на общих собраниях некоторых категорий служащих Военного министерства были приняты резолюции «протеста против новой власти с приглашением остановить всякую работу»²⁷. Учитывая, что Маниковский был общепризнанным знатоком в деле снабжения армии всеми видами довольствия и пользовался «всеобщей любовью и уважением не только среди чинов Военного министерства, но и среди рабочих и служащих заводов, обслуживающих оборону»²⁸, он был выпущен из Петропавловской крепости и 30 октября (12 ноября) вернулся к исполнению своих обязанностей. После этого уже через четыре дня учреждения Военного министерства «заработали»²⁹.

По вступлении в должность Маниковский направил телеграмму всем командующим войсками и главным начальникам военных округов, а также «войсковому наказному атаману Всевеликого войска Донского» (т. е. выступившему в числе первых против Советской власти генералу А. М. Каледину.— А. К.). В ней говорилось, что он, Маниковский, согласился по-прежнему руководить делом снабжения армии на условиях (и ему обещано их соблюдение), что работа Военного министерства будет осуществляться «вне всякой политики, совершенно независимо от какой бы то ни было партийности и без всякой помехи кого бы то ни было»: телеграмма заканчивалась словами: «Никто не может быть отстранен от должности без моего ведома и согласия, в случае наличия подобных явлений прошу срочно мне донести»³⁰.

Содержание телеграммы Маниковского показало, что Наркомвоену нужно было «как можно быстрее взять в свои руки бывшее Военное министерство» для того, чтобы подобно Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве оно не превратилось в еще один «очаг контрреволюции» уже в Петрограде³¹.

В течение 3—5 (16—18) ноября 1917 г. в Наркомвоене был проведен ряд заседаний, на которых ставился вопрос «о реорганизации управления бывшего Военного министерства»³²; во все главные управления, в частности, были направлены комиссары, без подписи которых не мог выйти ни один документ, в противном случае его следовало считать недействительным.

В результате к 10(23) ноября выяснилось, что «подавляющее большинство служащих главных управлений совершенно ясно отдаст себе отчет в том, что, пока на фронте существует 10-миллионная армия, до тех пор не может быть и речи о прекращении центральным аппаратом обслуживания ее насущнейших жизненных потребностей и что забастовка главных управлений Военного министерства могла бы повести к неисчислимым бедствиям не только всей многомиллионной армии, но и связанного с нею населения»³³. В этом плане и была вынесена общая резолюция служащих Военного министерства, выработанная избранной особой комиссией; решение этой комиссии было объявлено с согласия Н. И. Подвойского и Н. В. Крыленко в приказе Маниковского от 10(23) ноября 1917 г. С этого момента ответственным за работу Военного министерства стал Подвойский, а непосредственная связь между Наркомвоенем, с одной стороны, и Маниковским — с другой, осуществлялась через Генштаба генерала С. И. Одицова. Однако Маниковский в своей деятельности пытался игнорировать проведение демократизации в армии, в частности препятствовал замене командного состава выбранными лицами. В то же время начальник Генерального штаба В. В. Марушевский вел переговоры с Духониним, направленные против Советской власти, и пытался саботировать подготовку военных экспертов для включения в состав делегации, направленной Советским правительством на фронт с задачей ведения переговоров о перемирии с государствами Четверного союза.

В связи с этим 19 ноября (2 декабря) 1917 г. Совнарком, обсудив положение в бывшем Военном министерстве, постановил арестовать А. А. Маниковского и В. В. Марушевского, а также немедленно начать энергичную чистку Военного министерства с удалением ненадежных элементов высшего командного состава³⁴. На следующее утро Маниковский и Марушевский были арестованы. Как писал Н. В. Крыленко, «при первой же попытке самостоятельной и независимой работы Маниковский вторично сел в тюрьму и вся сеть армии служащих была принуждена сложить оружие»³⁵.

23 ноября (6 декабря) 1917 г. в кабинете начальника Генерального штаба состоялось совещание начальников главных управлений Военного министерства. Присутствовали: Генштаба генерал Н. М. Потапов, начальник Главного штаба Генштаба генерал А. П. Архангельский, начальники главных управлений: артиллерийского (генерал В. А. Ляхович), интендантского (Генштаба генерал Н. И. Богатко), военно-технического (генерал А. В. Шварц), военно-судного (генерал В. А. Апушкин), пограничному снабжению (Генштаба генерал А. А. Михельсон), по квартирному довольствию войск (генерал И. К. Гаусман), военно-учебных заведений (Генштаба генерал Н. А. Хамин); кроме того, на совещании были начальник канцелярии Военного министерства Генштаба генерал В. И. Сурин, начальник управления Военного воздушного флота генерал Д. В. Яковлев и др.

Охарактеризовав обстановку, сложившуюся в Военном министерстве в связи с арестом его управляющего А. А. Маниковского и начальника Генштаба В. В. Марушевского, Потапов сообщил, что он назначен начальником Генштаба²⁶, а управление Военным министерством переходит к коллегии: наркомвоену Н. И. Подвойскому и товарищам наркомвоенна — К. А. Мехоношину, Э. М. Склянскому и Б. В. Лиграну; при этой коллегии Потапов дал согласие состоять на правах помощника управляющего Военным министерством²⁷.

Подобное решение Потапова имело исключительно важное значение для реорганизации этого министерства и его дальнейшей деятельности. В самом деле, при отказе Потапова должность управляющего Военным министерством должен был бы занять Н. И. Подвойский или кто-либо из Наркомвоенна; в этом случае все начальники главных управлений обязаны были бы являться лично к нему с докладами, что могло вызвать нежелательные конфликты и повлечь за собой разрушение всего аппарата Военного министерства²⁸. В случае же принятия Потаповым обязанностей по управлению Военным министерством начальники его главных управлений получили бы возможность личного доклада и контактов только с Потаповым, человеком, которого они знали по прежней службе. Со своей стороны Потапов имел бы непосредственный контакт с Н. И. Подвойским как с представителем Наркомвоенна, ответственным за работу бывшего Военного министерства.

Таким образом, благодаря твердой и вместе с тем гибкой политике по отношению к служащим бывшего Военного министерства и умелому использованию бывших генералов и офицеров удалось сравнительно безболезненно реорганизовать этот важный орган военного управления и использовать его в интересах Советского государства.

Рассмотрим вопрос о привлечении командного состава старой армии на службу в Главное управление военно-учебных заведений, бывшее «первым военным учреждением, которое стало на точку зрения использования военных специалистов»²⁹.

Приказом Наркомвоенна № 104 от 28 января (10 февраля) 1918 г.³⁰ было объявлено положение «Об ускоренных курсах по подготовке комсостава Рабоче-Крестьянской Красной Армии» с целью подготовки инструкторов военного дела, стоящих на платформе Советской власти, а приказом Наркомвоенна № 130 от 14 февраля 1918 г. — открыты первые тринадцать советских военно-учебных заведений — курсов по подготовке командного состава РККА. Открытие указанных курсов возлагалось на окружные комиссариаты под наблюдением местных Советов и руководством Главного комиссариата всех военно-учебных заведений. При каждом из этих курсов создавалась организационная комиссия в составе пяти человек: заведующего курсами, представителя от местного Совета рабочих и солдатских депутатов, бывшего училищного комиссара и двух курсовых комиссаров. Кроме того,

организационные комиссии имели право привлекать к работе заведующего учебной частью курсов и преподавательский состав. Окружным комиссариатом было предложено принять «немедленные меры к очищению в недельный срок помещений... бывших военных училищ, предназначенных для курсов по подготовке командного состава для Рабоче-Крестьянской Красной Армии, от войсковых частей, общественных и других организаций, занимающих таковые в настоящее время»³¹.

При открытии курсов возник вопрос о привлечении к делу создания новых военно-учебных заведений кадрового командного состава старой армии, так как сколько-нибудь планомерная постановка военного обучения не могла, естественно, быть организована без участия в этом деле квалифицированных кадров бывшего Главного управления военно-учебных заведений. Эта задача «была не из легких: правительственные сферы (в лице руководителей Наркомвоенна.—А. К.) были тогда еще далеки от мысли привлечения» бывших офицеров, а последние «недоверчиво относились к создаваемой Красной Армии»³². Большую роль в привлечении к военно-педагогической работе командного состава старой армии сыграли руководящие работники Главного управления военно-учебных заведений. Они провели многочисленные собрания с участием бывших офицеров, «убеждали их идти на службу Советской России», разъясняя им вопрос о реформе военно-учебного дела в «духе новых общественно-политических соотношений»³³.

В результате проведенной работы многие бывшие генералы и офицеры, имевшие богатый опыт службы в военно-учебных заведениях, дали согласие работать на новых курсах. Так, в частности, заведующим 2-ми советскими артиллерийскими курсами по подготовке командного состава РККА приказом Наркомвоенна был назначен С. Н. Бутыркин (бывший генерал, с февраля 1915 г. — начальник Константиновского артиллерийского училища)³⁴. Заведующие учебной частью курсов и их помощники должны были избираться «педагогическим советом курсов из числа лиц с соответствующим военным образованием, имеющих педагогический опыт (на артиллерийские и инженерные курсы — из лиц, окончивших соответствующие академии)»³⁵.

В ноябре 1919 г. должность главного комиссара военно-учебных заведений была упразднена и объединена с должностью начальника Главного управления военно-учебных заведений, при котором состояли три помощника (по политической, учебной и административной части)³⁶. Если в 1918 г. численность управления военно-учебных заведений (с 6 декабря 1918 г. оно было переименовано в Главное управление — ГУВУЗ) составляла 163 человека, то в 1919 г. — 249 человек³⁷.

Порядок приема на службу в ГУВУЗ был установлен следующий: лица, изъявившие желание служить в ГУВУЗ, подавали заявление с приложением анкетных карточек и аттестаций; окончательное решение вопроса о приеме на службу зависело от

комиссара и начальника ГУВУЗ. Кандидат принимался по приказу с испытательным 2-недельным (для начальников отделений — 2-месячным) сроком, после чего следовало или утверждение в занимаемой должности, или отчисление в распоряжение Военного комиссариата г. Москвы. По образовательному уровню сотрудники ГУВУЗ к сентябрю 1918 г. разделялись следующим образом: с высшим образованием — 34 человека, средним — 99, низшим — 71, причем наибольший процент лиц с высшим образованием (15,4) приходился на занимавших в Главном управлении высшие должности; коммунистов было 9 (4,1%), сочувствующих — 27 (42,3%), принадлежавших к другим партиям — 3 (1,3%), беспартийных — 181 (82,3%)²¹.

С июля 1918 г. в ГУВУЗ приступили к составлению программ по военным дисциплинам, для чего под председательством заведующего учебной частью была создана комиссия, разделенная на подкомиссии: по тактике и уставам (председатель — начальник отделения пехотных и кавалерийских курсов, бывший Генштаба генерал М. А. Стугин), по артиллерии (председатель — инспектор при военно-учебных заведениях, бывший полковник Н. М. Александр), по фортификации (председатель — заведующий учебной частью военно-учебных заведений, бывший полковник Э. Ф. Флейснер), по военной топографии (председатель — инспектор при военно-учебных заведениях, бывший подполковник В. Р. Канненберг). Подкомиссия по всем общеобразовательным предметам проводила заседания под председательством Н. М. Александра.

Преподавательский состав на созданных первых 13 курсах сначала был «приватный», т. е. преподаватели имели постоянную работу в каких-либо других учебных заведениях, а преподавание на курсах рассматривали как «огхожий промысел»; затем на курсах ввели институт штатных преподавателей, для которых было выработано особое положение. При утверждении штатных преподавателей за основу брался образовательный ценз, преподавательский стаж, а для преподавателей военных предметов — и боевой опыт. Основной контингент строевого состава курсов в первое время состоял из бывших офицеров военного времени, имевших, как указывалось выше, недостаточную общеобразовательную и военную подготовку. В связи с этим часть строевого командного состава курсов была заменена бывшими кадровыми офицерами, а из бывших офицеров военного времени на курсах оставлены лишь наиболее подготовленные. В результате к 25 сентября 1918 г. 243 человека преподавательского и административно-хозяйственного состава одиннадцати из тринадцати курсов имели следующий общеобразовательный ценз: с высшим образованием — 14 человек (6,2%), средним — 105 (42,8%), с низшим — 53 (21,8%)²²; коммунистов было 27 (11,1%), «аполитичных» — 193 (79,4%)²³. В 1919 г. на ответственных административно-хозяйственных и преподавательских должностях курсов состояло 3857 лиц, из них коммунистов было 244 (6,3%), сочувствую-

щих — 1220 (31,6%), членов других партий — 12 (0,3%), «аполитичных» — 2315 (60,1%)²⁴.

Для повышения уровня преподавания и строевого обучения заведующими курсов назначались бывшие генералы и офицеры, имевшие большой боевой и строевой опыт, во главе же учебной части стояли лица с высшим военным образованием (преимущественно бывшие офицеры Генерального штаба), причем предпочтение отдавалось тем, кто имел педагогический стаж. На тех курсах, где заведующие учебной частью не имели высшего военного образования, его должны были иметь заведующие курсами²⁵. Выполнение этого условия гарантировало руководству ГУВУЗ то, что «учебное дело на курсах будет поставлено на должную высоту»²⁶.

Как отмечалось выше, сотрудничество части командного состава старой армии с Советской властью началось буквально с первых же дней и месяцев после победы Октября (в Ставке Верховного главнокомандующего, в составе советской делегации при ведении мирных переговоров в Брест-Литовске, в Военном министерстве, при создании первых советских военно-учебных заведений и т. д.). Однако проблема привлечения командного состава старой армии в широких масштабах стала назревшей задачей дня лишь в связи с необходимостью отражения молодой Советской Республикой интервенции Четверного союза, начавшейся в феврале 1918 г. Откликнувшись на призыв Советской власти, сотни и тысячи бывших генералов и офицеров добровольно вступили в Красную Армию, приняв активное участие в боевых действиях. Именно со времени, когда был заключен Брестский мир, началось использование знаний и опыта военных специалистов для создания крепкой и прочной армии для защиты завоеваний Октября.

В советской историографии уже освещен комплекс вопросов, связанных с привлечением к обороне страны командного состава старой армии²⁷. Тем не менее представляется целесообразным обстоятельнее рассмотреть указанный аспект, и прежде всего характер и роль совещаний с участием военных специалистов.

Как известно, нарушив соглашение о перемирии от 1(14) января 1918 г., кайзеровские войска 18 февраля перешли в наступление на Петроградском направлении с задачей ударом на Псков, Юрьев, Ревель и Нарву окружить и разбить противостоящие русские войска. Потерявшие боеспособность остатки старой армии, увлекая за собой красногвардейские отряды, начали отход, который на многих направлениях «вылился в панику и повальное бегство, сопровождавшееся массовым дезертирством»²⁸. В результате весь фронт был, в сущности, «обнажен» для свободного продвижения противника²⁹, что позволило ему выйти на рубеж Ревель — Псков, угрожая Петрограду, а также продвинуться к Орше и Могилеву в направлении на Москву.

Уже 19 февраля состоялось заседание Совнаркома, на котором из представителей военного и морского ведомств по предложению В. И. Ленина было создано Особое совещание по борьбе с вторг-

шимися на территорию Советской России кайзеровскими войсками³⁷. Важнейшее условие организации эффективного сопротивления врагу В. И. Ленин видел «в сочетании огромной революционной энергии и творчества трудящихся масс, умелого руководства закаленных в классовых битвах кадров большевистской партии с военными знаниями и боевым опытом... части старой офицерского корпуса»³⁸. При этом помощь со стороны военных специалистов должна была выразиться прежде всего в оценке создавшейся обстановки и выработке плана действий как на всем фронте вторжения противника, так и на главных направлениях его наступления.

Для решения этой задачи 20 февраля в 14 часов в Петрограде, в здании Военного министерства, было созвано совещание, на котором присутствовали: от военного ведомства — народные комиссары по военным делам Н. И. Подвойский и Э. М. Склянский, верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко; от Главного управления Генерального штаба — начальник Генерального штаба бывший Генштаба генерал Н. М. Потапов, его помощник бывший Генштаба генерал М. П. Каменский, 1-й обер-квартирмейстер бывший Генштаба генерал Э. А. Верцинский и состоящий в распоряжении начальника Генерального штаба бывший Генштаба генерал Г. Г. Гиссер; от Николаевской военной академии — ее начальник бывший Генштаба генерал А. И. Андогский и экстраординарные профессора бывшие Генштаба генералы В. Е. Борисов и В. Ф. Новицкий; от морского ведомства — народные комиссары по морским делам П. Е. Дыбенко и Ф. Ф. Раскольников, член коллегии Наркомата по морским делам и помощник начальника Морского Генерального штаба бывший контр-адмирал В. М. Альтфатер³⁹.

Н. В. Крыленко на основании полученных с фронта сведений сделал общий обзор сложившейся тяжелой обстановки. Н. М. Потапов, сообщив разведывательные данные о противнике, предложил «наметить в тылу линию сосредоточения... ввести отступление в русло и устроить вновь войска», одновременно организуя «партизанскую войну, базируясь на узловых пунктах обороны». Борисов и Новицкий, который занимал до назначения в академию должность главнокомандующего армиями Северного фронта, решительно высказывались против оказания кайзеровским войскам вооруженного сопротивления, в том числе и в форме партизанской войны. «Едиственный план, — заявил Борисов, — ввести войска в тыл, наметить... узлы, где собрать группы и устроить войска. При нынешних громадных армиях и многочисленных путях сообщения партизанская война наступления не остановит»⁴⁰. Подвойский поддержал мнение Борисова и Новицкого и сказал, что это совещание является подтверждением доверия Советской власти к перешедшим на ее сторону военным специалистам. У Советской власти, продолжал он, существует доверие и к военным начальникам в Красной Армии и мнение, что за ними «надо сохранить оперативную часть, а за совдепами — военно-

политическую»; поскольку в этом вопросе существуют «неясности и трудности этого деления», следует издать «по этому поводу особый регламент»⁴¹. В заключение совещание приняло решение об отходе на линию Нарва—Псков—Жлобин—Бердичев—Одесса и перенесении оперативного отдела Ставки верховного главнокомандующего во главе с М. Д. Бонч-Бруевичем из Могилева в Петроград.

Поздно вечером 20 февраля состоялось заседание Совнаркома, на котором рассматривался вопрос о мобилизации сил на отпор врагу. Для «создания непрерывности работ» правительства Совнарком выделил из своего состава Временный исполнительный комитет (из пяти членов во главе с В. И. Лениным), которому поручалось вести всю государственную текущую работу в промежутки между заседаниями СНК и на началах ответственности перед ним⁴². В ночь на 21 февраля комитет принял обращение Совнаркома «К трудящемуся населению всей России», призывав к защите от врагов «извне и внутри»⁴³.

В связи с известием о занятии кайзеровскими войсками Пскова⁴⁴ 21 февраля было назначено новое совещание, которое началось в здании Военного министерства. На совещании присутствовали: народные комиссары по военным делам Л. Д. Троцкий, Н. И. Подвойский, Н. В. Крыленко, а также И. В. Сталин и Г. Е. Зиновьев; военные специалисты бывшие Генштаба генералы А. А. Балтийский, В. Е. Борисов, В. Ф. Новицкий, В. А. Черемисов и Э. А. Верцинский; с опозданием на совещание прибыли комендант Ревельской крепости бывший Генштаба генерал П. И. Измestьев и Генштаба полковник И. Г. Пехливанов⁴⁵.

Затем участники совещания были приглашены в Смольный в кабинет В. И. Ленина⁴⁶. Совещание продолжалось с доклада Н. В. Крыленко, из военных специалистов выступали преимущественно Борисов и Новицкий, которые повторили указанную выше точку зрения, прибавив, что в случае наступления кайзеровских войск на Петроград, можно ожидать их попытку продвигаться от Пскова на Дно — Бологое, чтобы перерезать Николаевскую железную дорогу и нарушить связь с Москвой.

На этом совещании, которое продолжалось «вряд ли более часа», В. И. Ленин, по свидетельству Н. М. Подвойского, поставил перед военными специалистами три вопроса: будут ли немцы пытаться овладеть Петроградом, следует ли защищать город и целесообразно ли правительству оставаться в Петрограде. На эти вопросы были даны аргументированные ответы: немцы не будут пытаться овладеть Петроградом, а потому создавать оборону на дальних подступах к городу не следует. Что же касается местопребывания правительства, то ему следует выехать из Петрограда. В заключение выступил В. И. Ленин, который сказал, что он «совершенно согласен с военными специалистами», что «серьезная борьба с немцами нам невозможна»⁴⁷. Поэтому следует, не останавливая мобилизацию сил для отпора врагу, продолжать переговоры с целью подписания мирного договора.

Совещание в кабинете В. И. Ленина в Смольном 21 февраля показало его выдающуюся роль в деле обороны Советской Республики, что было признано даже военным специалистом, оказавшимся после увольнения из Красной Армии в эмиграции; по свидетельству Верцинского, В. И. Ленин «быстро приходил к принципиальным решениям вопросов и несомненно доминировал над остальными»⁶⁸. Подвойский впоследствии писал, что «для организаторов советского военного дела и Красной Армии Владимир Ильич был не только председателем Совнаркома и вождем партии. Для них он был чутким и знающим руководителем и учителем»⁶⁹.

Оценка стратегического положения страны и путей организации вооруженного сопротивления кайзеровским войскам, выработанная на совещании 21 февраля в Смольном, несомненно, нашла отражение в написанном в этот же день В. И. Лениным, одобренном Временным исполнительным комитетом и принятом в ночь на 22 февраля историческом декрете — воззвании Совнаркома «Социалистическое отечество в опасности!». В этом документе, в частности, говорилось, что создание оборонительных позиций «по линии нового фронта» должно проводиться «под руководством военных специалистов»⁷⁰.

Первоочередной задачей при организации обороны Советской Республики являлось создание органов военно-политического и оперативно-стратегического руководства вооруженной борьбой как в масштабе страны, так и на главных стратегических направлениях в районах, попавших в сферу интервенции Четверного союза. В связи с этим 21 февраля был создан Чрезвычайный штаб Петроградского военного округа, которому поручалось «немедленно перевести г. Петроград на осадное положение»⁷¹; тогда же на пленарном заседании Петроградского Совета был образован (а на следующий день расширен путем включения представителей ВЦИК и членов Чрезвычайного штаба) Комитет революционной обороны Петрограда под председательством Я. М. Свердлова⁷²; этот комитет стал фактически всероссийским органом по руководству обороной страны, деятельность которого направлял В. И. Ленин.

22 февраля по вызову Совнаркома в Петроград из Могилева специальным поездом прибыли 12 бывших генералов и офицеров Ставки во главе с начальником штаба верховного главнокомандующего бывшим Генштаба генералом М. Д. Бонч-Бруевичем (бывшие Генштаба генералы С. Г. Лукирский, А. С. Гришинский, Н. И. Раттэль, Н. А. Сулейман, М. М. Загю и др.). Несмотря на поздний час, они были приняты в Смольном В. И. Лениным, который поставил им задачу спешно выработать план обороны Петрограда и заняться формированием отрядов для посылки на фронт⁷³. «Немедленно по распоряжению Ленина, — вспоминает М. Д. Бонч-Бруевич, — нам была отведена в Смольном институтская комната, где и начал работать будущий Военный совет... В. И. Ленин в это время с неослабным интересом два раза в

день интересовался нашей работой. Все детали, все мелочи хода борьбы, организации отрядов ему были известны»⁷⁴. Затем военные специалисты были приглашены на чрезвычайное заседание расширенного Президиума ВЦИК, на котором председательствовал Я. М. Свердлов; последний предложил М. Д. Бонч-Бруевичу «рассказать собравшимся о тех основных мерах, которые мы, военные специалисты, рекомендуем принять»⁷⁵. 22 февраля М. Д. Бонч-Бруевич направил обращение к командованию Северного и Западного фронтов и Советам городов прифронтной полосы с призывом «организовать оборону на рубеже Нарва—Псков—Витебск—Могилев—Жлобин—Бердичев—Одесса»⁷⁶.

Важно подчеркнуть, что в то время, когда многие военные работники партии вообще отрицали возможность какого бы то ни было использования знаний и опыта бывших генералов и офицеров в интересах Советского государства, В. И. Ленин считал возможным доверить им командование важнейшими боевыми участками для отражения интервенции кайзеровских войск. Так, командующим советскими войсками на Псковском направлении был назначен бывший Генштаба полковник И. Г. Пехливанов; Финляндского, Нарвского и Перховского районов — бывшие Генштаба генералы Д. Н. Надежный, Д. П. Парский и Ф. А. Подгурский; инженерную оборону Петрограда возглавил бывший генерал К. И. Величко.

В эти критические дни члены Комитета революционной обороны Петрограда В. Володарский и М. Урицкий выступили с обращением «Ко всем кадровым офицерам», в котором говорилось, что для успешного отражения врага необходимо «немедленно сформировать рабочих и дать им минимум тех знаний, которые им нужны для успешной обороны», в связи с чем комитет постановил, что «все кадровые офицеры... должны немедленно явиться и зарегистрироваться в Маринский дворец»⁷⁷.

Для рассматриваемой проблемы этот документ имел исключительно важное значение. Если в первое время после Октябрьской революции отдельные представители командного состава старой армии, сразу же признавшие Советскую власть, сами предлагали ей свои услуги, то данное обращение к бывшим генералам и офицерам с просьбой оказать помощь Советскому государству своими профессиональными военными знаниями исходило уже непосредственно от Советской власти.

На это обращение в исключительно трудное для молодой Советской Республики время откликнулись сотни и тысячи бывших генералов и офицеров, которые, не являясь сторонниками нового общественного строя, добровольно вступили в Красную Армию. При этом они заявляли, что являются противниками «братоубийственной» (гражданской) войны, но готовы отдать свои знания, опыт и силы для защиты страны от ее внешних врагов, ибо видят в этом свой воинский долг перед родиной. Это подтверждают и сведения, опубликованные в печати того времени: «Запись офицеров в ряды Советской Армии принимает широкие размеры,

и уже сейчас предложение значительно превышает спрос. Устанавливается очередь по всем родам оружия. Записывается не только молодежь, сколько старые офицеры, представляющие рекомендации войсковых организаций. Наблюдается резкий передел настроения, чувствуется уверенность в устойчивости Советской власти, а в связи с этим готовность пойти ей навстречу⁷⁸.

С объявлением 21 февраля революционной мобилизации в Главное Петроградское комендантское управление до 1 марта явились для регистрации 28 бывших генералов и полковников, а 1 марта начальник Генерального штаба Н. М. Потапов докладывал Н. И. Подвойскому: «Прилагаю к сему два списка старших начальствующих лиц (от командира полка и выше), состоявших в резерве Петроградского округа и уволенных 1 января этого года в отставку. В списке указаны адреса тех из них, которые проживают в Петрограде... Более обратившие на себя внимание своими военными способностями подчеркнуты красным карандашом». В этом списке приводились данные о 96 генералах и полковниках⁷⁹, а всего в эти дни добровольно вступили в Красную Армию свыше 8 тыс. офицеров и генералов старой армии, что было достаточно для укомплектования командным составом двадцати дивизий⁸⁰.

Значительную роль в организации отпора войскам Четверного союза сыграли бывшие офицеры — слушатели Николаевской военной академии (далее — Военной академии).

Во время Октябрьской революции личный состав Военной академии держал себя нейтрально, в контрреволюционных выступлениях участия не принимал, а потому со стороны Советской власти никаких репрессий в отношении профессорско-преподавательского состава и слушателей применено не было. Это подтверждает стабильность численности ее профессорско-преподавательского состава и слушателей. Так, на 1 января 1918 г. в Военной академии состояло 395 слушателей, бывших офицеров, в том числе: в старшем классе 2-й очереди — 160 (из числа окончивших подготовительные курсы 2-й очереди), на подготовительных курсах 3-й очереди — 226 человек (из числа строевых офицеров, окончивших военные училища по программе мирного времени) и на геодезическом отделении — 9, из них 1 — на младшем курсе⁸¹.

Обращение членов Комитета революционной обороны Петрограда «Ко всем кадровым офицерам» касалось также преподавателей и слушателей Военной академии. В связи с этим слушатели старшего курса 2-й очереди были командированы в штабы военных руководителей Петроградского и Московского военных округов, на Кавказский фронт⁸² и т. д.; часть слушателей (П. Т. Акутин, П. М. Майгур, В. Ф. Тарасов, В. В. Трофимов и др.) под руководством преподавателя бывшего Генштаба полковника Б. П. Полякова по заданию Генерального штаба занимались разработкой штатов и законоположений для Красной Армии⁸³. Общая численность слушателей Военной академии, командирован-

ТАБЛИЦА 3. ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ СЛУШАТЕЛЕЙ НИКОЛАЕВСКОЙ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ, КОМАНДИРОВАННЫХ НА ФРОНТ В ФЕВРАЛЕ — МАРТЕ 1918 Г. *

Место командирования	Число слушателей		
	Старший класс	Подготовительный курс	Всего
В штаб военрука Петроградского района	39	—	39
В штаб Псковского отряда (военрук И. Г. Пехливанов)	10	3	13
В штаб Нарвского отряда (военрук Д. П. Парский)	7	3	10
В штаб Порховского отряда (военрук Ф. А. Подгурский)	6	3	9
В штаб Старо-Русского отряда (военрук бывший генерал Н. С. Триковский)	3	3	6
В штаб Ново-Ржевского отряда (военрук А. А. Незнамов, затем В. А. Ольдерогге)	3	—	3
В штаб инженерной обороны Петрограда (военрук бывший генерал К. И. Величко)	12	9	21
В распоряжение начальника артиллерии Ставки (военрук бывший генерал К. Ф. Зейд)	3	9	12
В штаб партизанских войск	16	—	16
В штаб военрука Московского района	59	—	59
На Кавказский фронт	19	23	42
Всего	177	53	230

* Составлено по: ЦГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1618. Л. 51—72; Д. 1991. Л. 113. Кроме того, слушатели Военной академии были назначены в штаб Западного участка, в военный комиссариат Московской области, Главное управление военно-учебных заведений; семь слушателей не получили назначений, два были арестованы; 18 слушателей, получив назначение в Москву, самовольно отлучились к родным (Там же. Л. 10, 11).

ных на фронт для участия в отражении интервенции войск Четверного союза, отражена в табл. 3.

Слушателями Военной академии в этот период была проделана значительная работа, о чем, в частности, свидетельствуют их письма⁸⁴.

Небезынтересно отметить, что командировка слушателей Военной академии для отражения интервенции Четверного союза вскрыла антагонизм между старыми генштабистами и окончившими ускоренные академические курсы во время войны.

Окончившие ускоренные курсы и затем причисленные к Генеральному штабу правильнее, чем старые генштабисты, понимали задачу, поставленную Советской властью перед командным составом старой армии (и, в частности, имевшим высшую военную квалификацию) по созданию новой Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Поэтому не случайно, что многие из этих моло-

дых генштабистов затем честно служили в Красной Армии, занимая в ней высшие командные и штабные должности (Н. Е. Варфоломеев, Я. К. Ивасюк, А. В. Кирпичников, Б. И. Кузнецов, А. И. Кук, П. М. Майгур, С. А. Меженников, В. В. Сергеев, Е. А. Шиловский и многие другие).

Таким образом, буквально с первых же дней после победы Октябрьской революции началось сотрудничество части командного состава старой армии с Советской властью в качестве консультантов, экспертов и инструкторов, в Ставке верховного главнокомандующего, в бывшем Военном министерстве (в частности, по линии Главного управления военно-учебных заведений) и т. д. Участие же бывших генералов и офицеров старой армии не только в разработке военно-технических вопросов, но и в непосредственном руководстве советскими войсками на главных направлениях наступления германских и австро-венгерских войск в «одни из самых опасных моментов для Советской Республики»⁸⁵ является ярким подтверждением правильности ленинского курса на привлечение командного состава старой армии к военному строительству и защите Советского государства.

РОЛЬ ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СОЗДАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫСШЕГО ВОЕННОГО СОВЕТА И ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ВЫСШЕЙ ВОЕННОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Мирную передышку, полученную в результате заключения Брест-Литовского договора, Коммунистическая партия и Советское правительство использовали прежде всего для реализации уже намеченных мероприятий по превращению Красной Армии в массовую регулярную, способную надежно защитить завоевания Великого Октября и создания стратегического фронта обороны от возможного возобновления интервенции Четверного союза. Мир с Германией, разъяснял В. И. Ленин, подписывается «не для того, чтобы „капитулировать“ перед империализмом, а чтобы учиться и готовиться воевать с ним серьезным, деловым образом»⁸⁶. Уверенность В. И. Ленина в недолговечности грабительского мира, навязанного Стране Советов германским империализмом, основывалась на оценке международной обстановки, а также на мнении военных специалистов о стратегическом положении воюющих держав. Так, в частности, бывший Генштаба генерал В. Е. Борисов в тезисах «Общая военная программа на период от заключения мира России с Германией до заключения всеобщего мира», датированных 27 февраля 1918 г.⁸⁷, писал, что к ныне заключенному сепаратному миру «можно отнестись спокойнее, если иметь в виду полную возможность изменить его условия в тот момент, когда Германия попросит мира у наших бывших союзников»; есть все основания считать (учитывая военные неудачи Германии и ее сильное общее ослабление), что это

произойдет «к октябрю 1918 года». Следовательно, в нашем распоряжении, говорилось в тезисах, имеется «шесть—семь месяцев для серьезного устройства армии», причем «прочная и победоносная армия может быть устроена только по серьезной программе, составленной сообразно природе такого организма, как организм армии»⁸⁸. Поскольку противник в настоящее время остановлен на рубеже Псков—Витебск, необходимо этим воспользоваться «для начала создания армии». Поэтому следует разработать «программу серьезного преобразования армии, отбросив нынешние меры (принятые Наркомвоеном.— А. К.)», как «не обеспечивающие успеха в деле создания надежной военной силы»⁸⁹.

Для руководства строительством массовой регулярной Красной Армии необходимо было прежде всего создать единый высший военно-стратегический орган управления и соответствующий исполнительный аппарат с широким участием военных специалистов. 3 марта 1918 г. на заседании Совнаркома решение о создании такого органа, Высшего Военного Совета, получило официальное оформление, а затем было опубликовано в печати⁹⁰. Военным руководителем Высшего Военного Совета был назначен бывший Генштаба генерал М. Д. Бонч-Бруевич, его помощником — бывший Генштаба генерал С. Г. Лукирский, а политическими комиссарами — П. П. Прошьян (член ЦК партии левых эсеров) и К. И. Шутко (большевик).

В телеграмме В. И. Ленина Н. И. Подвойскому от 1 апреля 1918 г. говорилось, что Высший Военный Совет ставится «во главе дела обороны страны» и на него возлагаются следующие задачи: «преподавание военному и морскому ведомствам основных заданий по обороне государства» и «по организации вооруженных сил страны»; объединение деятельности армии и флота; наблюдение за выполнением «ведомствами обороны (т. е. отраслями промышленности, связанными с работой на оборону.— А. К.)» возложенных на них задач» и «систематическое собиранье фактических сведений о всех военных, по их познаниям и боевому опыту, пригодных на должности высшего военного командования»⁹¹.

С учреждением Высшего Военного Совета верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко подал рапорт на имя В. И. Ленина с просьбой освободить его от исполнения этой должности⁹². Отставка Н. В. Крыленко была принята: 15 марта 1918 г. Ставка верховного главнокомандующего была расформирована, а должность верховного главнокомандующего упразднена. Что же касается Наркомвоена, то с этого времени его деятельность заключалась «именно в разработке и в проведении в жизнь заданий Высшего Военного Совета по строительству новой армии (в отличие от той, которая строилась с момента ее организации в январе 1918 г. на принципах добровольчества.— А. К.)»⁹³. В связи с несогласием подчинения Высшему Военному Совету 13 марта 1918 г. подал в отставку наркомвоен Н. И. Подвойский. Однако создание Высшего Военного Совета отнюдь не перечеркивало заслуги Народного комиссариата в предшествующий период; он по-

прежнему входил в состав Совнаркома и занимался «огромной организаторской работой, завершал ликвидацию старой армии, ее учреждений, ведал снабжением новой армии и боевыми действиями против контрреволюции»⁹⁴.

18 и 19 марта 1918 г. Совнарком под руководством В. И. Ленина обсудил вопросы о персональном составе и функциях Высшего Военного Совета. Постановлением СНК от 19 марта этот высший орган военного управления был поставлен «во главе дела обороны страны», на него возлагались задачи руководства, планирования и координации деятельности командных кадров «по их подомству, а также подбора высших командных кадров «по их познаниям и боевому опыту»⁹⁵. В состав Высшего Военного Совета вошли народный комиссар по военным делам Л. Д. Троцкий (председатель) и Н. И. Подвойский, в качестве их заместителей — Э. М. Склянский и К. А. Мехоношин, а 1 апреля — начальник Морского Генерального штаба бывший капитан 1-го ранга Е. А. Беренс как специалист по военно-морским делам. Особое положение Высшего Военного Совета определялось также тем, что его руководству, и в частности военному руководителю М. Д. Бонч-Бруевичу, было предоставлено право обращаться по наиболее важным вопросам обороны страны лично к В. И. Ленину⁹⁶.

Из табл. 4 видно, что в Высшем Военном Совете практически все должности занимали бывшие кадровые офицеры, из них 13 человек были офицерами Генерального штаба.

Для того чтобы пояснить, чем была вызвана необходимость создания нового высшего военного органа в стране, следует вернуться к событиям, связанным с военными действиями с октября 1917 по февраль 1918 г.

Успехи революционных войск в борьбе с очагами внутренней контрреволюции во время триумфального шествия Советской власти утвердили руководителей Наркомвоена во мнении, что строительство Красной Армии на принципах добровольчества (с выборным началом, без привлечения в ее ряды, тем более на ответственные командные должности, бывших генералов и офицеров и т. д.) стоит на правильном пути. Однако уже отраженные интервенции Четверного союза показали, что «в критический момент наступления немцев и в течение ближайшей недели после него, т. е. с 18 по 25 февраля, в распоряжении Наркомвоена не оказалось никаких вооруженных сил для оказания сопротивления врагу; первый отряд Красной Армии едва выступил на фронт лишь спустя неделю после начала германского наступления»⁹⁷.

События продемонстрировали, что для надежной защиты молодой Советской Республики нужна не добровольческая Красная Армия, организация которой в силу ряда обстоятельств проходила «стихийно и децентрализованно»⁹⁸, а сильная массовая регулярная армия, построенная на основах военной науки. Но для того чтобы создать такую армию, необходимо было добиться коренного перелома в настроениях широких трудящихся масс.

ТАБЛИЦА 4. ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ В СОСТАВЕ ВЫСШЕГО ВОЕННОГО СОВЕТА НА 20 ИЮЛЯ 1918 Г.*

Должность	Фамилии, имя, отчество	Чин в старой армии
Военный руководитель	Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич	Генштаба генерал
Начальник штаба	Ратэль, Николай Иосифович	»
Начальник Оперативного управления	Судейман Николай Александрович	Генштаба полковник
Помощник по разведывательной части	Шапошников Борис Михайлович	»
Помощник по оперативной части	Щепетов Николай Евсеевич	»
Для поручений при начальнике Оперативного управления	Михайлов Виктор Иванович	Генштаба генерал
»	Григорьев Федор Леонидович	Генштаба капитан
»	Ахшарумов Александр Вегнаинович	Подполковник
»	Сейделер Сергей Иванович	Полковник
Начальник Организационного управления	Далер Владимир Вельгельмович	Генштаба полковник
Помощник начальника Организационного управления	Бесядовский Константин Иванович	»
»	Плюс Михаил Ильич	Полковник
Для поручений при начальнике Организационного управления	Маслов Алексей Дмитриевич	»
Начальник военных сообщений	Загю Михаил Михайлович	Генштаба генерал
Инспектор артиллерии	Зейц Роберт Флорентинович	Генерал
Помощник инспектора артиллерии	Кузнецов Николай Григорьевич	Полковник
Инспектор инженеров	Малков-Панин Василий Васильевич	Генерал
Помощник инспектора инженеров	Хмельков Сергей Александрович	Полковник
Военно-хозяйственный инспектор	Ливадян Георгий Владимирович	»
Помощник военно-хозяйственного инспектора	Фанченко Мартын Дмитриевич	»
»	Ефимович Владимир Михайлович	»

ТАБЛИЦА 4 (окончание)

Должность	Фамилия, имя, отчество	Чин в старой армии
Начальник регистрационного отделения при Оперативном управлении	Земцов Михаил Николаевич	Генштаба подполковник
Начальник связи	Медведев Александр Павлович	»
Заведующий иностранными военными миссиями	Муханов Георгий Александрович	Генштаба полковник
Начальник канцелярии	Харитонов Савва Степанович	Подполковник
Командант штаба	Макаров	Полковник

* Составлена по: ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 366, 371.

и прежде всего крестьянства, осознания ими необходимости на основе воинской обязанности (повинности) идти в Красную Армию, а также подготовить для этого соответствующие условия, как то: воссоздать на новых началах центральные и местные органы военного управления, которые бы наладили учет подлежащего призыву в Красную Армию населения и осуществляли мобилизацию на основе всеобщей воинской обязанности; разработать штаты и сформировать по ним соединения и части Красной Армии, обеспечив их командным составом всех категорий (и особенно высшего звена); создать полевые управления фронтов и армий; организовать обучение рабочих и трудящихся крестьян военному делу, в том числе на краткосрочных командных курсах; наладить работу промышленности и транспорта для нужд обороны; организовать снабжение Красной Армии вооружением и всеми видами довольствия и т. д.

Для решения всех этих задач нужно было заместить десятки тысяч должностей за счет опытных командных, штабных, административно-хозяйственных, преподавательских кадров⁹⁹, т. е. бывших генералов и офицеров старой армии, ибо Советское государство в то время еще не располагало кадрами из рабочих и крестьян в масштабах, которые бы позволили полностью обеспечить потребность в командном составе массовой регулярной Красной Армии. По свидетельству В. А. Антонова-Овсеенко, «без военных специалистов невозможно было организовать крепкую, боеспособную армию — армию регулярную»¹⁰⁰.

Безусловно, вопрос о привлечении бывших генералов и офицеров на службу в Красную Армию «был слишком сложным и трудным в своем практическом преломлении»¹⁰¹, поэтому ничего удивительного не было в том, что линия партии вызывала сомнения и возражения у многих видных военных партийных работников. Результатом этого явилась направленная в Совнарком

во второй половине марта 1918 г. докладная записка «практических работников Военного комиссариата (Наркомвоена.— А. К.), членов Коллегии по организации Красной Армии, практических работников Московского военного округа, представителей отдельных революционных фронтов о принципах и способах создания новой армии в связи с потребностями переживаемого момента»¹⁰². Как бы продолжением этой докладной записки являлись «Соображения по поводу организации оперативного центра»¹⁰³. Поскольку оба документа имеют непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме, остановимся на их содержании.

Авторы докладной записки Н. В. Крыленко и Н. И. Подвойский, не понимая того, что ленинский курс на широкое привлечение в Красную Армию бывших генералов и офицеров предусматривал, прежде всего, строгий контроль Коммунистической партии и Советского государства в лице военных комиссаров за деятельностью этих военных специалистов, считали, что привлечение офицеров старой армии передает «в бесконтрольное распоряжение бывших генералов» все ответственные посты и стратегические позиции, а вместе с ними и «право распоряжаться вооруженными силами Советской Республики»¹⁰⁴. При этом руководители Наркомвоена утверждали, что как в строительстве Красной Армии на принципах добровольчества, так и для другой работы «военные специалисты оказались излишними», ибо «ни один» из них «не может переварить до сих пор рядом с начальником существования полновластного солдатского комитета»¹⁰⁵. Бесполезность военных специалистов, говорилось далее, сказывается и в том, что «они не сумели и не могут понять иной войны, кроме войны большими массами регулярной армии..., что всегда требует бюрократической централизации и делало прежнюю армию неспособной ни на инициативу, ни на революционный подъем»¹⁰⁶. Вместе с тем руководством Наркомвоена, говорилось в этом документе, всегда признавалось «отделение оперативных функций» от остальных и поэтому «никогда... не отрицалось» использование в этих полях «знаний стратегов, хотя бы и царских». Но такое использование признавалось, однако, «с одной оговоркой» — не давать в руки этих стратегов «бесконтрольной власти»: назначать их только на должности начальников штабов, военными консультантами в оперативный отдел и т. д., т. е. всегда ставить их в подчиненное положение и заставлять «чувствовать над собой палку»¹⁰⁷. Наконец, им нельзя поручать ни одной операции на внутреннем фронте, ибо нет уверенности в том, «что они злостно не предадут в решающий момент, когда уже будет поздно плакать по волосам»¹⁰⁸.

Докладная записка Н. В. Крыленко и Н. И. Подвойского чрезвычайно важна тем, что она отражает наличие двух направлений в военном строительстве в самом его начале, когда ленинский курс на строительство массовой регулярной Красной Армии столкнулся с непониманием и противодействием со стороны не только левых эсеров, что нашло широкое освещение в советской историче-

ской литературе, но и «некоторых видных военных работников партии»¹⁰⁹.

Против привлечения в Красную Армию бывших генералов и офицеров в «Соображениях по поводу организации оперативного центра», высказывались и члены фронтовой коллегии Московского областного комиссариата по военным делам. «Является странным, — говорилось в этом документе, — что правительственная Коммунистическая партия, всегда и всюду указывавшая на абсолютнейшую бездарность царских генералов (чего не отрицала, в большинстве случаев, и буржуазная печать), вдруг стала рьяно защищать таланты тех же самых царских генералов», хотя их способность «к водворению порядка измеряется их контрреволюционностью»¹¹⁰. Известно, что ни признанный вождь буржуазии «гениальный полководец» Алексеев, ни «кумир» той же буржуазии Корнилов, ни Каледин не могли «справиться с необразованными в стратегическом смысле товарищами, начальствующими над вашими революционными отрядами». Все это показывает, что «генералитет и Генеральный штаб вовсе не нужны как полководцы, а лишь только как специалисты, инструктора и консультанты», т. е. сфера приложения труда командного состава старой армии остается «строго ограниченной инструкторско-консультационной ролью». Между тем Бонч-Бруевич, «пользуясь властью, данной ему Советом Народных Комиссаров, уже успел насадить ряд офицеров Генерального штаба на самые ответственные должности по обороне»¹¹¹. Бывшие генералы стремятся окружить себя «офицерством всяких рангов». Поэтому представляется «совершенно невозможным вверить командование такого рода лицам, хотя бы по одному тому, что в таком случае все штабы и генералы будут без одного солдата». Поэтому необходимо сохранить существующую схему «организации боевых штабов и боевого центрального штаба» с привлечением, если понадобится, в «большом количестве военных специалистов всяких наименований в качестве консультантов и инструкторов без каких бы то ни было полномочий, под самым бдительным и строгим контролем ответственных советских работников»¹¹². Не следует забывать, говорится в заключении этого документа, «еще один важный вопрос: извилины офицерско-генеральского мозга устроены так, что они (Генеральный штаб, например) никак не могут понять, что имеющая быть с германскими разбойниками война есть не старого типа война, а нового типа сильнейшее революционное восстание... Партизанско-гражданская война, которая предстоит Советской России, после создания новой армии (определенно на социалистических началах) не вмещается в умах г. г. генералов, привыкших к шаблону национальных, а не классовых войн»¹¹³.

Приведенные документы служат ярким подтверждением того, в каких сложных условиях приходилось проводить ленинский курс на широкое привлечение командного состава старой армии к военному строительству и защите Советского государства, причем не в роли «советчиков, инструкторов и консультантов... без

каких бы то ни было полномочий», а на должностях «высшего военного командования», как это было сказано в телеграмме В. И. Ленина Н. И. Подвойскому от 1 апреля 1918 г.¹¹⁴

Но несмотря на эти трудности, Коммунистическая партия и Советское правительство продолжали твердо проводить ленинский курс на строительство массовой регулярной Красной Армии с широким привлечением командного состава старой армии. Уже 15 марта 1918 г. в газете «Известия» появилась статья Ю. М. Стеклова «К вопросу об организации нашей военной силы», в которой говорилось, что трудности при строительстве массовой регулярной армии начнутся, «когда нужно будет дать этой новой армии руководителей и инструкторов. Здесь необходимо будет, конечно, привлечь к работе офицеров старой армии. Их специальные знания и опыт мы обязаны использовать. Не будем посягать на их политические убеждения, если только они добросовестно согласятся принести свои технические знания новоорганизуемой революционной армии. Поставим их в такие условия, при которых не будет страдать их человеческое достоинство и при которых они сумеют дать стране все, на что они только способны. При новых порядках в армии, при ее коренной демократизации они не могут быть опасны для революции».

21 марта 1918 г. был издан приказ Высшего Военного Совета об отмене выборного начала в Красной Армии¹¹⁵, что открывало широкий доступ бывшим генералам и офицерам в ряды Красной Армии. Но для того чтобы гарантировать армию от проникновения нежелательных элементов, а также учитывая то большое недоверие, с которым красноармейцы относились к бывшим офицерам, 5 апреля 1918 г. был издан приказ Наркомвоена № 268 об учреждении аттестационной комиссии. В ее задачу входило составление списков и сбор сведений о лицах, приглашаемых на работу в военное ведомство. Списки кандидатов доставлялись в Наркомвоен от военных учреждений, которые и рекомендовали известных им бывших офицеров на соответствующие должности с приложением необходимых сведений, характеризующих того или иного кандидата. Все списки кандидатов подлежали опубликованию в соответствующем комиссариате с тем, чтобы каждый гражданин имел возможность высказать свое мнение по поводу того или иного известного ему кандидата. На должность назначался только тот кандидат, против которого не было высказано серьезных замечаний.

Согласно приказу Наркомвоена № 323 от 7 мая 1918 г. аттестационная комиссия, переименованная в Высшую аттестационную комиссию, состояла из пяти человек: председатель — военный комиссар бывший подполковник А. И. Егоров, члены — военные комиссары Н. И. Бессонов и Е. В. Молчанов, а также военные специалисты бывшие генералы Н. М. Воронов и Я. К. Цихович. В задачи комиссии входило установление общего порядка аттестования, рассмотрение аттестаций лиц командного состава от командира полка и выше и на соответствующие им должности в

военных учреждениях, составление кандидатских списков на замещение этих должностей и представление их на утверждение Наркомвоена, наконец, разбор жалоб по аттестациям.

12 апреля 1918 г. М. Д. Бонч-Бруевич обратился с докладной запиской в Высший Военный Совет, в которой писал, что «для предстоящих новых формирований постоянной армии», а также для службы в частях «завесы» явится большая потребность в командном составе. Поэтому, говорилось в записке, «полагаю необходимым теперь же приступить к регистрации бывших кадровых офицеров»¹¹⁶. Списки бывших военнослужащих, предназначенных в качестве «кандидатов для занятия инструкторских, командных и других должностей», по указанию члена Высшего Военного Совета Н. И. Подвойского должны были быть направлены во Всероссийштаб для «опубликования в советской печати, дабы каждый гражданин имел право отвода»¹¹⁷.

Декретом Совнаркома от 4 мая 1918 г. были учреждены военные округа¹¹⁸, а ранее, 20 апреля, приказом Наркомвоена № 294 объявлен штат военно-окружного штаба, который являлся «органом окружного комиссариата по военным делам по формированию армии, поддержанию ее боевой способности и направлению войск на фронт и для сношений по этим и другим вопросам с комиссариатом по военным делам всех степеней (областным, губернским и уездным.— А. К.)». Административное управление военно-окружного штаба ведало «учетом в пределах округа лиц командного состава... и всех лиц Генерального штаба». Важно отметить, что в штате военно-окружного штаба предусматривалось 14 должностей, которые должны были замещаться только бывшими офицерами Генерального штаба (начальник штаба, начальник мобилизационного управления, заведующие мобилизационным, оперативным, разведывательным отделами, делопроизводители и т. д.).

В связи с подготавливаемой реформой военных округов М. Д. Бонч-Бруевич предложил назначить на должность их руководителей следующих, как он выразился, «самых подходящих» бывших генералов: Н. И. Богатко, А. М. Драгомирова, А. Я. Ельшина, М. Ф. Квецинского, П. А. Кузнецова, Я. К. Циховича. Однако ввиду отказа от этой должности Ельшина и Циховича и «неизвестности нахождения» остальных Бонч-Бруевич остановился на кандидатурах бывших генералов Ф. Д. Иозефовича, Н. Д. Ливенцева, Д. Н. Надежного, В. В. Нотбека, Ф. Е. Огородникова и В. П. Широкова. Однако только перечисление фамилий бывших генералов, избранных Бонч-Бруевичем кандидатами на должность военных руководителей в военные округа, показывает справедливость опасений некоторых военных работников партии, что в Красную Армию на руководящие должности могут «просочиться» контрреволюционные элементы. Так, четверо из шести «самых подходящих», по словам Бонч-Бруевича, кандидатов (Драгомиров, Ельшин, Квецинский и Кузнецов) впоследствии оказались активными участниками белого движения, причем

Драгомиров — даже председателем денкинского правительства — Особого совещания, а Богатко эмигрировал. Что же касается назначенных на должность военных руководителей военных округов, то три кандидатуры из шести также оказались неудачными: Иозефович был освобожден от должности, Ливенцев уволен уже 10 июля 1918 г., а Нотбек, назначенный военным руководителем Приволжского военного округа, после захвата Самары белочехами 8 июня 1918 г. остался в городе, а затем служил в колчаковской армии.

Приведенные данные о назначении военных руководителей в военные округа показывают, во-первых, с какими трудностями пришлось столкнуться при подборе кандидатур на высшие должности в Красной Армии и, во-вторых, какой строгий контроль должен был осуществляться со стороны Коммунистической партии и Советского правительства, чтобы на ответственных должностях не оказались контрреволюционные элементы.

Вслед за военными руководителями в военные округа были назначены начальники штабов бывшие Генштаба генералы: А. С. Гришинский (Московский ВО), З. И. Зайченко, затем Н. В. Пиевский (Приволжский ВО), А. А. Самойло (Беломорский ВО), Н. П. Сапожников (Орловский ВО), Ю. М. Тихменев (Уральский ВО). Начальниками управлений и отделов окружных штабов были назначены бывшие Генштаба генералы и полковники (в частности, В. А. Соковин, Г. Н. Хвоцинский), начальниками окружных артиллерийских управлений и их помощниками — известные артиллеристы (в частности, бывший генерал В. Н. Вахарловский, бывший полковник М. М. Радкевич)¹¹⁹.

Однако при проведении военно-окружной реформы встречались трудности и другого порядка. Так, начальник штаба Уральского военного округа Ю. М. Тихменев в письме помощнику военного руководителя Высшего Военного Совета С. Г. Лукирскому от 13 мая 1918 г. сообщал, что после его приезда в Екатеринбург «стали его (Декрет Совнаркома от 8 апреля 1918 г. об окружной реформе.— А. К.) искать, нашли, стали читать, обсуждать и... вдруг решили запротестовать против тактики проведения Советом Народных Комиссаров этого декрета в жизнь: с этим протестом сегодня выехал один из комиссаров военного комиссариата — Голощекин — в Москву со словесным и письменным докладом»¹²⁰. Местные власти требовали, чтобы начальниками управлений окружного штаба были назначены «партийные работники и при них технические руководители из военных специалистов». Но, как писал Тихменев, по согласованию с комиссаром С. А. Анучиным решили при каждом начальнике управления назначить комиссара, ибо, по словам Анучина, «сразу предоставление самостоятельности и бесконтрольности действий б. генералам будет массама истолковано в самую пагубную для реформы сторону»¹²¹. Поэтому, считал Тихменев, «настоятельно необходимо урегулировать все эти вопросы, по-моему, путем прибытия специального комиссара, который разъяснил бы все пол-

пугающее, пугающее и смущающее, вызываемое упомянутым декретом». Областные комиссары «ничего не имеют против организации постоянной армии, но тактические приемы проведения всего в жизнь и вызвали упомянутые выше протесты». В заключение Тихменев писал, что возможны «предъявления отводов против некоторых начальников управлений и тогда им, отводимым, придется уезжать обратно — необходимо обставить материально уезжающих не по своей вине, а только вследствие несовершенства декрета по местным взглядам»¹²².

Приказом Высшего Военного Совета № 37 от 3 мая 1918 г. должны были быть развернуты «на добровольческих началах» 28 внеочередных дивизий¹²³. При этом обращалось внимание на то, что в скором времени потребуются «большое количество командного, подготовленного научно и практически, состава — старшего и младшего». Однако персональное приглашение кадровых офицеров «сделалось крайне затруднительным, так как неизвестно, где их отыскивать»¹²⁴. В связи с этим военный руководитель Высшего Военного Совета рекомендовал «срочно организовать учет кадровых офицеров: пехоты, конницы и артиллерии и вообще строевых офицеров», а также специалистов с высшим образованием (артиллеристов, инженеров и т. д.), причем это следовало осуществить как можно скорее, в противном случае «лучшая часть бывших офицеров в поисках труда и приложения своих сил успеет перейти на другие поприща и будет для армии потеряна»¹²⁵. Поэтому «независимо от срочной организации учета бывших кадровых офицеров» предлагалось образовать резерв лиц командного состава в трех округах (Московском, Ярославском и Орловском) или предоставить право начальникам дивизий независимо от наличия в каждый данный момент в дивизии того или иного количества солдат принимать на службу такое количество командного состава, какое ими будет признано необходимым для обеспечения быстрого и успешного формирования дивизий по существующим штатам¹²⁶. Вопрос о приеме на «службу лиц командного состава по расчету на 28 формирующихся внеочередных дивизий (на что требовалось, считая до взводного командира включительно, около 25 тыс. человек. — А. К.) должен быть решен безотлагательно», причем следовало уже иметь в виду и обеспечение командным составом последующего формирования «30 очередных дивизий»¹²⁷.

Большое значение для решения проблемы привлечения командного состава старой армии имели «Временные правила приема лиц командного состава в части вновь формируемой армии и порядок аттестования этих лиц», объявленные приказом Наркомвоена № 468 от 13 июня 1918 г.¹²⁸ Эти правила определяли порядок приема на службу бывших генералов и офицеров, обсуждения их служебных и политических данных, зачисления в кандидаты и назначения на должность, наконец, порядок жалоб на решения аттестационных комиссий. Однако, несмотря на все, казалось бы, предусмотренные меры, которые должны были обес-

печить отбор и назначение на соответствующие должности достойных лиц, на практике часто получалось иначе. Так, согласно пункту 2 приказа после опубликования соответствующими военными комиссариатами в местной печати фамилий бывших офицеров, выразивших желание поступить на службу в Красную Армию, с краткими данными о служебной деятельности этих лиц все желающие в 10-дневный срок имели возможность сделать заявление об этих лицах, причем за достоверность заявления они должны были нести ответственность. Но подобных заявлений поступало незначительное количество, и, как писал журнал «Военное дело», по политическим мотивам «не отводилось и 1% всех определяемых на службу»¹²⁹. Кроме того, следовало иметь в виду, что бывший офицер, хорошо известный, например, в Твери, мог выставить свою кандидатуру по Владимиру, где его никто не знал. Эти, а также другие обстоятельства, среди которых главным была острая необходимость в командном составе в условиях быстрых темпов строительства армии, приводили к тому, что на практике широко использовалась возможность, предусмотренная пунктом 16 приказа: «в случаях, не терпящих отлагательства», лица командного состава до начальника дивизии включительно могли быть допущены к исполнению обязанностей «и без предварительного зачисления в кандидатские списки»¹³⁰.

Высший Военный Совет сыграл значительную роль и в реорганизации Военной академии (бывшей Академии Генерального штаба) для подготовки для Красной Армии командных кадров высшей военной квалификации.

После декрета о создании Красной Армии и образования при Наркомвоене в феврале 1918 г. Главного управления военно-учебных заведений во главе с главным комиссаром военно-учебных заведений И. Л. Дзевялтовским-Гитовтом была развернута энергичная деятельность по созданию военно-учебных заведений для подготовки командного состава младшего и среднего звена из солдат, красногвардейцев, рабочих и крестьян. Однако руководители Наркомвоена и ГУВУЗ не сразу поняли, что Советская власть не могла ограничиться подготовкой командного состава только младшего и среднего звена и что для нее необходим был командный состав высшей военной квалификации из рабочих и крестьян, т. е. следовало широко открыть для них двери военных академий. Поэтому руководство ГУВУЗ направило 9 марта 1918 г. циркулярное распоряжение № 2735 всем академиям, в том числе и Военной академии, о превращении их «в заведения вполне гражданского типа, лишь с допущением некоторого оттенка военного преподавания»¹³¹.

В связи с этим военный руководитель Высшего Военного Совета М. Д. Бонч-Бруевич направил В. И. Ленину докладную записку № 177 от 10 марта¹³², в которой писал, что такая несвоевременная реформа «разбивает общий план формирования армии на новых началах»¹³³, а поэтому предложил главному комиссару военно-учебных заведений «приостановить намеченную

им реформу академий и представить свои объяснения Высшему Военному Совету в двухнедельный срок»¹³².

На основании этой докладной записки В. И. Ленин предложил главному комиссару военно-учебных заведений немедленно издать распоряжение о превращении академий в гражданские учебные заведения и представить в Совнарком проект реорганизации бывшей Николаевской академии¹³³.

Между тем в связи с опасностью, нависшей над Петроградом в результате интервенции войск Четвертого союза в феврале 1918 г., было принято решение об эвакуации Военной академии на Урал. Для выбора места ее передислокации в города Пермской губернии — Пермь, Екатеринбург, Челябинск, Уфу — были направлены квартирьеры во главе с преподавателем Военной академии Генштаба А. П. Сивжиковым; после его донесения от 12 марта 1918 г. было решено эвакуировать Военную академию в Екатеринбург (ныне Свердловск)¹³⁴.

В соответствии с планом Центральной коллегии по эвакуации Петрограда эвакуация Военной академии началась 16 марта 1918 г. С первым эшелонами были отправлены учебно-материальная база, библиотека и типография, с этим же эшелонами отбыла часть профессорско-преподавательского состава и слушателей подготовительного курса 3-й очереди, которые к этому времени возвратились в Военную академию из войсковых частей¹³⁵. Остальные слушатели и профессорско-преподавательский состав выехали из Петрограда вторым эшелонами или самостоятельно с таким расчетом, чтобы быть на новом месте к середине апреля 1918 г.; однако переезд затянулся, и фактически профессорско-преподавательский состав был собран только к концу мая 1918 г. По прибытии в Екатеринбург Военная академия разместилась в здании Епархиального училища. Для слушателей подготовительного курса 3-й очереди в течение апреля — первой половины мая были проведены экзамены; 188 слушателей были переведены в старший класс¹³⁶. После отъезда Военной академии в Екатеринбург 22 марта 1918 г. 165 слушателей (из 233), окончивших старший класс 2-й очереди, были «причислены» к Генеральному штабу, а 133 из них — «переведены» в Генеральный штаб¹³⁷.

В связи с тем что «Советское рабоче-крестьянское правительство, создавая Красную Армию, признало в то время необходимым и учреждение для нее высшего военно-учебного заведения»¹³⁸, приказом Наркомвоена № 316 от 3 мая 1918 г. с 5 мая того же года должны были быть открыты одногодичные ускоренные курсы Военной академии Генерального штаба на 150 человек «для теоретической военно-научной подготовки кадра лиц из среды Красной Армии, намеченных на должности инструкторов и для работы в штабах вновь создаваемой армии». Кроме этих ускоренных курсов, утверждался также старший класс, который должен был составить «как бы переходную ступень к основному трехгодичному курсу академии»¹³⁹. В старший класс должны были зачисляться слушатели, окончившие подготовительные

курсы 1, 2-й и 3-й очередей; они должны были прибыть в Екатеринбург не позже 27 мая 1918 г., чтобы «с 1 июня... приступить к занятиям»¹⁴⁰.

Для отбора кандидатов, рекомендуемых военными советами армий в число слушателей на ускоренный курс Военной академии, была создана испытательная комиссия, которой надлежало отобрать командиров и комиссаров Красной Армии, обладающих «достаточной боевой подготовкой и достаточным кругозором для усвоения основных, преимущественно утилитарных, элементов высшего военного образования»¹⁴¹.

Для сохранения в составе слушателей старшего курса Военной академии как перешедших на него с подготовительного курса 3-й очереди, так и подлежащих командированию согласно приказу Наркомвоена № 316 от 3 мая 1918 г. «всех тех лиц, которые действительно стремятся содействовать строительству рабочей и крестьянской армии на новых началах», в Екатеринбург была создана аттестационная комиссия: председатель — комиссар Военной академии М. И. Матвеев, члены — представители Уральского областного комиссариата С. А. Анучин и Ф. И. Голощекин, представитель Военно-учебного управления И. И. Вацетис и два представителя от конференции (ученого совета) Военной академии. Одновременно для пересмотра старых программ Военной академии и выработки новой «в соответствии с изменившимися условиями жизни и устройством» была назначена так называемая «смешанная комиссия», которой поручалось «в срочном порядке в первую очередь выработать программу для вновь формируемого младшего класса (ускоренного курса. — А. И. ¹⁴²)». В состав этой комиссии вошли шесть человек: от конференции академии — начальник академии Генштаба А. И. Андогский и правитель дел Генштаба И. И. Смелов, от Наркомвоена — начальник Латышской стрелковой дивизии И. И. Вацетис, от Всероглавиштаба — Генштаба А. С. Белой и бывший генерал Ю. С. Лазаревич, от Комиссариата военно-учебных заведений — Генштаба Н. С. Беллев. На заседаниях 4–8 июня 1918 г. комиссией были выработаны следующие основные положения: академия должна давать не только высшее военное и исчерпывающее специальное, но и по возможности широкое общее образование, дабы лица, окончившие ее, могли занять штабные и командные должности и являлись людьми, способными откликнуться на все вопросы политической, общественной и международной жизни. Поэтому в Военной академии, «кроме военных», должны изучаться и «общеобразовательные специальные и философские науки»¹⁴³.

Вместе с мероприятиями по реорганизации Военной академии Наркомвоен и ГУВУЗ развернули активную работу по отбору в нее слушателей. Согласно приказу Наркомвоена № 316 от 3 мая 1918 г. в старший класс должны были приниматься бывшие слушатели Военной академии, окончившие подготовительные курсы 1, 2, 3-й очередей, т. е. бывшие офицеры, поступившие

в Военную академию при самодержавии или Временном правительстве. Что же касается ускоренного курса, то он должен был быть набран заново из лиц, рекомендованных органами Советской власти, причем для этих лиц был значительно снижен общеобразовательный ценз (требовались знания в объеме 4-5 классов гимназии). В начале июня прием был закончен. Для командирования на ускоренные курсы Военной академии было отобрано 177 человек, список которых был объявлен в приказе Наркомвоена № 453 от 12 июня 1918 г.¹⁴⁶

По переезде Военной академии в Екатеринбург военные комиссары Уральского областного Совета С. А. Анучин и Ф. И. Голощекин потребовали от ее руководства, чтобы оно представило в Уральский областной Совет докладную записку о задачах, которые ставятся перед Военной академией, и о преподаваемых в ней предметах. Исполняющий обязанности начальника Военной академии профессор бывший Генштаба генерал А. И. Медведев в докладной записке от 6 апреля¹⁴⁷ сообщил, что Военная академия, выполняя государственную задачу «по подготовке кадров Генерального штаба для формируемой армии Российской Республики», «попутно в пределах, не нарушающих ее автономности и учебного строя, готова оказать посильное содействие при организации, формировании и обучении Уральской армии, в частности войск, расквартированных в районе гор. Екатеринбурга» (чтение лекций для инструкторского и командного состава, формирование войсковых штабов и руководство их работой и т. д.). Что же касается «всякого рода командировок слушателей из Екатеринбурга в другие города области, то их «желательно производить лишь в исключительных случаях и на срок не более 1 недели». В заключение документа было сказано, что Военная академия «готова взять на себя общее наблюдение за ходом военно-технической подготовки армии», чтобы ее формирование и обучение были поставлены «в наименее выгодные условия с точки зрения ее боеспособности»¹⁴⁸.

Однако С. А. Анучин и Ф. И. Голощекин, не без оснований усмотрев в полученных из Военной академии двух докладных записках нежелание ее командования оказать действенную помощь Красной Армии и потенциальную возможность перехода ее профессорско-преподавательского состава и слушателей на сторону врагов Советской власти, направили в Москву две телеграммы, которые руководители Наркомвоена, к сожалению, оставили без внимания. В одной из них, от 23 апреля 1918 г.,¹⁴⁹ говорилось, что в эвакуированной из Петрограда Военной академии все слушатели состоят «исключительно из бывших офицеров и даже офицеров особого типа (авторы телеграммы, видимо, имели в виду, что все слушатели были кадровыми офицерами.— А. К.)», что Екатеринбург является политическим центром Уральской области и его значение настолько велико, что «нахождение организованного очага контрреволюции под маркой академии в центре Урала является совершенно недопусти-

мым». Поэтому по условиям «политического момента и строя» Советской Республики необходимо в самом срочном порядке реорганизовать Военную академию, «куда был бы доступ пролетарской мысли». В связи с этим совет комиссаров Уральской области настаивал на том, чтобы «немедленно закрыть курсы академии, тем более что чтение лекций младшего курса закончено, и распределить слушателей по всем городам республики, используя их как техническую силу под контролем Советов», и не присылать в Екатеринбург в Военную академию слушателей «согласно телеграммы Дзевялтовского от 14 апреля и не открывать новых отделов до полной реорганизации академии». Во второй телеграмме, от 24 апреля 1918 г.,¹⁵⁰ излагались предложения по реорганизации академии: принимать в Военную академию «без различия солдат или бывших офицеров», имеющих «аттестацию организации, стоящей на платформе Советской власти», боевой опыт по службе в Действующей армии «не менее трех месяцев», общее образование в объеме городского четырехклассного училища, военное образование в объеме «курса учебных команд мирного времени». В Военной академии предлагалось иметь два курса: младший (4-месячный) и старший (2-месячный, необязательный), причем слушатели должны были состоять на общем котле.

Согласно приказу Наркомвоена № 316 в Екатеринбург прибыли: на старший класс (к 1 июня) 58 слушателей (бывших офицеров), окончивших подготовительные курсы 1-й (42 человека) и 2-й (16 человек) очередей¹⁵¹; на ускоренный курс (к 1 июля) — 75 человек и 40 — с опозданием (из них до 75% — бывшие офицеры и 25% — преимущественно военные комиссары)¹⁵².

Однако открытой в Екатеринбурге Военной академии Рабочей и Крестьянской Красной Армии (как она называлась с 1 июля 1918 г.) суждено было существовать недолго. Вследствие неблагоприятного развития событий на Восточном фронте, вызванных спровоцированным Антантой мятежом Чехословацкого корпуса в конце мая 1918 г. и последовавших за ним восстаний подпольных белогвардейских организаций в ряде крупных городов по пути движения белочехов (Челябинске, Пензе, Новониколаевске и др.), что привело 25 июля к падению Екатеринбурга, личный состав Военной академии по приказу главнокомандующего Восточным фронтом И. И. Вацетиса был спешно эвакуирован в Казань; в Екатеринбурге под охраной 12 слушателей была оставлена материальная база — уникальная библиотека, склад учебных пособий, типография и т. д. По прибытии в Казань 97 слушателей старшего курса и 100% слушателей ускоренного курса (125 человек) были направлены на командные или инструкторские должности в отряды и части Красной Армии, действовавшие против белочехов и белогвардейцев¹⁵³.

Накануне падения Казани (5 августа 1918 г.) профессорско-преподавательский состав Военной академии во главе с ее на-

чальником А. И. Андогским в полном составе отказался принять участие в обороне города от наступающих белогвардейских войск, поставив себя тем самым в положение противников Советской власти. Из насчитывавшихся на 1 июля 1918 г. 329 слушателей, 125 человек ускоренного курса (среди которых 80% составляли бывшие офицеры, преимущественно военного времени) остались верны Советской власти. Что же касается 204 слушателя старшего курса (100% которых были кадрами офицерами), то из них остались верны Советской власти 12 человек, перешли на сторону белых — 165, находились в отпуске — 17, были убиты, больны, арестованы и т. д. — 7¹⁵³.

В результате перехода профессорско-преподавательского состава и подавляющего большинства слушателей старшего курса Военной академии на сторону белых крайне необходимым для подготовки командного состава высшей военной квалификации для Красной Армии военно-учебное заведение с опытными кадрами и богатейшей материальной базой оказалось в руках врагов Советской власти. В связи с этим главнокомандующий всеми Вооруженными Силами Республики И. И. Вацетис 8 сентября 1918 г. поручил сотруднику комиссариата военно-учебных заведений бывшему Генштаба генералу Н. С. Беляеву «составить проект открытия Академии Генерального штаба РККА в Москве, причем ему было предоставлено право «привлечь к этой работе сотрудников и профессоров, список коих представить главному»¹⁵⁴. Важно отметить, что речь шла о создании новой академии, а не о «реорганизации академии» (перешедшей на сторону белых), как это сказано в книге «Академия Генерального штаба»¹⁵⁵. Как известно, открытие новой Академии Генерального штаба РККА состоялось 8 декабря 1918 г.¹⁵⁶.

Таким образом, создание Высшего Военного Совета по инициативе В. И. Ленина ознаменовало собой новый этап в советском военном строительстве. Этот совет, в состав которого входили крупные военные специалисты, стал первым в истории Вооруженных Сил Советского государства единым органом центрального военного управления с большими полномочиями в отношении всех учреждений военного ведомства по организации и формированию новой, регулярной Красной Армии и руководству всеми военными операциями. Но создание Высшего Военного Совета не означало, что к нему «на откуп» военным специалистам, как считали некоторые партийные военные работники, переходило решение всех наиболее важных и принципиальных военных вопросов. Как справедливо отмечает Ю. И. Кораблев, Коммунистическая партия и Советское правительство, используя профессиональные знания и опыт военных специалистов, лишь привлекали их¹⁵⁷ под контролем военных комиссаров к созданию массовой регулярной Красной Армии и защите завоеваний Октябрьской революции.

ПЕРЕХОД К МОБИЛИЗАЦИИ БЫВШИХ ГЕНЕРАЛОВ И ОФИЦЕРОВ В ЦЕЛЯХ СОЗДАНИЯ РЕГУЛЯРНОЙ КРАСНОЙ АРМИИ

Мирная передышка, полученная в результате заключения Брестского мира, оказалась непродолжительной — сирвоцированный Антантой мятеж Чехословацкого корпуса, поддержанный эсеров-белогвардейскими формированиями ряда городов по пути его следования, с еще большей остротой, чем это было в феврале—марте, поставил вопрос о безотлагательном создании массовой регулярной Красной Армии. Но это было возможно только при широком привлечении бывших генералов и офицеров старой армии.

Для характеристики сложившейся тяжелой обстановки приведем выдержку из донесения от 5 июня А. Ф. Мясникова, назначенного 30 мая 1918 г. главнокомандующим всеми войсками, действовавшими против Чехословацкого корпуса и внутренней контрреволюции на Востоке страны¹⁶⁰. Причину первоначальных неудач он видел в безграмотности руководителей, отсутствии единоначалия и подчиненности, борьбе личных самолюбий, отсутствии в рядах руководителей военных специалистов и в постоянных указаниях из центра, что «сбило с толку местных руководителей, передано войскам, понизило боевое настроение лучших частей и разложило до дезертирства слабые части...». В заключение Мясников настоятельно просил «о срочной присылке... бывших офицеров и лиц Генштаба...»¹⁶¹. Дополнением к этому донесению может служить свидетельство военного специалиста Н. В. Соллогуба, который в период с 26 июня по 10 июля был начальником штаба Восточного фронта. По его мнению, чрезвычайно трудная обстановка, сложившаяся на Восточном фронте, объяснялась отсутствием «инструкторского состава (из бывших офицеров.— А. К.), потому что тем безграмотным людям, которые стоят сейчас во главе командования, поручать дело командования частями нельзя...». Когда я приехал в Казань, продолжал Соллогуб, «из лиц Генерального штаба в штабе фронта был я один», и для того чтобы сформировать штаб, пришлось пригласить через губернский комиссариат бывших офицеров, которым после проверки были выданы справки, «насколько они замешаны или не замешаны в каких-нибудь (контрреволюционных.— А. К.) организациях»; с помощью этих лиц был получен «в конце концов более или менее организованный штаб»¹⁶².

После ликвидации муравьевской авантюры в донесении Реввоенсовета фронта в лице П. А. Кобозева, Г. И. Благонравова и К. А. Мехоношина из Казани в Наркомвоен от 12 июля 1918 г. говорилось, что на фронт следует назначить «военного руководителя, опытного боевого настоящего военного специалиста...». Революционный военный совет считал своим долгом указать, что малейшее промедление в исполнении этого совета

«в высшей степени скандально на деле борьбы с ма-
станием (Чехословацкого корпуса.— А. К.)»¹⁴². В заключительном
приведен скандальство председателя Высшей военной инспек-
ции Н. И. Подвойского, который с 2 июня 1918 г. также нахо-
дился на Чехословацком фронте. «Я был самым ярким янтарем
в добровольческой армии (без военных специалистов.—
А. К.),— говорилось в его телеграмме В. И. Ленину.— В настоящее
время... я пришел к выводу, что в такой исключительной на-
пряженности момент им должны немедленно и решительно отка-
заться от принципа добровольческой армии»¹⁴³.

Таким образом, на Востоке создавалась крайне тяжелая обста-
новка, оценка которой была дана В. И. Лениным в письме от
1 августа 1918 г.: «Сейчас вся судьба революции стоит на
одной карте: быстрая победа над чехословаками на фронте
Казань—Урал—Самара. Все зависит от этого»¹⁴⁴. Тяжелые уро-
ки борьбы с Чехословацким корпусом были вторым (после ян-
варянской войны Четверного союза в феврале—марте 1918 г.)
серьезным аргументом в пользу перехода от добровольческого
принципа комплектования Красной Армии к всеобщей воинской
обязанности граждан определенных возрастов, в том числе
и командного состава старой армии, для создания массовой ре-
гулярной Красной Армии.

Вопрос о переходе к обязательной воинской повинности
впервые ставился в докладах военного руководителя Высшего
Военного Совета в Совнаркоме уже в марте 1918 г. Так, в до-
кладной записке в Совнаркоме № 200 от 15 марта говорилось, что
следует «немедленно приступить к формированию кадровой ар-
мии и к обучению населения» и что «основанием для призыва
в ряды войск должна быть всеобщая личная воинская
повинность»¹⁴⁵. А 8 апреля того же года М. Д. Бонч-Бруевич
писал в Высший Военный Совет: «Вновь считаю своим долгом
совести оставить Ваше внимание на изложенном и усердно
прошу о скорейшем формировании частей постоянной армии из
которую можно было бы надежно опереться»¹⁴⁶. Однако в мар-
те—мае 1918 г. еще не было условий для отказа от доброволь-
ческого принципа комплектования Красной Армии, хотя подго-
тительная работа в этом направлении уже проводилась.
Матвей Беломечетов заставил лишь ускорить решение этого вопро-
са, что было законодательно закреплено в постановлениях V Во-
ронежского съезда Советов.

Постановлению съезда и последовавшим вскоре за ним де-
кретам Совнаркома, приказам Наркомвоенна и т. д., о чем ре-
шится ниже, предшествовала подготовительная работа во Все-
россиях, и в частности в Управлении по командному составу
армии¹⁴⁷. Так, например, в управлении были подготовлены про-
екты «Временных правил приема на службу лиц командного со-
става в части вновь формируемой армии и порядка аттеста-
ции этих лиц»¹⁴⁸ и «Временных правил о зачислении в резерв
лиц командного состава для назначения на все командные

должности во вновь формируемую армию»¹⁴⁹; подготовлены
проекты приказов Наркомвоенна о назначении бывших генералов
и офицеров на командные должности формируемой армии и по-
рядке осуществления этих назначений¹⁵⁰; разработаны «Прави-
ла о порядке отчисления от должности в период формирования
армии лиц командного состава и административной службы
железнодорожных и несоответствия по служебным и практическим (по-
литическим.— А. К.) качествам»¹⁵¹; подготовлен материал для
разработки нового «Положения об учете лиц командного со-
става по запасу армии»¹⁵².

Следует особо отметить, что Управлением по командному со-
ставу армии проводилась весьма трудоемкая работа «по полу-
чению сведений послужных списков, по подготовке аттестацион-
ного материала о командном составе, полученного из дел 5. Глав-
ного штаба, а также из дел, присланных в период демобилизации
(до 5000 ящиков)... из Действующей армии, и по приведению
к порядку учетных карточек»¹⁵³, что потребовало предваритель-
ной разборки этих дел, их систематизации, составления списков
и т. д. Наконец, в управлении проводились также «запись и учет
всех бывших военнослужащих, не состоявших еще на военной
службе и желающих вновь быть назначенными на командные и
административно-хозяйственные должности» в Красной Ар-
мии¹⁵⁴.

23 июня 1918 г. в коллегию Наркомвоенна был представлен
проект декрета о призыве на военную службу бывших офице-
ров, составленный в мобилизационном отделе Управления по
организации армии Всевожизштаба¹⁵⁵. В нем говорилось, что
ввиду принятого решения о принудительности призыва бывших
офицеров производство его следует приурочить к тем же местно-
стям, где согласно декретам Совнаркома от 11 и 17 июня уже
исполняются частные мобилизации¹⁵⁶; из подлежащих призыву
бывших офицеров надлежит посылать три Московских, две
Петроградских, Новгородскую, Владимирскую и Нижегородскую
дивизии, а также десять дивизий, формируемых в восточных
военных округах (Приволжском, Уральском и Западно-Сибир-
ском); для указанных первых восьми дивизий согласно существую-
ющим штатам требуется 20 500 человек (бывших офицеров,
военных чиновников и врачей), не считая резерва в 10%¹⁵⁷.
Ввиду того что принятие на учет бывших офицеров, не состоя-
щих на военной службе, но служивших ранее в армии и полу-
чивших военное образование, впервые последовало лишь по
приказу Наркомвоенна № 324 от 7 мая 1918 г., полных учетных
сведений о наличии лиц командного состава и административно-
хозяйственной службы собрать еще не удалось, поэтому было
неизвестно, как подлежащие призыву бывшие офицеры распре-
делялись по возрастам и месту жительства (по губерниям
и уездам). Возможное скопление значительного числа бывших
офицеров в отдельных местах вызывало серьезное опасение,
а потому предлагалось ограничиться призывом только тех вой-

растов, сверстники которых призывались по мобилизации в трех указанных восточных военных округах, т. е. пяти возрастов лиц, родившихся в 1893—1897 гг., а затем по мере необходимости путем повторных мобилизаций обеспечить Красную Армию требуемым контингентом командного и административно-хозяйственного состава из бывших офицеров. Этим пяти возрастам должно было быть достаточно для замещения в пехоте должностей командного состава младшего и среднего звеньев, так как такие возрасты призываемых, как родившихся в 1893 и 1894 гг., во время первой мировой войны «уже занимали средние командные должности до батальона включительно»¹⁷⁹.

Было высказано пожелание призвать также один старший возраст офицеров, родившихся в 1888 г., чтобы иметь «во главе хотя бы батальонов главных непосредственных руководителей в бою и учителей инструкторского состава в казарме и на походе, офицеров более подготовленных теоретически и с большим служебным стажем», ибо бывшие офицеры военного времени в пехоте «были весьма низкого уровня общего (и военного.— А. К.) образования»¹⁸⁰. Порядок призыва бывших офицеров следовало оставить тот же, что был объявлен при мобилизации указанных трех восточных военных округов, с той лишь разницей, что принятых на военную службу бывших офицеров до распределения по войсковым частям надлежало предварительно подвергнуть «аттестованию в установленном при назначении на командные должности порядке»¹⁸¹. А так как на это требовалось известное время, то призванных бывших офицеров следовало зачислять в резерв. Срок службы в Красной Армии для бывших офицеров устанавливался такой же, как и для призванных рабочих и крестьян, т. е. 6 месяцев, с выдачей им довольствия по занимаемым должностям на основании существующих штатов. В заключение Всероглавштаб обращал особое внимание на то, что проектируемый призыв бывших офицеров в Красную Армию принесет пользу только в том случае, если бывшие офицеры «будут приняты армией с доверием и им будет обеспечено соответственное положение в войсках». При несоблюдении этих условий «призыв бывших офицеров будет мерой вредной для самой армии и ни в коем случае не поможет ускорению и упрочению (так в тексте.— А. К.) ее организации»¹⁸². Поэтому Всероглавштаб считал необходимым в качестве подготовки к призыву бывших офицеров «обращение (воззвание) правительства к солдатам и населению с объяснением существа принимаемой меры и с призывом к доверию ко вновь вступающим в ряды армии офицерам»¹⁸³.

В проект декрета были внесены замечания и рекомендации, с учетом которых Всероглавштабом был разработан новый вариант проекта, который послужил основой для декрета Совнаркома от 29 июля 1918 г.

В отношении Высшего Военного Совета № 2923/569 от 2 июля 1918 г. было указано, что одновременно с призывом нескольких

возрастов населения на действительную военную службу необходимо «призвать бывший командный состав и лиц военно-административной службы»¹⁸⁴, хотя служба по принуждению на ответственных постах в роли руководителей красноармейской массы и не может дать тех результатов, которых можно было бы ожидать при добровольном согласии бывших офицеров, считавших защиту Советской Республики «не только своей обязанностью, но и неотъемлемым правом», взять на себя «всю тяжесть и ответственность по созданию боевой силы... и ее целесообразному использованию»¹⁸⁵. Отсутствие точных учетно-статистических данных о результатах регистрации бывшего командного и административного состава на местах не позволяло установить, «насколько итоги предположенного принудительного призыва могут удовлетворить потребность в военных специалистах формируемой Красной Армии»¹⁸⁶. Это вызывало опасение, что «в пределах Великодержавии (т. е. Европейской России.— А. К.)» к рассматриваемому времени не найдется необходимого числа бывших офицеров, «не состоящих ныне на военной службе»¹⁸⁷. Поэтому было бы «весьма желательным» содействовать переезду с Украины и Кавказа значительного числа офицеров, которые изъявили желание (в частности, в письмах) поступить на службу в Красную Армию, но «не имеют ни возможности, ни средств это выполнить». К сожалению, сложность быстро менявшейся обстановки, отсутствие необходимых средств и т. д. не позволили своевременно решить вопрос о переезде этих бывших офицеров на территорию Советской России, и они либо рассеялись по стране в качестве частных лиц, либо оказались в рядах белогвардейских или других антисоветских армий.

В докладе военного руководителя Высшего Военного Совета № 917 от 21 июня 1918 г.¹⁸⁸ рассматривался также вопрос о резервах командного состава, которые были, как отмечалось выше, упразднены в период слома старой армии. Между тем призванные на службу бывшие генералы и офицеры, шедшие в незнакомые и не обеспеченные прочными кадрами части вместе с вливавшимися в армию пополнениями, не могли иметь в них должного авторитета. Поэтому непосредственное направление кандидатов на строевые должности в войска и тем более их допущение к временному исправлению соответствующих должностей не могли привести ожидаемой пользы, тем более что в Красной Армии имелись еще части, в которых даже после июля 1918 г. «прибегали к выборному началу и несочувственно» относились к назначенным бывшим офицерам¹⁸⁹. В связи с этим, а также недостаточно точным выполнением на местах требований Советского правительства представлялось необходимым и единственно правильным «проведение всех без исключения назначений лиц командного состава в определенном установленном порядке», который включал бы сбор соответствующих сведений о каждом из кандидатов на командную должность, обязательное опубликование списка их «во всеобщее сведение» и

рассмотрение кандидатур в аттестационном порядке. При таких условиях, а также предполагая, что призванными лицами командного состава могут быть пополняемы только такие войсковые части, которые ко времени их мобилизации обладали достаточно прочными кадрами, обеспечивающими нормальную деятельность войскового организма, было решено направлять привлеченных на службу лиц командного состава «не в войсковые части, а в особый резерв названных лиц»¹⁹⁰. Конечно, сосредоточение в резерве значительного числа бывших офицеров могло «вызвать подозрительное и недружелюбное к себе отношение на местах», в связи с чем было необходимо разъяснить соответствующим органам Советской власти и должностным лицам необходимость создания резервов командного состава и «путем особых мер вызвать доверие как широких слоев населения, так и армии к опыту и специальным знаниям командного состава и внушить массам, что создание без его участия вооруженной силы немислимо»¹⁹¹. Только при условии первоначального направления призванных лиц командного состава в резерв могли быть произведены необходимая оценка технической подготовленности этих лиц и распределение их в соответствии с потребностями соединений и частей, а главное — достигнуто узаконение в глазах красноармейцев назначений после всесторонней оценки призванных лиц... и проверки их соответствия в политическом отношении»¹⁹².

Для этого Всероглавштабом были разработаны «Временные правила о резервах лиц командного состава и административно-хозяйственной службы», которые вводились в действие с 1 декабря 1918 г. В этом документе говорилось, что резервы «для призываемых на действительную военную службу по мобилизации» или определяющихся «в таковую службу добровольно» лиц создаются при военно-окружных штабах и военно-окружных управлениях «для незамедлительного замещения» командных и административно-хозяйственных должностей. Состав резервов не ограничивался никакими нормами и зависел только от наличия призванных на службу и эвакуированных бывших генералов и офицеров. Все они должны были числиться на учете Управления по командному составу Всероглавштаба и предназначались на вакантные должности от командира роты (батареи) и выше лишь по нарядам и указаниям этого управления. Служебные, политические и иные качества всех лиц, зачисленных в состав резервов, должны были рассматриваться соответствующими аттестационными комиссиями. В случае заключения последних о непригодности для службы в Красной Армии лиц, состоявших в резерве или уже допущенных к замещению вакантных в армии должностей, они отчислялись от таковых, а еще не получившие назначения — увольнялись из резерва (при этом лица, годные к военной службе, должны были зачисляться в тыловое ополчение, а остальные — увольняться с действительной военной службы). Состоявшие в резерве лица со дня зачис-

ления в него обеспечивались всеми видами довольствия, как и служившие в Красной Армии, денежным содержанием в зависимости от занимаемых должностей в старой армии. Зачисленные в резерв лица, которые по своему служебному положению в старой армии или по возрасту не соответствовали назначению на должности в Красной Армии, либо по состоянию здоровья (болезни, раны и т. д.) не могли исполнять обязанностей военной службы, имели право из резерва увольняться «в первобытное состояние»¹⁹³.

Ленинский курс на строительство массовой регулярной армии на принципах всеобщей воинской обязанности был законодательно закреплен V Всероссийским съездом Советов в июле 1918 г. В принятой съездом Конституции РСФСР было сказано, что «почетное право защищать революцию с оружием в руках» предоставляется только трудящимся. Что же касается нетрудовых элементов, то на них возлагалось «отправление иных военных обязанностей»¹⁹⁴. В принятом 10 июля на четвертом заседании съезда специальном постановлении «Об организации Красной Армии» говорилось, что «для создания централизованной, хорошо обученной и снаряженной армии необходимо использование опыта знаний многочисленных военных специалистов из числа офицеров бывшей армии. Они все должны быть взяты на учет и обязаны становиться на те посты, какие им укажет Советская власть. Каждый военный специалист, который честно и добросовестно работает над развитием и упрочением военной мощи Советской Республики, имеет право на уважение Рабочей и Крестьянской Армии и на поддержку Советской власти. Военный специалист, который попытается свой ответственный пост вероломно использовать для контрреволюционного заговора или предательства в пользу иностранных империалистов, должен караться смертью»¹⁹⁵.

8 июля 1918 г. М. Д. Бонч-Бруевич направил в Высший Военный Совет докладную записку № 2903/568¹⁹⁶, в которой обращалось внимание на то, что в связи с происходящими формированиями частей и мобилизацией возникает необходимость принятия мер по привлечению в ряды Красной Армии значительного числа кандидатов на командные должности. Между тем число различных военных специалистов, желающих поступить в армию, далеко не достаточно для пополнения некомплекта соответствующих должностных лиц в мобилизуемых дивизиях. «Бывшие кадровые офицеры в подавляющем числе воздерживаются от поступления в новую армию, и количество изъявивших желание служить не составляет, по некоторым донесениям, и 10% зарегистрированных»¹⁹⁷. Таким образом, если при малоуспешном формировании дивизий на добровольческих началах уже ощущался большой недостаток в командном составе, то теперь «в случае объявления призыва для формирования 60-ти дивизий вопрос о командном составе станет во весь рост (потребуется около 55 тысяч человек) и неудачное его разрешение, пе-

сомненно, губительно скажется на самой возможности возродить боевую мощь России»¹⁹⁸.

Чем же объяснялось, что бывшие кадровые офицеры воздерживались от поступления в Красную Армию на командные должности и количество изъявивших желание служить не составляло и «10% зарегистрированных»?

Ответы на эти вопросы содержались в той же докладной записке. Для воссоздания Вооруженных Сил, как отмечалось выше, требовалось около 55 тыс. военных специалистов только для замещения должностей командного состава, не считая еще значительного количества «для организации комиссариатов по военным делам»¹⁹⁹. Но если правительство, говорилось в докладной записке, признало необходимым «привлечь бывших офицеров к строительству армии, оно не может не согласиться с тем, что оскорбляемые не могут становиться во главе народных масс... и не могут быть начальниками»²⁰⁰. Поэтому необходимо, безусловно, прекратить «травлю бывшего командного состава», в который «огульно бросаются обвинения, совершенно дискредитирующие его в глазах если не всех граждан то во всяком случае в глазах именно тех, кто призывается в ряды армии», и разъяснить, что лица, «не обличенные персонально в антиправительственной деятельности, наравне с прочими достойными гражданами заслуживают полного доверия и уважения»²⁰¹. Так как «большинство офицеров хотя и признает Советскую власть, как фактически существующую в стране, но не стоит на платформе находящейся у власти политической партии», признавалось естественным желание Советской власти контролировать деятельность командного состава из бывших офицеров через институт «политических комиссаров»²⁰². В записке содержались высказывания против полковых и ротных комитетов, которые еще оставались в некоторых частях. Последнее объяснялось тем, что, по мнению автора докладной записки, опыт сотрудничества командного состава русской армии с комитетами на протяжении всего 1917 г. показал, что, какой бы ни был определен для них круг деятельности, «комитеты расширяют» свои полномочия «захватным путем» и приобретают полноту власти, преобладающее влияние в деле управления и жизни войск, «сводя этим самым на нет значение командного состава»²⁰³.

Следует отметить, что в этом документе содержались рекомендации, с которыми нельзя не согласиться, как, например, необходимость введения в Красной Армии уставов, регламентирующих жизнь армии и определяющих права и обязанности командного состава. Действительно, отсутствие уставов приводило к беспорядочному положению командного состава, и никакой бывший генерал или офицер, особенно кадровый, «любящий свое дело и преданный долгу службы»²⁰⁴, на такое положение, естественно, пойти не мог. Однако рассматриваемый документ содержал и положения, которые свидетельствуют о том, что военные специалисты, стоявшие у руководства Высшим Воен-

ным Советом, так до конца и не разобрались в коренном отличии Красной Армии от армии старой. «Вновь создаваемая армия, — говорилось в документе, — названа Красной и Рабоче-Крестьянской», ибо ее «главное назначение — борьба с контрреволюцией». Поэтому «в создание армии и в ее основные задачи вносится в большой степени элемент узкоклассовый, партийный, и этим самым затемняется, отводится на дальний план основная и всеми приемлемая (для военных специалистов. — А. К.) идея — защиты родины от внешнего врага»²⁰⁵. Бывший кадровый офицер, далеко стоящий «как от революционных, так и от контрреволюционных стремлений», отзовется «в подавляющем своем числе» лишь на определенно выраженную идею — защиты родины, ибо эту защиту «он считает не только своей обязанностью, но и правом, принадлежащим ему неотъемлемо»²⁰⁶. Отсюда, по мнению авторов, необходимо «правительственное заявление, что формируемая армия является полевой армией Российской Республики, имеющей основной задачей борьбу с внешним врагом и содействие правительству в поддержании внутреннего порядка в республике во время его нарушения». В связи с этим необходимо отменить наименование армии Рабоче-Крестьянской и Красной, указав, что «защита родины от внешнего врага есть не только обязанность рабочих и крестьян, но и священное право каждого гражданина без различия партий и классов»²⁰⁷. Несостоятельность этих рассуждений настолько очевидна, что не требует каких-либо доказательств. Как показали дальнейшие события, десятки тысяч бывших генералов и офицеров добросовестно служили в Рабоче-Крестьянской Красной Армии, которая на протяжении 28 лет (до 1946 г., когда она стала именоваться «Советская Армия») под этим названием служила надежной защитой Советского государства.

На цитируемом нами документе имеется резолюция Троцкого, суть которой состоит в том, что если бывшие генералы и офицеры не могут быть привлечены в строящуюся Красную Армию, то следует ускорить подготовку нового командного состава из рабочих и трудящихся крестьян. Известно, что партия и Советское правительство принимали все меры к тому, чтобы как можно скорее решить эту задачу. Однако в 1918 г., когда встал вопрос о немедленном формировании 60 дивизий, для чего требовалось не менее 55 тыс. человек командного состава, а все командные ускоренные курсы к концу года смогли выпустить только 1773 красных командира²⁰⁸, было ясно, что успех формирования указанных дивизий, а следовательно, и судьба молодой Советской Республики зависели прежде всего от того, удастся ли привлечь к военному строительству командный состав (преимущественно кадровый) старой армии. Этого не мог не знать народный комиссар по военным делам и председатель Высшего Военного Совета. Не мог ему также быть неизвестен курс партии на привлечение бывших генералов и офицеров в Красную Армию, получивший подтверждение на VIII съезде

РКП(б): даже в том случае, если бы Красная Армия получила возможность «в течение нескольких лет планомерно формироваться и подготавливать для себя одновременно новый командный состав,— и в этом случае у нас не было бы никаких принципиальных оснований отказать от привлечения к работе тех элементов старого командного состава, которые либо внутренне стали на точку зрения Советской власти, либо силой вещей увидели себя вынужденными добросовестно служить ей»²⁰⁹.

В связи с подготовкой во Всероглаштабе проекта декрета Совнаркома о призыве бывших офицеров на обязательную военную службу представляется небезынтересным мнение по этому вопросу начальника Мобилизационного управления Всероглаштаба бывшего Генштаба генерала П. Н. Лебедева²¹⁰. «Ясное понимание того, что без соответствующего командного состава нельзя создать сильной армии,— говорится в докладной записке Лебедева,— привело правительство к определенному решению призвать в ряды Красной Армии бывших офицеров». Но для создания армии необходимо не только заполнить штаты формируемых частей необходимым количеством командного состава, но и обеспечить, чтобы он соответствовал своему назначению; а последнее немислимо без доверия к нему и без авторитета в среде подчиненных. Между тем в настоящее время, когда делаются первые попытки призыва офицеров, в Москве²¹¹ и Петрограде имеют место аресты бывших офицеров, причем не исключено, что аресты будут производиться и в провинции. Эти меры, являющиеся «актами даже не классовой борьбы, а борьбы с профессией», необходимой для создания сильной армии в целях защиты Советского государства, неизбежно приведут к тому, что «офицеры будут стараться уйти из страны или раствориться в ней так, чтобы вполне уберечь себя и свои семьи»²¹². В результате Советское государство лишится значительной части необходимого командного состава и останется без него на долгое время, так как для подготовки командного состава из рабочих и трудящихся крестьян потребуется весьма продолжительный срок. «С расстройством же офицерского запаса государство на долгие годы лишится возможности воссоздать свою военную мощь»²¹³. Согласно данным многочисленных регистраций бывших офицеров, «число их в стране очень велико»; это свидетельствует о том, что «призыв офицеров во враждебные (Советскому.— А. К.) правительству лагеря (прокламации Алексева и др.) не имели в их среде заметного успеха. Огромная масса офицеров оставалась донныне нейтральной, а не враждебной правительству». Но проводимые аресты, не вызванные какими-либо активными контрреволюционными действиями бывших офицеров, «не могут не толкать их на открытую вражду, на переход на сторону ведущих борьбу с правительством». При этом врагами делается «лучшая, более энергичная... часть офицеров». Среди же прочих эти аресты «только разовьют до небывалых размеров офицерскую проституцию», т. е. «показную верность ради

шкурных благ с затаенной готовностью проявить истинное настроение при первой возможности»²¹⁴. Нельзя также не учитывать и того, говорилось далее в документе, что сложившаяся с бывшими офицерами ситуация не может не отразиться «крайне вредно и на положении офицеров, добровольно вступивших на службу до настоящего времени». Положение их, «си без того весьма трудное», несомненно, еще более ухудшится «обостряемым крайним недоверием» к ним. Последствия от принятых против офицеров мер особенно тяжелы и вредны в настоящее время, когда начал налаживаться приток бывших офицеров в Красную Армию, «развивающийся по мере укрепления существующего строя в стране». В связи с этим «в целях государственной пользы необходима полная отмена начатых мер, роспуск задержанных офицеров (Лебедев имел в виду прежде всего больных и неспособных к военной службе.— А. К.) и запрещение подобных репрессий в будущем»²¹⁵.

В докладе военного руководителя Высшего Военного Совета М. Д. Бонч-Бруевича от 31 мая 1918 г.²¹⁶ говорилось, что «в воззваниях правительства к народу» часто упоминается о «контрреволюционных генералах и офицерах», и, таким образом, народ, естественно, «восстанавливается огульно против всех вообще бывших генералов и офицеров». В результате, опасаясь самосудов и расправы, бывшие генералы и офицеры, причем даже те, кто вполне искренне желает служить в Красной Армии, вынуждены от этого отказываться. Между тем для всех очевидно, что «без боеспособной армии — с опытным и научно подготовленным командным составом — Российская Республика существовать не может». Поэтому вполне признавая, что упоминания о контрреволюционных генералах и офицерах в воззваниях правительства имеют свои основания, тем не менее для пользы дела формирования массовой регулярной армии Бонч-Бруевич ходатайствовал о том, чтобы правительство разъяснило народу, что «наряду с контрреволюционными генералами и офицерами, изменниками вроде Скоропадского и Краснова» существуют и работают «над созданием Красной Армии генералы и офицеры другого типа, вполне преданные России и русскому народу, достойные не порицания, а всесторонней признательности и похвалы». На этом документе имеется резолюция В. А. Антонова-Овсеенко: «Для управления Совнаркома. Огульное безоговорочное упоминание о контрреволюционности офицеров, безусловно, крайне вредно для дела формирования новой армии, и разъяснение правительства было бы желательно в указанном смысле»²¹⁷.

В заключение приведем точку зрения по рассматриваемому вопросу видного военного специалиста бывшего Генштаба полковника Н. В. Соллогуба, высказанную им в беседе с Н. И. Подвойским 14 августа 1918 г.²¹⁸ «Я надеюсь,— говорил он,— что нам удастся найти кадр (т. е. бывших кадровых офицеров.— А. К.) с достаточным образованием и достаточно широким взглядом на вещи». Многие бывшие кадровые офицеры станут на государст-

венную точку зрения и поймут, что «нам невыгодно никакое объединение ни с той, ни с другой из враждебных коалиций (Антантой или Четвертым союзом.—А. К.)», так как у Советского правительства «представление о России одинаково с моим. Как этому правительству нужна армия, так и России, по моему представлению, нужна армия». Если бы я думал иначе, говорил Соллогуб, я был бы у французов, или на Мурмане, или у чехословаков. С такой, как моя, точкой зрения можно найти достаточно большое число бывших генералов и офицеров, которые понимают необходимость создания армии в России, чтобы защитить ее от «вторжения со всех сторон». Но чтобы найти такой командный состав старой армии, необходимо предоставить ему соответствующие условия службы в Красной Армии.

Кроме перечисленных выше обстоятельств, послуживших причиной нежелания бывших кадровых офицеров добровольно вступить в Красную Армию, следует указать еще на одно — так и не решенный, по сути дела, за время гражданской войны вопрос социального, и прежде всего пенсионного, обеспечения бывших генералов и офицеров²¹⁹.

Между тем, как отмечалось выше, в результате слома старой армии из нее было уволено четверть миллиона бывших офицеров, в том числе тысячи бывших генералов и кадровых офицеров, без выслуженных ими пенсий. В особенно тяжелом положении оказались бывшие офицеры, потерявшие работоспособность «вследствии ранений, контузий», которых советские органы государственного призрения были еще «не в состоянии принять»²²⁰. Эти обстоятельства оказали отрицательное влияние на поступление в Красную Армию бывших генералов и офицеров как в период строительства ее на добровольных началах, так и с переходом к их мобилизации.

Отсутствие нового закона о пенсиях, неясность с пенсионным обеспечением бывших офицеров, уволенных из армии и выслуживших право на получение пенсии по закону от 25 июля 1912 г., вызвали многочисленные запросы в военное ведомство, в частности в Главный штаб (который до Октябрьской революции, а затем до мая 1918 г. ведал пенсионными вопросами), из Действующей армии и внутренних округов, а также от бывших генералов и офицеров, излагавших в частных письмах свое бедственное материальное положение и просивших ускорить решение вопроса. Так, например, Генштаба генерал Н. М. Истомина, бывший командир 46-го армейского корпуса, уволенный от службы 23 октября 1917 г., писал в Главный штаб 7 апреля 1918 г.: «Со дня отбытия моего в отпуск, т. е. с 9 августа 1917 года, я не получаю никакого содержания, ни пособия, ни пенсии. За это время существовал с семьей на некоторые сбережения от содержания по службе. Теперь эти сбережения пришли к концу, и я более не имею никаких средств к жизни. Не имею также надежды на какой-либо заработок, так как к физическому труду по возрасту и по болезни не способен, а на интеллигент-

ный труд нет спроса при массовом предложении. Находясь в безвыходно-критическом положении, прошу о назначении мне за 40-летнюю службу пенсии»²²¹. Подобных писем можно было бы привести сотни.

О том, что пенсионный вопрос волновал все инстанции военного ведомства, подтверждает письмо от 24 июля 1918 г. в Наркомвоен Орловского окружного комиссара Н. А. Семанко²²², который просил сообщить возможно скорее, в каком положении сейчас находится дело выдачи военным служащим пенсий, назначенных до Октябрьской революции: «Кто сейчас ведает и будет впредь ведавать выдачей, в каких размерах и случаях, есть ли соответствующий отдел во Всероссийштабе. На обязанности кого лежат выдачи пособий бывшим военным служащим, утратившим трудоспособность на войне, и их семьям, производятся ли такие выдачи в настоящее время, какими органами в таком случае эти лица удовлетворяются, местными ли органами Народного комиссариата социального обеспечения или военными комиссариатами». Семанко просил также сообщить, выдается ли в настоящее время или может ли быть выдаваема пенсия «по закону 25 июля 1912 г.»²²³.

Но в Наркомвоен поступали и письма иного содержания. Так, в письме из Полтавы от 17 февраля 1918 г.²²⁴ сообщалось, что в военно-революционный комитет ежедневно являются массы голодных и оборванных рабочих, солдат, крестьян с семьями и требуют оказать им хотя незначительную материальную помощь, чтобы не дать им и их детям умереть с голода и холода, а между тем по полученным комитетом сведениям управлениями воинских начальников производится выдача бывшим офицерам, чиновникам и их семьям содержания, всякого рода пособий на прислугу, на квартиру и т. д., установленных старым правительством лицам, пользовавшимся тогда особыми привилегиями и преимуществами. «Сумма этих несправедливо выдаваемых народных денег достигает колоссальных размеров». Поэтому, сообщалось в письме, ВРК «предписал начальнику Полтавской местной бригады прекратить с первого февраля впредь до проведения в законодательном порядке» выдачу аттестатов на получение из казначейства содержания и разного рода пособий семьям офицеров и чиновников, всем эвакуированным офицерам и чиновникам, получавшим довольствие по чинам и должностям, наконец, бывшим офицерам, «которые не состоят на службе... находятся в отпусках, уволены от службы в запас, остались без должностей за расформированием частей и другим случаям»; производить выдачу довольствия офицерам и их семьям по нормам, положенным солдатам и их семьям, только в тех случаях, когда это довольствие выдается солдатам и их семьям. Письмо заканчивалось словами: «если эта мера будет признана Советом Народных Комиссаров «целесообразной и своевременной, прошу провести ее спешно в законодательном порядке»²²⁵.

Первоначально предполагалось вопрос о пенсиях для бывших офицеров передать из пенсионного отдела Главного штаба в Народный комиссариат призрения, возглавляемый А. М. Коллонтай²²⁶. Однако в марте 1918 г. «учет и регулирование всех вопросов о пенсиях и пособиях» для военнослужащих Красной Армии были переданы Народному комиссариату социального обеспечения (Наркомсобес)²²⁷. Пенсионный отдел последнего просил Наркомвоен «в срочном порядке» сообщить о всех выдаваемых пенсиях, так как многие пенсии до сих пор выдаются бывшим царским ставленникам за «услуги», «ордена» и т. п., а также «сделать распоряжение о том, что о всех назначаемых пенсиях должно сообщаться в центральные и местные комиссариаты социального обеспечения»²²⁸.

Следует отметить, что еще в феврале 1918 г. Наркомсобес разъяснил всем народным комиссариатам, что «до выработки нового закона о социальном обеспечении всех трудящихся категорий он находит необходимым оставить в силе действующие до настоящего времени (т. е. существовавшие при самодержавии и Временном правительстве.— А. К.) пенсионные уставы с предоставлением права лицам, состоящим во главе ведомств, разрешать во всех случаях назначение пенсий»²²⁹. Между тем местный комиссар Московской казенной палаты и казначейства 4 июля 1918 г. прекратил выдачу пенсий из казны всем бывшим офицерам в размерах, назначенных декретом Совнаркома от 11(24) декабря 1917 г. (т. е. не более 3600 рублей в год)²³⁰. А 8 июля 1918 г. наркомсобес А. Н. Винокуров сообщил в Наркомвоен, что основанием для назначения пенсий бывшим офицерам и их семьям может считаться только нетрудоспособность и отсутствие других источников существования²³¹. Что же касается назначения пенсий за выслугу лет, так называемые «заслуги» разного рода ставленникам царского режима, равно и выдачи пенсий «всем б. офицерам, независимо от их работоспособности и наличности источников существования (заработка, дохода и имущества и т. д.)», то Народный комиссариат считал их не только неправильными и нарушающими пролетарские принципы, так как они ведут «к развитию паразитизма и тунеядства», но и вообще недопустимыми в Российской Советской Республике²³². На возражения же Всероглавштаба, что «невыдача пенсий б. офицерам отрицательно влияет на положение командного состава», Наркомсобес сослался на разработанный в Наркомвоене под руководством Н. В. Крыленко (и одобренный Наркомсобесом) проект положения о пенсионном обеспечении красноармейцев и их семей, который также был построен на «вышеуказанных началах потери трудоспособности (п.п. 1 и 2) и отсутствия источников существования (п. 6)»²³³.

Как видно из этого документа, Наркомсобес, которому Совнарком поручил назначение пенсий бывшему офицерскому составу старой армии, ориентировался лишь на бывших офицеров, либо служивших в Красной Армии, либо потерявших трудоспо-

собность, либо, наконец, не имевших каких-либо источников доходов. Однако на территории Советской России проживали десятки тысяч офицеров, которые выслужили пенсии, но в Красной Армии в период ее комплектования по добровольческому принципу по различным причинам, в том числе по возрасту, не служили, а также множество семей офицеров, для подавляющего большинства которых пенсия после смерти главы семьи являлась единственным средством существования. Поэтому указанная точка зрения Наркомсобеса вызвала справедливые возражения руководства Высшего Военного Совета.

При обсуждении 16 июля 1918 г. вопроса о комплектовании Красной Армии командным составом за счет бывших генералов и офицеров Высший Военный Совет постановил «сохранить впредь до разработки новых положений о пенсионном обеспечении служащих (бывших офицеров.— А. К.) действующий порядок выдачи пенсий по преподанным Народным комиссариатом финансов указаниям», т. е. назначать бывшим офицерам пенсии в размере не более 3600 руб. в год, установленные Декретом Совнаркома от 11(24) декабря 1917 г.²³⁴; всем же представлениям, «задержанным вследствие возникшего предложения об установлении нового порядка выдачи пенсий, дать немедленное движение». Подобное решение объяснялось тем, что «неясность и неопределенность этого вопроса в данное время... отрицательно влияет на пополнение командного состава армии, что задерживает формирование таковой...»²³⁵.

Однако распоряжением Наркомсобеса от 31 июля 1918 г.²³⁶ всем местным комиссариатам социального обеспечения было предложено пересмотреть старые пенсии бывшим офицерам и назначать новые лишь нетрудоспособным и «не имеющим источников существования», отменить выдачу пенсий «за ордена, выслугу лет слугам царского и соглашательского режима, духовенству и т. п. лицам». Этим же распоряжением местным комиссариатам социального обеспечения предписывалось «запросить от всех ведомств, казенных палат, пенсионных сберегательно-вспомогательных, эмеритальных и т. п. касс сведения о выдаваемых ими пенсиях» и предложить им представить пенсионные дела на рассмотрение местных комиссариатов социального обеспечения.

7 августа и 10 октября 1918 г. были изданы декреты Совнаркома о пенсионном обеспечении солдат Красной Армии и их семейств²³⁷. Однако в отношении пенсионного обеспечения бывших офицеров осталось по-прежнему много неясных вопросов, подтверждением чему служит докладная записка начальника Полевого штаба Реввоенсовета Республики бывшего Генштаба генерала А. В. Костяева во Всероглавштаб от 28 ноября 1918 г.²³⁸. В этом документе было сказано, что в Полевой штаб поступают «запросы с фронтов и представления с ходатайствами об оказании лицам, пострадавшим на военной службе, единовременной материальной помощи и о назначении пенсий». Пострадавшие безуспешно обращались уже в различные инстанции, но

нигде не могли получить точного ответа и определенного указания, куда и каким порядком надлежит обратиться. Такое положение недопустимо, так как «беспомощность пострадавших не может не вызвать в массах нарекания на власть и нежелательные разговоры»²³⁹. Для устранения подобного положения и в целях упорядочения вопроса о выдаче единовременных пособий и о назначении пенсий Костиев предлагал созвать межведомственную комиссию «для срочного составления положения о пособиях и пенсиях военнослужащим применительно к вновь установленному строю»²⁴⁰.

31 октября 1918 г. было издано «Положение о социальном обеспечении трудящихся», в статье 2 которого было сказано: «Обеспечению подлежат все без исключения лица, источниками существования которых является только собственный труд, без эксплуатации чужого»²⁴¹. Как отмечалось выше, бывшее офицерство не относилось к категории тех, кто эксплуатировал чужой труд, и, следовательно, статьи положения должны были полностью относиться и к нему. Однако на практике при разрешении этих вопросов возникало множество проблем. Это было связано, прежде всего, с тем, что в Народном комиссариате труда оказалось сосредоточено множество пенсионных дел лиц различных общественных категорий, в том числе и командного состава старой армии, который еще не получал пенсий или, утратив трудоспособность в обычных условиях жизни, не относился к категории инвалидов войны.

19 марта 1919 г. наркомсобес А. Н. Винокуров направил в Наркомвоен отношение, в котором были изложены основные положения пенсионного обеспечения бывшего командного состава старой армии: пенсии для этой категории лиц «должны быть назначаемы местными отделами социального обеспечения, причем увечные должны получать пенсию наравне с солдатами прежней армии, а не относящиеся к категории увечных, потерявшие общую трудоспособность по прежней государственной службе, должны получить пенсию наравне со всеми государственными службами» (т. е. по нормам, получаемым последними) и «лишь при условии материальной необеспеченности и в зависимости от степени утраты трудоспособности, но не за чины и не за выслугу лет»²⁴².

Поскольку в этом документе содержался упрек в адрес Управления по командному составу Всероглавштаба, что оно «продолжает назначать бывшему командному составу прежней армии пенсии за чины и за выслугу лет и помимо местных отделов социального обеспечения»²⁴³, начальник этого управления С. А. Сухомлин в докладной записке начальнику Всероглавштаба от 10 апреля 1919 г. указал, что при назначении пенсий бывшим офицерам управление руководствовалось пенсионным уставом 1912 г., в котором основные условия размеров пенсии для уходящих в отставку лиц определялись «не по чинам, а в процентном отношении к содержанию, получаемому на службе в зависимости

от выслуги лет». При этом учитывалось, что право на пенсию «не только лиц командного состава прежней армии, но и вообще лиц, состоящих на государственной службе, является следствием не каких-либо особых преимуществ, присвоенных этим лицам, а одним из видов гражданского права вообще», тем более что еще в июле 1918 г. управление по этому вопросу встало на «социальную точку зрения, обусловив выдачу назначенных пособий материальной необеспеченностью пенсионеров и потерю ими трудоспособности»²⁴⁴.

Декретом Совнаркома от 26 апреля 1919 г. были отменены все старые пенсии²⁴⁵, в связи с чем должны были быть ликвидированы пенсионные отделы народных комиссариатов, а также эмеритальные, пенсионные и прочие кассы²⁴⁶. Поэтому было принято решение раскассировать пенсионный отдел Управления по командному составу Всероглавштаба (оставив временно «ячейку» в 6—7 человек) и направить его материалы по принадлежности: в местные отделы Наркомсобеса (дела о бывших офицерах-инвалидах для назначения им пенсий наравне с солдатами старой армии и дела командного состава, получавшего пенсию «на основании прежних законоположений»²⁴⁷) и в ведение Народного комиссариата труда (дела бывших офицеров, которые либо еще не получали пенсий, либо утратили трудоспособность в «обыденных условиях жизни» и не относились к категории инвалидов войны)²⁴⁸.

Против ликвидации пенсионного отдела Управления по командному составу Всероглавштаба «сейчас же и притом без проведения установленным порядком через военно-законодательный совет» высказался в докладной записке на имя начальника Всероглавштаба начальник этого отдела Н. Н. Перетерский, который ранее занимал должность помощника начальника отдела пенсионного и по службе нижних чинов Главного штаба и являлся крупным авторитетом по вопросам пенсионного обеспечения военнослужащих. Свое мнение Перетерский обосновывал тем, что еще нет «категорических указаний о разграничении сферы деятельности по специальному обеспечению между народными комиссариатами социального обеспечения и труда и каким порядком и на каких основаниях предполагается ликвидировать дела о пенсиях в отдельных комиссариатах». Кроме того, вопросы о послеслужебном обеспечении военнослужащих и в будущем не могли быть окончательно изъяты из ведения военного комиссариата, ибо военная служба «и по своему характеру, и по ее условиям представляет столько существенных особенностей, что надлежащее разрешение всех могущих возникнуть принципиальных вопросов в указанной области может быть гарантировано только при условии сосредоточения их, хотя бы в некоторой основной части, в военном комиссариате, для чего в составе его (в командном управлении) должен быть оставлен соответствующий орган»²⁴⁹.

Ликвидация пенсионного отдела Управления по командному составу Всероглаштаба и передача пенсионных дел бывших офицеров в два гражданских комиссариата (Наркомсобес и Наркомтруд) привели, как это и предвидел Н. Н. Перетерский в своей докладной записке, к ухудшению пенсионного обеспечения командного состава старой армии.

Начиная с весны 1919 г. Советская власть усилила внимание к правовому регулированию материального обеспечения красноармейцев и их семейств. Так, 28 апреля 1919 г. Совнарком утвердил положение о социальном обеспечении инвалидов-красноармейцев и их семейств²⁵⁰; вопросы материального обеспечения семейств красноармейцев получили дальнейшее развитие в декретах Совнаркома от 27 мая и 11 сентября 1919 г.²⁵¹

Что же касается тысяч бывших генералов и офицеров, которые служили в Красной Армии, в том числе и на строевых должностях в Действующей армии, то их правовое положение по-прежнему узаконено не было. Это можно объяснить тем, что в то трудное для Советского государства время вопросы социального обеспечения решались, прежде всего, в интересах рядового состава Красной Армии — рабочих и трудящихся крестьян. Причина подобного положения, по мнению некоторых авторов, состояла в том, что военные специалисты «еще должны были честным и добросовестным несением службы доказать свое право на соответствующие льготы»²⁵².

К октябрю 1919 г. социальный состав командиров Красной Армии, особенно в младшем и среднем звеньях, претерпел значительные изменения: появилось значительное число окончивших краткосрочные командные курсы («красные офицеры»), а также не имевших никакого военного образования, но выдвинутых на командные должности за боевые заслуги. Что же касается военных специалистов, прослуживших в Красной Армии более полутора лет, то подавляющее большинство из них своим честным отношением к исполнению служебных обязанностей заслужили уважение сослуживцев и подчиненных. Одним из таких военных специалистов был бывший Генштаба полковник Владимир Николаевич Зарубаев (1880—1972). Зарубаев родился в семье известного генерала, закончил привилегированный Александровский лицей, сдал офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище и в 1903 г. был произведен в корнеты с назначением лейб-гвардии в Уланский его величества полк. Участвовал в русско-японской войне, за боевые заслуги был награжден четырьмя орденами; в 1911 г. закончил Николаевскую военную академию. Последняя занимаемая им должность в старой армии — помощник начальника отдела управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Северного фронта; с 26 октября 1917 г. до демобилизации он был начальником штаба Свеаборгской крепости. Добровольно вступив в Красную Армию в марте 1918 г., Зарубаев занимал должность помощника заведующего и заведующего учебной частью Тамбов-

ских пехотных курсов, а летом 1919 г., после захвата белыми Борисоглебска, принял должность начальника штаба Тамбовского укрепленного района. Когда Тамбов подвергся нападению казачьих частей Мамонтова, Зарубаев пытался убедить членов Совета использовать все средства для обороны, «погибнуть на последней из баррикад в городе, но не отходить»²⁵³. Однако это мнение поддержано не было, и город оставлен без боя. Казаки получили приказ захватить Зарубаева и повесить, его квартира была разгромлена. Виновики сдачи Тамбова были привлечены к суду, и в одном из пунктов обвинения говорилось, что они не поддержали «героического предложения начштаба Зарубаева»²⁵⁴. С января по сентябрь 1920 г. Зарубаев был начальником штаба, а затем командующим 7-й армией; в 1921 г. занимал должность помощника командующего войсками Петроградского военного округа, после чего служил в военно-учебных заведениях и штабах. Таких военных специалистов, как Зарубаев, в Красной Армии было много.

Поэтому декретом Совнаркома от 2 октября 1919 г.²⁵⁵ льготы, установленные для красноармейцев и их семейств, были распространены на лиц командного состава, занимавших строевые должности на фронте и в тылу, от командира взвода до командира полка включительно и соответствующие им должности административной и хозяйственной службы на фронте²⁵⁶.

20 июля 1918 г. в мобилизационном отделе Управления по организации армии Всероглаштаба был разработан проект декрета о призыве на действительную военную службу бывших офицеров, военных чиновников, врачей и т. д.²⁵⁷, а 29 июля 1918 г. В. И. Ленин подписал декрет Совнаркома о первом призыве в Красную Армию бывших генералов и офицеров, родившихся в 1892—1897 гг. и состоявших на действительной военной службе и в запасе²⁵⁸. Этот призыв не носил общереспубликанского характера и проводился лишь в Москве, Петрограде²⁵⁹, семи губерниях (Московской, Петроградской, Архангельской, Владимирской, Нижегородской, Вятской и Пермской) и 51 уезде Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов, где по декрету Совнаркома от 11 июня 1918 г.²⁶⁰ в связи с обострением обстановки на Восточном фронте была проведена массовая мобилизация трудящихся.

Призыв бывших офицеров должен был проводиться применительно к «Наставлению о порядке приема на военную службу рабочих и крестьян», объявленном в приказе Наркомвоена № 436 от 14 июня 1918 г.²⁶¹ При этом подтверждался порядок зачисления бывших генералов и офицеров на службу в Красную Армию, установленный декретом ВЦИК от 22 апреля 1918 г. (о порядке замещения должностей в Красной Армии)²⁶². Все призванные бывшие офицеры должны были зачисляться в резерв на основаниях, указанных в проекте «Временных правил о зачислении в резерв лиц командного состава для назначения на командные должности в формируемой армии», введенных в дей-

ствие приказом Наркомвоенна № 472 от 22 июня 1918 г.²⁶⁶, а затем, после аттестования их в установленном для назначения на командные должности порядке, они распределялись по войскам.

20 июля 1918 г. был издан декрет Совнаркома о призыве в тыловое ополчение граждан, не подлежащих призыву в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, в возрасте от 18 до 45 лет²⁶⁷. Сомнения по поводу принадлежности лиц, подлежащих отбыванию воинской повинности, к призыву либо в Красную Армию, либо в тыловое ополчение разрешались по соглашению комиссариев военного, внутренних дел и труда с участием представителей Центрального Совета профессиональных союзов. В тыловое ополчение надлежало направлять лиц, живущих на нетрудовой доход (на проценты с капитала и т. д.); пользующихся наемным трудом с целью извлечения прибыли (владельцы торговых, промышленных, земледельческих и т. п. предприятий); бывших присяжных поверенных, их помощников, нотариусов, биржевых маклеров, торговых и коммерческих посредников, сотрудников буржуазной печати; монахов, духовных служителей церкви и религиозных культов (всех вероисповеданий); лиц так называемых свободных профессий, если они не выполняют общественно полезных функций. К перечисленным лицам были отнесены также «бывшие офицеры, чиновники, воспитанники юнкерских училищ и кадетских корпусов и лица, не имеющие определенных занятий»²⁶⁸.

20 августа 1918 г. Наркомвоен утвердил «Наставление о приеме на военную службу в тыловое ополчение граждан, подлежащих призыву на основании декрета Совнаркома от 20 июля 1918 года»²⁶⁹.

В результате по мобилизациям, объявленным с 12 июня 1918 г. по 1 сентября 1919 г., явилось 27 292 человека, из них в тыловое ополчение было зачислено 16 780 человек²⁶⁷. К сожалению, нам не удалось установить, какой процент из этого числа (как явившихся, так и зачисленных в тыловое ополчение) составляли бывшие офицеры. Но достаточно сказать, что в тыловом ополчении состоял некоторое время даже бывший военный министр Временного правительства бывший Генштаба генерал А. И. Верховский²⁶⁸.

В практическом осуществлении декрета Совнаркома от 20 июля 1918 г. встретились определенные трудности, главным образом в определении категорий лиц, подлежащих призыву в тыловое ополчение. Поэтому на основании приказа Реввоенсовета Республики № 1169 от 21 июля 1919 г. была издана «Инструкция о порядке определения классовой принадлежности военнообязанных граждан мужского пола в возрасте от 18 до 45 лет»²⁶⁹, после принятия которой вопросы отбора и направления в тыловое ополчение решались более объективно и справедливо.

В связи с расширением масштабов гражданской войны 2 сентября 1918 г. ВЦИК объявил Советскую Страну военным лаге-

рем; тем же постановлением ВЦИК был учрежден Реввоенсовет Республики — новый верховный военный орган страны²⁷⁰. 6 сентября 1918 г. Советское правительство назначило главнокомандующего Восточным фронтом бывшего полковника И. И. Вацетиса главнокомандующим всеми Вооруженными Силами Республики, а приказом Реввоенсовета Республики № 3/2 от 11 сентября 1918 г. было образовано три фронта: Северный (командующий бывший Генштаба генерал Д. П. Парский), Восточный (командующий бывший Генштаба полковник С. С. Каменев) и Южный (командующий бывший Генштаба генерал П. П. Сытин); для обеспечения демаркационной линии на Западе был образован Западный район обороны (от Петрограда до Южного фронта), начальником которого был назначен бывший Генштаба генерал А. Е. Снесарев²⁷¹. Только в составе трех указанных фронтов имелось 12 полевых армий, а всего в боевом составе Красной Армии насчитывались 34 пехотные и 1 кавалерийская дивизии²⁷². Однако в связи с угрозой усиления империалистической интервенции В. И. Ленин уже в октябре 1918 г. поставил задачу увеличить численность Красной Армии до трех миллионов человек²⁷³. Между тем, как отмечалось в докладной записке начальника мобилизационного управления Московского окружного комиссариата бывшего Генштаба полковника Г. Н. Хвоцинского от 12 августа 1918 г., «выяснилось, что призыва бывших офицеров, родившихся в 1892—97 гг., будет совершенно недостаточно для образования надлежащего резерва из старших командных лиц. Вследствие этого настоятельно необходимо спешно выпустить декрет о принудительном призыве бывших офицеров более старших возрастов»²⁷⁴.

В связи с недостаточным количеством командного состава Всероссийский штаб подготовил три варианта проекта нового декрета Совнаркома о призыве бывших генералов и офицеров, причем третий, последний вариант был датирован сентябрем 1918 г.²⁷⁵ На его основании был опубликован декрет Совнаркома от 1 октября 1918 г. о призыве на действительную военную службу во всех местностях Российской Федеративной Республики бывших офицеров и военных чиновников, не достигших к 1 января 1918 г. 40-летнего возраста: «а) Бывших офицеров... получивших высшее военное образование, в том числе и окончивших высшие военно-учебные заведения по 2-му разряду, а также прослушавших два первых курса, но не окончивших их вследствие войны. б) Бывших офицеров... занимавших штатные должности в штабах и управлениях не ниже штаба округа или армии, а также в управлениях местных бригад и воинских начальников не менее одного года в течение времени с 1 января 1914 г. по 1 января 1918 г.»²⁷⁶. Вслед за этим декретом был издан приказ Реввоенсовета Республики № 29 от 3 октября 1918 г., в котором говорилось, что «ввиду необходимости принять срочные и действительные меры к укомплектованию армии надлежащими качественно и количественно командным составом» Реввоенсовет

Республики и дополнение к объявленному уже призыву бывших офицерских чинов, родившихся в 1892—1897 гг., постановил: выделить из числа специалистов (артиллеристов, инженеров и т. д.), служащих в центральных управлениях Наркомвоена и подведомственных ему учреждениях, «не менее 25% общего личного состава» под личную ответственность начальника каждого управления для отправления на фронт; предоставить Всероглавному штабу право поименного назначения тех из числа находящихся в отставке лиц, кто признан желательным для несения службы на фронте и кто находится на должностях в различных советских и иных общественных учреждениях, «привлечения, в нужных случаях, на действительную службу тех из отставших, кои состоят в возрасте до 50 лет и служили в специальных войсках или на должностях командиров отдельных частей и выше или состоят в возрасте до 45 лет и служили не в специальных войсках и не занимали должностей командиров отдельных частей». В заключение приказа было сказано, что «отказы от назначения не допускаются, так же как запрещается возбуждение ходатайства начальством об освобождении своих сотрудников».

В связи с тем что приказ возложил срочную разработку «всех правил для проведения в жизнь этих мероприятий» и «обязанность наблюдения за точным выполнением приведенных постановлений» на Всероглавному штабу, последним на основании указанного выше приказа были разработаны «Правила назначения бывших офицеров в возрасте до 50 лет включительно в части войск и учреждения действующей армии» (см. прил. 2).

15 ноября 1918 г. был издан приказ Реввоенсовета Республики № 260, согласно которому всех граждан (в первую очередь бывших офицеров), состоявших в подведомственных Наркомвоени строевых частях, штабах, управлениях, учреждениях и заведениях «по вольному найму», следовало считать «военнослужащими» со дня поступления их на службу в ведомство Наркомвоена. Тех же граждан, сверстники которых по возрасту уже были призваны декретами Совнаркома или приказами Реввоенсовета Республики на обязательную военную службу, «считать состоящими на таковой службе со дня призыва их сверстников». Никто из указанных лиц не мог быть «по собственному желанию уволен с военной службы до конца военных действий» (кроме негодных к несению службы по состоянию здоровья); они были обязаны пробыть на военной службе «полный срок, установленный для призванных по мобилизации их сверстников по возрасту». В заключение приказа устанавливалось, что все указанные выше военнослужащие «в случае необходимости должны быть выделяемы для укомплектования полевых штабов и строевых частей действующих армий на общих основаниях».

23 ноября 1918 г. Реввоенсовет Республики издал приказ № 275, на основании которого должны были быть призваны на действительную военную службу на всей территории Советской Республики все бывшие офицеры, не достигшие к 1 января

ТАБЛИЦА 5. ПРИКАЗЫ РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ О ПРИЗЫВЕ В КРАСНУЮ АРМИЮ БЫВШИХ ОФИЦЕРОВ*

Номер и дата приказа	Каких категорий бывших офицеров касался приказ
№ 41 от 5 октября 1918 г.	Военные инженеры
№ 208 от 13 января 1918 г.	Бывшие офицеры Генерального штаба
№ 213	Административно-хозяйственный состав
№ 222 от 14 ноября 1918 г.	Командный состав военно-учебных заведений (администрация и преподаватели военных наук)
№ 227	Командный состав железнодорожных войск
№ 228	Командный состав броневых частей
№ 231	Командный состав эшапно-обозной службы
№ 321 от 18 февраля 1919 г.	Военные инженеры-технологи (артиллеристы, окончившие артиллерийскую академию)

* Составлено по: ЦГАСА. Сб. приказов Реввоенсовета Республики за 1918 и 1919 гг.

1918 г. 50-летнего возраста — для бывших обер-офицеров, 55 лет — для бывших штаб-офицеров и 60 лет — для бывших генералов. Призыв следовало провести в течение 20 дней (с 25 ноября по 15 декабря 1918 г.) и всех призванных зачислить в резерв при штабах военных округов, окружных управлениях и окружных военных комиссариатах; распределение этого резерва командного состава надлежало производить только по нарядам Всероглавному штабу.

Наконец, 7 декабря 1918 г. был издан декрет Совнаркома, согласно которому из числа подлежащих призыву бывших офицеров, состоявших на службе в гражданских учреждениях, могли быть оставлены на своих должностях необходимые для пользы дела работники в числе, не превышающем 10% призываемых бывших офицеров в каждом гражданском учреждении; в случае же необходимости оставления бывших офицеров сверх указанной нормы следовало в каждом отдельном случае возбуждать особое на то ходатайство²⁷⁷.

Кроме указанных выше приказов Реввоенсовета Республики (№ 260 и 275) и декретов Совнаркома от 20 июля, 1 октября и 7 декабря 1918 г., Реввоенсоветом Республики был издан ряд приказов, касавшихся призыва в Красную Армию бывших офицеров различных категорий. Некоторые из них представлены в табл. 5.

Следует отметить, что вопрос призыва в Красную Армию бывших генералов и офицеров осложнялся несовершенством принятой в то время системы отсрочек от призыва в армию и частыми ее изменениями, что создавало многочисленные «лазейки» для тех бывших офицеров, которые хотели уклониться от службы в

Действующей армии, на чем следует остановиться подробнее. После Октябрьской революции расписание должностей, занятие которых освобождало от призыва в армию²⁷⁸, как, впрочем, и все законы бывшей Российской империи, было упразднено, а между тем с введением в Советской Республике летом 1918 г. всеобщей воинской повинности потребовалось принять меры к обеспечению правительственных учреждений нужными им работниками.

Декретом Совнаркома от 23 ноября 1918 г. освобождение от призыва рабочих и служащих национализированных промышленных предприятий, без которых было трудно обойтись, было возложено на Чрезвычайную комиссию по снабжению Красной Армии²⁷⁹, созданную 2 ноября 1918 г., с непосредственным подчинением ее Совету Рабоче-Крестьянской Обороны. Но эта комиссия не обеспечила решения вопроса об отсрочках. Так, в связи с призывом на действительную военную службу бывших офицеров оказалось, что многие из них, поступив на работу в промышленность, сумели сделаться там «незаменимыми» работниками; многие из офицеров военного времени работали в этой области еще до мировой войны, а поэтому указанная Чрезвычайная комиссия предоставляла освобождение от призыва значительному числу лиц, в том числе и бывшим офицерам.

Так как здесь сталкивались интересы военного ведомства и промышленности, то декретом Совнаркома от 7 декабря 1918 г. вопрос об освобождении от призыва бывших офицеров был взят из ведения Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии и возложен на местные ведомственные комиссии и на Особую комиссию при Мобилизационном управлении Всероглаштаба под председательством начальника этого управления бывшего Генштаба генерала П. П. Лебедева²⁸⁰. В состав этой комиссии вошли представители от Командного и Мобилизационного управлений Всероглаштаба, а также представитель заинтересованного ведомства. При этом местным комиссиям было предоставлено право освобождать от призыва 10% из числа бывших офицеров, состоящих на службе в данном учреждении, ходатайства же об оставлении на своих местах сверх 10% должны были направляться в Особую комиссию.

10 апреля 1919 г. был издан декрет Совнаркома о призывах в Москве и Петрограде и девяти губерниях промышленного района граждан, родившихся в 1886—1890 гг.²⁸¹ Ввиду того что этот призыв включал лиц зрелого возраста (в большинстве семейных) и в первую очередь касался рабочих, было решено пересмотреть все вообще ранее предоставленные отсрочки по призыву, чтобы не оказалось, что более молодые возрасты поставлены при равных условиях в более льготное положение, нежели возрасты старше. Поэтому постановлением Совнаркома от 12 апреля 1919 г. о порядке решения вопросов об отсрочке призыва на военную службу²⁸² Реввоенсовету Республики было поручено образовать постоянную комиссию по отсрочкам призыва

ТАБЛИЦА 6. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОСОБОЙ ПОСТОЯННОЙ КОМИССИИ ПО ОТСРОЧКАМ ПРИЗЫВА В АРМИЮ В АПРЕЛЕ — ИЮНЕ 1919 Г. *

Месяц	Всего рассмотрено ходатайств	Удовлетворено	Дана временная отсрочка	Отказано в ходатайстве	Ходатайство снято с рассмотрения **
Апрель	99	59	—	22	18
Май	2618	1276	144	950	218
Июнь	2468	615	74	1271	508
Июль	1690	580	31	822	257
Всего	6875	2530	249	3095	1001

* Составлено по: ЦГАСА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 9.

** Причиной снятия ходатайства с рассмотрения могли быть смерть, отъезд, арест и т. д.

(по соглашению с ВСНХ, Всероссийским Центральным Советом профессиональных союзов, Чрезвычайной комиссией по снабжению Красной Армии) с одновременным упразднением всех других ранее созданных комиссий по этому же вопросу. Советское правительство признало эту комиссию центральным органом по всем вопросам отсрочек (в некоторых документах ее и называли «Особой центральной комиссией») и подчинило ее «в смысле отмены ее постановлений непосредственно Совету Рабоче-Крестьянской Обороны»²⁸³.

Чтобы не нарушать нормальную работу предприятий и учреждений, все ранее предоставленные отсрочки временно (но не более чем до 1 мая 1919 г.) сохраняли силу. В именных списках подлежащих призыву рабочих и служащих в отношении бывших офицеров указывалось, «кто из них вошел в 10% офицерскую норму освобожденных сотрудников и о ком ходатайство возбуждается сверх 10% нормы»²⁸⁴. В дополнение к этому была заведена форма сведений о бывшем офицере, намеченном к освобождению от призыва на военную службу в порядке пункта 2 декрета Совнаркома от 7 декабря 1918 г.: возраст, военное образование, бывший чин (кадровый, военного времени, запаса), род войск, участие в войне, занимаемая должность, предыдущая деятельность. Эти сведения должны были представляться на каждого бывшего офицера в отдельности, при этом следовало также указывать «общее число служащих в учреждении, в том числе бывших офицеров, а также поименно, кого именно учреждение включает в 10% норму и об освобождении кого сверх этой нормы оно ходатайствует»; не подлежали освобождению от призыва бывшие офицеры артиллерии, Генерального штаба и особо нужные для армии специалисты²⁸⁵.

Деятельность Особой постоянной комиссии по отсрочкам призыва в армию в отношении бывших офицеров, являвшихся «незаменимыми» сотрудниками правительственных учреждений, «продолжалась в течение всего лета 1919 года» и не была еще закончена к октябрю того же года²⁸⁶.

Из табл. 6 видно, что указанная комиссия, с одной стороны, подходила к рассмотрению ходатайств об отсрочках призыва и армию бывших офицеров достаточно внимательно, а с другой — принятая система отсрочек предоставляла бывшему офицерству, не желавшему служить в строевых частях в Действующей Красной Армии, широкие возможности легализовать свое положение на административно-хозяйственных должностях, в том числе и в гражданских учреждениях.

Задача усиления командного состава Действующей Красной Армии за счет изъятия из тыловых учреждений, управлений и заведений годных по состоянию здоровья для строевой, штабной и административной службы на фронте бывших генералов и офицеров была решена в основном путем создания в 1919 г. особых комиссий по учету бывших офицеров.

* * *

- ¹ *Кораблев Ю. И.* В. И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября. 2-е изд. М., 1979. С. 132.
- ² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 168.
- ³ *Кораблев Ю. И.* Указ. соч. С. 126.
- ⁴ ЦГВИА. Ф. 2421. Оп. 1. Д. 137. Л. 324.
- ⁵ Владимир Ильич Ленин: Биохроника. М., 1974. Т. 5. С. 9.
- ⁶ Там же. С. 10, 11.
- ⁷ *Скрышник М. Н.* Воспоминания об Ильиче. 3-е изд. М., 1965. С. 72.
- ⁸ Уже 3(16) ноября 1917 г. на заседании Наркомвоена Муравьев потребовал, чтобы ему была предоставлена полная власть, в частности подчинен Петроградский военный округ; в противном случае он грозил немедленно сложить «свой полномочия» (ЦГАСА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 4).
- ⁹ Владимир Ильич Ленин: Биохроника. Т. 5. С. 39.
- ¹⁰ См., в частности: *Кастарадзе А. Г.* Октябрь и ликвидация контрреволюционной Ставки // Воен.-ист. журн. 1968. № 4.
- ¹¹ *Лазарев М. С.* Ликвидация Ставки старой армии как органа контрреволюции // Вопр. истории. 1968. № 3. С. 44.
- ¹² Красный арх. 1927. Т. 4. (23). С. 239, 240.
- ¹³ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Минск, 1957. Т. 2. С. 244.
- ¹⁴ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. М., 1964. С. 203.

- ¹⁵ *Лазарев М. С.* Указ. соч. С. 53.
- ¹⁶ Согласно телеграмме в отдел генерал-квартирмейстера № 15735 от 8(21) ноября 1917 г., Дитерихс был назначен в распоряжение начальника штаба Кавказского фронта (ЦГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 700. Л. 51).
- ¹⁷ Нами были учтены все приказы по Управлению генерал-квартирмейстера с № 43 от 19 октября (1 ноября) по № 59 от 25 ноября (8 декабря) 1917 г. (Там же. Д. 35).
- ¹⁸ В день отъезда Кусонский передал должность генерал-квартирмейстера, которую он занимал временно, с 15 по 19 ноября (с 28 ноября по 2 декабря) 1917 г., полковнику Н. В. Терехову.
- ¹⁹ Правда. 1917. 22 нояб.
- ²⁰ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 6—7; Владимир Ильич Ленин: Биохроника. Т. 5. С. 60.
- ²¹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 547.
- ²² По приезде в Брест-Литовск Сказлон в этот же день застрелился. Советское правительство выразило соболезнование его вдове и назначило пенсию его дочери (ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 591. Л. 164).
- ²³ Мирные переговоры в Брест-Литовске с 22/9 декабря 1917 г. по 3 марта/18 февраля 1918 г. М., 1920. Т. 1; Архив русской революции. Берлин, 1930. Т. 20. С. 17—18. В первом из указанных источников Ю. Н. Данилов ошибочно назван Н. А. Даниловым (в рус-

- ской армии был такой генерал от пехоты, но он в состав делегации не входил). Кроме того, в «Биохронике» В. И. Ленина (Т. 5. С. 153) В. А. Липский ошибочно назван В. В. Липским. Штабс-ротмистр 5-го уланского Литовского полка Липский был сыном генерал-лейтенанта А. Ф. Липского, умершего в 1904 г.; в 1914 г. окончил младший класс Николаевской военной академии, а 22 мая 1917 г. — старший класс 1-й очереди ускоренного курса этой академии. 14 сентября 1917 г. Липский был переведен в Генеральный штаб с назначением помощником старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 10-й армии. В мае 1918 г. был назначен помощником начальника военной миссии в Германии; в Советскую Россию не вернулся.
- ²⁴ ЦГВИА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 14. Л. 58—75.
- ²⁵ *Крыленко Н. В.* Смерть старой армии // История и историки. М., 1981. С. 289.
- ²⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 377.
- ²⁷ Научный архив Института истории СССР АН СССР. Ф. 8. Д. 3. Л. 15. (Далее: ИАИИ).
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ *Крыленко Н. В.* Указ. соч. С. 289.
- ³⁰ ИАИИ. Ф. 8. Д. 3. Л. 24.
- ³¹ *Кляцкин С. М.* На защите Октября. М., 1965. С. 63, 64.
- ³² Там же. С. 63.
- ³³ *Потапов Н. М.* Краткая справка о деятельности Народного комиссариата по военным делам в первые месяцы после Октябрьской революции // Ист. арх. 1962. № 1. С. 85.
- ³⁴ Владимир Ильич Ленин: Биохроника. Т. 5. С. 72; *Кляцкин С. М.* Указ. соч. С. 64.
- ³⁵ *Крыленко Н. В.* Указ. соч. С. 259.
- ³⁶ Потапов был назначен заместителем начальника Генштаба еще в середине октября 1917 г. (ИАИИ. Ф. 8. Д. 3. Л. 15).
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Отсутствие такого личного контакта, когда Маниковский, не будучи непосредственно связан с Подвойским, пользовался посреднической деятельностью Одиноца, привело к тому, что «неодно-

- кратно возникали недоразумения» (Там же).
- ³⁹ ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 332. Л. 3.
- ⁴⁰ Приказы Наркомвоена и Реввоенсовета Республики см.: ЦГАСА. Сборники приказов Наркомвоена и Реввоенсовета Республики за соответствующий год.
- ⁴¹ Солдатская правда. 1918. 16 февр.
- ⁴² ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 332. Л. 3.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Приказ Наркомвоена № 191 от 8 марта 1918 г.
- ⁴⁵ Солдатская правда. 1918. 16 февр.
- ⁴⁶ Приказ Реввоенсовета Республики № 1950 от 29 ноября 1919 г.
- ⁴⁷ ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 332. Л. 40б.
- ⁴⁸ Там же. Л. 5, 50б.
- ⁴⁹ Там же. Л. 7, 70б. Общеобразовательный ценз у 71 человека выяснить не удалось.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. Л. 80б.
- ⁵² Там же. Л. 70б.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ См., в частности: *Петров В. И.* Отражение Страной Советов нашествия германских империалистов в 1918 году. М., 1980.
- ⁵⁵ *Кляцкин С. М.* Указ. соч. С. 122.
- ⁵⁶ Там же. С. 123.
- ⁵⁷ *Петров В. И.* Указ. соч. С. 82.
- ⁵⁸ Там же. С. 86, 87.
- ⁵⁹ *Верцинский Э. А.* Год революции: Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917—1918 года. Таллин, 1929. С. 52.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же. С. 56.
- ⁶² Ленинский сб. Т. 21. С. 98.
- ⁶³ Правда. 1918. 21 февр.; Владимир Ильич Ленин: Биохроника. Т. 5. С. 268.
- ⁶⁴ В действительности Псков был оставлен 22 февраля.
- ⁶⁵ *Верцинский Э. А.* Указ. соч. С. 56.
- ⁶⁶ Там же. С. 57.
- ⁶⁷ *Подвойский Н. П.* От Красной гвардии к Красной Армии // Историк-марксист. 1938. № 1. С. 38, 39.
- ⁶⁸ *Верцинский Э. А.* Указ. соч. С. 59.
- ⁶⁹ *Подвойский Н. П.* Ленин и Красная Армия // Воен.-ист. журн. 1968. № 12. С. 67.
- ⁷⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 358.
- ⁷¹ Директивы командования фрон-

- тов Красной Армии (1917—1922 гг.): Сб. документов. М., 1971. Т. 1. С. 59.
- 72 Правда. 1918. 22, 23 февр. В него вошли М. Д. Бонч-Бруевич, С. Н. Гусев, К. С. Еремеев, Н. В. Крыленко, К. А. Мехоношин, Н. И. Подвойский и др.
- 73 Владимир Ильич Ленин: Биохроника. Т. 5. С. 272.
- 74 Бонч-Бруевич М. Д. Ильич и Красная Армия: Сб. М., 1926. С. 11.
- 75 Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. С. 251.
- 76 Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920): Сб. документов. М., 1969. С. 20.
- 77 Рабоче-Крестьянская Армия и Флот. 1918. 2 марта.
- 78 Там же. 29 марта.
- 79 ЦГАСА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 158. Л. 34—42.
- 80 Это, в частности, подтвердил и военный специалист Ф. В. Костлев в беседе с Н. И. Подвойским в январе 1921 г. (Там же. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 49. Л. 90).
- 81 ЦГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1618. Л. 50.
- 82 Там же. Л. 1. На Кавказский фронт сауншатели (армяне, грузины и мусульмане) были направлены по просьбе временного представителя Армении в Петрограде Мелика Парсаданова.
- 83 Там же. Д. 1991. Л. 113.
- 84 Там же. Л. 130б.
- 85 Кораблев Ю. И. Указ. соч. С. 214.
- 86 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 395.
- 87 ЦГАСА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 462. Л. 16, 160б.
- 88 Там же. Л. 16.
- 89 Там же. Л. 16 об.
- 90 Владимир Ильич Ленин: Биохроника. Т. 5. С. 293; Известия ВЦИК. 1918. 5 марта.
- 91 Ленинский сб. Т. 34. С. 21.
- 92 Воен.-ист. журн. 1969. № 11. С. 4.
- 93 НАИИ. Ф. 8. Д. 3. Л. 7.
- 94 Кораблев Ю. И. Указ. соч. С. 253.
- 95 Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920) С. 26.
- 96 Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. С. 253.
- 97 ЦГАСА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 1.
- 98 Цветаев Н. И. Военные вопросы в решениях VIII съезда РКП(б). М., 1960. С. 9.
- 99 Число краткосрочных командных курсов к 1 января 1921 г. достигало 151. См.: Петровский Л. А. Военная школа в годы революции. М., 1924. С. 259.
- 100 Антоков-Овсеенко В. А. Строительство Красной Армии в революции. М., 1923. С. 36, 37.
- 101 ЦГАСА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 49. Л. 14.
- 102 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 1—60б.
- 103 Там же. Л. 97—98.
- 104 Там же. Л. 6.
- 105 Там же. Л. 4.
- 106 Там же.
- 107 Там же. Л. 5.
- 108 Там же. Л. 5 об.
- 109 Кораблев Ю. И. Указ. соч. С. 252.
- 110 ЦГАСА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 97 об.
- 111 Там же. Л. 98.
- 112 Там же. 98 об.
- 113 Там же.
- 114 Ленинский сб. Т. 34. С. 21.
- 115 ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 158. Л. 183 об.
- 116 Там же. Д. 122. Л. 31.
- 117 Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 41. Л. 21.
- 118 Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 235—236.
- 119 Приказ Наркомвоена № 356 от 5 мая 1918 г.
- 120 ЦГАСА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 50. Л. 269, 270.
- 121 Там же. Л. 269 об.
- 122 Там же. Л. 270.
- 123 Там же. Д. 41. Л. 52.
- 124 Там же.
- 125 Там же. Л. 59.
- 126 Там же. Л. 60.
- 127 Там же. Л. 107.
- 128 Там же. Д. 850. Л. 53—55.
- 129 Военное дело. 1919. № 7/8. С. 355.
- 130 Там же.
- 131 ЦГАСА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 160.
- 132 Там же. Л. 159, 159 об.; Владимир Ильич Ленин: Биохроника. Т. 5. С. 306—307.
- 133 ЦГАСА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 159 об.
- 134 Там же.
- 135 Владимир Ильич Ленин: Биохроника. Т. 5. С. 307.
- 136 ЦГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1635. Л. 6.
- 137 Там же. Л. 8.
- 138 Там же. Д. 1620. Л. 27—32.
- 139 Там же. Д. 1639. Л. 5—7.
- 140 ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 186/11. Л. 2.
- 141 ЦГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1625. Л. 1.
- 142 Там же.
- 143 Приказ Наркомвоена № 401 от 25 мая 1918 г.
- 144 ЦГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 477. Л. 1.
- 145 Там же.
- 146 Там же. Д. 1625. Л. 3—5.
- 147 Во второй докладной записке были перечислены предметы, которые преподаются в академии (Там же. Л. 173—173 об.).
- 148 Там же. Л. 172—173.
- 149 ЦГАСА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 197 л. Л. 4. Телеграмма была адресована в Наркомвоен, в копии — председателю ВЦИК Я. М. Свердлову.
- 150 Там же. Л. 7—9.
- 151 ЦГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1644. Л. 19, 20.
- 152 Там же. Д. 1624. Л. 293, 316.
- 153 Там же. Д. 1628. Л. 4—34.
- 154 Там же. Д. 1642. Л. 29—33.
- 155 Там же. Д. 1509. Л. 201.
- 156 ЦГАСА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 238.
- 157 Академия Генерального штаба. М., 1976. С. 17.
- 158 Там же. С. 21.
- 159 Кораблев Ю. И. Указ. соч. С. 253.
- 160 ЦГАСА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 1. Л. 79, 80.
- 161 Там же. Л. 80.
- 162 Там же. Ф. 10. Оп. 2. Д. 356. Л. 2, 3. Из беседы Н. И. Подвойского с Н. В. Соллогубом и Э. Г. Томпсоном 14 августа 1918 г.
- 163 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 215. Л. 86, 86 об.
- 164 ЦГАОР СССР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 537. Л. 21.
- 165 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 133.
- 166 ЦГАСА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 41. Л. 4.
- 167 Там же. Д. 88. Л. 160.
- 168 В ЦГАСА (Ф. 11. Оп. 6. Д. 22) хранится перечень докладов, исходивших из этого управления, за время с 20 мая по 20 июня 1918 г.
- 169 ЦГАСА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 34. Л. 41—46 об.
- 170 Там же. Л. 41.
- 171 Там же. Л. 46 об.
- 172 Там же. Ф. 11. Оп. 6. Д. 22. Л. 119.
- 173 Там же.
- 174 Там же. Л. 120.
- 175 Там же. Все необходимые о себе сведения, предусмотренные фор-
- мой кандидатской карточки, приложенной к приказу Наркомвоена № 468 от 18 июля 1918 г., эти лица сообщали непосредственно в управление.
- 176 Там же. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 34. Л. 41, 41 об.
- 177 Декреты Советской власти. Т. 2. С. 428—429; 438—440.
- 178 ЦГАСА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 34. Л. 41. В рассматриваемом документе было также сказано, что если бы Совнаркомом «была признана необходимость призвать бывших офицеров для всех 30-ти новых формируемых пехотных дивизий» (для чего требовалось 34 920 бывших офицеров, военных чиновников и врачей, не считая необходимого 10% резерва), то мобилизацию бывшего офицерского состава на указанных выше основаниях необходимо производить уже «по всей России, в зависимости от чего понадобится соответственное изменение представленного при сем проекта декрета» (Там же. Л. 46).
- 179 Там же. Л. 41 об.
- 180 Там же. Ф. 10. Оп. 2. Д. 47. Л. 1.
- 181 Там же. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 34. Л. 46.
- 182 Там же. Л. 46 об.
- 183 Там же.
- 184 Там же. Л. 40 об.
- 185 Там же.
- 186 Там же. Л. 40 об., 41.
- 187 Там же. Л. 40, 40 об.
- 188 Там же. Л. 47—47 об.
- 189 Там же. Л. 47.
- 190 Там же. Л. 47 об.
- 191 Там же.
- 192 Там же.
- 193 Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 231, 232. «Временные правила» были объявлены в приказе Всероглаштаба № 63 от 24 декабря 1918 г.
- 194 Декреты Советской власти. Т. 2. С. 554.
- 195 Там же. С. 543. После V съезда Советов в газетах перестали печатать фамилии бывших генералов и офицеров, изъявивших желание поступить добровольно на службу в Красную Армию (ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 125).
- 196 ЦГАСА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 41. Л. 179—182. В этом же деле (Л. 104—107) имеется первый вариант этого

- доклада, написанный еще в Муроме 1 июня 1918 г. В приводимом втором варианте по сравнению с первым несколько смягчены формулировки.
- 197 Там же. Л. 179 об.
- 198 Там же. Л. 102 об.
- 199 Там же. Л. 181.
- 200 Там же.
- 201 Там же. Л. 181, 182.
- 202 Там же. Л. 104.
- 203 Там же. Л. 180 об.
- 204 Там же.
- 205 Там же. Л. 179 об., 180.
- 206 Там же. Л. 180.
- 207 Там же. Л. 181 об.
- 208 *Петровский Д. А.* Военная школа в годы революции. М., 1924. С. 261.
- 209 Восьмой съезд РКП(б), март 1919 г.: Протоколы. М., 1959. С. 418.
- 210 ЦГАСА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. Л. 70—74.
- 211 Согласно приказу командующего войсками Московского военного округа Н. И. Муралова в связи с объявлением военного положения в Москве 31 мая 1918 г. было постановлено, что все бывшие офицеры обязаны зарегистрироваться в районных военных комиссариатах (ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 34. Л. 40). О том, как проходила эта регистрация, известно из воспоминаний Муралова и беседы Н. И. Подвойского с Н. В. Соллогубом 14 августа 1918 г. В манеже бывшего Алексеевского военного училища (ныне Красноказарменная ул., 2) было собрано свыше 17 тыс. бывших офицеров, от прапорщиков до полных генералов. «Мы организовали дело (учета собравшихся офицеров.— А. К.) плохо...» — писал Муралов (Спутник политработника. 1926. № 7(37). С. 32). Часть офицеров была заперта в манеже, часть расположилась во дворе. Никто из них не позаботился о том, чтобы принести с собой какую-либо пищу, но на обед их не выпустили; не привезли на ночь даже соломы. «При таком наплыве людей,— пишет Муралов,— трудно было произвести отбор и тщательный учет... Работы поневоле затянулись. От скученности и неприспособленности помещений появились сначала обычные болезни, а потом и эпидемия». Как выразился Соллогуб, «при таких условиях привлечь офицеров (на службу в Красную Армию.— А. К.) будет нелегко» (ЦГАСА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 356. Л. 2).
- 212 ЦГАСА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. Л. 71.
- 213 Там же.
- 214 Там же.
- 215 Там же. Л. 71 об.
- 216 Там же. Д. 88. Л. 81.
- 217 Там же.
- 218 Там же. Ф. 10. Оп. 2. Д. 356. Л. 16.
- 219 В работах советских историков и юристов, занимающихся социальной политикой Советского государства, этот вопрос, насколько нам известно, почти не затрагивается. Исключение составляет работа В. П. Портнова и М. М. Славина «Правовые основы строительства Красной Армии, 1918—1920 гг.» (М. 1985).
- 220 НАИИ. Ф. 4. Д. 3. Л. 38.
- 221 ЦГВИА. Ф. 409. № 153—069.
- 222 ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 435. Л. 20, 20 об.
- 223 Там же. Л. 20 об.
- 224 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 73. Л. 177—181.
- 225 Там же. На письме имеется резолюция Э. М. Склянского: «Проектируемые Вами меры уже проведены в жизнь приказами Нарком. по В. Д. (Выписывайте.— А. К.) „Армия и Флот“, где печатаются приказы».
- 226 Там же. Л. 87.
- 227 Там же. Ф. 11. Оп. 6. Д. 435. Л. 11.
- 228 Там же.
- 229 Там же. Л. 31, 31 об.
- 230 Там же. Л. 31. Это было сделано на основании решения комиссара социального обеспечения г. Москвы.
- 231 Там же. Л. 33.
- 232 Там же. Л. 33, 33 об.
- 233 Там же. Л. 33 об.
- 234 Декреты Советской власти. Т. 1. С. 212, 213.
- 235 ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 435. Л. 31 об.
- 236 Там же. Л. 36.
- 237 Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 180—182, 404—405.
- 238 ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 435. Л. 44, 44 об.
- 239 Там же. Л. 44.

- 240 Там же. Л. 44, 44 об.
- 241 Декреты Советской власти. Т. 3. С. 481.
- 242 ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 435. Л. 52.
- 243 Там же.
- 244 Там же. Л. 24 об., 58, 58 об.
- 245 Декреты Советской власти. М., 1971. Т. 5. С. 115—116.
- 246 ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 435. Л. 65.
- 247 ЦГВИА. Ф. 400. Оп. 286/1608. 9-е отделение. 2-й стол. 1918; Оп. 310. Д. 126.
- 248 ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 435. Л. 71 об.
- 249 Там же. Л. 61, 61 об.
- 250 Декреты Советской власти. Т. 5. С. 118—122.
- 251 Там же. С. 241—242; М., 1973. Т. 6. С. 112—113.
- 252 *Портнов В. П., Славин М. М.* Указ. соч. С. 242.
- 253 ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 366. Л. 278 об.
- 254 Там же.
- 255 Декреты Советской власти. Т. 6. С. 148—149.
- 256 *Портнов В. П., Славин М. М.* Указ. соч. С. 242.
- 257 ЦГАСА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 41. Л. 185, 186.
- 258 Декреты Советской власти. Т. 3. С. 111—113.
- 259 С. М. Кляцкин (Указ. соч. С. 204) в своей работе не указал, что призыв бывших офицеров проводился в Москве и Петрограде, а именно в этих городах в то время находилось свыше 50 тыс. бывших офицеров.
- 260 Декреты Советской власти. Т. 2. С. 428—429.
- 261 ЦГАСА. Сб. приказов Наркомвоенна за 1918 г.
- 262 Декреты Советской власти. Т. 2. С. 153—155.
- 263 ЦГАСА. Сб. приказов Наркомвоенна за 1918 г.
- 264 Декреты Советской власти. Т. 3. С. 69—76.
- 265 Там же. С. 75.
- 266 ЦГАСА. Ф. 4. Оп. 10. Д. 3. Л. 75, 76.
- 267 Там же. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 9. Л. 38, 38 об.
- 268 *Верховский А. И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 4.
- 269 ЦГАСА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 9. Л. 60—62.
- 270 Декреты Советской власти. Т. 3. С. 268.
- 271 Из истории гражданской войны в СССР: Сб. документов. М., 1960. Т. 1. С. 152, 153.
- 272 *Кляцкин С. М.* Указ. соч. С. 236.
- 273 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 99.
- 274 ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 442. Л. 19.
- 275 Первый вариант проекта декрета был написан в августе 1918 г. (ЦГАСА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233. Л. 106, 107); в этом же деле (Л. 84, 85) имеется второй вариант проекта, о чем свидетельствует надпись бывшего Генштаба генерала Н. В. Пневского: «Вариант № 2 Всеросс. Гл. Штаба»; там же (Л. 82, 83) находится и третий вариант проекта.
- 276 Декреты Советской власти. Т. 3. С. 383.
- 277 Там же. М., 1968. Т. 4. С. 161—162.
- 278 Устав о воинской повинности / Сост. Я. Ливин и Г. Ганский. СПб., 1913. С. 361—380. Приложение к ст. 25. Список должностей государственной службы, исполнение коих освобождает офицеров и нижних чинов от призыва из запаса в армию и в действующие команды флота и от службы в государственном ополчении.
- 279 Декреты Советской власти. Т. 4. С. 54—56.
- 280 Комиссия была создана приказом Реввоенсовета Республики № 446 от 24 декабря 1918 г.
- 281 Декреты Советской власти. Т. 5. С. 63—65.
- 282 Там же. С. 74.
- 283 ЦГАСА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 9. Л. 120 об.
- 284 Там же. Ф. 4. Оп. 10. Д. 3. Л. 25.
- 285 Там же.
- 286 Там же. Л. 42.

Деятельность Коммунистической партии и Советского правительства по усилению командного состава Действующей Красной Армии военными специалистами

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ЛЕНИНСКОГО КУРСА ПО ОТНОШЕНИЮ К ВОЕННЫМ СПЕЦИАЛИСТАМ НА VIII СЪЕЗДЕ РКП(б)

В советской историографии достаточно широко представлены работы, посвященные как VIII съезду РКП(б), так и важнейшему вопросу повестки дня — военному положению и военной политике¹. Однако победа ленинского курса на съезде в отношении военных специалистов имела настолько важное значение для создания 3-миллионной регулярной Красной Армии, что представляется необходимым еще раз остановиться на этом вопросе, имеющем прямое отношение к теме монографии.

К началу 1919 г. были достигнуты значительные успехи в укреплении Красной Армии и превращении ее в регулярную. Это позволило одержать над войсками белогвардейцев и интервентов ряд крупных побед, упрочивших военно-политическое положение Республики Советов и расширивших ее материально-техническую базу. Однако в военном строительстве все еще имелись серьезные недостатки, которые были изложены главнокомандующим всеми Вооруженными Силами Республики И. И. Вацетисом в письменном докладе В. И. Ленину от 23—25 февраля 1919 г.² В докладе, в частности, отмечалось, что одними из «наиболее крупных недочетов как частей на фронтах, так и во внутренних округах» являются «неподготовленность и некомплект командного состава... некомплект штабов и управлений... фронтов, армий и дивизий» (в специалистах Генерального штаба, инженерах, артиллеристах, техниках разного рода некомплект составлял от 40 до 80%)³.

Указанные недостатки и трудности усугублялись серьезными разногласиями по ряду вопросов военной политики, и прежде всего по вопросам создания регулярной армии с военными специалистами. Эти разногласия усилились с конца 1918 г., после опубликования утвержденных Совнаркомом положений о командующих фронтами и армиями, в которых определялись взаимоотношения командующих с реввоенсоветами и впервые проводился принцип единоначалия в оперативно-стратегических вопро-

сах⁴. Ряд членов реввоенсоветов фронтов и армий (3-й и 5-й армий Восточного фронта и особенно Южного фронта), а также военных комиссаров, игнорируя профессиональные знания, служебный и боевой опыт военных специалистов, считал принцип невмешательства военно-политических работников в руководство военными операциями не только неприемлемым, но даже «гибельным» для дела революции и судьбы Советского государства и настаивал на сохранении коллегиальной формы управления войсками⁵.

В период, предшествовавший VIII съезду партии, ЦК РКП(б) была проделана большая работа по выработке единой линии в области военной политики партии. Так, 25 февраля 1919 г. в «Правде» были опубликованы тезисы ЦК РКП(б) по военному вопросу. В дни подготовки к съезду на страницах центральных и местных газет широко обсуждались проект новой Программы партии, вопросы укрепления Красной Армии и т. д.

При обсуждении военной политики на партийных конференциях и собраниях, проходивших в первой половине марта, в большинстве резолюций подчеркивалось, что создание могущественной, построенной на классовых основаниях и комплектуемой по мобилизации регулярной Красной Армии остается одной из главных задач Советского правительства. При этом значительное внимание уделялось одному из самых важных вопросов военной политики партии — отношению к военным специалистам. Как отмечал в докладе о порядке дня VIII съезда РКП(б) Я. М. Свердлов на общем собрании коммунистов Рогожского района г. Москвы 20 февраля 1919 г., существуют «две точки зрения: использовать военных специалистов и военных техников, созданных в капиталистическом хозяйстве; отбросить специалистов и ограничиться в военном деле только услугами вполне сочувствующих нам лиц. ЦК партии стоит на первой точке зрения»⁶. Результаты обсуждения этого вопроса показали, что большинство партийных организаций поддерживало линию ЦК партии. Так, например, в резолюции партийной конференции 9-й армии Южного фронта, происходившей 4—6 марта 1919 г., говорилось, что «история привлечения к управлению и участию в боевых операциях армии Российской Республики военных специалистов показала, что позиция центрального Советского правительства в этом вопросе оказалась правильной и что в общем и целом военные специалисты оказались на высоте и оказали немалую услугу в деле устройства и организации армии»⁷. Вместе с тем во многих партийных организациях высказывались требования усиления контроля за деятельностью военспецов. Так, в постановлении Нижегородской губернской партийной конференции подчеркивалось, что, после того как была построена армия «по всем правилам военного искусства, пользуясь руками бывших офицеров, которые волей или неволей выполняют дело пролетариата», необходимо во избежание измены с их стороны осуществлять строгий контроль за их деятельностью со стороны военных комиссаров⁸. А в резолюции

партийной конференции 6-й армии отмечалось, что наряду с успешным контролем над военными специалистами, которые нужны для создания сильной армии, отношение к ним должно быть «внимательное и бережное»⁸.

Но в резолюциях некоторых партийных конференций, а также в партийных организациях некоторых армий высказывались мнения и против использования военных специалистов в Красной Армии. Так, например, в резолюции партийной конференции частей 7-й армии, представлявшей более 1800 коммунистов, по вопросу о военных специалистах было сказано: «Исходя из общих принципов строительства классовой Красной Армии... конференция считает, что в настоящий момент, когда организация армии завершается, необходимо постепенно замещать все командные должности красными офицерами и комиссарами, прошедшими достаточный практический стаж»⁹. Против привлечения военных специалистов на командные должности высказалась также Уфимская губернская партийная конференция, в резолюции которой содержались требования вмешательства партийных организаций в оперативную деятельность командного состава¹⁰.

VIII съезд РКП(б) проходил с 18 по 23 марта 1919 г. в обстановке усиления империалистической интервенции и обострения гражданской войны. В. И. Ленин говорил, что военный вопрос стал главным, коренным вопросом революции¹².

В Отчетном докладе ЦК РКП(б) VIII съезду, с которым выступил В. И. Ленин, а также в других его выступлениях на съезде важное место заняли вопросы военной политики как составной части общей политики партии, что нашло широкое отражение в Программе РКП(б), в тезисах ЦК по военному вопросу и резолюции по военному вопросу. В докладе было показано значение правильного решения военного вопроса для создания боеспособной Красной Армии с централизованным управлением и твердой воинской дисциплиной, с широким использованием военных специалистов под строгим контролем военных комиссаров. В докладе подчеркивалось, что военное строительство осуществляется под руководством ЦК РКП(б) и Советского правительства, раскрывались трудности, с которыми пришлось столкнуться при создании Красной Армии, ибо этот вопрос «был совершенно новым, он совершенно не ставился даже теоретически... Мы должны были сплошь и рядом идти ощупью... Мы брались за дело, за которое никто в мире и в такой широте еще не брался... А задача стояла ясно. Без вооруженной защиты социалистической республики мы существовать не могли»¹³. Поэтому «господствующий класс, пролетариат, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это и своей военной организацией»¹⁴.

VIII съезд РКП(б) принял новую Программу партии, принципиальные вопросы которой были разработаны В. И. Лениным. Военная политика партии была определена и сформулирована съездом в двух документах: в программных требованиях по вопросам военной политики, отраженных в новой Программе, и в

развернутой резолюции съезда по военному вопросу, которая явилась развитием и дополнением сжатых программных формулировок.

В разделе Программы РКП(б), посвященной военной области, указывалось, в частности, что одной из важнейших задач в деле создания Красной Армии является «подготовка наиболее способных и энергичных и преданных делу социализма солдат к командным должностям». Вместе с тем обращалось внимание на «самое широкое использование и применение оперативного и технического опыта последней мировой войны» и в связи с этим необходимость широкого привлечения «к делу организации армии и ее оперативного руководства военных специалистов, прошедших школу старой армии». Необходимым условием такого привлечения считалось «сосредоточение общего политического руководства армией и всестороннего контроля над командным составом в руках рабочего класса»¹⁵.

Как видим, в программных требованиях по военному вопросу не содержалось указания на то, что основной формой осуществления контроля над командным составом должен являться контроль через институт военных комиссаров. Между тем в развернутой резолюции съезда по военному вопросу было сказано, что необходимо, «продолжая привлечение военных специалистов на командные и административные должности и подбирая надежные элементы, установить над ними неослабный, осуществляемый через комиссаров, централизованный партийно-политический контроль, устраняя тех, кто окажется политически и технически непригодным». Здесь же говорилось о необходимости организовать «систему аттестаций командного состава, возложив на комиссаров периодическое составление таких аттестаций»¹⁶.

Таким образом, сопоставляя постановку вопроса о формах контроля над командным составом в Программе партии (через рабочий класс) и в развернутой резолюции съезда по военному вопросу (через институт военных комиссаров), можно сказать, что сосредоточение руководства армией и тем самым контроля над ее командным составом в руках рабочего класса является непреложным принципом строительства вооруженных сил в пролетарском государстве на весь период его существования, но формы этого руководства и контроля на разных этапах не должны и не могут оставаться неизменными. Организацию контроля над командным составом через институт военных комиссаров партия рассматривала тогда только как одну из временных форм всей системы руководства командным составом. Поэтому в Программе партии, где речь шла о более длительном периоде времени, эта временная форма контроля не указывалась. Однако суть в обоих документах была одна: «социалистическое государство не может бесконтрольно вверять свою новую армию военным специалистам, бывшим генералам и офицерам старой армии»¹⁷.

В докладе ЦК РКП(б) о военном положении и военной политике партии был подведен итог более чем года строительства

Красной Армии. В докладе указывалось, что, поскольку вопрос о защите Советской Республики является главным, задача съезда состоит в том, чтобы, изучив всесторонне и трезво положение в Красной Армии к началу 1919 г. и опыт ее военного строительства, «утвердить в качестве неизменных те положения, которые оправдали себя, которые должны быть развиты»¹⁸. К одному из таких положений относилось подтверждение настоятельной необходимости обеспечить в кратчайший срок решительный переход к регулярной Красной Армии с широким использованием военных специалистов, в том числе и на командных должностях, при условии контроля за их деятельностью военных комиссаров. В докладе также отмечалось, что, хотя вокруг вопроса о военных специалистах возникло «чрезвычайно много горячих прений... этот вопрос в сущности разрешен теоретически и практически» (в Красной Армии находятся «уже не единицы, и не десятки, и не сотни, а десятки тысяч военных специалистов»), а также проверено на опыте: «где военные специалисты были привлечены, где была проведена реорганизация партизанской армии в армию регулярную», там были достигнуты «устойчивость фронта... военный успех», и, наоборот, где военные специалисты не нашли себе применения, «там мы пришли к полному разложению и исчезновению самих армий». Таким образом, «практически во всей армии мы пришли к использованию военных специалистов», практика также показала, что если и были случаи измены и предательства с их стороны, то, с другой стороны, «сплошь и рядом военные специалисты самоотверженно умирали на своих постах»¹⁹. В докладе подчеркивалось, что выборность командного состава существовала «в разложившейся старой армии, откуда она и перешла в партизанскую армию... Мы были за выборность, когда мы восстанавливали солдат против верхов, которые служили царскому, помещичьему и буржуазному режиму», потому что «требованием смещения командного состава мы выносили вотум недоверия той системе, которая была в старой армии». Теперь же, при режиме пролетарской диктатуры, сменять тот командный состав, который ею назначен, значило бы выносить вотум недоверия этой власти. Практически вопрос уже потерял свою остроту: «Мы пришли к режиму, когда в армии командный состав назначается»²⁰.

В вопросе о военных специалистах, говорилось далее в докладе, мы имеем не чисто военную, «а общую принципиальную проблему». Когда был поставлен вопрос о привлечении на фабрики инженеров и бывших капиталистических организаторов, из рядов фракции «левых коммунистов» началась жесточайшая «сверхкоммунистическая» критика, которая утверждала, что возвращение инженера на фабрику означает возвращение командных постов в промышленности капиталу. Полная аналогия этой критики теперь переносится в область военного строительства, как будто возвращение в армию бывших офицеров означает восстановление бывшего офицерского корпуса и старой армии. Но сторонники

этой точки зрения забывают, что «рядом с командиром стоит комиссар, представитель Советской власти», что армия, «в которой есть десятки тысяч военных специалистов, на практике показала, что она есть армия пролетарской революции. Рабочий класс сумел использовать военных специалистов не для воскрешения старой армии, но для создания новой, Красной Армии»²¹.

Значительное внимание в докладе было уделено подготовке командного состава из рабочих и трудящихся крестьян — на курсах красных командиров и в военных академиях, усилению партийно-политической работы в Красной Армии; предлагалось также ограничить вмешательство партийных армейских ячеек «в деле военного руководства»²², а военных комиссаров — в оперативно-стратегические вопросы, являющиеся компетенцией командного состава, при сохранении контроля за его деятельностью.

Важно отметить, что еще в период подготовки съезда часть делегатов от Красной Армии, не согласных с линией ЦК РКП(б) в вопросах военной политики, и в особенности военного строительства, а также недовольных работой возглавляемого Троцким Реввоенсовета Республики, Всероссийского бюро военных комиссаров во главе с Юреневым и т. д., выработала особую платформу, выставив на съезде содокладчика по военному вопросу — члена Реввоенсовета 5-й армии бывшего «левого коммуниста» В. М. Смирнова. Эта группа делегатов съезда получила название «военной оппозиции». По своему составу она была неоднородной: ядро ее составляли бывшие «левые коммунисты», расхоронившиеся с ЦК РКП(б), В. И. Лениным по коренным вопросам марксистской теории и практики; в нее входили военные работники партии, о которых член реввоенсовета Восточного фронта С. И. Гусев в феврале 1919 г. писал, что «даже старым, видевшим виды» партийным работникам нелегко было «переломить» себя и осознать переход от добровольчества к принудительной воинской повинности, от партизанских отрядов к регулярной армии, от выборного начала к назначению командного состава, «от преследования старого офицерства к его привлечению в ряды Красной Армии»²³. Общим же для всех сторонников платформы «военной оппозиции» было стремление к сохранению в Красной Армии элементов партизанщины (отрядной системы, выборности командного состава и т. д.), крайне подозрительное отношение к военным специалистам и игнорирование их опыта и знаний.

В тезисах «военной оппозиции» и в содокладе Смирнова «О военной политике» главное место занимал вопрос об использовании военных специалистов²⁴, по которому у «военной оппозиции» якобы никаких разногласий с линией ЦК РКП(б), или, как выразился Смирнов, «с господствующими течениями в нашей военной политике», не было. Действительно, в тезисах оппозиции отмечалось, что «отсутствие у пролетариата собственного технически подготовленного командного состава делает совершенно неизбежным использование военных специалистов из среды

бывшего офицерства»²⁵. Но это относилось лишь к бывшим офицерам и генералам, которые были преподавателями в военно-учебных заведениях, занимали различные административно-хозяйственные должности и т. д. В то же время содокладчик говорил о невозможности предоставления военным специалистам командных постов, а участие в решении оперативно-стратегических вопросов предлагал ограничить лишь совещательными функциями. Используя случаи измены некоторых военных специалистов, он бездоказательно утверждал, что они все тяготеют не к Советской власти, а к белогвардейцам и что в Красной Армии служит лишь худшая часть российского офицерства, а его лучшие представители ушли к белым.

В тезисах «военной оппозиции» указывалось также, что использование военных специалистов будто бы способствует «бюрократизированию военного аппарата и обрастанию его паразитическими чиновничьими элементами и учреждениями», поэтому бывшие офицеры не могут быть составным элементом Красной Армии и их следует использовать лишь как консультантов²⁶. Игнорируя ленинский принцип учета неоднородности социально-классового состава буржуазных специалистов, и в частности значительной прослойки мелкобуржуазной интеллигенции в офицерском корпусе к концу 1917 г., оппозиционеры представляли его сплошь контрреволюционным. Взятый же партией курс на широкое привлечение в Красную Армию бывших офицеров и генералов они рассматривали как уклонение «в значительной степени... в сторону механического восстановления форм старой армии, в том числе и тех, которые в свое время обуславливались не потребностями военной техники, а классовыми отношениями дореволюционного порядка»²⁷.

Таким образом, точка зрения «военной оппозиции», несмотря на попытки замаскировать ее различными туманными формулировками и оговорками, по существу, сводилась к продолжению борьбы против линии В. И. Ленина и ЦК РКП(б) на широкое использование опыта и знаний военных специалистов для создания массовой регулярной Красной Армии.

В связи с большим количеством записавшихся для выступления в прениях по военному вопросу, съезд принял решение перенести их на заседания военной секции, в работе которой приняли участие 85 делегатов; заседания секции проходили 20 марта (одно) и 21 марта (два). В ходе развернувшихся прений представители «военной оппозиции» выступили против курса ЦК РКП(б) и Советского правительства на широкое привлечение бывших генералов и офицеров, так как это якобы вело к восстановлению в Красной Армии «самодержавно-крепостнических порядков»²⁸, к которым представители оппозиции относили введение в Красной Армии твердой воинской дисциплины и воинских уставов, предусматривавших, в частности, взаимные приветствия (приложение руки к головному убору) подчиненного и начальника.

По мнению А. Ф. Мясникова, военных специалистов следовало использовать только в роли консультантов, «не давая им никаких командных прав», на командные же посты назначать только тех из них, которые «являются коммунистами и революционерами»²⁹. Но были среди представителей оппозиции и такие, которые, считая всех военных специалистов только контрреволюционерами, вообще категорически возражали против их использования в Красной Армии. Они требовали «расширить функции военных комиссаров и предоставить им решающий голос в оперативных вопросах, а также расширить права армейских партийных организаций, что приводило, по существу, к коллективному управлению войсками»³⁰.

Несмотря на то что в тезисах «военной оппозиции» содержались отдельные предложения, направленные на укрепление Красной Армии (улучшение партийно-политической работы, комплектование военно-учебных заведений рабочими и трудящимися крестьянами и т. д.), в целом ее платформа по наиболее принципиальным вопросам военной политики партии являлась несостоятельной и практически ошибочной.

Выступившие в прениях член Реввоенсовета 10-й армии А. И. Окулов, член Реввоенсовета 7-й армии и военный комиссар Петроградского военного округа Б. П. Позерн, председатель Всероссийского бюро военных комиссаров К. К. Юренев и др., поддерживая по военному вопросу линию ЦК, подвергли аргументированной критике взгляды «военной оппозиции», в том числе в отношении военных специалистов. Так, критикуя Реввоенсовет 10-й армии за игнорирование указаний ЦК партии о привлечении военных специалистов, Окулов указал, что Красная Армия может существовать как армия регулярная «только при условии самого широкого, самого полного и самого разумного использования военных специалистов»; он сообщил, что для работы в военных округах, где происходит формирование частей и соединений Красной Армии, требуется 13 тыс. военных специалистов, в наличии же их имеется только 8 тыс., и «еще долго мы не сможем отказаться от военных специалистов»³¹. Критикуя сторонников оппозиции, предлагавших использовать военных специалистов лишь в качестве консультантов, Юренев говорил, что, «если мы будем назначать на фронт командирами комиссаров, а военных руководителей дадим в качестве консультантов», у нас ничего не получится: в боевой обстановке, где нужно принимать быстрое решение, «должна быть централизация, должно быть единоначалие»³².

На вечернем закрытом заседании съезда 21 марта с докладом «О военном положении страны» выступил член Реввоенсовета Республики комиссар Полевого штаба Реввоенсовета Республики С. И. Аралов, подчеркнувший необходимость широкого использования военных специалистов: «Какую область вы ни возьмете — снабжение, технику, связь, артиллерию... — для этого нужны военные специалисты, а их у нас нет». Докладчик доло-

жил съезду о том, что, согласно подсчету, проведенному органами военного ведомства, в Красной Армии не хватает до 60% военных специалистов²², при этом особенно тяжелое положение создалось в строевых частях Действующей Красной Армии, где комплект должностей, подлежащих замещению военными специалистами, даже превышал указанный процент.

На этом же заседании съезда перед заключительными выступлениями докладчика и содокладчика по военному вопросу выступил В. И. Ленин. Подвергнув принципиальной критике платформу «военной оппозиции», он изложил важнейшие принципы военной политики партии и обосновал ее линию на строительство регулярной Красной Армии с военными специалистами. В. И. Ленин показал несостоятельность заявлений представителей «военной оппозиции» о том, что военное ведомство проводит якобы политику не ЦК, а военных специалистов, политику, направленную на восстановление старой армии, и подчеркнул, что в области военного строительства ЦК РКП(б) и Советское правительство систематически и последовательно проводили по этому вопросу выработанную партией общую линию: «не было заседания ЦК, либо Бюро ЦК... чтобы мы не решали основные вопросы стратегии». «У нас бывали, — говорил Владимир Ильич, — разногласия, ошибки...», но «никто не станет из этого выводить, что политика ЦК не проводится в военном ведомстве»²⁴.

Большое внимание в своей речи Ленин уделил вопросу об отношении к военным специалистам и подверг критике позицию Смирнова и его сторонников, которые заявляли, что в отношении военных специалистов их точка зрения якобы не отличается от линии ЦК. Ваши тезисы, говорил Ленин, направлены против военных специалистов, этим «вы нарушаете всю общепартийную тактику. В этом источник расхождения»²⁵. Ленин подчеркнул, что привлечение военных специалистов к строительству массовой регулярной Красной Армии также необходимо, как и использование буржуазных специалистов в других областях советского строительства. Предостерегая коммунистов от левосектантской узости, он показал несостоятельность взглядов представителей оппозиции, которые договорились до того, что узаконение взаимного приветствия начальника и подчиненного восстанавливает самодержавно-крепостнический порядок в Красной Армии²⁶. Особый акцент в речи Ленина был сделан на том, что создать массовую, боеспособную регулярную Рабоче-Крестьянскую Красную Армию невозможно без правильного использования опыта и знаний военных специалистов, причем не в качестве консультантов и советников, как это предлагалось в тезисах «военной оппозиции», а для командования и управления армиями и фронтами при условии контроля за их деятельностью со стороны органов Коммунистической партии и Советского государства. Ленин подверг резкой критике также тех сторонников «военной оппозиции», которые выступали против привлечения в Красную Армию военных специалистов, показал, что недооценка их роли в строитель-

стве регулярной Красной Армии и руководстве ее операциями на фронтах гражданской войны, пренебрежительное отношение к буржуазной военной науке и т. д. неизбежно приводят к неуспеху и излишне большим потерям. Подобное положение объясняется тем, что сторонники оппозиции «еще не вылезли» из партизанщины, что, будучи связаны с ней своим опытом и традициями героизма, они не хотят понять, что наступил другой период, когда «на первом плане должна быть регулярная армия... с военными специалистами»²⁷. В ответ на заявление членов Реввоенсовета 10-й армии (К. Е. Ворошилова и С. К. Мишина), которые гордились тем, что в армии «обходились без военных специалистов» и тем не менее в боях под Царицыным в 1918 г. она благодаря героизму бойцов, командиров и политработников (правда, ценою тяжелых потерь) добилась успеха, Ленин сказал, что если бы в 10-й армии были военные специалисты, если бы в ней не сохранялись элементы партизанщины и она «была бы регулярная армия, с которой приходится считаться», то 10-я армия добилась бы успеха ценой значительно меньших потерь²⁸. Выступления представителей «военной оппозиции» против привлечения в Красную Армию бывших генералов и офицеров, основанные на том, что они «изменяют, перебегают», после того как этот вопрос был положительно решен не только ЦК РКП(б), но и съездом, Ленин рассматривал как нарушение всей партийной линии и Программы РКП(б). Разве в проекте Программы, говорил Ленин, мы не сказали, что военные специалисты «проникнуты буржуазным мирозерцанием и что наша задача пресекать каждое контрреволюционное поползновение»²⁹. В связи с этим Ленин уделил значительное внимание военным комиссарам, не только осуществлявшим контроль за деятельностью военных специалистов, но и перенимавшим у них опыт управления войсками.

Отчетный доклад о деятельности ЦК РКП(б) и речь В. И. Ленина на закрытом пленарном заседании съезда явились крупным вкладом в научную разработку военной политики Коммунистической партии и Советского правительства, разгромом ошибочных положений «военной оппозиции», обоснованием курса на строительство регулярной Красной Армии с привлечением военных специалистов.

В принятой VIII съездом резолюции по военному вопросу (она состояла из двух разделов: «Общие положения» и «Практические меры»), обобщившей более чем годовой опыт строительства Красной Армии, были сформулированы основы военной политики РКП(б) и определены перспективы военного строительства. В первом из указанных разделов говорилось, что вопрос о командном составе Красной Армии, «представляя большие практические трудности, не дает, по существу дела, никакой почвы для принципиальных разногласий». Хотя работа по обучению и воспитанию нового офицерства, преимущественно из среды рабочих и передовых крестьян, «составляет одну из важнейших задач в деле создания армии», тем не менее в рядах Красной Армии

имеются «очень многочисленные командиры из состава старой армии, которые с большой пользой для дела выполняют свою ответственную работу». Поэтому даже в том случае, если бы армия получила возможность «в течение нескольких лет планомерно формироваться и готовить для себя одновременно новый командный состав,— и в этом случае у нас не было бы никаких принципиальных оснований отказаться от привлечения к работе тех элементов старого командного состава, которые либо внутренне стали на точку зрения Советской власти, либо силой вещей увидели себя вынужденными добросовестно служить ей». Наличие даже значительного командного состава из числа бывших генералов и офицеров не может изменить революционную сущность Красной Армии, ибо последняя определяется прежде всего характером «того советского режима, который эту армию создаст, который ставит ей цель и превращает ее, таким образом, в свое орудие». При этом «разумеется сама собой» необходимость отбора и контроля с целью недопущения предательских, провокаторских элементов; насколько свидетельствует опыт, этот вопрос практически разрешается «более или менее благополучно» и с этой точки зрения «у партии не может быть никакого основания к пересмотру нашей военной политики»⁴⁰.

Во втором разделе резолюции указывалось, что, «продолжая привлечение военных специалистов на командные и административные должности и подбирая надежные элементы», следует установить за ними «неослабный, осуществляемый через комиссаров, централизованный партийно-политический контроль, устраняя тех, кто окажется политически и технически непригодным». Для более тщательного отбора на командные должности в Красную Армию бывших генералов и офицеров необходимо «организовать систему аттестаций», возложив периодическое составление таких аттестаций на комиссаров⁴¹.

Важнейшее значение решений VIII съезда РКП(б) по военному вопросу состоит в том, что они определили основные принципы перехода к массовой регулярной Рабоче-Крестьянской Красной Армии с централизованным управлением и твердой военной дисциплиной и порядком, основанным на положениях уставов. Съезд подтвердил незыблемость линии на широкое использование опыта и знаний бывших генералов и офицеров старой армии при осуществлении постоянного контроля за их деятельностью со стороны военных комиссаров. Решения съезда по военным вопросам явились теоретическим фундаментом для практической разработки и осуществления оперативно-стратегических планов ведения вооруженной борьбы против внутренней контрреволюции и империалистической интервенции.

Заканчивая изложение интересующих нас вопросов, связанных с работой VIII съезда РКП(б), отметим, что в некоторых работах, посвященных ему, говорится, что разногласия в партии по военному вопросу, и в частности в отношении военных специалистов, накануне съезда и в ходе его работы «уже в значитель-

ной степени утратили тот острый характер, который они имели в предыдущий период». В подтверждение указывается на то, что «военная оппозиция» во время съезда уже не ставила вопросы так, как они ставились в 1918 г., когда «централизованная армия объявлялась армией империалистического государства», а самое использование военных специалистов считалось «генеральничеством»⁴². Однако, по нашему мнению, если линия «левых коммунистов» и некоторых военных работников партии (Н. В. Крыленко, Н. И. Подвойского и др.) против военной политики партии в марте—апреле 1918 г., когда был создан Высший Военный Совет, положивший начало подготовительным мероприятиям к переходу от добровольческой Красной Армии к регулярной, и представляла собой большую опасность для успешного военного строительства, то значительно большую опасность такая линия представляла в начале 1919 г., ибо к этому времени гражданская война была в полном разгаре и перед Советским государством со всей остротой встала задача ликвидации в кратчайший срок недостатков, присущих армии, создаваемой на добровольческих началах, и перехода к регулярной Красной Армии с широким использованием военных специалистов.

Несмотря на то что VIII съезд РКП(б) подтвердил ленинский курс на использование в Красной Армии знаний и служебного опыта военных специалистов, все же некоторые крупные работники партии остались в этом вопросе на прежних позициях⁴³.

В. И. Ленин подверг критике эту точку зрения, указав, что из-за случаев измены некоторых военных специалистов нет никаких оснований изменять по отношению к ним политику партии. Отказ от использования знаний и служебного опыта военных специалистов лишь задержит создание регулярной армии и приведет к возрождению партизанщины, пережитки которой причинили Советской Республике неизмеримо больше бедствий, поражений, катастроф, потерь людей и военного имущества, чем все измены военных специалистов. Поэтому, подчеркивал Ленин, «было бы непоправимой ошибкой и непростительной бесхарактерностью возбуждать из-за этого вопрос о перемене основ нашей военной политики. Нам изменяют и будут изменять сотни и сотни военспецов, мы будем их вылавливать и расстреливать, но у нас работают систематически и подолгу тысячи и десятки тысяч военспецов, без коих не могла бы создаться та Красная Армия, которая выросла из проклятой памяти партизанщины и сумела одержать блестящие победы на востоке»⁴⁴.

Подводя предварительные итоги использования военных специалистов, ЦК РКП(б) в июле 1919 г. отмечал в циркулярном письме ко всем членам партии: «Из числа офицеров за 1,5 года путем естественного отбора выделилась группа военных деятелей, по большей части которые с преданностью и самоотверженностью служат делу рабоче-крестьянской России. Сотни и сотни этих офицеров погибли в первых рядах, сражаясь бок о бок с нами

против белогвардейцев. Сотни и сотни таких офицеров остаются в рядах нашей Красной Армии и служат ей верой и правдой»⁴².

Что же касается принятия чрезвычайных мер для укрепления командных кадров Действующей Красной Армии за счет изъятия из тыловых учреждений и заведений (как гражданских, так и военных) бывших офицеров и генералов, годных по состоянию здоровья для строевой, штабной и административной служб, то эта задача была решена путем создания после VIII съезда РКП(б) особых комиссий по учету бывших офицеров.

УЧРЕЖДЕНИЕ ОСОБЫХ КОМИССИЙ ПО УЧЕТУ БЫВШИХ ОФИЦЕРОВ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (АПРЕЛЬ 1919 — ФЕВРАЛЬ 1920 г.)

Особая временная комиссия по учету бывших офицеров была создана при Управлении делами Реввоенсовета Республики постановлением заместителя председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянского 16 апреля 1919 г.

Главная задача комиссии состояла в том, чтобы проверить расположенные в Московском военном округе управления, учреждения и заведения военного ведомства с целью изъятия из них годных к строевой и нестроевой службе бывших офицеров для направления их на командные, штабные и административные должности в Действующую Красную Армию⁴³. Председателем комиссии был назначен начальник общего отдела при Управлении делами Реввоенсовета Республики Л. М. Глезаров.

Необходимость создания комиссии выявилась в результате переосвидетельствования в период с 16 января по 1 февраля 1919 г. бывших офицеров, которые работали в гражданских учреждениях, расположенных на территории Московского военного округа. Всего было переосвидетельствовано 3252 человека, из них признаны годными для службы в Действующей армии 1368 человек, в том числе на строевых должностях 787 и на нестроевых 581, признаны негодными на строевые и нестроевые должности 1362, предоставлены отсрочки 188, отправлены в госпиталь «на испытание» 334 человека⁴⁷.

Указанная проверка показала, что в гражданских учреждениях и высших учебных заведениях, а также в тыловых учреждениях военного ведомства имеется «еще огромный контингент» неиспользованного командного состава⁴⁸. В связи с этим Управление делами Реввоенсовета Республики направило во все центральные управления, учреждения и заведения Московского военного округа предписания, в которых предлагалось к 3 мая 1919 г. сообщить «самые точные сведения о всех сотрудниках, бывших офицерах... с точным обозначением их бывших чинов, военного образования, служебного стажа, занимаемых последних должностей и насколько по своей специальности каждый в отдельности отвечает занимаемой им ныне должности и в таковой незаменим». Вместе с предписанием направлялся анкетный лист, в котором

содержалось 19 пунктов, в том числе: был ли кадровым офицером или призван по мобилизации в 1914 г. при объявлении войны, какие должности занимал в старой армии, какую должность занимает ныне и с какого времени, состав членов семьи и их местожительство (отец, мать, жена, дети, братья и сестры), принадлежал ли к какой-либо партии, кто может рекомендовать (из коммунистов, советских или видных общественных деятелей) с обязательным указанием двух лиц и их адресов или телефонов, привлекался ли к суду (следствию), наказаниям в административном или судебном порядке и т. д.⁴⁹ При рассмотрении этого анкетного листа обращает на себя внимание отсутствие в нем вопросов о социальном положении, последнем чине в старой армии, имущественном положении и наличии родственников в белых армиях.

Большое значение для учета бывших офицеров и контроля за своевременной их явкой на сборный пункт для отправки в Действующую Красную Армию (или другое место назначения) имела разработанная в то время при Московском окружном военном комиссариате так называемая «явочная карта»⁵⁰, которая заменяла отбираемый при ее вручении «вид на жительство». Лица, получившие «явочную карту», не имели «права выезда из Москвы», а за неявку на сборный пункт в указанный срок должны были отвечать «по всей строгости революционных законов». В «явочной карте» содержались следующие сведения: фамилия, имя, отчество, категория (бывший офицер, военный чиновник и т. д.), место работы и время поступления на нее, местожительство, бывший чин, род оружия, последняя должность и название воинской части старой армии, продолжительность службы (кадровый офицер или офицер военного времени), номер приемной росписи (т. е. «явочной карты») и время явки на сборный пункт.

Всего Особой временной комиссией было проверено 85 управлений, учреждений и заведений Московского военного округа с 2535 состоявшими в них бывшими офицерами (в том числе 156 бывшими генералами и 356 полковниками); из 22 управлений, учреждений и заведений, по мнению комиссии, бывшие офицеры изъятию не подлежали⁵¹.

Уже первые итоги работы комиссии показали, что в управлениях, учреждениях и заведениях многие бывшие офицеры, годные по состоянию здоровья к службе на строевых и нестроевых должностях в Действующей армии, занимали хозяйственные, канцелярские и другие подобные им должности. Так, по донесению из Московского губернского военного комиссариата, из 27 бывших офицеров в Действующую армию могли быть откомандированы лишь два человека (бывшие подпоручик и прапорщик), а остальные были «больные», «незаменимые» и т. д. Однако после проверки оказалось, что направлению в Действующую армию подлежали 11 бывших офицеров (на строевые должности — 8, на нестроевые — 3)⁵². В Московском складе огнестрельных

припасов состояло 67 бывших офицеров; признано было необходимым откомандировать в Действующую армию 40 человек неартиллеристов и артиллеристов, занимавших должности кладовщиков, музыкантов, бухгалтеров, счетоводов⁵³. На Московском областном эвакуационном пункте работали 7 бывших офицеров, в том числе полковник Г. А. Пушкин (1868 г. рождения), внук А. С. Пушкина, занимавший должность старшего делопроизводителя. Решением комиссии в Действующую армию были направлены 3 человека, в том числе годный к строевой службе Пушкин⁵⁴.

Руководители некоторых управлений, учреждений и заведений пытались задержать у себя сотрудников — бывших офицеров даже после того, как они были выделены Особой временной комиссией к откомандированию в Действующую армию и получили под расписку предписания, которые заканчивались словами: «Неявка в срок по каким-либо причинам будет караться судом Революционного военного трибунала как злостное дезертирство»⁵⁵. В связи с этим Управление делами Реввоенсовета Республики направило циркулярную телеграмму, в которой было указано, что заместитель председателя Реввоенсовета Республики приказал «под страхом строжайшей ответственности обязать всех сотрудников — бывших офицеров», предназначенных Особой временной комиссией к откомандированию в Действующую армию, «явиться в общий отдел Управления делами Реввоенсовета Республики»⁵⁶.

Однако, несмотря на указанные выше трудности в работе, Особой временной комиссией было изъято из 59 управлений, учреждений и заведений Московского военного округа и направлено в Действующую Красную Армию 559 бывших офицеров, в том числе 123 — от капитана и выше; 225 человек были назначены на командные должности. Из 559 человек 491 был направлен на главный в то время Южный фронт (среди них 6 генералов, в том числе бывший командир Восемнадцатого армейского корпуса, бывший Генштаба генерал А. М. Зайончковский, назначенный начальником штаба 13-й армии, и 28 полковников), 33 — на Восточный фронт (в том числе 3 полковника) и 33 — на Западный (в том числе 2 генерала и 3 полковника)⁵⁷.

Подводя итоги деятельности Особой временной комиссии, можно отметить, что поставленную ей задачу проверить дислоцированные в Московском военном округе управления, учреждения и заведения военного ведомства, изъять из них годных к строевой и нестроевой службе в Действующей армии бывших офицеров и направить их на фронт, она выполнила не полностью. В результате серьезных недостатков в системе отсрочек, льгот и учета различных категорий бывших офицеров (в том числе разжалованных в солдаты после декрета Совнаркома от 16 (29) декабря 1917 г. «Об уравнивании всех военнослужащих в правах», разжалованных в солдаты до Февральской революции, возвратившихся из плена после окончания мировой войны

1914—1918 гг., беженцев и т. д.) сотни бывших офицеров, в том числе кадровых, годных по состоянию здоровья к строевой и нестроевой службе в Действующей армии, по-прежнему оставались в тылу на различных административно-хозяйственных, канцелярских и прочих должностях в военном и гражданских ведомствах, а многие, несмотря на проведенные мобилизации, вообще сумели избежать призыва.

Результаты работы Особой временной комиссии также показали, что задача обеспечения Действующей армии командным составом из бывших офицеров может быть решена только путем планомерной и систематической проверки по занимаемым должностям всех бывших офицеров, находившихся не только в пределах Московского военного округа, но и на всей территории Советской Республики, как состоявших на тыловых должностях военного ведомства и в гражданских учреждениях и организациях, так и вообще не взятых по различным причинам на военный учет. Для этого было необходимо, как справедливо отмечалось в докладе от 18 июня 1919 г. Управления делами Высшей военной инспекции «Об организации комиссий по усилению командного состава фронтов», создать комиссию не ведомственную, а могущую «расширить свою работу до государственного масштаба», «пересоставить Глезаровскую комиссию на других началах, сделать ее центральной и из другого состава». Этой комиссии, которая должна стать «мозгом по изысканию мер и способов к увеличению командного состава» Действующей Красной Армии, необходимо было провести точный учет всех бывших офицеров, для чего образовать губернские комиссии и разработать для них подробную инструкцию с указанием, в частности, «репрессивных мер» по отношению к начальникам тыловых управлений, учреждений и заведений военного ведомства и руководителей гражданских учреждений и организаций за возбуждение ходатайств об отсрочках от призыва для бывших офицеров без достаточных на то оснований, ибо пора, наконец, всем понять, что «офицер является всегда заменимым работником, а потому не должен нигде работать, кроме Красной Армии». Комиссия «должна сама проверить все делопроизводство, затребованное с мест», и убедиться в том, что «нет ни одного офицера в гражданском учреждении» и что «ни один генерал, ни один полковник и т. д.» не замещает должности ниже последней занимаемой им должности в старой армии⁵⁸.

15 июня 1919 г. Совет Всероглавштаба по заданию Реввоенсовета Республики разработал проект постановления Совета Рабоче-Крестьянской Обороны по поводу «извлечения из правительственных управлений и учреждений бывших офицеров для пополнения ими командного состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии»⁵⁹. По ознакомлении с этим документом председатель РВСР 27 июня направил во Всероглавштаб телеграмму, в которой потребовал, чтобы были приняты «самые энергичные меры к пополнению армии лицами командного состава», в частности чтобы

губернским комиссиям по отсрочкам было вменено в обязанность «аннулировать не менее 75—80% данных отсрочек, предоставляли по остальным отсрочкам входить с ходатайством в центркомиссию (Центральную комиссию по отсрочкам.— А. К.)», и призвал «открыть борьбу с легализованным дезертирством, какое ввели в систему советские учреждения, укрывающие комсостав», наконец, потребовал «произвести облаву советских учреждений в центре и в провинции и организовать несколько процессов над дезертирами и укрывателями»⁶⁰. Однако, несмотря на категоричность этой телеграммы, ее автор нашел возможным уже через несколько дней без разрешения Совета Рабоче-Крестьянской Обороны и согласования с другими высшими органами Советской Республики санкционировать приказ Реввоенсовета Республики, который привел к созданию ненужного органа с теми же задачами, что и Особкомучет, на чем мы остановимся ниже.

В июне 1919 г. в Управлении по командному составу Всероглавноштаба, которое являлось высшим органом руководства и объединения всех военных комиссариатов (уездных, губернских и военно-окружных) в деле учета всех лиц командного состава и административно-хозяйственной службы, были разработаны проект постановления об Особой комиссии по учету бывших офицеров и отсрочках и инструкции для губернских комиссий по этим же вопросам⁶¹. В проекте постановления было сказано, что «фронт нуждается в опытном командном составе», поэтому основной задачей комиссии является «выделение всех пригодных для армии лиц, исполняющих ныне несоответствующую их опыту и подготовке работу или занимающих места, не требующие специальных военных знаний. Из состава служащих гражданских советских учреждений должны быть по возможности изъяты все бывшие офицеры, особенно участники войны 1914—1918 гг.», и под этим углом зрения должны рассматриваться все ходатайства об оставлении на местах бывших офицеров. При обсуждении «незаменимости» бывших офицеров, включенных в 10%-ную норму для оставления на должностях, комиссии следовало учитывать, что эта норма не должна рассматриваться как обязательная: в необходимых случаях следует «понижить ее до степени фактически доказанной персональной незаменимости указанной категории лиц»⁶². К разряду же «незаменимых» следовало относить только бывших офицеров, которые продолжительное время занимали должности не ниже начальников отделений и им соответствующие. Комиссия, решение которой являлось окончательным и не подлежащим обжалованию, обязана была закончить работу в губернском городе за 10 дней, по уездам — в месячный срок, после чего незамедлительно представить отчет в Управление по командному составу Всероглавноштаба с донесением по телеграфу через каждые десять дней о числе «выделенных в Действующую армию бывших офицеров»⁶³.

Одновременно Управлением по командному составу был составлен проект «Инструкции губернским особым комиссиям»,

согласно которому рассмотрению комиссии подлежали «все без исключения кадровые офицеры», как состоящие на службе в местных войсках, частях вспомогательного назначения, в местных военных и гражданских учреждениях, так и нигде не служащие и зарегистрированные в порядке приказа Реввоенсовета Республики № 1008 от 17 июня 1919 г., а также находящиеся на территории данной губернии⁶⁴. При этом предоставленные ранее отсрочки бывшим офицерам «следовало считать аннулированными»⁶⁵. Свое решение о каждом бывшем офицере комиссия должна была принимать не только на основании документального материала, но и путем «фактического контроля» всеми имеющимися в ее распоряжении средствами, обращая особое внимание на соответствие «бывшего служебного стажа каждого бывшего офицера занимаемому им ныне месту службы»⁶⁶.

Особая комиссия по учету бывших офицеров при Реввоенсовете Республики была создана постановлением Совета Рабоче-Крестьянской Обороны (далее — Совет Обороны) от 2 июля 1919 г. «в целях немедленного усиления комплектования Рабоче-Крестьянской Красной Армии командным составом и принимая во внимание значительное число лиц командного состава, состоящих на службе в различных учреждениях в пределах РСФСР». Этой Комиссии надлежало изъять из всех без исключения учреждений, расположенных на территории РСФСР, бывших офицеров, «кои до сих пор почему-либо не состоят на действительной военной службе в частях войск, учреждениях и заведениях военного ведомства», и направить всех изъятых «на пополнение строевой и административно-хозяйственной службы командным составом, главным образом действующих армий, а затем и строевых частей внутренних округов». Во исполнение этого постановления, предлагалось образовать при Реввоенсовете Республики «Особую комиссию по учету быв. офицеров (далее: Особкомучет.— А. К.) с местными органами ее в виде губернских отделов этой комиссии»⁶⁷.

Поскольку деятельность учрежденной Особкомучет была тесно увязана с порядком отсрочек от призыва в армию, в этот же день, 2 июля 1919 г., было принято постановление Совета Обороны об образовании также при Реввоенсовете Республики «Особой центральной комиссии по отсрочкам призыва в Красную Армию» (далее: Особая Центральная комиссия) с задачей решать все вопросы, связанные с «предоставлением отсрочек призыва в Красную Армию как отдельных лиц, так и целых групп рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций государственно-общественного характера»⁶⁸. Постановления комиссии являлись окончательными и могли быть отменены лишь постановлениями Совета Обороны⁶⁹. Одновременно Совет Обороны постановил: во-первых, поручить Складскому и Особой Центральной комиссии разработать в двухдневный срок положение о правах и обязанностях комиссии по отсрочкам, а во-вторых, не рассматривать ни один вопрос об отсрочках по мобилизации «без предвари-

тельного рассмотрения его в Центральной комиссии по отсрочкам»⁷⁰.

В соответствии с указаниями Совета Обороны в Реввоенсовете Республики было разработано «Положение об Особой комиссии по учету бывших офицеров». В этом документе говорилось, что целью комиссии «является полное использование всего командного состава старой армии», находящегося в пределах РСФСР, «для нужд Рабоче-Крестьянской Красной Армии как на фронте, так и в тылу». Для выполнения этой задачи комиссия с помощью своих губернских отделов производит учет всех бывших офицеров, используя «в полной мере учетные данные центральных и местных органов (окружных, губернских)» Наркомвоена и производит «откомандирование соответствующих категорий быв. офицеров из различных учреждений в Красную Армию». В обязанности комиссии входило руководство деятельностью ее губернских отделов, рассмотрение и представление на утверждение Реввоенсовета Республики «нарядов с примерным распределением поступивших в распоряжение комиссии лиц командного состава по армиям, внутренним округам и отдельным управлениям», наконец, «сношения с Центральной комиссией по отсрочкам». Откомандированию в Красную Армию подлежали все бывшие офицеры, проживающие в пределах РСФСР и «не имеющие удостоверений от Центральной комиссии по отсрочкам об оставлении их в занимаемой должности». Медицинское освидетельствование бывших офицеров должно было проводиться: в Москве — медицинской комиссией при Особом отделе ВЧК, а в губерниях — медицинскими комиссиями, образуемыми специально для этой цели при губернских отделах Особкомучет. К положению прилагался анкетный лист, в котором было 19 вопросов⁷¹. Председателем Особкомучет по представлению Реввоенсовета Республики был назначен председатель Центральной комиссии по делам пленных и беженцев, член Коллегии НКВД А. В. Эйдук, членами комиссии — А. И. Цимблер, бывший полковник Н. А. Мучник, К. Ф. Святогор, А. А. Благовещенский, бывший генерал П. С. Балувев и др.⁷² Одновременно губернским отделам Особкомучет была направлена инструкция с подробным изложением обязанностей губернских отделов по сбору сведений о всех бывших офицерах старой армии, находящихся на территории губернии (см. прил. 3).

3 июля 1919 г. А. В. Эйдук направил телеграмму «Всем председателям губисполкома», которые являлись одновременно и председателями губернских отделов по учету бывших офицеров (в копии — «губернским военкомам»), об образовании во исполнение постановления Совета Обороны от 2 июля Особой комиссии при Реввоенсовете Республики по учету бывших офицеров и ее губернских отделов и задачах, которые на них возлагаются⁷³, а 4 июля издал приказы № 1 и 2.

В приказе № 1 говорилось, что Особкомучет и ее губернские отделы были созданы «с целью изъять из всех без исключения

учреждений, расположенных на территории РСФСР, бывших офицеров, до сего времени не состоящих еще на действительной военной службе в частях войск, учреждениях и заведениях ведомства Наркомвоена». Что же касается учета бывших офицеров в Москве, то эта работа будет выполняться «самой Особой комиссией», для чего предписывалось всем учреждениям, расположенным в Москве, в течение сорока восьми часов доставить в Управление по командному составу Всероглавштаба на имя председателя Особкомучет анкетные листы (по прилагаемой форме) на всех бывших офицеров, служивших в этих учреждениях; анкетные листы должны были быть «лично заполнены бывшими офицерами». Одновременно все бывшие офицеры, не состоящие на службе и не достигшие к 1 июля возраста: бывшие генералы — 60-летнего, штаб-офицеры — 55-летнего и обер-офицеры — 50-летнего, были обязаны в течение указанного срока составить такие же анкетные листы и лично доставить их в Управление по командному составу Всероглавштаба. Эти листы должны были быть рассмотрены Особкомучет в присутствии политического и технического представителей от заинтересованного ведомства с предоставлением им права совещательного голоса. Все лица, признанные пригодными для службы в Красной Армии на строевых или административных должностях, подлежали немедленному зачислению в резерв чинов при штабе Московского военного округа для последующего затем назначения в Действующую армию⁷⁴.

Приказ № 2 касался бывших офицеров старой армии, «кои, как разжалованные или переименованные в 1917 г. в солдаты, до сего времени еще не зарегистрированы по своим бывшим офицерским чинам», а также бывших офицеров, которые при возвращении из плена по окончании мировой войны «при прохождении через распределительные пункты для военнопленных регистрировались солдатами и в настоящее время, находясь на территории республики, уклоняются от регистрации и призыва в армию наравне с их сверстниками по возрасту бывшими офицерами, ожидая приказа по мобилизации всех граждан их возраста». Приказ предписывал бывшим офицерам, разжалованным или переименованным в солдаты в 1917 г. и еще не зарегистрированным по своим бывшим офицерским чинам, «немедленно зарегистрироваться для использования... по назначениям на командные должности» в Красной Армии. Что же касается бывших офицеров, возвратившихся из плена, то они должны были «в течение восьми дней» со дня опубликования приказа «зарегистрироваться по своим бывшим офицерским чинам в Москве в Особом отделе ВЧК» (а в провинции — в местных военных комиссариатах), «сдав заполнив анкетные листы и кандидатские карточки и «сдав полученные на распределительных пунктах документы, выданные им по категории солдат». К бывшим офицерам, относившимся к категории военнопленных и не зарегистрировавшимся в указанный срок, должны были быть «применены высшие меры наказания по

революционным законам военного времени за злостное дезертирство»⁷⁵.

В телеграмме А. В. Эйдука от 10 июля 1919 г. всем председателям губернских исполкомов обращалось особое внимание на «интенсивность работы» и личную ответственность «за практические результаты». Что же касается особой инструкции для медицинских комиссий при губернских отделах, то в телеграмме рекомендовалось руководствоваться в их работе «революционным сознанием, нуждами фронта и приказом Реввоенсовета Республики и Наркомздрава номер 913 от 27 марта 1919 года лит. А и Б»⁷⁶.

Согласно положению об Особкомучет среди губернских отделов должен был быть создан и Петроградский губернский отдел по учету бывших офицеров. Однако, «придавая особо важное значение производству такой же самостоятельной работы по г. Петрограду (какую Особкомучет должна была провести в Москве. — А. К.)», Эйдук обязал председателя Петроградского Совета «сделать срочные распоряжения о формировании отдельной для Петрограда комиссии по учету бывших офицеров» в составе председателя и четырех членов: от окружного комиссариата по военным делам, губернской комиссии по борьбе с дезертирством, Особого отдела губернской чрезвычайной комиссии и Народного комиссариата государственного контроля⁷⁷. В целях наиболее полного учета всех бывших офицеров, проживающих в Петрограде, указанной комиссии было предложено провести новую их регистрацию подобно тому, как это было организовано по Москве на основании приказа председателя Особкомучет № 1.

11 июля 1919 г. состоялось постановление Совета Обороны об утверждении проекта положения об Особкомучет, инструкции губернским отделам этой комиссии и решение «об изъятии из московских учреждений 2000 офицеров», причем Особкомучет надлежало в недельный срок собрать сведения «о числе офицеров, которые без ущерба для военного дела могут быть переведены в действующую армию»⁷⁸.

В соответствии с этим постановлением А. В. Эйдук издал приказ № 3 от 14 июля 1919 г. о поставленной Особкомучет задаче «собрать сведения о числе бывших офицеров, служивших в военных учреждениях (не в составе Действующей армии), которые могут быть переведены в Действующую армию без ущерба для военного дела по занимаемым ими ныне должностям». Для этого надлежало всем расположенным в Москве штабам, управлениям, учреждениям и заведениям ведомства Наркомвоенна, а также штабам и частям войск вспомогательного назначения «в срочном порядке» (в течение сорока восьми часов со времени опубликования приказа) представить «именные списки на служащих у них бывших офицеров» с краткими данными об их службе в старой армии, ныне занимаемой должности и степени «незаменимости». Что же касается учреждений, не расположенных в Москве, то подобные именные списки они должны были представить в соответ-

ствующие губернские отделы Особкомучет. Последние должны были «в кратчайший срок» рассмотреть эти списки и о результатах срочно телеграфировать в Особкомучет, указав, «сколько в каждом учреждении находится бывших офицеров и сколько из них может быть выделено на фронт». Одновременно копии списков с мотивированной против каждого лица отметкой надлежало в срочном порядке выслать в Особкомучет⁷⁹.

Важно отметить, что в отличие от приказа председателя Особкомучет № 1, которым предусматривался учет только бывших офицеров, состоявших на службе в учреждениях и организациях гражданских ведомств, согласно приказу № 3 подлежали учету и те бывшие офицеры, которые служили в штабах, управлениях и заведениях Наркомвоенна (не в составе Действующей армии), а также в штабах и частях войск вспомогательного назначения. Поэтому в дополнение к приказу № 3 циркулярной телеграммой председателям губернских отделов по учету бывших офицеров было разъяснено, что на основании этого приказа следовало «произвести лишь учет бывших офицеров, служащих в военном ведомстве». Фактическое же выделение бывших офицеров, признаваемых губернскими отделами «необходимыми для фронта», не осуществлять впредь до особых распоряжений, «за исключением тех лиц, которые занимают должности, явно несоответствующие их прежнему служебному стажу»⁸⁰. Что касается всех бывших офицеров, служащих в «невоенных советских учреждениях и еще не состоящих на действительной военной службе» и признанных губернским отделом «подлежащими выделению на фронт», то их следовало незамедлительно передавать губернским военкоматам. Направление их на фронт должно было производиться распоряжением штаба округа на основании срочных нарядов, присылаемых Управлением по командному составу Всероглаштаба. Признанных же пригодными к службе лишь в обстановке мирного времени следовало оставлять на прежних должностях, впредь до предоставления им соответствующих назначений (до этого они должны были находиться в полном распоряжении губернского и окружного военных комиссариатов)⁸¹.

На основании инструкции губернским отделам, приказов председателя Особкомучет № 1—3 и других распоряжений губернские отделы приступили к своей работе, которая начиналась с издания приказа по отделу. Примером такого приказа может служить приказ Петроградского губернского отдела⁸², в котором, в частности, говорилось, что всем расположенным в уездах губернии учреждениям, неподведомственным Наркомвоену, «в течение 3-х дней с момента получения на месте сего приказа» необходимо доставить в учетный отдел своего уездного комиссариата по военным делам «анкетные листы на всех без исключения б. офицеров, служащих в этих учреждениях». Отдельные списки следовало составлять на тех бывших офицеров, 1) которые находились на службе и при мобилизациях (в декабре 1918 и марте 1919 г.) были зачислены в резерв окружного строевого управле-

ния, но еще не получили назначения; 2) состояли на службе в различных учреждениях и уже были оставлены в них как «незаменимые» работники; 3) о ком было возбуждено ходатайство перед Особой центральной комиссией по отсрочкам об оставлении на месте прежней службы в учреждении с указанием, когда это ходатайство возбуждено; 4) которые были освобождены вовсе от военной службы с указанием времени и номера изданного об этом удостоверения. Организации, имевшие военный характер, но подведомственные Наркомвоену и НКВД, а также «милитаризованные учреждения»⁸² также должны были представить списки и анкетные листы на состоявших у них на службе офицеров. Все проживающие в уездах Петроградской губернии бывшие офицеры (как признанные годными к военной службе, так и уволенные вовсе от нее), еще не состоявшие нигде на службе и родившиеся: бывшие генералы в 1858 г. и моложе, бывшие штаб-офицеры в 1863 г. и моложе, бывшие обер-офицеры в 1868 г. и моложе обязаны были в течение трех дней составить такие же анкетные листы и вместе с выпиской от домового комитета бедноты или удостоверениями волостных комиссариатов о месте жительства представить их в учетные отделы уездных комиссариатов по военным делам по месту своего жительства и получить удостоверение об их сдаче. Учетные отделы уездных комиссариатов в 3-дневный срок со дня получения приказа на месте должны были все представленные им списки, анкетные листы, удостоверения о месте жительства и т. д. препроводить с нарочным в Петроградский отдел Особкомучет. Бывшие офицеры, признанные пригодными для службы в Красной Армии на строевых или административных должностях, должны были быть немедленно переданы в резерв окружного строевого управления.

Одним из основных принципов в работе Особкомучет и ее губернских отделов было стремление не только изъять из советских учреждений возможно большее число бывших офицеров, допуская оставление на занимаемых должностях лишь действительно незаменимых специалистов, и отправить их на строевые и нестроевые должности в Действующую армию, но и направлять в нее в качественном отношении только таких, «которые принесут пользу армии, а не будут лишь ненужным балластом»⁸³. В самом деле, Управление по командному составу Всероглавштаба получало многочисленные письма с фронта с жалобами на присылку «в последнее время мало или совершенно непригодных для службы бывших офицеров», что явилось в значительной степени результатом «особой срочности условий работы» действовавшей ранее Особой временной комиссии под председательством Глезарова. Поэтому Особкомучет «сочла необходимым пропустить через медицинскую комиссию всех лиц (предназначенных к зачислению в Действующую армию.— А. К.) и затем при рассмотрении анкетных листов входить в оценку прежнего служебного стажа (каждого.— А. К.) бывшего офицера»⁸⁴, стремясь при этом оставлять на занимаемой должности только тех бывших

офицеров, которые не представляли никакой ценности для военного ведомства (особенно при наличии ходатайств об отсрочке от соответствующих учреждений). Так, один из архивных документов содержит пояснение Особкомучет по поводу оставления на работе двух таких бывших офицеров: «...Дианов оставлен как 37-летний прапорщик, заведующий лишь военно-санитарным поездом, а Брандт — 41 года прапорщик был капельмейстером и начальником полкового санитарного отряда — оба и по возрасту и особенно по цензу никакой ценности для армии не представляют»⁸⁵.

В результате рассмотрения вопроса о том или ином бывшем офицере имели место случаи, когда бывших офицеров, оставленных Особкомучет на занимаемых ими должностях вследствие малой пригодности для службы в Действующей армии, да и вообще в военном ведомстве, Особая Центральная комиссия признавала подлежащими призыву, и тогда они в силу статей 17 и 18 Положения об Особкомучет должны были быть откомандированы на строевые или нестроевые должности в Красную Армию. При той тщательности, с которой Особкомучет рассматривала сведения о каждом бывшем офицере и оценивала его пригодность для службы в армии, такие случаи могли возникать лишь в отношении действительно бесполезных для Красной Армии лиц (как, например, прапорщики ополчения, проходившие службу только на нестроевых должностях). Поэтому Особкомучет 25 июля 1919 г. обратилась с ходатайством в Совет Обороны с просьбой предоставить ей право в указанных выше случаях и при наличии ходатайства об отсрочке соответствующих учреждений временно оставлять таких бывших офицеров в своих учреждениях, беря их на учет Управления по командному составу Всероглавштаба⁸⁶. Однако Совет Обороны не удовлетворил это ходатайство, ибо оно ущемляло интересы созданной им Особой центральной комиссии по отсрочкам⁸⁷.

Следует отметить, что значительные трудности в работе Особкомучет возникали в связи с принятой системой отсрочек от призыва. Так, с выходом постановления Совета Обороны от 2 июля 1919 г. данные ранее отсрочки бывшим офицерам всех без исключения гражданских учреждений теряли свою силу. Для «безусловно незаменимых работников» эти учреждения должны были вновь возбуждать мотивированные ходатайства перед Особой центральной комиссией⁸⁸. При этом бывшие офицеры, в отношении которых подобные ходатайства возбуждались, имели право «оставаться на своих местах впредь до выяснения результатов ходатайства»⁸⁹. Однако, несмотря на указанное постановление Совета Обороны по отсрочкам, в стране продолжало существовать множество декретов, приказов, распоряжений, согласно которым от призыва освободилось значительное число бывших офицеров (в частности, декреты Совнаркома от 25 января 1919 г. и 3 апреля 1920 г. в отношении бывших офицеров, состоявших на действительной службе по сельскому хозяйству и служивших в мили-

ции и т. д.⁹¹). Отсрочками от призыва пользовались также бывшие офицеры, задействованные на строительстве срочных объектов (например, на установке Московской мощной радиостанции, создаваемой для обеспечения надежной и постоянной связи центра Республики с западными государствами и окраинами страны). Эти лица считались «мобилизованными на месте и потому не подлежащими призыву (независимо от их возраста) до тех пор, пока радиостанция не будет закончена»⁹².

Между тем недостаток командного состава в Действующей армии был настолько значительным, что потребовались изменения принятой системы отсрочек от призыва, причем многие из них были проведены по инициативе Особкомучет. Так, приказом Реввоенсовета Республики № 651 от 5 апреля 1919 г. бывшие офицеры — беженцы с временно оккупированных территорий Республики (в том числе те, срок отправления которых в места прежнего проживания был неизвестен) призыву на военную службу не подлежали. Однако ввиду «особо острой нужды на фронте в лицах командного состава» и «переживаемых ныне исторических событий» председатель Особкомучет обратился в Мобилизационное управление Всероглавштаба с докладной запиской, в которой писал, что на территории Советской России не может быть «граждан из бывших офицеров, не привлеченных к общегосударственной повинности», и предлагал провести в «экстренном порядке... вопрос об отмене привилегий для бывших офицеров-беженцев», установленных приказом Реввоенсовета Республики, тем более что этот приказ появился около семи месяцев назад, «когда дело защиты Рабоче-Крестьянской России было не так напряженно, как в настоящее время»⁹³. В результате изменений в системе отсрочек стали подлежать учету на общих основаниях бывшие офицеры, служившие в милиции. Незаменимые для работы в милиции могли получить отсрочку, однако «все годные для фронта» должны были быть направлены в Действующую армию⁹⁴. Стали подлежать учету и медицинскому переосвидетельствованию на общих основаниях бывшие офицеры, состоявшие на учете в Главбюро по учету и распределению технических сил⁹⁵, возвратившиеся из плена и т. д., причем в зависимости от результатов переосвидетельствования они могли быть «освобождены или вновь взяты на военную службу»⁹⁶.

Таким образом, взятые на учет бывшие офицеры, работавшие в гражданских организациях и управлениях, учреждениях и заведениях военного ведомства, признанные по возрасту, состоянию здоровья и служебному стажу в старой армии ценным командным составом, подлежали откомандированию на строевые и нестроевые должности в Действующей Красной Армии и не могли быть «оставляемы на занимаемых должностях»⁹⁷.

Однако многие взятые на учет бывшие офицеры, хотя и вынужденные силой обстоятельств служить Советской власти, использовали все легальные и нелегальные средства для уклонения от службы в Действующей армии (переходили на сторону

белогвардейцев, сменяли места жительства, по которым проводилась регистрация, проживали подпольно и т. д.). За подобные деяния виновные, а также члены их семей, родственники и т. д. несли наказание по законам военного времени. Поэтому не каждый мог решиться на такие явно враждебные по отношению Советской власти шаги, предпочитая уклоняться от службы в Действующей армии легальными средствами: отсрочками от призыва под маркой «незаменимых работников», попытками не попасть в число годных к строевой и нестроевой службе по состоянию здоровья на медицинских комиссиях и т. д.

Несмотря на категорические указания оставлять в тыловых учреждениях военного ведомства, а тем более в гражданских организациях только действительно незаменимых работников, многие руководители подобных учреждений и организаций в стремлении не терять хороших сотрудников или просто оказывать содействие в уклонении того или иного бывшего офицера от службы в Действующей армии все же продолжали возбуждать необоснованные ходатайства об отсрочке призыва тех, кто по возрасту, состоянию здоровья и опыту службы в старой армии был обязан находиться на фронте. Так, в частности, Калужский губернский продовольственный комиссар Александров направил телеграмму на имя председателя Совета Обороны с жалобой на то, что из продовольственного комитета «изымаются» бывшие офицеры Зудилин, Леценков, Любов, Митин, Новиков и Сапожников, которые занимают «ответственные посты», связанные с «реализацией урожая и реорганизацией губернского и районных продовольственных комитетов». Призыв этих лиц в армию, говорилось в телеграмме, «безусловно губительно» отразится на реализации урожая, что «еще более ухудшит и без того критическое положение губернии в продовольственном отношении»; заменить же этих сотрудников другими «не представляется никакой возможности»⁹⁸. Телеграмма была послана на предварительное рассмотрение во Всероглавштаб, который признал мотивы ходатайства неубедительными, ибо «если стать на путь удовлетворения таких ходатайств, то придется отказаться вообще от намеченного изъятия из гражданских учреждений бывших офицеров»; в результате ходатайство было отклонено⁹⁹. О том, насколько были необоснованы ходатайства об оставлении бывших офицеров как «незаменимых работников» на месте прежней службы, говорит следующий факт: из 94 бывших офицеров, обратившихся с жалобой в Особую центральную комиссию, как показала проверка, 55 человек могли нести службу в Действующей армии, из них 48 — на строевых должностях¹⁰⁰.

Вторым после «незаменимости» легальным каналом для уклонения от направления в Действующую армию, как отмечалось выше, были медицинские комиссии, созданные при Особом отделе ВЧК (так как это название «отпугивало» направляемых на комиссию бывших офицеров, то с сентября 1919 г. она стала именоваться медицинской комиссией при Особкомучет) и при губернии

ТАБЛИЦА 7. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ОТДЕЛА ОСОВКОМУЧЕТ СО 2 ИЮЛЯ ПО 2 СЕНТЯБРЯ 1919 Г. *

Всего взято на учет (без г. Москвы)	Признаны годными к службе		Признаны негодными к службе	Направлено на испытание в госпиталь	Предоставлена отсрочка по состоянию здоровья на 1—2 месяца	Оставлены на местах прежней службы как не подлежащие работам	Не явились на медицинское освидетельствование по разным причинам
	строевой	нестроевой					
526	69	79	66	37	46	99	130

* Составлено по: ЦГАСА. Ф. 4. Оп. 10. Д. 527. Л. 324.

ских отделах Особкомучет. Конечно, у многих обследуемых бывших офицеров здоровье оставляло желать лучшего как в физическом (возраст, ранения, контузии, пребывание в плену и т. д.), так и в моральном отношении (Февральская революция, изменения в армии при Временном правительстве, слом старой армии, уравнивание в правах с солдатами, увольнение без выслуженной пенсии, невозможность трудоустройства и т. д. наложили свой отпечаток). Но и медицинские комиссии нередко допускали ошибки, в результате чего бывшие офицеры получали отсрочки от призыва по состоянию здоровья. Поэтому ввиду выяснившегося «исключительно большого процента бывших офицеров, признанных негодными медицинской комиссией Московского губернского отдела» Особкомучет отдала ей распоряжение направить на новое переосвидетельствование не менее 25 человек из числа таких лиц в медицинскую комиссию при Особкомучет, в результате чего выяснилось, что большинство их оказались годными к строевой и нестроевой службе в Действующей армии. После этого медицинская комиссия получила указание «произвести переосвидетельствование всех бывших офицеров», признанных Московским губернским отделом «негодными вовсе к службе, за исключением явных калек»¹⁰¹ (см. табл. 7).

Все бывшие офицеры, предназначенные на строевые и нестроевые должности (на которых состоялось постановление Московского губернского отдела), были переданы в распоряжение губвоенкома и вызваны для отправки в Действующую армию по нарядам Управления по командному составу Всероглавиштаба. Не явившиеся на переосвидетельствование в медицинскую комиссию также были переданы в распоряжение губвоенкома с предоставлением им срока явки на комиссию и подачи анкетных данных до 3 сентября 1919 г. Что касается бывших офицеров, служивших в управлениях и заведениях военного ведомства, то и они были направлены на переосвидетельствование в медицинскую комиссию, после чего в зависимости от состояния здоровья подлежали выделению по постановлению губвоенкома¹⁰².

ТАБЛИЦА 8. ЧИСЛЕННОСТЬ БЫВШИХ ОФИЦЕРОВ, НАПРАВЛЕННЫХ В ДЕЙСТВУЮЩУЮ КРАСНУЮ АРМИЮ СОГЛАСНО СПИСКУ № 9 *

Управления, учреждения, заведения, из которых были выделены бывшие офицеры	Число выделенных бывших офицеров
Высшая военная инспекция	1
Управление делами Реввоенсовета Республики	7 (в том числе один полковник)
Политическое управление Реввоенсовета Республики	15 (в том числе два генерала и полковник)
Отдел военной цензуры Реввоенсовета Республики	9
Центральное управление военных сообщений	39 (в том числе три генерала и три полковника)
Московское управление военных сообщений	19 (в том числе генерал и полковник)
Управление военных комендантов Казанской, Курской и Северной железных дорог	4
Московское комендантское управление	29 (в том числе генерал и два полковника)
Ксителя и редакция газеты «Известия Народного комиссариата по военным делам»	5
Управление Продовольственной армии Наркомпрод	5
Управление 1-го Московского продовольственного полка	2 (в том числе полковник)
Окружные организационно-инструкторские курсы	7
Высшие организационные курсы Всевобуча	1
Военно-окружные отделы Всевобуча Московского и Северного округов путей сообщения, Московско-Курской окружной железной дороги	19
Семь военно-дорожных отделов Всевобуча	32
Всего	194

* Составлена по: ЦГАСА. Ф. 4. Оп. 10. Д. 520. Л. 252—255.

Значительная работа по учету, выделению из управлений, учреждений и заведений Москвы для назначения на строевые и нестроевые должности в Действующей армии была проведена в Особкомучет. Так, с 4 по 23 августа 1919 г. по десяти спискам было направлено из Москвы в Действующую армию 746 бывших офицеров¹⁰³. Некоторое представление об этой работе дает табл. 8.

О том, что выделение бывших офицеров в Действующую армию из управлений, учреждений и заведений военного ведомства было проведено достаточно тщательно, свидетельствует незначительное число протестов, направленных в Особую центральную комиссию по отсрочкам: из 746 бывших офицеров протесты заявили только 24 человека¹⁰⁴.

По вопросу обеспечения Красной Армии опытным командным составом Особкомучет действовала в контакте с Управлением по командному составу Всероглавштаба, в распоряжение которого направлялись бывшие офицеры, подлежащие назначению на строевые и нестроевые должности в Действующей армии. Тем не менее имели место случаи, когда направленные в Действующую армию бывшие офицеры распределялись нерационально. Так, например, из 28 бывших офицеров — сотрудников 5-го Полевого военного строительства 23 были строевыми офицерами, но некоторые из них занимали должности делопроизводителей, канцелярских, телефонистов и т. д.¹⁰⁵ Аналогичное положение имело место и в других учреждениях военного строительства, где, например, бывший командир 3-й стрелковой артиллерийской бригады, бывший генерал Н. А. Фок, занимал должность заведующего канцелярией, бывший командир бригады 135-й пехотной дивизии, бывший полковник Б. Л. Антошевич, — делопроизводителя, а бывший старший офицер батареи 140-й артиллерийской бригады, бывший штабс-капитан В. Стариков, — табельщика¹⁰⁶.

Подобное положение усугублялось тем, что и в строевых соединениях и частях Действующей армии бывшие офицеры занимали должности, несоответствовавшие их опыту службы. Так, во 2-й стрелковой дивизии на 1 августа 1919 г. бывшие строевые офицеры занимали должности заведующих хозяйством, ездовых обозов и т. д. В этой же дивизии на должности переписчика в батальоне находился бывший полковник В. И. Новосельский, окончивший в 1895 г. Академию Генерального штаба по 2-му разряду и занимавший в старой армии должность генерала для поручений при командующем 1-й армией¹⁰⁷.

В связи со сказанным выше и принимая во внимание, что «источники пополнения Действующей армии командным составом начинают исчерпываться и в недалеком будущем нужда в нем может стать еще острее», Особкомучет обратилась к начальнику Полевого штаба Реввоенсовета Республики П. П. Лебедеву с предложением поднять вопрос о пересмотре распоряжением Полевого штаба соответствия лиц, занимающих в армии различные должности, полученному ими военному образованию и их прежнему служебному стажу¹⁰⁸. Лебедев направил начальникам штабов Восточного, Южного, Западного фронтов и 6-й Отдельной армии письмо, в котором было указано, что созданные постановлением Совета обороны и приказом Реввоенсовета комиссии по учету бывших офицеров¹⁰⁹ ставят целью возможно шире удовлетворять все растущую потребность фронта в лицах командного состава, имея в виду изъять из всех учреждений даже таких лиц, уход которых с постоянного места службы, несомненно, нанесет ущерб данному учреждению. Но комиссии сознательно идут на это, «памятуя, насколько важны в настоящее время интересы армии и усиление мощи ее». Между тем в самой армии бывшие офицеры часто занимают должности, не требующие специальной военной подготовки, что «совершенно уже недопустимо при той

острой нужде в лицах командного состава, которая ощущается в армии и теперь и которая еще более усилится в будущем вследствие исчерпывания всех источников для пополнения этого состава». В заключение начальник Полевого штаба предложил немедленно образовать во всех армиях особые комиссии «для пересмотра по всем штабам, управлениям, учреждениям и заведениям, входящим в состав армии, соответствия лиц, занимающих различные должности, полученному ими военному образованию и их прежнему военному стажу, дабы таким путем обратить всех пригодных для службы в строевых частях бывших офицеров по прямому назначению, зачислив их в установленный при штабах фронтов резерв лиц командного состава для пополнения ими затем некомплекта в частях армии»¹¹⁰.

Как отмечалось выше, Л. Д. Троцкий 27 июня 1919 г. обрушился на советские учреждения за недостаточно «эффективные меры к пополнению армии лицами командного состава» из бывших офицеров, грозил облавами «в центре и в провинции», организацией процессов «над дезертирами и укрывателями» и т. д. Но уже 6 июля 1919 г. (т. е. через несколько дней после принятия Советом обороны постановления от 2 июля 1919 г. об усилении командным составом Действующей Красной Армии за счет бывших офицеров) приказом Реввоенсовета Республики № 1177 «для выделения на фронт б. офицеров, служащих в управлениях и учреждениях... расквартированных вне города Москвы» при каждом окружном комиссариате по военным делам (далее — окружном комиссариате) учреждались окружные комиссии. Состав этих комиссий (председатель и два члена от окружного штаба и от окружных военных управлений) должен был избираться окружным военным комиссариатом и утверждаться Советом Всероссийского Главного штаба, на который возлагалось и руководство деятельностью этих окружных комиссий с представлением ежедневного отчета в Реввоенсовет Республики¹¹¹. В соответствии с этим приказом при каждом окружном комиссариате были созданы окружные комиссии «по выделению бывших офицеров из военных учреждений» в Действующую Красную Армию¹¹². Так, в частности, в приказе Приволжского окружного комиссариата было сказано, что «объявленный в приказе по округу от 11 августа с. г. за № 1341 состав окружной комиссии по изъятию бывших офицеров из учреждений и управлений военного ведомства Приволжского военного округа Советом Всероглавштаба утвержден 14 августа с. г., согласно телеграмме начальника Командного (Управления по командному составу Всероглавштаба.— А. К.) за № 4494/К от 21 августа с. г.»¹¹³.

В результате сложилось ненормальное положение: возникли две независимые друг от друга комиссии с одной, по существу, задачей усиления командного состава Действующей Красной Армии за счет бывших офицеров: Особкомучет с ее губернскими отделами и окружные комиссии при окружных комиссариатах.

Особкомучет уже успела проделать определенную работу по

учету бывших офицеров. Так, ее губерnsкие отделы за полтора месяца (с начала июля по 18 августа 1919 г.) приняли на учет 8455 бывших офицеров, из них был предназначен в Действующую армию 3691 человек¹¹⁴. Поэтому совершенно очевидно, что создание каких-либо новых комиссий с той же целью учета бывших офицеров могло привести лишь к параллелизму в работе и неблагоприятно сказаться на выполнении постановления Совета Обороны. Создавшееся положение осложнялось тем, что вновь созданные окружные комиссии стали требовать от губерnsких отделов Особкомучет передачи им всех собранных в губернии материалов о бывших офицерах. Так, председатель Ярославской окружной комиссии телеграфировал председателю Особкомучет, чтобы он предписал председателю Ярославского губерnsкого отдела «передать в окружную комиссию весь материал по учету бывших офицеров учреждений Наркомвоен»¹¹⁵. Со своей стороны председатель Ярославского губерnsкого отдела сообщал председателю Особкомучет, что вновь созданная окружная комиссия «требует передачи учетного материала» губерnsкого отдела о бывших офицерах, служащих в учреждениях Наркомвоена Ярославской губернии, «копии коего уже представлены Вам», и просил срочно сообщить, «подлежит ли передаче» в окружную комиссию собранный в отношении бывших офицеров материал¹¹⁶.

В связи с создавшейся обстановкой в Особкомучет уже с 1 августа 1919 г. стали поступать от ее губерnsких отделов тревожные телеграммы — из Орла (1 августа), Ярославля (2 и 13 августа), Петрограда (9 августа), Тулы (13 августа) и т. д. — с просьбой разъяснить положение¹¹⁷. Так, например, председатель Орловского губерnsкого отдела сообщал в телеграмме, что в округе «сформирована окружная комиссия по пересмотру служащих военных учреждений», работа которой «тождественна с работой губотдела». В телеграмме содержалась просьба дать разъяснение, «продолжать ли работу губотдела по учету бывших офицеров», служащих в учреждениях Наркомвоена, или «передать таковую окружной комиссии, так как возможны недоразумения ввиду неразграниченности деятельности обеих комиссий»¹¹⁸. А в телеграмме председателя Тульского губерnsкого отдела содержался прямой вопрос: «подлежит ли исполнению» приказ председателя Особкомучет № 3 от 14 июля 1919 г.?¹¹⁹

Одновременно шли аналогичные телеграммы из окружных комиссий во Всероглавштаб. Так, председатель Орловской окружной комиссии, докладывая в Управление по командному составу Всероглавштаба о создании окружной комиссии согласно приказу Реввоенсовета Республики № 1177 от 6 июля 1919 г. «для выделения на фронт бывших офицеров», писал, что с первых же шагов работы комиссия столкнулась с «параллельной деятельностью» губерnsкого отдела, который «работает продуктивно и большими силами». В телеграмме содержалась просьба разъяснить порядок «взаимоотношений этих однородных комиссий» (в частности, подчиняются ли губерnsкие отделы окружным ко-

миссиям и в связи с этим имеет ли право окружная комиссия пользоваться собранными отделом материалами о бывших офицерах или обязана собирать такие материалы самостоятельно). Неясность этих вопросов, говорилось в заключение, ставит окружную комиссию в затруднительное положение и «тормозит дело»¹²⁰.

Интересные суждения в связи с создавшейся обстановкой сохранились в телеграмме председателя Петроградской окружной комиссии. В ней, в частности, говорилось, что ввиду образования на нее, «уже производится губерnsкими отделами и городской Петроградской комиссией, является желательным и целесообразным для пользы дела» предоставить им возможность закончить начатую работу. Что же касается окружных комиссий, то на них следует возложить задачи рассмотрения сведений о каждом бывшем офицере, служащем во всех окружных военных управлениях, отдельных учреждениях, в войсках вспомогательного назначения, а также в губерnsких военных комиссариатах. Это позволит сделать окончательный вывод о пригодности данного лица к строевой или нестроевой службе в Действующей армии, возможности использования его на тыловых должностях, целесообразности оставления в занимаемой должности и т. д., а также осуществлять контроль произведенных отправок в Действующую армию и состоявшихся назначений в тылу¹²¹.

В ответ на запросы с мест А. В. Эйдук направил председателям губерnsких отделов Особкомучет телеграмму, в которой говорилось, что «вопрос о совместных работах окружных комиссий... и губерnsких отделов» вынесен на рассмотрение Совета Обороны; впредь до разрешения этого вопроса губерnsкие отделы «должны действовать по-прежнему, производя установленный учет» бывших офицеров и сообщая в Особкомучет, «сколько их принимается на учет и сколько предполагается к выделению для фронта»¹²². А через две недели, 15 августа, А. В. Эйдук направил в Совет Обороны докладную записку, в которой, во-первых, кратко изложил, что было сделано вверенной ему Особкомучет и ее губерnsкими отделами по выполнению постановлений Совета Обороны от 2 и 11 июля 1919 г., и, во-вторых, сообщил, что приказом Реввоенсовета Республики № 1177 от 6 июля 1919 г. при каждом окружном военном комиссариате образованы «с аналогичной целью комиссии», задачи которых являются «буквальным повторением» обязанностей Особкомучет и ее губерnsких отделов, указанных в положении об этой комиссии, утвержденном Советом Обороны 2 июля. Губерnsкие отделы по учету бывших офицеров, говорилось в докладной записке, образованные из лиц, «независимых от военных учреждений и обладающих по своему служебному положению на местах высшим авторитетом власти», являются органами, которые способны «с большим беспристрастием и продуктивностью» выполнить поставленную задачу по учету бывших офицеров, чем окружные комиссии при военных комиссариатах.

тах; образованные в каждой губернии губернские отделы по сравнению с окружными комиссиями, находившимися лишь в десяти городах республики, имеют возможность в более короткий срок добиться «положительного результата работы». Параллельное же существование двух указанных комиссий, влекущее за собой «непроизводительную затрату энергии, отвлечение учреждений от прямых своих обязанностей» и в результате могущее привести лишь к трениям и «недоразумениям между ними, что уже имеет место», является «не только нецелесообразным, но и вредным». Поэтому необходимо «в интересах дела комиссии при окружных военных комиссариатах по учету бывших офицеров упразднить», а приказ Реввоенсовета Республики № 1177 от 6 июля 1919 г. отменить¹²².

Совет Обороны согласился с мнением председателя Особкомучет и предложил руководству Реввоенсовета Республики немедленно отменить приказ № 1177. В постановлении Совета Обороны от 22 августа 1919 г. (пункт 10) было сказано, что вопрос об отмене указанного выше приказа «считать... исчерпанным ввиду согласия Реввоенсовета Республики на отмену приказа»¹²³.

Деятельность Особкомучет и ее губернских отделов по изъятию бывших офицеров из учреждений как гражданских, так и военного ведомств была связана с большими трудностями; с одной стороны, надо было изъять максимальное число бывших офицеров, годных по состоянию здоровья к строевой и нестроевой службе в Действующей армии, с другой — учесть интересы тех военных и гражданских учреждений, в которых эти офицеры служили. Для того чтобы было меньше недоразумений, протестов, жалоб и т. д., распоряжением заместителя председателя Реввоенсовета Республики через Совет Всероглавноштаба всем штабам военных округов была разослана циркулярная телеграмма от 14 октября 1919 г. Ввиду возникающих на местах недоразумений по оставлению «в занимаемых должностях бывших офицеров», выделяемых в Действующую армию губернскими отделами Особкомучет, говорилось в ней, необходимо принять к исполнению следующее: во-первых, учреждению, заинтересованному в оставлении на месте бывших офицеров, предоставить право в 5-дневный срок по рассмотрении списков данного учреждения предъявлять протест губернскому отделу Особкомучет, которым было постановлено изъять для армии из учреждения того или иного бывшего офицера, во-вторых, в случае непринятия губернским отделом протеста таковой передавать в Особкомучет в Москву, в-третьих, в случае отклонения протеста в Особкомучет — представлять его через Совет Всероглавноштаба на разрешение заместителя председателя Реввоенсовета Республики. Протесты принимались во внимание только «при наличии неоспоримых доказательств совершенной незаменимости» каждого бывшего офицера¹²⁴.

Особкомучет и ее губернские отделы старались возможно внимательнее подходить к изъятию бывших офицеров из граждан-

ских и особенно военных учреждений. В качестве примера приведем донесение Тамбовского губернского отдела в Особкомучет от 14 октября 1919 г. В нем говорилось, что при выделении из военных и гражданских учреждений бывших офицеров сотрудники отдела базировались «на революционной совести» и вместе с тем учитывали, что «ввиду повсеместной пужды в специальных работах поголовное выделение всех без исключения бывших офицеров вредно отразилось бы на интенсивности организованных работ в губернии»¹²⁵. В приложенном к донесению списке были указаны бывшие офицеры, занимающие «ответственные должности в качестве высших руководителей и сотрудников учреждений Наркомвоен, Наркомпрос и Наркомфин, а также на должностях агрономов, техников, землемеров и инженеров»¹²⁶. При совместном обсуждении каждой помещенной в список кандидатуры «с политическим и техническим представителями учреждений» выяснилось, что «означенных в сем списке бывших офицеров» выделить для направления в Действующую армию «не представляется возможным»¹²⁷. Некоторые из этих бывших офицеров имели удостоверения от Особой центральной комиссии по отсрочкам, в отношении же остальных губернский отдел поддерживал ходатайства соответствующих учреждений об отсрочках.

Приведем три примера, касающиеся изъятия бывших офицеров из Всевобуча, Особой центральной комиссии по обеспечению армии конским составом и артиллерийских заводов, подведомственных Центральному правлению артиллерийских заводов (ЦЕПАЗ), для подтверждения того, что Особкомучет приходилось употреблять все возможные средства для выполнения поставленной перед ней Советом Обороны задачи.

6 августа 1919 г. Реввоенсовет Республики утвердил предложение Совета Всероглавноштаба оставить Всевобучу годных к строевой службе бывших офицеров «из расчета: по два — на уезд и по три — на губернию»¹²⁸. Однако некоторые губернские отделы стали выделять из Всевобуча всех бывших офицеров независимо от состояния здоровья и опыта службы в старой армии. В связи с этим заместитель председателя Особкомучет А. И. Цимблер направил всем председателям губернских отделов телеграмму, в которой указывал, что предлагается призывать из числа состоящих на ответственных должностях во Всевобуче только тех бывших офицеров, которые медицинской комиссией «признаны годными к строевой службе на фронте», за исключением подлежащих безусловному оставлению (по два на уезд и по три на губернию). Все же остальные, предназначенные распоряжением окружных и губернских военных комиссариатов для направления в Действующую армию, «должны быть заменены бывшими офицерами, годными лишь к службе в тылу»¹²⁹.

В связи с созданием в Красной Армии сначала конного корпуса, а затем 1-й Конной армии декретом Совета Обороны от 18 декабря 1918 г.¹³⁰ была создана Особая центральная комиссия по обеспечению армии конским составом. Этой комиссии под-

чинялись созданные в губерниях Особые местные комиссии, на которые были возложены «крайне важная работа по фактическиму руководству на всей территории республики набором лошадей для действующей армии», содержание и пропитание лошадей до сдачи их в войска, а также фактическое наблюдение за этим делом на местах и ответственность за успешное его выполнение»¹²². Между тем многие губернские отделы (Московский, Пензенский и т. д.) взяли за учет и специалистов конного дела»¹²³. В связи с этим исполняющий должность председателя Особой центральной комиссии бывший начальник Кавказской конной туземной дивизии (так называемой «дикой дивизии»), бывший генерал, бывший князь Д. П. Багратион направил в Особкомучет докладную записку, в которой обратил внимание на то, что привлечение на службу в Красную Армию специалистов по военно-конному делу было сопряжено «с крайними трудностями», ибо на территории Советской Республики осталось лишь «около 100» таких специалистов. Поэтому отчисление их от комиссии «растраивает наладившееся дело», а оставшиеся в ее составе сотрудники «не в состоянии выполнять возложенные на них задачи». В связи с этим Багратион просил об «изъятии личного состава особкомучетов из числа лиц, отправляемых... на фронт»¹²⁴. Однако Особкомучет признала целесообразным оставлять в занимаемых должностях только тех «председателей и членов комиссий по обеспечению армии конским составом, которые медицинскими комиссиями будут признаны негодными для службы в строю на фронте»¹²⁵.

В связи с учащением случаев снятия с должностей и направления в Действующую армию бывших офицеров технического и административного состава артиллерийских заводов, подведомственных ЦЕПАЗ, руководство последнего обратилось в Особкомучет с заявлением, что губернские отделы изымают бывших офицеров, «совершенно не разбираясь с их служебным стажем» и абсолютно не принимая во внимание «мотивы ходатайств заводов». Так как подведомственные ЦЕПАЗ заводы вырабатывали «важнейшие предметы боевого снабжения» для Красной Армии, председателем правления ЦЕПАЗ было возбуждено ходатайство перед Советом военной промышленности «о сохранении существующего кадра» и освобождении его «от всякого рода мобилизаций и выделений на пополнение войсковых частей, дабы тем самым не нарушать налаженный аппарат работы». К этому отношению был приложен список 38 заводов с просьбой дать распоряжение «местным военкоматам об оставлении всего существующего кадра администрации и служащих» этих заводов «из лиц бывшего офицерского звания, что уже сделано в отношении служащих и рабочих из лиц не командного состава»¹²⁶.

Большой интерес представляет ответ в ЦЕПАЗ председателя Особкомучет, в котором были четко сформулированы основные принципы ее деятельности (в том числе и губернских отделов): «установить совершенно точно наличие бывших офицеров на

территории Советской России», рассмотреть списки на этих лиц и, учитывая состояние здоровья, время нахождения в последней должности, бывший стаж в старой армии и т. д., решить вопрос, «насколько занимаемые ими должности допускают без ущерба для государственной работы извлечение данного лица из учреждения — гражданского или военного». Если же при этом на местах и понимали «иногда излишне прямолинейно свою задачу — во что бы то ни стало пополнить ряды Красной Армии» командным составом из бывших офицеров, хотя бы и в ущерб интересам учреждения, из которого они извлекались, то это следует рассматривать, во-первых, как исключение, а во-вторых, «военная обстановка была такова, что надо всем доминировали интересы строевого дела». В связи с этим Особкомучет «не может встать на точку зрения ЦЕПАЗ, из-за отдельных, быть может, неудачных решений губкомиссий (губернских отделов по учету бывших офицеров.— А. К.) забронировать целиком все артиллерийские заводы от всяких покушений изъять из них нужных для фронта бывших офицеров». Понимая «всю важность правильной, без перебоев работы артиллерийских заводов», Особкомучет поддерживает точку зрения о необходимости «самого внимательного отношения к нуждам завода по части специалистов», но не может согласиться с тем, что «все без исключения бывшие офицеры, работающие на заводах в качестве даже мелкой администрации, без ущерба для дела не могли бы быть изъятые для нужд армии». Поэтому необходимо персональное забронирование служащих — бывших офицеров после «тщательного их рассмотрения» в Особой центральной комиссии по отсрочкам, что «могло бы гарантировать от случайностей, имевших место в Коврове»¹²⁷. Возбуждение же ЦЕПАЗ вопроса об оставлении на прежнем месте работы бывших офицеров только в феврале 1920 г. свидетельствует о том, что «столь острый вопрос», как укомплектование Красной Армии командным составом, ранее этим учреждением не учитывался, ибо он «должен был быть исчерпан еще во второй половине прошлого года». В заключение этого документа было сказано, что Особкомучет «отказывается проводить» в предлагаемом ЦЕПАЗ порядке вопрос «об освобождении всего состава завода от мобилизации» и просит, если этот вопрос будет через Совет военной промышленности внесен в Совет Обороны, «приложить к представлению и копию этого ответа»¹²⁸.

Постановлением Совета Обороны от 20 ноября 1919 г. Реввоенсовету Республики было предложено упорядочить учет красных командиров, бывших офицеров, юнкеров, подпоручиков, унтер-офицеров, военных чиновников и писарей, не состоящих «ныне вовсе на службе или служащих в различных гражданских и общественных учреждениях»¹²⁹. Во исполнение этого Управлением по командному составу Всероглаштаба были разработаны «Временное руководство по учету и призыву лиц командного состава и административно-хозяйственной службы, не состоящих на службе в учреждениях, подведомственных Наркомвоену», а так-

же «Правила введения в действие этого руководства»¹⁴⁰. Учет указанных лиц проводился заблаговременно «на случай общей мобилизации или частичного призыва», ему подлежали бывшие офицеры (генералы — до 60 лет, штаб-офицеры — до 55 лет и обер-офицеры — до 50 лет), «не исключая и тех из них, которые были уволены при демобилизации старой армии как солдаты», проживающие на территории республики, «уволенные из военной службы» и служащие в различных гражданских и общественных учреждениях, а равно и вовсе не состоящие на службе — военной или гражданской. Лицам, уволенным с военной службы и подлежащим учету, выдавался учетно-воинский билет, на основании которого они снабжались «в необходимых случаях документами на право жительства», ибо этот билет «видом на жительство» служить не мог. Кроме учетно-воинского билета, на каждого бывшего офицера «для наведения необходимых справок и проверки наличия состоящих на учете военнообязанных» вводились послужные списки, содержание которых было идентично учетно-воинскому билету, а форма соответствовала послужным спискам, принятым для офицеров старой русской армии (в них отсутствовали только графы о социальном происхождении и вероисповедании). Послужные списки подлежали постоянному хранению до снятия с учета в военном комиссариате той губернии, которую бывший офицер избрал для жительства после увольнения из Красной Армии. Виновные в неисполнении правил, установленных для учета, подлежали «суду революционного трибунала»¹⁴¹.

5 ноября 1919 г. председатель Особкомучет направил председателям всех ее губернских отделов телеграмму, в которой предлагалось для представления в Совет Обороны общей сводки «не позже 15 текущего ноября» направить в Особкомучет подробный отчет об их работе по учету и призыву в Красную Армию бывших офицеров за время со дня образования губернских отделов по 10 ноября 1919 г. Этот отчет должен был включать «только цифровые данные, но тщательно проверенные и точно соответствующие действительному числу военнослужащих прежней армии, принятых на учет и фактически выделенных для нужд Красной Армии»¹⁴²; в отношении бывших офицеров, освобожденных по тем или иным причинам от призыва в армию, следовало сделать соответствующие отметки (например, «не призван как незаменимый», «больной» и т. д.)¹⁴³.

Во исполнение этой телеграммы председатели губернских отделов направили в Особкомучет требуемые отчеты, в качестве примера которых приведем «Ведомость о движении изъятия бывших офицеров по состоянию на 12 ноября 1919 года», присланную из Олонцкого губернского отдела¹⁴⁴. Всего отделом было принято на учет 316 бывших офицеров, из них снято с учета 100, в том числе: «за получением назначения на место» — 18, признаны негодными к военной службе — 25, выбыли за пределы губернии — 14, скрылись «неизвестно куда» или перешли на сторону белых — 26, добровольно вступили в Красную Ар-

мию — 11; освобождены от призыва Особой центральной комиссией по отсрочкам — 61, в том числе в учреждениях военного ведомства — 44, в учреждениях гражданских ведомств — 15; передано в резерв военных округов и фронтов — 155¹⁴⁵.

Как отмечалось выше, постановлением Совета Обороны от 2 июля 1919 г. на Особкомучет была возложена задача «изъять из всех без исключения гражданских учреждений бывших офицеров», и ни одно из этих учреждений, хотя бы и отнесенных к разряду милитаризованных, «не было изъято из круга ведения указанной комиссии». К этому необходимо добавить, что понятие о милитаризации распространялось на всех служащих, за исключением бывших офицеров, в отношении которых существовали «свои особые положения по ведомству Наркомвоен»¹⁴⁶. Но вместе с тем в отношении таких лиц оставалось в силе постановление, что «оставление в гражданском учреждении бывших офицеров возможно только при наличии соответствующего решения Центральной комиссии по отсрочкам». Между тем гражданские учреждения сначала затягивали возбуждение таких ходатайств, а возбуждав, «не принимали никаких мер к скорейшему проведению их в надлежащих инстанциях»¹⁴⁷. Это вызвало необходимость издания 11 декабря 1919 г. председателем Особкомучет приказа № 7, в котором говорилось: «Из получаемых донесений от губотделов Особкомучет усматривается совершенно недопустимое положение, что, несмотря на признание значительного числа бывших офицеров подлежащими выделению для нужд армии, они задерживаются продолжительное время в местах гражданской службы впредь до разрешения вопроса об отсрочке их призыва в Особой комиссии по отсрочкам при Революционном Военном Совете Республики. Такой затяжной характер с вопросом, не терпящим отлагательств ввиду острой нужды в лицах состава, возможно объяснить лишь тем обстоятельством, что учреждения, заинтересованные в оставлении у них на службе бывших офицеров, затягивали самое возбуждение ходатайства и, возбуждав, наконец, таковое, не принимали никаких мер по скорейшему проведению его в подлежащих инстанциях. Принимая во внимание, что со времени издания постановления Совета Обороны 19 июля о порядке рассмотрения дел об отсрочках призыва в армию бывших офицеров прошло более чем достаточно времени для того, чтобы учреждения могли провести ходатайства об оставлении у них на службе незаменимых работников бывших офицеров... приказываю не позже 20 декабря выделить из всех гражданских учреждений тех бывших офицеров, которые остались на службе исключительно за неразрешением вопроса об их отсрочках»¹⁴⁸.

Выполняя этот приказ, губернские отделы по учету бывших офицеров в январе 1920 г. представили в Особкомучет требуемые сведения, из которых видно, что из гражданских учреждений подлежали выделению в Действующую армию: по Тамбовскому губернскому отделу — 46 человек (из них 35 на строевые и 11 на

нестроевые должности)¹⁴⁸, Северо-Двинскому — 31, Рязанскому — 33, Саратовскому — 45, Симбирскому — 63, Тверскому — 25, Череповецкому — 34 и т. д.¹⁵⁰

В связи со срочностью и важностью работы по обеспечению командным составом из бывших офицеров Действующей армии, а также «в целях установления более планомерного плана работ и согласованности действий по изъятию бывших офицеров» в Особкомучет были установлены «периодические заседания» (20 заседаний в месяц) с привлечением к участию в них в качестве постоянных членов и консультантов представителей военного ведомства, Особого отдела ВЧК, Народного комиссариата государственного контроля и других органов. Поскольку представители этих учреждений в рабочее время были «заняты не менее срочной работой в своих учреждениях», все заседания Особкомучет проводились в вечернее время. Поэтому ее сотрудники были отнесены к ответственным работникам: им была назначена заработная плата по 1-й группе (минимум 3750 руб. в месяц)¹⁵¹ и предоставлено право на причисление к 1-й категории «классового пайка»¹⁵². Наконец, Наркомвоену было разрешено выдать Особкомучет и состоявшей при ней медицинской комиссии вознаграждение по 31 декабря 1919 г. в сумме 35 540 руб. «из остатков по смете» Наркомвоену¹⁵².

Постоянную помощь в работе Особкомучет и ее губернских отделов оказывали органы ВЧК. Они содействовали в выявлении годных к строевой и нестроевой службе на фронте бывших офицеров, занимавших должности, не соответствовавшие опыту их службы в старой армии, и направили в Особкомучет несколько списков с фамилиями таких лиц¹⁵⁴. Так, в августе 1919 г. комиссия ВЧК по инициативе М. К. Кедрова освидетельствовала 105 бывших офицеров, находившихся «как на военной, так и гражданской службе, за исключением фронтовых учреждений». Из этого числа медицинская комиссия признала годными для фронта 71 человека (из них 42 — на строевые должности) и 30 человек — для строевой и нестроевой службы в тылу¹⁵⁵. Тесное взаимодействие Особкомучет и органов ВЧК выражалось также в том, что Особкомучет и ее губернские отделы «извлекали весь мало-мальский пригодный для обслуживания армии материал», а контрольные комиссии органов ВЧК устанавливали, «не уклонился ли кто-либо из бывших офицеров от регистрации и получила ли армия всех предназначенных ей лиц»¹⁵⁶.

Следует особо подчеркнуть, что значительное внимание работе Особкомучет уделял Совет обороны, возглавлявшийся В. И. Лениным, о чем свидетельствуют многие факты. Остановимся лишь на некоторых из них.

Совет обороны 2 августа 1919 г. обязал Управление по командному составу Всероглаштаба направить на фронт «взятых на учет комиссией т. Эйдука офицеров из военных учреждений г. Москвы, относительно которых не поступало протестов от соответствующих учреждений, предоставив для этого пятидневный

срок. Доклад т. Склянского о фактической отправке на фронт вышеуказанных офицеров назначить в Совете обороны через неделю»¹⁵⁷. Так как руководство Реввоенсовета Республики не было готово доложить этот вопрос ни через неделю (9 августа), ни на заседании Совета обороны 13 августа, о чем свидетельствует выписка из протокола № 61, в постановлении Совета обороны от 15 августа 1919 г. по вопросу «о фактической отправке на фронт офицеров из военных учреждений, взятых на учет т. Эйдуком», было сказано: «Назначить дополнительный доклад т. Склянского с итоговыми данными на следующее заседание»¹⁵⁸. Заслушав на заседании 22 августа 1919 г. доклад Э. М. Склянского «о фактической отправке на фронт офицеров, взятых на учет т. Эйдуком, и цифровые данные»¹⁵⁹, Совет обороны обратил внимание Особкомучет «на крайнюю медлительность отправки в действующую армию бывших офицеров, предназначенных к выделению из центральных военных управлений»¹⁶⁰. Кроме того, Совет обороны постановил обратить внимание медицинской комиссии при Особкомучет на то, что она работает «крайне медленно», и поэтому следует «вменить ей в обязанность заседать каждый день, работать по 10 часов в день и не устраивать никаких затворов для выделения в Действующую армию бывших офицеров, подлежащих этому выделению на основании постановления комиссии Эйдука»¹⁶¹.

Совет обороны и в дальнейшем продолжал торопить Реввоенсовет Республики с докладом о положении дел с укомплектованием Действующей армии командным составом из бывших офицеров. Так, в повестке дня его заседания 27 августа 1919 г. было записано: «Об отправке на фронт бывших офицеров (Склянский)»¹⁶². В связи с этим Управление делами Реввоенсовета Республики по указанию Э. М. Склянского направило отношение председателю Особкомучет с просьбой предоставить дополнительные материалы по затронутому в повестке дня заседания Совета обороны вопросу «не позднее 6-ти часов дня 27-го сего августа»¹⁶³. Так как к указанному сроку эти дополнительные материалы Э. М. Склянскому предоставлены не были, его сообщение «Об отправке на фронт бывших офицеров» было заслушано в заседании Совета обороны 29 августа 1919 г. Однако это сообщение не удовлетворило Совет обороны, и он вынес постановление «затребовать от Склянского и Эйдука точные сведения из губерний и центра о фактическом количестве взятых (т. е. направленных в Действующую армию.— А. К.) офицеров»¹⁶⁴.

Во исполнение указанных выше постановлений Совета обороны А. В. Эйдук отдал приказ № 4 от 25 августа, в котором предложил «всем учреждениям, подавшим анкетные листы на служащих у них бывших офицеров, немедленно произвести фактическую проверку», все ли из тех, кто был предназначен к «изъятию из учреждений, подвергались медицинскому освидетельствованию» и явились в Особкомучет. В случае обнаружения неисполнения этого распоряжения «принять все меры, чтобы такие

лица не позже 3 сентября» явились уже с медицинскими свидетельствами в Особкомучет¹⁶⁵. Однако многие бывшие офицеры, которые были признаны Особкомучет «подлежащими выделению для нужд Красной Армии», в установленный срок не явились; не последовало также в Особкомучет уведомления с мест их работы о выполнении этими лицами «всех предписанных указанным приказом (№ 4—А. К.) требований». В связи с этим Особкомучет предложила в 3-дневный срок «по получении этого извещения» прислать с нарочным донесение в письменной форме, «где найдется указанные в списке лица, чем вызвано неисполнение ими приказа № 4 и кто является ответственным за то, что в учреждении не была произведена фактическая проверка», как этого требовал приказ (занимаемая должность, имя, отчество, фамилия, адрес)¹⁶⁶.

19 февраля 1920 г. А. В. Эйдук направил в Совет Обороны докладную записку об итогах деятельности Особкомучет. В ней говорилось, что перед созданной постановлением Совета Обороны от 2 июля 1919 г. при Реввоенсовете Республики Особкомучет с ее местными органами в виде губернских отделов были поставлены две задачи: изъять из всех без исключения учреждений, расположенных на территории РСФСР, бывших офицеров, которые до того времени почему-либо не состояли на действительной военной службе в частях войск, учреждениях и заведениях военного ведомства; распространить это положение и «на военные учреждения, в коих также пересмотреть состав служащих и всех, кого можно, выделить для фронтовых нужд». В настоящее время возложенные на Особкомучет задачи «надлежит считать ею выполненными», ибо в учреждениях не оставалось бывших офицеров, которые «уклонились от регистрации», «не отправлены в Действующую армию» после выделения их губернскими отделами и признания медицинской комиссией годными к строевой или пестроевой службе на фронте и «не имеют надлежащих удостоверений об отсрочке или соответствующих медицинских свидетельствах, освобождающих их от службы»¹⁶⁷.

Постановлением Совета Обороны от 23 февраля 1920 г. «ввиду выполнения Особой комиссией при Реввоенсовете Республики по учету бывших офицеров возложенных на нее работ» было предложено закончить ликвидацию всех ее дел к 1 марта 1920 г., передав все делопроизводство в Управление по командному составу Всероглаштаба, а из ее губернских отделов — в соответствующие губернские военные комиссариаты¹⁶⁸.

Завершая рассмотрение деятельности Особой комиссии по учету бывших офицеров под председательством А. В. Эйдука и ее губернских отделов можно сделать вывод, что они проделали значительную работу по изъятию из гражданских и военных учреждений бывших офицеров и обеспечению командным составом Действующей Красной Армии, хотя для выполнения этой задачи потребовалось значительно больше времени, чем предполагалось вначале.

* * *

- 1 История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1968. Т. 3, кн. 2. С. 274—277; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 7. С. 491—496; История гражданской войны в СССР. М., 1959. Т. 4. С. 7—49; Кузьмин Н. Ф. В. И. Ленин во главе обороны Советской страны. М., 1958. С. 143—148; Найда С. Ф. О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР. М., 1958. С. 168—174; Цветаев Н. Н. Военные вопросы в решениях VIII съезда РКП(б). М., 1960; Данилевский А. Ф. В. И. Ленин и вопросы военного строительства на VIII съезде РКП(б). М., 1964; Кляцкин С. М. На защите Октября. М., 1965. С. 346—363; Кораблев Ю. И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября. 2-е изд. М., 1979. С. 419—470; и др.
- 2 Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920): Сб. документов. М., 1969. С. 153—169.
- 3 Там же. С. 167.
- 4 Кораблев Ю. И. Указ. соч. С. 423.
- 5 Там же.
- 6 Свердлов Я. М. Избр. произведения. М., 1960. Т. 3. С. 174—175.
- 7 Красноармеец. 1919. 13 марта.
- 8 Правда. 1919. 4 марта.
- 9 Там же. 14 марта.
- 10 Звезда красноармейца. 1919. 28 февр.
- 11 Правда. 1919. 7 марта.
- 12 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 14.
- 13 Там же. Т. 38. С. 137, 138.
- 14 Там же. С. 139.
- 15 Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г.: Протоколы. М., 1959. С. 379.
- 16 Там же. С. 421.
- 17 Цветаев Н. Н. Указ. соч. С. 36.
- 18 Восьмой съезд РКП(б). С. 144.
- 19 Там же. С. 146.
- 20 Там же. С. 147.
- 21 Там же. С. 147—148.
- 22 История гражданской войны в СССР. Т. 4. С. 43. При этом партийные ячейки в армии должны были всеми мерами поддерживать и укреплять доверие к комиссару, как руководителю политическому, и командиру, как руководителю военному.
- 23 Гусев С. А. Гражданская война и Красная Армия: Сб. статей. М., 1958. С. 44.
- 24 Кораблев Ю. И. Указ. соч. С. 432.
- 25 Данилевский А. Ф. Указ. соч. С. 68.
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 История гражданской войны в СССР. Т. 4. С. 44.
- 29 Данилевский А. Ф. Указ. соч. С. 71.
- 30 История гражданской войны в СССР. Т. 4. С. 44.
- 31 Данилевский А. Ф. Указ. соч. С. 71, 76.
- 32 Там же. С. 71—72.
- 33 Там же. С. 76.
- 34 Ленинский сб. Т. 37. С. 136, 137.
- 35 Там же. С. 139.
- 36 Там же. С. 135.
- 37 Там же. С. 138—139.
- 38 Там же.
- 39 Там же.
- 40 Восьмой съезд РКП(б). С. 418—419.
- 41 Там же. С. 421.
- 42 ВКП(б) и военное дело в резолюциях съездов и конференций ВКП(б). 2-е изд. М., 1928. С. 232.
- 43 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 480.
- 44 Там же. С. 56.
- 45 Из истории гражданской войны в СССР: Сб. документов и материалов. М., 1961. Т. 2. С. 794.
- 46 Известия ВЦИК. 1919. 27 апр.
- 47 ЦГАСА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 79. Л. 60.
- 48 Там же. Д. 119. Л. 2.
- 49 Там же. Д. 285. Л. 27.
- 50 Там же. Ф. 4. Оп. 10. Д. 265. Л. 214.
- 51 Подсчет произведен по архивным материалам. Там же. Д. 244, 245, 247—249, 250, 251, 254, 256, 261, 262, 264, 265, 267, 270—279, 282, 284, 290.
- 52 Там же. Д. 284. Л. 3.
- 53 Там же. Д. 256. Л. 90, 91.
- 54 Там же. Д. 275. Л. 5. Предписание бывшему полковнику Г. А. Пушкину № 80 от 13 июня 1919 г. (Там же. Д. 283. Л. 12).
- 55 Там же.
- 56 Там же. Д. 256. Л. 86.
- 57 Там же. Д. 292. Л. 1—7 об., 9, 9 об., 12, 12 об.
- 58 Там же. Д. 513. Л. 1.
- 59 Проект был составлен по испол-

- нение записки председателя Реввоенсовета Республики № 1933 от 11 июня 1919 г. (Там же. Д. 518. Л. 1).
- ⁸² Там же. Л. 7.
- ⁸³ Там же. Л. 7 об.
- ⁸⁴ Там же. Л. 1 об., 22 об.
- ⁸⁵ Там же. Л. 8.
- ⁸⁶ Там же. Л. 22. Деятельность губернских комиссий не распространялась на войсковые части, управления, учреждения и заведения, входившие в состав Действующей армии.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же. Л. 22 об.
- ⁸⁹ Декреты Советской власти. М., 1971. Т. 5. С. 326.
- ⁹⁰ Там же. С. 324—326. В состав комиссии, кроме председателя, входили представители Реввоенсовета Республики, ВСНХ, Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии и Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов.
- ⁹¹ ЦГАСА. Ф. 4. Оп. 10. Д. 3. Л. 68 об. В случае несогласия Реввоенсовета Республики с постановлением Особой Центральной комиссии по делу направлялось на окончательное решение в Совет Обороны.
- ⁹² Там же. Л. 54.
- ⁹³ Декреты Советской власти. Т. 5. С. 327—330.
- ⁹⁴ В должности Эйдук был утвержден 11 июля 1919 г. (ЦГАСА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 520. Л. 14 об.); членами комиссии были офицеры военного времени М. Е. Бобров, А. М. Давыдов, Д. Т. Райков, военный чиновник В. М. Яськевич. На заседаниях комиссии присутствовали также представители Особого отдела ВЧК Шайкевич (на пяти заседаниях) и Орлов (на двенадцати) (Там же. Д. 524. Л. 850).
- ⁹⁵ Там же. Д. 519. Л. 7.
- ⁹⁶ Там же. Л. 7, 7 об.
- ⁹⁷ Там же. Л. 10. Приказ, изданный на основании приказов Реввоенсовета Республики № 651 от 5 апреля 1919 г. и № 1008 от 17 июня 1919 г., касался только бывших офицеров, разжалованных в солдаты в 1917 г. постановлениями комитетов частей и учреждений и ничего не говорил о бывших офицерах, разжалованных в солдаты до Февральской революции.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Там же. Д. 518. Л. 27.
- ¹⁰⁰ Там же. Д. 520. Л. 14 об.
- ¹⁰¹ Там же. Д. 519. Л. 12, 13.
- ¹⁰² Там же. Л. 15.
- ¹⁰³ Там же. Л. 14.
- ¹⁰⁴ Там же. Д. 521. Л. 710, 711.
- ¹⁰⁵ Железные дороги, водный транспорт, учреждения, связанные со снабжением страны топливом, углем, лесом, торфом, нефтью и т. д.
- ¹⁰⁶ ЦГАСА. Ф. 4. Оп. 10. Д. 520. Л. 50.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ Там же. Д. 142.
- ¹⁰⁹ Там же. Д. 520. Л. 50, 50 об.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 115.
- ¹¹¹ Там же. Д. 59. Л. 16.
- ¹¹² Там же. Д. 520. Л. 96. Подобное положение, узаконившее право руководителей учреждений задерживать взятых на учет бывших офицеров, вынудило Особкомучет уточнить его следующим образом: если ходатайство об отсрочке бывшим офицерам «как незаменимым работникам возбуждено в течение пяти дней со времени взятия их на учет и они действительно незаменимы, то могут оставаться на своих местах до выяснения результата ходатайства» (Там же. Л. 288).
- ¹¹³ Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 317—321; М., 1973. Т. 6. С. 6—8.
- ¹¹⁴ ЦГАСА. Ф. 4. Оп. 10. Д. 523. Л. 263, 264.
- ¹¹⁵ Там же. Д. 527. Л. 528.
- ¹¹⁶ Там же. Д. 520. Л. 270.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 290.
- ¹¹⁸ Там же. Д. 325. Л. 331. Что касается незарегистрированных бывших офицеров, состоявших в иностранном подданстве, то их надлежало «передавать в распоряжение местных ЧК» (Там же. Д. 520. Л. 266).
- ¹¹⁹ Там же. Д. 525. Л. 337.
- ¹²⁰ Там же. Л. 759.
- ¹²¹ Там же. Л. 757, 758.
- ¹²² Там же. Д. 523. Л. 874.
- ¹²³ Там же. Д. 520. Л. 282, 283.
- ¹²⁴ Там же. Д. 527. Л. 324.
- ¹²⁵ Там же. Д. 520. Л. 112, 134, 144, 145, 153—154 об., 168—170, 251—255, 279—281.
- ¹²⁶ В том числе 7 — из Всероглаштаба, 8 — из Всевобуча, 6 — из Главного артиллерийского управления (Там же. Л. 134 об.).
- ¹²⁷ Там же. Л. 55, 55 об.
- ¹²⁸ Там же. Л. 56.
- ¹²⁹ Там же. Л. 56 об.
- ¹³⁰ Там же. Л. 54 об.
- ¹³¹ Имеются в виду окружные комиссии по учету бывших офицеров, созданные приказом Реввоенсовета Республики № 1177 от 6 июля 1919 г., о чем будет сказано ниже.
- ¹³² ЦГАСА. Ф. 4. Оп. 10. Д. 520. Л. 57, 57 об.
- ¹³³ Там же. Л. 21—24.
- ¹³⁴ Там же. Л. 226.
- ¹³⁵ Там же. Ф. 11. Оп. 5. Д. 441. Л. 54, 54 об.
- ¹³⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 10. Д. 520. Л. 164, 165, 165 об. Небезынтересно отметить, что только за время с 28 июля по 8 августа 1919 г. в губерниях было принято на учет 4085 бывших офицеров, из них 1966 — предназначено к выезду в резерв командного состава военных округов (Там же. Л. 124).
- ¹³⁷ Там же. Л. 232.
- ¹³⁸ Там же. Л. 228.
- ¹³⁹ Там же. Л. 223, 228, 232, 236.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 223.
- ¹⁴¹ Там же. Л. 226.
- ¹⁴² Там же. Л. 234.
- ¹⁴³ Там же. Л. 240.
- ¹⁴⁴ Там же. Л. 223.
- ¹⁴⁵ Там же. Л. 152, 152 об.
- ¹⁴⁶ Там же. Л. 20. Приказом Реввоенсовета Республики № 1346 от 25 августа 1919 г. приказ № 1177 от 6 июля 1919 г. был отменен.
- ¹⁴⁷ Там же. Д. 527. Л. 703 об.
- ¹⁴⁸ Там же. Д. 522. Л. 660.
- ¹⁴⁹ В списке значилось 46 бывших офицеров (в том числе три генерала, два полковника, подполковник и пять капитанов), из них были признаны годными к строевой службе 4, к нестроевой — 18, негодными к службе — 13 (Там же).
- ¹⁵⁰ Там же.
- ¹⁵¹ Там же. Д. 526. Л. 424.
- ¹⁵² Там же. Д. 512. Л. 18.
- ¹⁵³ Декреты Советской власти. Т. 4. С. 225—227.
- ¹⁵⁴ ЦГАСА. Ф. 4. Оп. 10. Д. 527. Л. 348.
- ¹⁵⁵ Там же.
- ¹⁵⁶ Там же. Л. 348, 348 об. Среди других родов войск самый низкий процент бывших офицеров, служивших в Красной Армии, приходился на кавалерию, в которой и служили специалисты по «ремонтированию», т. е. обеспечению армии конским составом.
- ¹⁵⁷ Там же. Л. 347.
- ¹⁵⁸ Там же. Л. 705, 705 об.
- ¹⁵⁹ Речь идет о попытке снять с должности главного инженера Ковровского пулеметного завода бывшего генерал-майора В. Г. Федорова, изобретателя автоматического стрелкового оружия, которое изготавливалось на этом заводе под его личным наблюдением (впоследствии В. Г. Федоров был генерал-лейтенантом Советской Армии) (Там же. Л. 705 об.).
- ¹⁶⁰ Там же. Л. 703—704.
- ¹⁶¹ Там же. Д. 256. Л. 123.
- ¹⁶² Там же. Д. 520. Л. 105—134; Д. 3. Л. 101—151. Временное руководство было утверждено заместителем председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Скляевым и объявлено в приказе Реввоенсовета Республики № 1947 от 20 ноября 1919 г.
- ¹⁶³ Там же. Д. 520. Л. 106 об. Временное руководство включало также обязанности лиц и учреждений в деле ведения учета, обязанности уездного, губернского и военно-окружного военных комиссариатов и Управления по командному составу Всероглаштаба.
- ¹⁶⁴ Там же. Д. 519. Л. 24. Отчет касался бывших офицеров, «состоящих на службе в гражданских советских учреждениях и нигде не служащих» и «служащих в военных учреждениях», и бывших военных чиновников, чиновников военного времени и бывших военных писарей, состоящих на службе в гражданских советских учреждениях.
- ¹⁶⁵ Там же. Д. 527. Л. 568.
- ¹⁶⁶ Там же. Д. 524. Л. 1044—1057.
- ¹⁶⁷ Там же. Л. 1044.
- ¹⁶⁸ Там же. Д. 527. Л. 721.
- ¹⁶⁹ Там же.
- ¹⁷⁰ Там же. Л. 519. Л. 25. В виде особого исключения для Народного комиссариата путей сообщения и его местных учреждений исполнение этого приказа следовало закончить к 15 января 1920 г.
- ¹⁷¹ Там же. Д. 527. Л. 721.
- ¹⁷² Там же. Д. 519. Л. 57.
- ¹⁷³ Согласно декрету Совнаркома «Об оплате труда служащим советских учреждений РСФСР» (Декреты

Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 414—418).

¹³² «Инструкция к обязательному постановлению о введении трех продовольственных категорий в Москве», опубликованная в «Бюллетене продовольственного отдела» 1 декабря 1919 г.

¹³³ ЦГАСА. Ф. 4. Оп. 10. Д. 524. Л. 23.

¹³⁴ № 12502 и 12536 от 17 июля (на 14 и 23 человека), № 12611 от 19 июля (на 18 человек), № 15138 от 31 июля (на 14 человек), № 15264 от 4 августа (на 8 человек), № 1559 от 7 августа 1919 г. (на 8 человек) и т. д. (Там же. Д. 520. Л. 58—60, 122, 123, 186).

¹³⁵ Там же. Д. 287. Л. 98.

¹³⁶ Там же. Д. 527. Л. 712.

¹³⁷ Там же. Д. 520. Л. 114.

¹³⁸ Там же. Л. 196.

¹³⁹ Там же. Л. 256.

¹⁴⁰ Там же. Д. 287. Л. 97.

¹⁴¹ Там же. Д. 520. Л. 256.

¹⁴² Там же. Л. 265 об.

¹⁴³ Там же. Л. 265.

¹⁴⁴ Там же. Д. 527. Л. 497 об.

¹⁴⁵ Там же. Д. 294. Л. 88. Явиться в Особую комиссию по учету бывших офицеров для регистрации были обязаны «все бывшие офицеры, как служащие в учреждениях, так и нигде не служащие, даже в случае получения свидетельства о полной непригодности к военной службе».

¹⁴⁶ Там же. Д. 523. Л. 876.

¹⁴⁷ Там же. Д. 527. Л. 712, 712 об.

¹⁴⁸ Там же. Л. 713.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ Военные специалисты в Красной Армии

ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В 1918—1920 гг.

Из второй и третьей глав монографии видно, что пополнение Красной Армии командным составом за счет бывших генералов и офицеров проходило сначала по добровольному принципу, а с октября 1918 г. — по мобилизации на основе декретов Совнаркома, постановлений Совета Рабоче-Крестьянской Обороны, приказов Реввоенсовета Республики.

Какова же была численность военных специалистов в Красной Армии в 1918, 1919 и к ноябрю 1920 г., т. е. к концу гражданской войны, когда были ликвидированы основные фронты?

Трудность ответа на этот вопрос состоит в том, что в одних работах приводится общая численность военных специалистов, включая, кроме бывших офицеров, также и бывших чиновников военного ведомства, в других же учитываются только кадровые офицеры без офицеров военного времени (прапорщиков). К недостаткам этих работ следует отнести также отсутствие обоснования приводимых в них количественных данных.

Между тем вопрос о численности военных специалистов в Красной Армии в период гражданской войны, их удельном весе среди всего командного состава имеет чрезвычайно важное значение и тесно связан с такими узловыми проблемами, как отношение русского офицерства к Октябрьской революции и Советской власти, соотношение численности военных специалистов в Красной Армии и офицерства в белогвардейских армиях и т. д.

Сделаем попытку определить численность военных специалистов в Красной Армии к концу гражданской войны. Она слагалась из трех основных источников: бывших генералов и офицеров старой армии, вступивших в Красную Армию добровольно (в том числе тех, кто начал сотрудничать с Советской властью сразу после Октябрьской революции); бывших генералов и офицеров, призванных в Красную Армию по мобилизации, в том числе находившихся на территории, освобожденной от белогвардейцев и не принимавших участия в гражданской войне; бывших генералов и офицеров русской армии, служивших в белогвардейских, а также в других антисоветских воинских формированиях (в том числе произведенных в них в первый офицерский чин),

взятых в плен и затем привлеченных к службе в Красной Армии или перешедших добровольно на ее сторону в ходе гражданской войны.

В отношении числа бывших генералов и офицеров, вступивших на службу Советской власти добровольно (с января 1918 г. — в Красную Армию), в советской исторической литературе, насколько нам известно, значительных расхождений не имеется. Так, в «Истории гражданской войны в СССР» говорится, что «в период добровольного комплектования в Красную Армию пришло 8 тыс. б. офицеров»¹. В связи с этим представляется несколько завышенной цифра, приведенная в работе В. В. Бритова: «К 14 июня 1918 г. (т. е. до начала первой мобилизации бывших генералов и офицеров.— А. К.) только в воинских частях и военных учреждениях Москвы насчитывалось более 9000 бывших офицеров»². В советской исторической литературе и архивных материалах нередко можно встретить утверждение, что в Красную Армию вступили добровольно столько бывших генералов и офицеров, что ими на должностях командного и административно-хозяйственного состава можно было укомплектовать 20 дивизий. Считая, что в пехотной дивизии старой армии было примерно 400 офицеров (с учетом офицеров, входивших в состав артиллерийской бригады, саперного батальона и т. д.), получим указанную выше цифру — 8 тыс. офицеров. Правда, Н. И. Подвойский в январе 1921 г. в беседе с начальником штаба главнокомандующего всеми Вооруженными Силами Республики Ф. В. Костяевым указывал, что вступивших добровольно в Красную Армию бывших генералов и офицеров хватило бы для укомплектования не 20, а 9—10 дивизий³. Но, по нашему мнению, Н. И. Подвойский в отличие от В. В. Бритова занижает интересующее нас число. Не вызывает сомнений, что «прилив» в Красную Армию бывших генералов и офицеров в феврале—марте 1918 г. в связи с интервенцией войск Четверного союза сменился после заключения Брестского мира определенным «отливом» из Красной Армии (некоторые бывшие офицеры были уволены, так как в это время Красная Армия насчитывала в своих рядах всего немногим более 150 тыс. человек; некоторые ушли сами, разуверившись в том, что они могут принести какую-либо пользу в армии с выборным началом, партизанскими порядками и т. д.). Однако подобный «отлив», коснувшийся преимущественно бывших генералов и штаб-офицеров, не был столь значительным, как это считал Н. И. Подвойский.

По сведениям Мобилизационного управления Всероглавноштаба, в период с 29 июля, когда декретом Совнаркома был объявлен первый (частичный) призыв бывших генералов и офицеров, по 15 ноября 1918 г. по шести военным округам Европейской части РСФСР было принято в Красную Армию 20 488 бывших генералов и офицеров, а к концу 1918 г.— 22 295⁴.

Движение призванного командного состава старой армии в первые шесть месяцев 1919 г. представлено в табл. 9.

ТАБЛИЦА 9. ЧИСЛЕННОСТЬ КОМАНДНОГО СОСТАВА СТАРОЙ АРМИИ, ПРИЗВАННОГО С 15 ЯНВАРЯ ПО 15 ИЮЛЯ 1918 Г.*

Округ	До какого срока призваны			
	до 15 февраля	до 15 марта	до 15 июня	до 15 июля
Петроградский	4246	1246	2458	2458
Московский	7513	8120	8172	8320
Ярославский	4129	4171	4289	4381
Орловский	4857	4638	7334	7650
Уральский	1012	1014	1048	4157
Приволжский	4101	4932	5170	2638
Западный	2771	2786	3016	3041
Всего	25 629	26 907	31 487	32 645

* Составлено по: ЦГВИА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 449. Л. 3, 4, 28, 29. Данные по Приволжскому ВО показывают, что в результате митинга Чехословацкого корпуса на занятой им территории осталось до 2,5 тыс. бывших офицеров.

В отношении же общей численности бывших генералов и офицеров, призванных в Красную Армию по мобилизации, существует авторитетное суждение Н. А. Ефимова, в историографии не оспаривавшееся: «В результате всех призывов с 12-го июня (по инициативе командующего 1-й армией М. Н. Тухачевского частный призыв бывших офицеров начался уже 12 июня 1918 г., т. е. за полтора месяца до декрета Совнаркома.— А. К.) по 15-е августа 1920 года было взято в ряды РККА: б. офицеров — 48 409 ...»⁵.

Указанная цифра прочно утвердилась в советской исторической литературе. Однако в некоторых работах ее ошибочно принимают за общую численность военных специалистов в Красной Армии к концу гражданской войны. Так, в частности, в статье «Военные специалисты» в энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» сказано: «До конца гражданской войны всего было призвано 48,5 тыс. офицеров и генералов»⁶. Между тем известно, что с нападением буржуазно-помещичьей Польши на Советскую Россию численность Красной Армии по сравнению с весной 1920 г. возросла на 1 млн человек, что, в свою очередь, потребовало значительного увеличения командного и административно-хозяйственного состава, прежде всего в Действующей армии. Однако вопрос, за счет каких категорий командного состава был восполнен его недостаток, остается до сих пор открытым. Имеются лишь небольшая статья Г. Ю. Гаазе, на которой мы остановимся ниже, и высказывания по этому вопросу в ряде работ. Так, С. М. Кляцкин писал, что после разгрома колчаковских и деникинских армий «в Красную Армию было принято (кроме солдат.— А. К.) и много бывших офицеров, понявших бесполезность борьбы против Советской власти и перешедших на сторону Красной Армии»⁷. К сожалению, он, во-

первых, говорит лишь о белых офицерах, перешедших на сторону Красной Армии, и не упоминает о взятых ею в плен в ходе гражданской войны, а во-вторых (и это главное), не указывает их численность.

Разгром Красной Армией в конце 1919 — начале 1920 г. основных сил контрреволюции в Сибири и на юге России позволил В. И. Ленину заявить на IX съезде РКП (б) в марте 1920 г., что «решающую победу на решающих фронтах гражданской войны мы одержали»⁸. В связи с этим ЦК РКП(б) и Советское правительство принимали все меры, чтобы завоеванную мирную передышку использовать для восстановления промышленности, сельского хозяйства, транспорта, заготовки топлива, сырья и т. д. Под знаком поворота к решению этих задач прошла работа VII Всероссийского съезда Советов (5—9 декабря 1919 г.), IX съезда РКП(б) (29 марта — 5 апреля 1920 г.) и 3-го Всероссийского съезда профсоюзов (6—13 апреля 1920 г.), на котором было принято постановление «обратиться ко всем рабочим и трудящимся Советской России с призывом взяться дружно и энергично за борьбу с хозяйственной разрухой»⁹. В начале апреля 1920 г. Совет Обороны был преобразован в Совет Труда и Обороны, что также отвечало вставшим перед страной новым задачам.

К чрезвычайным мерам, принятым ЦК РКП(б) и Советским правительством в специфических условиях весны 1920 г., когда Советская Республика приступила к восстановлению народного хозяйства в условиях возможности военного нападения на Страну Советов, относится создание трудовых армий — воинских формирований Красной Армии для использования на хозяйственном фронте. О масштабах подобного использования военнослужащих может дать представление следующая цифра: с 15 апреля по 1 июля 1920 г. в народное хозяйство было привлечено до 2,5 млн. красноармейцев, т. е. более половины всего личного состава Красной Армии¹⁰.

25 апреля 1920 г. войска буржуазно-помещичьей Польши при активной поддержке и помощи со стороны Антанты перешли в наступление на Украине. Снова на первый план выдвинулись задачи обороны республики. «Раз дело дошло до войны,— говорил В. И. Ленин,— то все должно быть подчинено интересам войны...»¹¹ 30 апреля 1920 г. было опубликовано обращение ВЦИК и Совнаркома «Ко всем рабочим, крестьянам и честным гражданам», 23 мая ЦК РКП(б) обнародовал тезисы «Польский фронт и наши задачи».

2 июня 1920 г. был принят декрет Совнаркома по поводу бывших офицеров, еще оставшихся в лагере белых. Стержневым вопросом этого декрета было использование патриотических настроений бывшего офицерства в связи со стремлением буржуазно-помещичьей Польши отторгнуть земли Советской Украины и Белоруссии. В декрете указывалось, что «все те бывшие офицеры, которые в той или другой форме окажут содействие скорейшей лик-

видации остающихся еще в Крыму, на Кавказе и в Сибири белогвардейских отрядов и тем облегчат и ускорят победу рабочей крестьянской России над шляхетской Польшей, будут освобождены от ответственности за те деяния, которые они совершили в составе белогвардейских армий»¹².

30 мая 1920 г. «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились» обратилось Особое совещание под председательством А. А. Брусилова, созданное 9 мая при главнокомандующем всеми Вооруженными Силами республики в качестве совещательного органа для обсуждения мер борьбы с наступавшими войсками буржуазно-помещичьей Польши (в состав Особого совещания вошли крупные военные специалисты, бывшие генералы русской армии: М. В. Акимов, П. С. Балувев, А. И. Верховский, Алексей Е. Гутор, Н. А. Данилов, А. М. Зайончковский, В. Н. Клембовский, Д. П. Парский, А. А. Поливанов, А. А. Цуриков). В обращении, в частности, говорилось: «В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старые боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской Рабоче-Крестьянской России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку Россию»¹³.

«Насколько это воззвание произвело на непримиримых страшное и подавляющее впечатление,— писал белогвардейский публицист Ю. Арбатов,— в такой же противоположной мере сильно это подействовало на колеблющиеся массы... В первый же день появления возвания на улицах Москвы в военный комиссариат являлись тысячи офицеров, ранее от службы в Красной Армии уклонившиеся, и десятки тысяч интеллигентов...»¹⁴ Откликнулись на это обращение и пленные офицеры.

Группа бывших колчаковских офицеров, сотрудников хозяйственного управления Приуральского военного округа, обратилась 8 июня 1920 г. к военному комиссару этого управления с заявлением, в котором было сказано, что в ответ на обращение Особого совещания и декрет от 2 июня 1920 г. они испытывают «глубокое желание честной службой» искупить свое пребывание в рядах колчаковцев и подтверждают, что для них не будет более «почетной службы, чем служба родине и трудящимся», которым они готовы отдать себя всецело на служение «не только в тылу, но и на фронте»¹⁵.

После ряда призывов в 1920 г., в том числе родившихся в 1901 г., общая численность Красной Армии возросла до 5,5 млн человек, что вновь достаточно остро поставило вопрос об обеспечении ее командным составом. Компенсировать его недостаток только за счет окончивших краткосрочные курсы (хотя численность последних к январю 1920 г. достигла 107) не представлялось возможным. Кроме того, красные командиры предназначались для замещения должностей, как правило, в звене командиров взводов и рот¹⁹.

В связи с этим пришлось вновь прибегнуть к дополнительной мобилизации бывших офицеров. Так, 12 мая 1920 г. Совет Труда и Оборона принял постановление, согласно которому все народные комиссариаты были обязаны «выделить годных для фронта бывших офицеров», работавших в системе советского государственного аппарата, и в «трехдневный срок» отправить их на Польский фронт¹⁷. Кроме того, были проведены следующие мероприятия: образованы комиссии по обследованию территориальных кадров для изъятия годных к службе в строю бывших офицеров; еще раз проверены Главное управление военно-учебных заведений и командные курсы для выделения на фронт бывших офицеров, занимавших должности не по специальности; пересмотрены все отсрочки для лиц комсостава и т. д. Однако даже при выполнении всех указанных мероприятий едва ли было возможно «возлагать на них большие надежды», так как некоторые из них носили «повторный характер» (проводились, в частности, после работы Особой комиссии по учету бывших офицеров под председательством А. В. Эйдука), поэтому ожидалось, что в Действующую армию поступит всего примерно 1 тыс. бывших офицеров¹⁸.

В этих чрезвычайных условиях командованием Красной Армии было принято решение о пополнении командного состава Действующей армии за счет бывших белых офицеров (военнопленных и перебежчиков), преимущественно колчаковской и денкинской армий¹⁹.

Как справедливо отмечает Л. М. Спирин, в советской исторической литературе нет полных сведений о численности офицерского состава в белых армиях (бывших кадровых офицерах и офицерах военного времени русской армии, а также произведенных в первый офицерский чин в ходе гражданской войны)²⁰. Поэтому примем, используя данные Спирина, что в колчаковской армии было примерно 30 тыс. бывших офицеров, в денкинской — до 50 тыс., но со значительно более высоким процентом бывших кадровых офицеров (в том числе генералов и штаб-офицеров); в остальных белых армиях (Краснова, Юденича, Миллера и т. д.) бывших офицеров было до 20 тыс.

К весне 1920 г. в результате разгрома Красной Армией основных белогвардейских группировок (в Сибири, на Юге, Северо-Западе и Севере страны) были взяты в плен или добровольно перешли на сторону Советской власти десятки тысяч офицеров.

Достаточно сказать, что только под Новороссийском в марте 1920 г. Красной Армией было захвачено в плен 10 тыс. денкинских офицеров²¹. Десятками тысяч исчислялись военнопленные и перебежчики — офицеры колчаковской армии, подтверждением чему могут служить следующие данные: в донесениях комиссара Приуральянского военного округа от 27 и 28 марта 1920 г. указывалось, что из 5-й армии (из Красноярска) было отправлено в округ 1100 пленных офицеров армии²², а в списке пленных белых офицеров, составленном в Управлении по командному составу Всероглавноштаба к 15 августа 1920 г., их числилось 9660²³.

Следует отметить, что привлечение военнопленных и перебежчиков из белых армий (прежде всего солдат, унтер-офицеров, а также и офицеров) для службы в Красной Армии имело место уже в 1919 г. Так, в июне 1919 г. Всероглавноштабом по согласованию с Особым отделом ВЧК был выработан «порядок направления перебежчиков и пленных, захваченных на фронтах гражданской войны»²⁴. 6 декабря 1919 г. штаб Туркестанского фронта обратился в Управление по командному составу Всероглавноштаба с докладной запиской, в которой говорилось, что в его резерв зачислены бывшие офицеры — перебежчики из армий Колчака, среди которых «есть много специалистов и строевого комсостава, которые могли бы быть использованы по их специальности». До зачисления в резерв все они прошли через делопроизводство Особого отдела ЧК Туркестанского фронта, со стороны которого «относительно большинства этих лиц» не встретилось «возражений к назначению их на командные должности в ряды Красной Армии». В связи с этим штаб фронта высказал желание использовать этих лиц «в частях своего фронта»²⁵. Управление по командному составу, принципиально не возражая против использования в Красной Армии указанных лиц, вместе с тем высказалось за передачу их на другой (например, Южный) фронт, что и было утверждено Советом Всероглавноштаба²⁶.

Поскольку «центральной властью (было — А. К.) принципиально признано возможным» принимать белых офицеров (военнопленных или перебежчиков) в Красную Армию и даже назначать «на командные должности после выяснения Особым отделом ВЧК обстоятельств перехода или сдачи и их политической физиономии»²⁷, Управление по командному составу ходатайствовало в нескольких докладных записках в Совет Всероглавноштаба «ввиду особых событий, происходящих на Западном фронте», и «общего недостатка в комсоставе» о немедленном извлечении всех таких лиц из гражданских учреждений, Всевобуча и т. д., где они занимали должности, совершенно не соответствовавшие их военной подготовке, и направлении их в Действующую армию, «но не на те фронты, где они были пленены». При этом офицеры белых армий должны были «всецело» находиться в распоряжении Управления по командному составу и получать назначения в обычном порядке по нарядам этого управления «в соответствии с общими заданиями высшей власти республики»²⁸.

Выполняя задание Полевого штаба Реввоенсовета Республики по учету и использованию бывших белых офицеров (в связи с мобилизационными расчетами на второе полугодие 1920 г.), а также «ввиду крайней необходимости возможно шире использовать эту категорию командного состава», в Управлении по командному составу Всероглавштаба был разработан проект «Временных правил об использовании бывших сухопутных офицеров из числа военнопленных и перебежчиков белых армий»¹⁹. Согласно им офицеры должны были, прежде всего, поступать на проверку («фильтрацию») в ближайшие местные особые отделы ЧК для тщательного установления в каждом отдельном случае пассивного или активного, добровольного или принудительного характера их службы в белой армии, прошлого этого офицера и т. д. После проверки офицеры, лояльность которых по отношению к Советской власти была «в достаточной степени выяснена», подлежали передаче в ведение местных военкоматов, откуда они направлялись на организованные ГУВУЗ в Москве и других крупных промышленных городах 3-месячные политические курсы «численностью не свыше 100 человек в одном пункте» для ознакомления со структурой Советской власти и организацией Красной Армии; офицеров, «благонадежность» которых в отношении Советской власти «по первоначальному материалу» выяснить было затруднительно, направляли «в лагеря принудительных работ». По окончании 3-месячных курсов в зависимости от результатов освидетельствования состояния здоровья медицинскими комиссиями все офицеры, признанные годными к службе на фронте, подлежали направлению в запасные части Западного фронта и лишь в виде исключения — Юго-Западного (на последний не допускалось назначение офицеров денкинской армии и офицеров из казаков) «для возобновления на практике военных знаний», освоения «с новыми условиями службы» и более быстрого и надлежащего ввиду близости боевой обстановки объединения «бывших белых офицеров с красноармейской массой»; при этом укомплектование ими запасных частей не должно было превышать 15% наличного командного состава. Офицеров, признанных негодными к службе на фронте, назначали во внутренние военные округа в соответствии с пригодностью к строевой или нестроевой службе, в части вспомогательного назначения или в соответствующие тыловые учреждения по специальности (лиц с военно-педагогическим стажем направляли в распоряжение ГУВУЗ, «этапников»²⁰ и «передвиженцев» — в распоряжение Центрального управления военных сообщений, различных технических специалистов — по специальности), также избегая при этом их численности более 15% от наличного состава части или учреждения. Наконец, офицеров, негодных к военной службе, увольняли «от таковой». Все назначения (кроме генштабистов, учетом которых занималось отделение по службе Генерального штаба Организационного управления Всероглавштаба) производились «исключительно по нарядам Управления по командному составу

Всероглавштаба, в котором и был сосредоточен весь учет бывших белых офицеров». Офицеры, находившиеся на несоответствующих их военной подготовке работах, после «профильтрования» органами ЧК должны были передаваться в военные комиссариаты «для нарядов в армию» в соответствии с постановлениями Особых отделов ВЧК и местных ЧК о возможности их службы в рядах Красной Армии. Перед отправлением на фронт разрешалось увольнять офицеров в кратковременный отпуск для свидания с родными в пределах внутренних районов республики (в виде исключения, «по персональным ходатайствам» и с разрешения окружных военных комиссариатов) с установлением круговой порукой остающихся товарищей «в виде прекращения отпусков остальным при неявке в срок отпущенных». «Временные правила» содержали также пункты о материальном обеспечении бывших белых офицеров и их семей за время от момента пленения или перехода на сторону Красной Армии и до передачи из Особого отдела ЧК в ведение окружного военного комиссариата для последующего отправления в распоряжение штабов Западного и Юго-Западного фронтов и т. д., которое проводилось на основании тех же приказов Реввоенсовета Республики, что и для военных специалистов — бывших офицеров старой армии²¹.

4 сентября 1920 г. был издан приказ Реввоенсовета Республики № 1728/326, касавшийся правил «фильтрации», учета и использования бывших офицеров и военных чиновников белых армий. По сравнению с рассмотренными выше «Временными правилами» на бывших белых офицеров вводились анкетные карточки, состоявшие из 38 пунктов, уточнялось, где могли быть расположены «курсы политической и военной подготовки», численность этих курсов, их максимальное число в одном городе, а также указывалось на необходимость отражения в послужных списках бывшей принадлежности офицеров «к составу белых армий». Приказ содержал и новый, чрезвычайно важный пункт: по истечении года службы в Красной Армии бывший офицер или военный чиновник белых армий снимался «с особого учета», и с этого времени приведенные в приказе «особые правила на данное лицо» не распространялись²², т. е. он целиком переходил на положение «военного специалиста», состоящего на службе в Красной Армии.

Согласно объяснительной записке, составленной в Управлении по командному составу Всероглавштаба 13 сентября 1920 г., по сведениям ГУВУЗ, «каждые 10 дней» Управление по командному составу должно было «получать в свое распоряжение по 600 белых офицеров, прошедших установленные курсы»²³, т. е. с 15 августа по 15 ноября в Красную Армию могло быть направлено 5400 бывших белых офицеров. Однако это количество превышало число красных командиров, которых можно было выделить в Действующую Красную Армию после окончания ими ускоренных командных курсов. Чтобы подобное положение не отра-

зилось «на внутреннем состоянии формирований», было признано целесообразным установить в маршевых батальонах «известный процентный максимум для бывших белых офицеров — не более 25% красного состава»²⁴.

Всего в рядах Красной Армии «не за страх, а за совесть служило 14 390 бывших белых офицеров», из них до 1 января 1921 г. — 12 тыс. человек²⁵.

В упомянутой выше статье Г. Ю. Гаазе говорилось, что в числе 10 тыс. военнопленных, поступивших на укомплектование 15-й стрелковой дивизии в июне 1920 г., проникли «под видом солдат» также многие пленные офицеры. Значительная их часть была изъята и отправлена в тыл на проверку, но некоторые, не занимавшие ответственных должностей в деникинской армии, «были оставлены в строю, примерно по 7—8 человек на полк, причем им давались должности не выше взводных командиров»²⁶. В статье упоминается фамилия бывшего есаула П. Ф. Королькова, который, начав службу в Красной Армии писарем команды конных разведчиков, закончил ее в должности исполняющего обязанности командира полка и героически погиб 5 сентября 1920 г. в боях под Каховкой. В заключение статьи автор пишет, что «ничто их (бывших белых офицеров. — А. К.) не могло так привязать к части, как оказанное им доверие»; многие офицеры, «не становясь приверженцами Советской власти, привыкли именно к своей части, и какое-то странное, непоследовательное чувство чести заставляло их драться на нашей стороне»²⁷.

После окончания гражданской войны и перехода Красной Армии на мирное положение 1975 бывших белых офицеров продолжали службу в Красной Армии, доказав «своим трудом и отвагой искренность в работе и преданность Союзу Советских Республик», на основании чего Советское правительство сняло с них название «бывшие белые» и уравнило во всех правах командира РККА²⁸. Среди них можно назвать штабс-капитана Л. А. Говорова, впоследствии Маршала Советского Союза, который из колчаковской армии перешел со своей батареей на сторону Красной Армии, в должности командира дивизиона участвовал в гражданской войне и за бои под Каховкой был награжден орденом Красного Знамени; полковника Оренбургской белоказачьей армии Ф. А. Богданова, перешедшего со своей бригадой на сторону Красной Армии 8 сентября 1919 г. Вскоре он и его офицеры были приняты приехавшим на фронт М. И. Калининым, который разъяснил им цели и задачи Советской власти, ее политику в отношении военных специалистов и обещал допустить военнопленных офицеров после соответствующей проверки их деятельности в белой армии на службу в Красную Армию; впоследствии эта казачья бригада участвовала в боях против деникинцев, белополяков, врангелевцев и басмачей. В 1920 г. М. В. Фрунзе назначил Богданова командиром 1-й Отдельной узбекской кавалерийской бригады, за отличие в боях с басмачами он был награжден орде-

ном Красного Знамени. Сотник Т. Т. Шапкин в 1920 г. перешел со своим подразделением на сторону Красной Армии, за отличия в боях во время советско-польской войны был награжден двумя орденами Красного Знамени; в Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. в звании генерал-лейтенанта командовал кавалерийским корпусом. Военный летчик капитан Ю. И. Арватов, служивший в «Галицийской армии» так называемой «Западно-Украинской народной республики» и перешедший в 1920 г. на сторону Красной Армии, за участие в гражданской войне был награжден двумя орденами Красного Знамени. Подобные примеры можно было бы умножить.

Таким образом, для определения общей численности военных специалистов в Красной Армии к концу гражданской войны следует учитывать, кроме 8 тыс. человек, вступивших в Красную Армию добровольно, и 48 409 человек, призванных в нее по 15 августа 1920 г., также 12 тыс. бывших белых офицеров колчаковской, деникинской и других армий, которые были захвачены в плен и привлечены на службу в Красной Армии или перешли на сторону Красной Армии до 1 января 1921 г., а также мобилизованных в период с 15 августа по 15 ноября 1920 г., в том числе на территории, освобожденной от белогвардейцев²⁹.

В советской историографии приводятся различные данные о численности военных специалистов в Красной Армии к концу гражданской войны, которые могут быть объединены в три группы.

Авторы работ, которые могут быть отнесены к первой группе³⁰, при определении численности военных специалистов — бывших генералов и офицеров принимали ее за одну треть от общей численности командного состава Красной Армии к концу гражданской войны (130 тыс. человек) и считали равной 43,5 тыс. человек. Однако при этом следует отметить, что К. Е. Ворошилов, единственный из этой группы авторов обосновавший данное число; во-первых, не считал военными специалистами прапорщиков (бывших офицеров военного времени), приравнивая их к унтер-офицерам и даже солдатам; во-вторых, не указывал, к какой категории он относит весьма многочисленную часть офицеров военного времени (как и прапорщиков) — подпоручиков, поручиков и штабс-капитанов, получивших эти чины в период мировой войны, и, наконец, в-третьих, включал в число военных специалистов только строевых офицеров и офицеров «старого Генерального штаба», хотя в бывший офицерский корпус старой армии входило значительное число военных инженеров (в том числе артиллерийских), офицеров, проходивших службу по административной части, по военно-учебному ведомству и т. д.

Авторы второй группы работ³¹ при определении численности военных специалистов исходят из общей численности командного состава всех категорий в Красной Армии к концу гражданской войны в 217 тыс. человек. Впервые эта цифра была опубликована

на в работе С. М. Кляцкина, тут же им приводится свидетельство В. А. Антонова-Овсеевко о том, что на 1 января 1921 г. военные специалисты в Красной Армии составляли 34%; из этого следует, что в Красной Армии всего служило в среднем 73 тыс. военных специалистов. С точкой зрения С. М. Кляцкина солидарен С. А. Федюкин (в своей работе он приводит округленные данные — 70—75 тыс. человек); такая же численность указана в труде «50 лет Вооруженных Сил СССР», на который ссылается и Ю. И. Корабаев.

Численность военных специалистов в Красной Армии к концу гражданской войны в пределах 70—75 тыс. человек, принятая авторами этой группы работ, представляется нам достаточно реальной. К сожалению, С. М. Кляцкин, впервые приведший в своей работе эти данные, не обосновал численность командного состава РККА в 217 тыс. человек, отсутствует такое обоснование и в указанных им ссылках на архив.

Что же касается работ, отнесенных нами к третьей группе⁴⁴, то их данные (65—68 тыс. человек), как справедливо отметил С. А. Федюкин, не обоснованы ссылками на источники, а также не указан период, к которому относится эта цифра⁴⁵.

Издоким существующие точки зрения по вопросу о численности военных специалистов в Красной Армии к концу гражданской войны и солидаризируясь с авторами, которые считают, что она была в пределах 70—75 тыс. человек, сделаем попытку предложить по этому вопросу свое обоснование.

В декабре 1920 г. была создана специальная комиссия под председательством заместителя председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склифоского, в задачу которой «входило установление численности армии и выяснение потребности ее в рядовом и командном составе в связи с намечавшейся реорганизацией»⁴⁶. Численность командного и административного состава Красной Армии на декабрь 1920 г., «по собранным комиссией данным, выразилась в 446 722 человека»; из них командного состава — 130 932 человека (в том числе 39 914 краскомов, окончивших ускоренные командные курсы)⁴⁷. К 1 января 1921 г. у 44% (57 610 человек) командного состава Красной Армии (бывших унтер-офицеров и солдат, а также краскомов) отсутствовала всякая предварительная военная подготовка⁴⁸. В число 39 914 человек вошли командиры, окончившие высшие военные курсы (в 1919 г. — 638 человек, в 1920 г. — 1259)⁴⁹. Можно принять, что 50% из окончивших высшие курсы были бывшими офицерами: так из 111 командиров и комиссаров, прибывших в мае 1918 г. в Екатеринбург на ускоренный курс Военной академии Рабочей и Крестьянской Красной Армии, 89 человек (80%) были бывшими офицерами⁵⁰. Таким образом, военные специалисты составляли от 130 914 человек примерно 56%, т. е. 73 311 человек, или округленно 75 тыс. бывших генералов и офицеров⁵¹.

Указанная численность военных специалистов в Красной Армии к концу гражданской войны составляла до 30% от всего офи-

церского корпуса старой армии, численность которого на октябрь 1917 г. мы приняли в 250 тыс. человек. Офицеров старой армии, которые служили в белых и других армиях, мы приняли за 100 тыс. человек, что составляло в среднем до 40% офицерского корпуса старой армии. Что же касается остальных примерно 30% офицерского корпуса старой армии, то эта часть в период от слома старой армии до конца гражданской войны, набегая всеми легальными (в частности, состояние здоровья) и нелегальными способами службы как в Красной, так и в противостоявших ей армиях, «обратилась в первоначальное состояние», т. е. перешла на гражданское положение и рассеялась по всей территории бывшей Российской империи, пропала без вести, дезертировала из Красной и белой армий, эмигрировала, погибла и т. д. Вышеказанные соображения являются сугубо ориентировочными.

В белоэмигрантской литературе и работах зарубежных буржуазных авторов, насколько нам известно, нет сведений, основанных на документальных материалах, о численности военных специалистов в Красной Армии к концу гражданской войны, а опубликованные не выдерживают никакой критики. Так, например, бывший Генштаба полковник А. А. Зайцов считал, что если на 15 августа 1920 г. в Красной Армии было 48 409 военных специалистов, то, следовательно, на стороне Советской власти было всего 25% (если считать численность офицерского корпуса на 25 октября 1917 г. в 200 тыс. человек) или 20% (если ее считать равной 250 тыс. человек) бывших генералов и офицеров; остальные же 80% (или 75%) Зайцов зачислял в белую и другие враждебные Советской власти армии⁵², совершенно не считаясь с тем, что в среднем 30% русского офицетства вообще не служило ни в Красной, ни в белой армиях.

Приняв численность военных специалистов в конце гражданской войны в среднем в 75 тыс. человек, сделаем попытку разобраться в том, сколько среди них было генералов и штаб-офицеров (полковников и подполковников), тем более что в советской исторической литературе численность этой категории командного состава либо не приводится, либо указывается в пределах от 200 до 1 тыс. человек. Так, Л. М. Спириин пишет, что «весной 1919 года в Красной Армии насчитывалось немногим более 200 бывших генералов и около 400 бывших полковников и подполковников. Это означало, что Советской власти служили примерно одна пятая часть всего старого генералитета и одна пятнадцатая часть штаб-офицеров. В связи с этим следует отметить, что утверждение некоторых историков (Л. М. Спириин приводит фамилию С. А. Федюкина.— А. К.) о тысяче генералов, служивших в годы гражданской войны в Красной Армии, является ошибочным»⁵³.

В советской исторической литературе еще нет работы, в которой были бы приведены точные сведения о численности генералов, полковников, подполковников и т. д. к октябрю 1917 г. В 1916 г. были изданы последние в русской армии «Список ге-

нералам по старшинству (исправлен по 10 июля)» и «Список полковникам по старшинству (исправлен по 1 августа)». Но за время до октября 1917 г. эти списки (особенно списки генералов после Февральской революции) претерпели значительные изменения. Поэтому для определения того, сколько же генералов, штаб-офицеров и т. д. было в русской армии к октябрю 1917 г., следовало бы, строго говоря, проследить от июля—августа 1916 г. по так называемым «высочайшим приказам» (до февраля 1917 г. включительно), а затем по приказам Временного правительства о чинах военных (до 24 октября 1917 г. включительно) службу каждого генерала, штаб-офицера и т. д. Но такая задача может быть решена только в специальном исследовании.

Поэтому в данной работе был принят следующий метод: составленная нами на протяжении многих лет картотека генералов и штаб-офицеров русской армии, а также корпуса офицеров Генерального штаба на октябрь 1917 г. была сверена (по послужным спискам фонда 409 в ЦГВИА, учетным карточкам в ЦГАСА и материалам, хранящимся в указанных архивах) с указанными выше списками по старшинству генералам и полковникам, а также с «Общим списком офицерским чинам русской императорской армии (на 1 января 1910 г.)», так как все генералы и штаб-офицеры, как кадровые офицеры, числятся в этом списке. В результате были получены следующие данные: в Красной Армии во время гражданской войны служили 775 бывших генералов и 1726 штаб-офицеров (в том числе 980 полковников и 746 подполковников). Поэтому данные о численности военных специалистов в Красной Армии, приведенные в указанной выше статье Л. М. Спирина (правда, по состоянию на весну 1919 г.), — «немногим более 200» бывших генералов и «около 400» штаб-офицеров — являются заниженными.

Выше отмечалось, что мы не располагаем точными данными о численности офицерского корпуса русской армии, и в частности численности генералов и штаб-офицеров, на октябрь 1917 г., не известна нам также численность этих категорий офицерского состава по боевым расписаниям и т. д. в белогвардейских и других враждебных Советской Республике армиях. Поэтому мы не считаем возможным делать выводы о том, какую часть составляли служившие в Красной Армии в период гражданской войны бывшие генералы и штаб-офицеры по отношению к их общей численности на октябрь 1917 г., а также по отношению к тем генералам и штаб-офицерам, которые служили в белогвардейских и других антисоветских армиях.

В третьем разделе данной главы будет сказано о военных специалистах, в том числе бывших генералах и штаб- и обер-офицерах, которые занимали командные и штабные должности от «завесы» до масштаба фронт — армия — дивизия; здесь же лишь перечислили наиболее известных военных специалистов в Красной Армии (кроме бывших офицеров Генштаба и офицеров пехоты, о чем см. далее).

Кавалеристы: бывшие генералы: А. А. Абалешев, Н. Н. Багровут, Д. П. Багратион, В. А. Доне, С. В. Гладкий, Л. П. Киселев, Н. П. Серебренников, М. П. Транквилевский, В. А. Химец, А. А. Шмидт; бывшие полковники: А. А. Болотов, А. П. Васильев, Д. С. Гольинский, А. А. Губин, Н. А. Киселев, П. В. Осипов, И. А. Полторацкий, В. М. Лермонтов, А. А. Роговский, Г. А. Розенберг, П. И. Руднев, М. Н. Слатин, А. С. Толстов, Ф. М. Франич, Д. И. Яковлев; бывшие подполковники: В. В. Зенин, А. В. Лопацинский, Н. И. Свидацкий, В. В. Фоми, В. П. Шейн и др.

Стрелковые артиллеристы: бывшие генералы: М. В. Баранов, С. Т. Беляев, С. Н. Боярский, В. А. Ватаца, В. Н. Вахарловский, А. Г. Гантимуров, М. Ф. Зайковский, Р. Ф. Зейц, К. В. Ломиковский, Л. С. Лысенко, А. В. Никитин, Г. А. и Л. А. Позосовы, А. М. Сиверс, Е. К. Смысловский, В. П. Старов, К. И. Тихонравов, Н. М. Челюсткин, Ю. М. Шейдеман; бывшие полковники: С. В. Агокас, Н. И. Беттихер, А. Н. Вахарловский, Н. А. Владиславский, В. А. Гоерц, В. Д. Грендаль, В. М. Ионов, Н. Д. Исаков, П. П. Лапко, М. А. Лисовский, В. А. Масловский, И. П. Михайловский, А. В. Рудольф, В. К. и М. К. Смысловские, Н. Г. Тельшевский, М. К. Тихонравов, Г. С. Трегубов, Б. Р. Тризна, Л. А. Чумаковский, П. А. Шлоссман, Н. А. Янович; бывшие подполковники: Е. В. и Н. В. Агокас, М. М. Барсуков, Л. И. Белорусский, И. А. Бржевский, Л. В. Внуков, Д. Д. Муев, В. К. Садлуцкий, А. Н. Саккилари, А. В. Тысский, А. И. Унгерман, М. Н. Флоренский и др.

Военные инженеры: бывшие генералы: В. П. Апышков, М. А. Богдановский, К. И. Величко, Н. Л. Киршичев, В. А. Пыхачев, А. А. Саткевич, И. П. Ставицкий, С. А. Цабель, А. В. Шварц, А. П. Шошин, В. В. Яковлев; бывшие полковники: А. А. Брилевич, Н. П. Залесский, В. А. Защук, И. А. Леонтьев, Н. Н. Лукницкий, А. А. Милуков, Н. Н. Надеждинский, В. Ф. Найденов, А. П. Фирсов, Н. И. Флоринский; бывшие подполковники: Е. В. Александров, В. В. Аренбристр, Е. А. Бернарделли, Д. М. Карбышев (впоследствии генерал-лейтенант инженерных войск, Герой Советского Союза), Е. А. Лихонин, А. Ю. Мальчевский, Н. М. Слюсарев, В. В. Сташевский, С. А. Хмельков, Н. И. Унгерман и др.

Военные летчики: бывшие полковники: Н. А. Ковалевский, А. И. Потомин, А. Г. Соловьев, В. Ю. Юнгмейстер; бывшие подполковники: А. С. Воротников, В. М. Зернов, Г. К. Ливно, Н. С. Монастырев и др.

Военные железнодорожники: бывшие генералы: А. В. Ивашевич, И. И. Федоров; бывшие подполковники: М. М. Арянов, В. Ф. Долинин, А. П. Друнин, И. В. Рихтер, А. А. Скребнев, А. А. Удольский и др.

Бронесилы: бывшие генералы: П. Д. Гладков; бывшие полковники: А. А. Крживицкий, К. В. Львов; бывшие подполковники: А. Е. Громыченко, И. М. Прокофьев, К. П. Тихоцкий, Н. И. Филипповский и др.

Специалисты стрелкового дела: бывшие генералы: В. Г. Федоров, Н. М. Филатов; бывшие полковники: В. А. Ковровцев, Ф. В. Токарев и др.

Пограничники: бывшие генералы: Г. И. Карачун, А. К. Кренке, Г. Г. Макосей-Шибинский, В. В. Панпушко; бывшие полковники: К. А. Жданович, С. Г. Макосей-Шибинский, А. Д. Постников, В. Н. и В. Я. Тетеревиатниковы, С. В. Чис; бывшие подполковники: В. Г. Акро, М. П. Макавеев, Ю. Р. Хотинский, С. Г. Шамшев и др.

Артиллеристы-инженеры: бывшие генералы: Р. И. Башинский, Л. В. Вальтер, С. Н. Ванков, Н. И. Габин, Г. Д. Гродский, В. В. Гун, В. Н. Деханов, Н. Ф. Дроздов, Р. А. Дурляхов, Г. А. Забудский, Д. Е. Козловский, А. Л. Корольков, А. И. Маркевич, В. А. Микеладзе, В. С. Михайлов, В. Н. Никольский, М. Н. Орлов, С. Г. Петрович, А. К. Руктешель, А. В. Сапожников, И. Д. Симановский, А. А. Солонина, В. М. Трофимов; бывшие полковники: П. А. Гельвих, И. П. Граве, А. А. Дзержкович, В. Л. Дымман, П. М. Зигель, М. М. Костевич, В. В. Пестов, В. И. Рдултовский, В. Р. Рушнейт; бывшие подполковники: В. А. Алексеев, Г. А. Апарин, С. А. Беркалов и др.

Административная служба: бывшие генералы: И. С. Балашев, Ф. П. Балканов, Н. И. Калугин, М. А. Кушниров, М. Е. Калинин, Г. В. Ливадия, А. М. Маврин, Ф. Ф. Мухин, А. Д. Носов; бывшие полковники: И. А. Белополюский, А. И. Григорович, Б. Н. Григорович, Ав. Е. Гутор, К. П. Дедов, А. А. Дорофанкин, Р. Р. Карачан, Л. К. Куп, Т. Ф. Никифоров, Н. И. Орловцев, М. В. Панов, М. И. Плюс, А. Ф. Поплавский, А. В. Стрельбицкий, Д. Н. Текутьев, А. Е. Федоров; бывшие подполковники: А. С. Иванов, А. А. Кинареев, Н. А. Мучник, Б. В. Пятницкий, В. А. Ушаков, А. П. Федоров, Н. Н. Чабров и др.

Интендантское ведомство: бывшие генералы: М. В. Акимов, И. Р. Карачан, Т. Д. Костицын, Н. Е. Эльснер, П. В. Якубинский; бывшие полковники: К. Е. Горецкий, Н. П. Джигубский, Н. О. Дейч, А. О. Домбровский, А. П. Евецкий, В. А. Левитский, Г. Л. Лукин, В. К. Микини, Е. Е. Михайлов, Н. Н. Прохоровский, В. В. Фрейганг, М. С. Шевчук, В. П. Якубовский; бывший подполковник: В. А. Фролов и др.

Военно-учебное ведомство: бывшие генералы: А. А. Бабченко, М. И. Бородин, М. П. Бородин, С. Н. Бутыркин, Н. И. Геншта, А. Б. Головинский, М. А. Желенин, В. В. Квадри, Ю. С. Лазаревич, В. П. Муратов, Н. С. Пестриков, Н. Ф. Рафалович, Е. Е. Шашковский; бывшие полковники: Г. Ф. Гирс, А. Н. ДеЛазари, М. Н. Дрейер, В. Р. Каппенберг, А. Т. Кузьмин-Караваев, И. А. Мастыко, В. Н. Новицкий, В. Ф. Рот, Н. А. Стравинский, А. А. Ткаченко, В. М. Четков, С. В. Шепелев; бывший подполковник К. П. Сангайло и др.

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ В КОРПУСЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА РККА

Прежде чем приступить к изложению вопроса о привлечении в Красную Армию самой ценной и подготовленной части офицерского корпуса русской армии — корпуса офицеров Генерального штаба, коротко остановимся на том, что же представляла собой эта составная часть Генерального штаба, тем более что в советской историографии имеется лишь ряд статей автора монографии по истории Генерального штаба русской армии в интересующий нас период²². Некомпетентность же в этом вопросе приводит некоторых авторов подчас к серьезным ошибкам. Так, Н. Д. Салтыков в своей книге «Докладываю в Генеральный штаб» (М., 1983, С. 252) ошибочно утверждает, что термин «офицер Генерального штаба» в 1941 г. звучал «непонятно и странно. В Красной Армии такой службы не было и к ней не готовили».

Генеральный штаб — высший орган управления русской армии — представлял собой совокупность управления: центрального (Главное управление Генерального штаба — далее ГУГШ)²³ и местного, от штабов военных округов до управлений отдельных бригад включительно (Войсковое управление генерального штаба — ВУГШ)²⁴, а также корпуса офицеров Генерального штаба, успешно окончивших полный курс Академии Генерального штаба (с 31 июля 1909 г. она стала именоваться Николаевской военной академией, 8 августа того же года к ее названию было добавлено слово «императорская» (далее: Военная академия)), «причисленных» к Генеральному штабу, а затем «переведенных» в него (объяснение этих терминов см. ниже)²⁵. Фамилии этих офицеров включались в издававшийся ежегодно «Список Генерального штаба» (последний вышел в 1917 г.), который, по существу, являлся списком корпуса офицеров Генштаба на соответствующий год. При этом в «Список» помещались фамилии не только тех офицеров, которые проходили службу на должностях Генерального штаба (в ГУГШ или ВУГШ), но и вообще всех, кто когда-либо прослужил на должностях Генерального штаба не менее трех лет, а затем перешел на другую службу (часто не имевшую ничего общего не только со службой Генерального штаба, но и с военной службой вообще). Однако, согласно особым положениям, за этими лицами было оставлено право по-прежнему состоять в корпусе офицеров Генштаба, носить присвоенный им мундир и быть включенными в указанный выше «Список».

К приему в Военную академию допускались обер-офицеры всех родов войск гвардии и армии²⁶, для чего требовалась выслуга в офицерском чине не менее трех лет (из них не менее двух лет — на строевой должности), положительная аттестация, годность по состоянию здоровья и успешная сдача экзаменов. Общее число обучающихся в Военной академии определялось в 314 человек²⁷. Поэтому к приему допускалось ежегодно лишь число офицеров, недостававшее для установленного контингента

(в среднем 70 человек). Отсюда — достаточно сложные предварительные письменные экзамены при штабах военных округов⁵⁸ и особенно вступительные устные экзамены в Военной академии, в результате которых многие офицеры, даже успешно сдавшие письменные экзамены, не проходили по конкурсу. Обучение в Военной академии включало два класса — младший и старший (по году каждый) и дополнительный курс (9 месяцев), предназначенный для специальной подготовки к службе Генерального штаба⁵⁹. Но на дополнительный курс переводилось только такое число офицеров, окончивших два класса Военной академии по 1-му разряду⁶⁰ (по старшинству среднего балла), которое ежегодно определялось военным министром в зависимости от имевшихся в Генеральном штабе вакансий. Остальные офицеры, окончившие два класса Военной академии как по 1-му, так и по 2-му разрядам, получали серебряный академический нагрудный знак и откомандировывались в свои части⁶¹. Им предоставлялись значительные преимущества по службе (в частности, производство в подполковники после 3-летнего пребывания в чине капитана вместо 8—10 лет).

Офицеры, успешно закончившие дополнительный курс Военной академии, состоявший из самостоятельной разработки трех тем (военно-исторической, по военному искусству и стратегической), и зарекомендовавшие себя благонадежно с политической и нравственной стороны, получали право на «причисление» к Генеральному штабу⁶². Это была особая категория офицеров, учрежденная сверх чинов, занимавших в Генеральном штабе штатные должности, для пополнения ежегодной убыли в Генеральном штабе и усиления его состава в военное время. Но «причислялось» к Генеральному штабу только такое число офицеров, окончивших дополнительный курс Военной академии, сколько имелось вакансий в Генеральном штабе⁶³; остальные офицеры откомандировывались в свои части. В связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что «причисление» к Генеральному штабу, как правило, зависело лишь от успешного окончания Военной академии и не связывалось с происхождением или социальным положением офицера. Поэтому нам представляется бездоказательным утверждение, содержащееся в книге «Главнокомандующий всеми Вооруженными Силами Республики И. И. Вацетис» (Рига, 1978. С. 14), что Вацетис в 1909 г. успешно окончил Военную академию, но не был «причислен» к Генеральному штабу, «куда попадали главным образом представители аристократии». Дело обстоит иначе: Вацетис не был «причислен» к Генеральному штабу не потому, что он действительно не принадлежал к «аристократии», а потому, что окончил Военную академию предпоследним (52-м из 53-х), а в Генеральный штаб были «причислены» только 42 офицера (а затем еще четверо, но также с более высоким, чем у Вацетиса, средним баллом)⁶⁴.

«Причисленные» к Генеральному штабу офицеры распределялись по военным округам (преимущественно пограничным) и

ТАБЛИЦА 10. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ДОЛЖНОСТЯМ ОФИЦЕРОВ ГЕНШТАБА НА 18 ИЮЛЯ 1914 Г. *

Генеральный штаб	Генералы	Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Всего
Главное управление Генерального штаба (ГУГШ)	20 (23)	108 (96)	0 (24)	128 (143)
Войсковое управление Генерального штаба (ВУГШ)	108 (97)	284 (267)	250 (206)	642 (570)
Всего в Генеральном штабе	128 (120)	392 (363)	250 (230)	770 (713)
Другие должности Генерального штаба	30 (48)	52 (87)	0 (8)	82 (143)
Всего на должностях Генерального штаба	158 (168)	444 (450)	250 (238)	852 ** (856)

* Составлено по: Список Генерального штаба. Пг., 1914. С. 755—779. В списке также значатся фамилии 196 обер-офицеров, «причисленных» к Генеральному штабу в 1911—1914 гг. (Там же. С. 625—692). В списках — фактическое количество офицеров Генштаба. См.: Там же. С. 697—714; Общий список членов Главного управления Генерального штаба. СПб., 1914., Кавтарадзе А. Г. Войсковое управление Генерального штаба русской армии // Воен.-ист. журн. 1978. № 6. С. 81.

** В число 852 — количество офицеров Генштаба по штату — не входят должности преподавателей военных наук в военных и специальных училищах (на 18 июля 1914 г. их было 49) (ЦГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2883. Л. 221).

прикомандировывались к соответствующим окружным штабам «для всестороннего испытания соответствия их службе Генерального штаба». Правом на «перевод» в Генеральный штаб по мере открытия вакансий пользовались лишь офицеры, «причисленные» к Генеральному штабу и успешно отбывшие в полном объеме положенный ценз, остальные откомандировывались в свои части⁶⁵. «Переведенный» в Генеральный штаб офицер получал значительные преимущества по службе. Так, в мирное время офицер Генштаба получал полк, как правило, через 15—17 лет службы, на что даже выдающиеся строевые офицеры, но без академического диплома могли рассчитывать только через 25 лет. Для офицеров Генштаба была открыта широкая дорога не только в армии, но и вне военного ведомства.

Накануне первой мировой войны, на 18 июля 1914 г., в корпусе офицеров Генштаба состояло 1135 человек (в том числе 425 генералов, 472 штаб- и 238 обер-офицеров).

Данные табл. 10 свидетельствуют о том, что вопросами непосредственной подготовки России к войне занимались всего 713 офицеров Генштаба, в том числе 120 генералов, в то время как в Германии — 228 офицеров, в том числе 5 генералов, во Франции — 285, в том числе 1 генерал и т. д.⁶⁶ Кроме того, 279 офицеров Генштаба, в том числе (и это особенно важно) 257 генералов, проходили службу на должностях, замещение которых офицерами Генштаба по штату не предусматривалось.

Из сказанного выше можно сделать следующие выводы:

1) характерной особенностью корпуса офицеров Генерального

штаба русской армии была его огромная численность; 2) распределение офицеров Генштаба по должностям показывает, что лишь 28% генералов (т. е. замещавшие должности Генерального штаба в ГУГШ и ВУГШ) занимались вопросами, которые были непосредственно связаны с подготовкой страны к войне; 3) положение, при котором 60% генералов Генштаба русской армии не служили на должностях Генерального штаба, свидетельствует о том, что они, отнюдь не довольствуясь исполнением службы по своему прямому назначению, стремились к монополизации командных функций, результатом чего явился «захват» ими высших командных должностей от командира корпуса и выше; 4) гипертрофия корпуса офицеров Генерального штаба русской армии состояла также в том, что значительное число его генералов занимали в различных центральных и местных управлениях как военного, так и других ведомств высшие административные должности, многие из которых не имели ничего общего не только со службой Генерального штаба, но и вообще с военной службой⁴⁷.

Поэтому неудивительно, что в то время (особенно в гражданской части русского общества) имело место отождествление понятия «Генеральный штаб» (т. е. высший орган, предназначенный для разработки планов подготовки страны к войне) со всем корпусом офицеров Генерального штаба (который часто именовали «Генеральным штабом»), и прежде всего с той его частью, которая занимала высшие военные, административные (а при самодержавии и придворные) должности в стране. В силу того что все состоявшие в корпусе офицеров Генерального штаба были связаны общностью высшего военного образования, службой (в том числе и в далеком прошлом) по Генеральному штабу, формой одежды и занесением в ежегодно составлявшийся «Список Генерального штаба», широкое общественное мнение, не сведущее в тонкостях особенностей службы Генерального штаба, допускало расширительное толкование понятия «Генеральный штаб», приписывая этому органу военного управления такой характер деятельности, которым Генеральный штаб никогда не занимался.

С началом мобилизации в июле 1914 г. занятия в Военной академии прекратились и в ее помещении был развернут госпиталь. Слушатели, перешедшие на дополнительный курс (118 человек) и в старший класс (99 человек), были откомандированы в свои части, где, как правило, стали отличными командирами рот и батальонов. Профессорско-преподавательский и учебно-административный состав, оставшийся после формирования Временного управления Военной академии, отчислялся на должности военного времени⁴⁸.

Однако, как показали дальнейшие события, решение о прекращении занятий в Военной академии было ошибочным: расширение масштабов войны и ее продолжительность потребовали новых формирований, в результате чего уже через год обнаружился

острый недостаток офицеров Генштаба, особенно на младших должностях. Это вызвало необходимость во изменение существовавших правил прохождения службы офицерами Генштаба принять ряд срочных мер по пополнению корпуса офицеров Генерального штаба⁴⁹. Но и эти меры не позволяли восполнить неважных штабных должностей в полевых штабах Действующей армии замещено офицерами Генерального штаба. В связи с этим начальник штаба верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев в письме военному министру генералу Д. С. Шуваеву № 2172 от 18 апреля 1916 г. предложил открыть в Военной академии курсы военного времени для «теоретической подготовки офицеров, предназначенных для ... обер-офицерских должностей Генерального штаба в полевых штабах»⁵⁰. Это предложение было принято, и после обсуждения его основных вопросов в штабах армий и фронтов, а также в Главном управлении Генерального штаба 30 октября 1916 г. Николай II утвердил «Положение об ускоренной подготовке офицеров в императорской Николаевской военной академии в течение настоящей войны». В учебно-административный состав Военной академии были привлечены офицеры Генштаба из Действующей армии, пробывшие на театре военных действий непрерывно с их начала и получившие боевой опыт как на должностях Генерального штаба, так частью и строевых — в должности командира полка. Исполняющим должность начальника Военной академии был назначен Генштаба генерал В. Н. Петерс (Камнев).

1 ноября 1916 г. начались занятия на подготовительных курсах 1-й очереди, куда было командировано с фронта 240 офицеров. 15 января 1917 г. окончившие эти курсы 237 офицеров были направлены в Действующую армию для замещения младших должностей Генерального штаба в полевых штабах, как заместители тех офицеров, которые предназначались для командования в Военную академию на подготовительные курсы 2-й очереди и в старший класс 1-й очереди. К 1 февраля 1917 г. в Военную академию из Действующей армии прибыло 339 офицеров: в старший класс 1-й очереди — 86, на подготовительные курсы 2-й очереди — 253. Цель открытия старшего класса состояла в том, чтобы, во-первых, довершить подготовку находившихся в Действующей армии офицеров, прошедших в мирное время младший класс Военной академии, и, во-вторых, довершить подготовку офицеров, окончивших во время войны подготовительные курсы 2-й, 1-й, а если потребуется, и 3-й очереди. Цель учреждения подготовительных курсов 2-й очереди состояла в том, чтобы «подготовить контингент слушателей для старшего класса академии, если бы последний пришлось открыть во вторую очередь с 1-го сентября 1917 года»⁵¹.

Занятия на подготовительных курсах 2-й очереди продолжались три месяца (с 1 февраля по 25 апреля 1917 г.), 1 мая 1917 г. состоялся выпуск 233 офицеров. Что касается старшего

ТАБЛИЦА 11. ЧИСЛЕННОСТЬ КОРПУСА ОФИЦЕРОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА НА 25 ОКТЯБРЯ 1917 Г. *

Категория офицеров	Согласно «Списку Генерального штаба»	Изменения в период с 9 февраля по 24 октября 1917 г.					Всего на 25 октября 1917 г.
		произведены в следующий чин		«переведены» в Генеральный штаб 14 сентября 1917 г.	исключены из службы		
		в генералы	в штаб-офицеры		убиты, умерли и т. д.	уволнены и отчислены (в том числе за участие в левом движении)	
Генералы	641	118	—	—	16	83	660
Штаб-офицеры	609	—	158	3	8	5	639
Обер-офицеры	278	—	—	78	1	2	195
Всего	1528	118	158	81	25	90	1494

* Составлено по: Список Генерального штаба. Исправлен по 3 января (с приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). Пг., 1917. С. 1—158; приказы: «высочайшим» по военному ведомству с 9 февраля по 3 марта 1917 г. и Временного правительства о военных чинах сухопутного ведомства с 4 марта по 24 октября 1917 г. Не учтены офицеры Генерального штаба, находившиеся в плену.

класса 1-й очереди, то занятия в нем продолжались с 1 февраля по 4 мая 1917 г., и 13 июня состоялся выпуск (с одновременным причислением к Генеральному штабу) 84 офицеров, из которых 81 приказом Временного правительства армии и флоту о чинах военных от 14 сентября 1917 г. был «переведен» в Генеральный штаб⁷².

Правильность указанной в табл. 11 общей численности корпуса офицеров Генерального штаба — 1494 человека — в целом подтверждается приказом по Главному штабу № 38 от 24 ноября 1917 г., согласно которому общее число лиц, «числящихся по Генеральному штабу или состоящих в списке Генерального штаба», составляло 1459⁷³.

Сравним наши итоговые цифры таблицы с данными, приведенными в статье Л. М. Спирина, который пишет, что «к осени 1917 года в старой армии было около 1350 офицеров Генерального штаба, в том числе около 500 генералов, 580 полковников и подполковников, 270 капитанов и приравненных к офицерам Генштаба»⁷⁴. К сожалению, автор не приводит обоснования этих цифр, не объясняет также, что он понимает под категорией «приравненные к офицерам Генштаба» и какова была ее численность. Неубедительной, на наш взгляд, является ссылка Л. М. Спирина на «Список Генерального штаба» (Пг., 1917), так как приведенная в нем численность корпуса офицеров Генерального штаба, как это указано в табл. 11, дана на 8 февраля, а не на осень 1917 г. Нуждается также в корректировке число офицеров, закон-

чивших академические курсы во время мировой войны. «В начале 1918 года, — пишет Л. М. Спирина, — еще около 100 человек закончили курсы академии»⁷⁵. Между тем не «в начале 1918 года», а 23 марта 1918 г. закончили подготовительные курсы 2-й очереди (с «причислением» к Генеральному штабу) 158 человек, из которых 133 человека приказом Всероглавштаба (по «корпусу Генерального штаба») № 18 от 27 июня 1918 г. были «переведены» в Генеральный штаб.

Созданный после Октябрьской революции высший орган военного руководства в лице Наркомвоена в своей деятельности опирался на некоторые органы управления старой армии, и в частности на ГУГШ. 8 мая 1918 г. был создан Всероссийский Главный штаб, в который наряду с ГУГШ вошли Главный штаб, Всероссийская коллегия по организации и управлению РККА, Гл. комиссариат ВУЗ и Управление по ремонту армии.

Подавляющее число офицеров ВУГШ служили в Действующей армии. После Октябрьской революции по мере демократизации и демобилизации старой армии, расформирования соединений и штабов и т. д. эта категория практически разделила судьбу всего офицерского корпуса, о чем говорилось выше.

Остановимся на вопросе: каким образом проходило привлечение бывших офицеров Генштаба в Красную Армию на командные, штабные, административные, профессорско-преподавательские и другие должности. Уже 5 марта 1918 г. военный руководитель Высшего Военного Совета М. Д. Бонч-Бруевич направил телеграмму начальнику Генерального штаба Н. М. Потапову с просьбой прислать список бывших офицеров Генерального штаба, «не занятых службой» в Петрограде и «других пунктах, кроме Петрограда»⁷⁶. А в докладной записке о необходимости регистрации бывших кадровых офицеров от 12 апреля 1918 г. он уделил особое внимание выявлению и учету бывших офицеров Генерального штаба, которые были очень нужны при проведении в жизнь военно-окружной реформы, «для предстоящих новых формирований постоянной армии, а также для службы в частях завесы». Однако в настоящее время, как отмечалось в этом документе, «правильный учет этих офицеров не ведется, без чего нельзя соответственно определить запас лиц со специальной подготовкой». Для устранения этого начальнику Генерального штаба было предложено «незамедлительно установить и дальше вести учет всем офицерам Генерального штаба»⁷⁷.

Однако при решении этого вопроса пришлось столкнуться со многими трудностями объективного характера. Во время мировой войны большинство офицеров Генерального штаба находилось на учете в штабе верховного главнокомандующего, откуда данные об изменении их служебного положения поступали в ГУГШ. Эти изменения отмечались в ежегодно издававшемся «Списке Генерального штаба» и до 15(28) декабря 1917 г. объявлялись в приказах армии и флоту или в приказе по Генеральному штабу (с 1(14) января 1918 г.). В связи с общей демобилизацией армии

после 18 февраля 1918 г. многие штабы и управления до штаба верховного главнокомандующего включительно были в сненном порядке расформированы, а находившиеся в них на должностях Генерального штаба разделились на три основные группы: перешли на службу в Красную Армию (в управления, военно-учебные заведения и т. д.); проживали, оставшись не у дел, в пределах Советской Республики; выехали на Украину, Дон и в Сибирь. Разъехавшись по всей России и получив в большинстве документов об увольнении из армии, эти офицеры не сообщали, как правило, в соответствующие инстанции своих адресов. Кроме того, большинство штабов Западного, Юго-Западного и Румынского фронтов были отрезаны от Центральной России как интервенцией Четверного союза, так и развязанной свергнутыми Октябрьской революцией классами гражданской войной, поэтому сведения из этих штабов поступали в ГУГШ лишь в единичных случаях. В результате в делопроизводстве по службе Генерального штаба, где продолжали вестись списки офицеров Генштаба (как общий по старшинству и по выпускам из Военной академии, так и по различным штабам и управлениям), не представлялось возможным иметь сведения о судьбе всех офицеров Генштаба, находившихся ранее на должностях в Действующей армии, и, следовательно, правильно вести регистрацию и учет генштабистов.

Что же касается привлечения специалистов Генштаба для нужд предстоящих «новых формирований постоянной армии», то основная трудность заключалась в том, что не было разъяснения как в отношении принципов, на которых формировалась новая постоянная армия, так и в отношении условий, при которых будет проходить дальнейшая служба специалистов Генштаба, получающих назначения при новых формированиях. Отсутствие подобных официальных сведений приводило к тому, что бывшие офицеры Генштаба затруднялись «дать свое согласие о взятии их на учет для новых формирований, предпочитая выжидать разъяснения указанных вопросов»⁷⁸.

Предписанием Высшего Военного Совета № 1522 от 14 мая 1918 г. на делопроизводство по службе Генерального штаба Оперативного управления Всероглавштаба была возложена «регистрация во всей стране всех без исключения бывших офицеров Генерального штаба для дальнейшего назначения их на должности, согласно новых штатов» в связи с проведением в жизнь «военно-окружной реформы и новых формирований постоянной армии»⁷⁹.

В разработанных Высшим Военным Советом штатах предусматривались должности, которые должны были замещаться генштабистами. Так, они имелись в центральных военных органах, в частности во Всероглавштабе, куда из ГУГШ вошли четыре управления (Оперативное, Организационное, Военных сообщений и Военно-топографическое), причем только в Организационном управлении была 31 должность, которая должна была замещать-

ся специалистами Генштаба. Должности Генштаба предусматривались также в штатах военно-окружных штабов⁸⁰, в Оперативном отделе Наркомвоена⁸¹, а также в полевых управлениях: Полевом штабе Реввоенсовета Республики⁸², в штабах полевого управления фронта (25 должностей) и армий, входящих в состав фронта (9—10 должностей)⁸³, в штабах стрелковых и кавалерийских дивизий (по 4 должности в дивизии)⁸⁴. Циркулярной телеграммой Наркомвоена № 877 от 23 июля 1918 г. был установлен «наименьший оклад младшей должности Генштаба в штабах и учреждениях военного ведомства в 700 рублей в месяц»⁸⁵. В последующем ставки должны были повышаться сообразно нормам, объявленным в декрете Совнаркома от 27 июня 1918 г.

Постановлением Высшего Военного Совета № 8/8 от 11 июня 1918 г. было предложено «в течение определенного, по возможности короткого, срока всем служившим в Генеральном штабе лицам, не имеющим в настоящее время должностей, зарегистрироваться в Оперативном отделе (в делопроизводстве по службе Генерального штаба) Всероглавштаба»; им следовало предлагать вакансии по мере их открытия, тех, кто отказался от двух предложений, равно как и всех незарегистрировавшихся, отчислять «от службы в Генеральном штабе»⁸⁶.

Во исполнение этого постановления начальник Всероглавштаба в циркулярной телеграмме предложил всем лицам, служившим в Генеральном штабе «до 1-го августа нового стиля сего года», зарегистрироваться по месту жительства в штабах военных округов, управлений, инспекций формирования и в штабах дивизий и отрядов или же непосредственно в делопроизводстве по службе Генерального штаба; делопроизводству по службе следовало подготовить списки всех таких лиц, «состоящих на должностях, и перечень имеющихся вакантных должностей Генерального штаба»⁸⁷. Объявление об этом по ходатайству начальника Генерального штаба Н. М. Потапова было опубликовано «во всех газетах, выходящих на территории Российской Республики»⁸⁸. В Оперативном управлении Всероглавштаба была составлена справка, согласно которой на 15 июля 1918 г. всего было зарегистрировано 245 бывших офицеров Генерального штаба (не считая служащих в центральных управлениях и Военной академии)⁸⁹; из них в новых формированиях уже получили назначение 224 человека, а остальным были сделаны предложения занять соответствующие должности. В то же время было заявлено о необходимости замещения 158 вакантных должностей Генерального штаба (в штабах районов и отрядов «завесы» — 20, в штабах военных округов — 13 и т. д.), т. е. вакантных должностей Генерального штаба было в 7 раз больше, чем кандидатов для их замещения, и с ростом новых формирований число незаемещенных должностей неизменно увеличивалось.

Таким образом, несмотря на принимаемые меры по привлечению в Красную Армию специалистов Генштаба, их некомплект во всех штабах и управлениях на 23 июля 1918 г. достигал 50—90% (табл. 12).

ТАБЛИЦА 12. НЕКОМПЛЕКТ ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ — БЫВШИХ
ОФИЦЕРОВ ГЕНШТАБА В ШТАБАХ И УПРАВЛЕНИЯХ
КРАСНОЙ АРМИИ НА 23 ИЮЛЯ 1918 Г. *

Место службы	Должности, которые должны были замещаться специалистами Генштаба	Должности, которые могли быть замещены специалистами Генштаба	Замещено	Некомплект
В штабах военных округов	42	98	80	60
В дивизиях и отрядах «завесы»	422	—	279	143
В штабах районов «завесы»	26	—	20	6
В штабах Восточного фронта	6-10	—	2	4-8
В оперативном отделе Наркомвоена	12	—	10	2
В Высшем Военном Совете	11	—	11	—
В Высшей аттестационной комиссии	2	—	2	—
Во Всероссийском Главном штабе	112	—	55	57
В Военной академии	65	—	30	35
В Управлении Военного Воздушного Флота	3	—	—	3
Всего	701-705	98	489	310-314

* Составлено по: ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1124. Л. 70.

Недостаток лиц Генштаба объяснялся тем, что в связи с условиями общей демобилизации старой армии и интервенции Четвертого союза значительное число бывших офицеров Генштаба и управлений Западного, Юго-Западного и Румынского фронтов оказались на территории Украины, занятой противником, и могли выехать оттуда только одиночным порядком, скрываясь от германских властей, не дававших разрешения на выезд. Так, группа бывших офицеров Генштаба, оставшаяся в Киеве, в начале марта 1918 г. прислала начальнику Генерального штаба заявление, что «все они одиночным порядком прибудут в Россию и вступят в ряды Красной Армии, но просят оказать им материальную помощь на выезд из Киева, где они бедствуют, не имея никаких средств». Начальником Всероглавштаба было высказано мнение, что «является настоятельно необходимым обеспечить возможность переезда в Россию лицам Генерального штаба, оставшимся в областях, занятых противником», и увеличить срок регистрации бывших офицеров Генерального штаба «до 1,5 месяцев со дня опубликования в газетах постановления Высшего Военного Совета от 11 июня 1918 г.». Для оказания материальной помощи на переезд в Россию с территории, занятой противником, запрашивалось разрешение на отпуск лицам Генштаба «аванса в 40-50 000 руб.»⁹⁰.

С мая по сентябрь 1918 г. в делопроизводство по службе Генерального штаба были присланы 17 списков (с общим числом до 400 человек)⁹¹ с указанием фамилий генштабистов, «сообщавших... о своем желании получить назначение на соответствующие должности при предстоящих новых формированиях постоянной армии»⁹²; в списки были включены также лица, которые окончили Военную академию, но не состояли в корпусе офицеров Генерального штаба. В основном в списках значились генштабисты, которые впоследствии служили в Красной Армии, но были и такие, которые во время гражданской войны занимали высокие должности в белогвардейских армиях: Генштаба генералы В. Г. Болдырев (список № 7), С. Н. Розанов (список № 8), И. П. Сытин (список № 13), Генштаба подполковник В. О. Канцель (список № 4) и др.⁹³.

Аттестование всех бывших офицеров Генштаба вначале проходило на общих основаниях в аттестационной комиссии, но 10 июля 1918 г. ее председатель, бывший подполковник А. И. Егоров, уведомил Оперативное управление Всероглавштаба, что комиссия просит представлять на ее рассмотрение лишь кандидатуры лиц Генштаба, намечаемые на должности от командира полка и выше и им соответствующие должности в военных учреждениях, заведениях и т. д. с последующим представлением этих материалов на утверждение Народного комиссариата по военным делам⁹⁴.

21 августа 1918 г. было издано два приказа Наркомвоена: № 721 с объявлением «Правил о назначении на должности Генерального штаба»⁹⁵ и № 722 с проектом «Правил о зачислении в распоряжение начальника Всероссийского Главного штаба специалистов Генерального штаба для назначения на должность Генерального штаба в формируемой армии»⁹⁶. В первом приказе говорилось, что в целях равномерного распределения лиц Генштаба по всем штабам и управлениям все военные руководители, начальники штабов и управлений незамедлительно обязаны приступить к постепенному переводу лиц Генштаба с должностей не Генерального штаба и тех, которые могут замещаться этими лицами, на должности, подлежащие согласно штатам обязательному замещению лицами Генштаба. Назначения, перемещения и увольнения лиц Генштаба должны были происходить «только с согласия и ведома» начальника Всероглавштаба.

«Правила о зачислении» предусматривали учреждение резерва в 50 человек «для обеспечения штабов и управлений формируемой армии необходимым контингентом специалистов Генерального штаба». Во время нахождения в резерве специалисты Генштаба могли привлекаться для выполнения различных поручений и назначений, требующих их знаний и опыта. Так, они участвовали в работах русско-германской пограничной комиссии в Пскове, в мирных переговорах с Финляндией в Берлине; получали назначения на должности во вновь формируемый штаб главнокомандующего Чехословацким фронтом, в штабы руко-

дителей полевых рекогносцировок в районе Москвы, районов и отрядов, различные межведомственные комиссии и т. д.⁹⁷ Создание резерва специалистов Генштаба имело важное значение, так как институт лиц, состоявших в распоряжении начальника Генерального штаба, был намечен к упразднению 1 июня 1918 г. и все они подлежали с того же числа увольнению от службы.

Особо следует остановиться на «причислении» к Генеральному штабу и «переводе» в него командиров Красной Армии. Впервые после Октябрьской революции в Генеральный штаб 27 июня 1918 г. были «переведены», как отмечалось выше, 133 бывших офицера. Приказом Реввоенсовета Республики № 1944 от 19 ноября 1919 г.⁹⁸ слушатели бывшей Николаевской военной академии, занимавшие «в полевых войсковых штабах Действующей (Красной.— А. К.) армии ответственные должности Генерального штаба», которые по свидетельству соответствующих штабов фронтов или отдельных армий были признаны «вполне соответствующими для службы в Генеральном штабе, отличились в боях, а равно имеют особые служебные заслуги», могли быть допущены «к причислению к Генеральному штабу». Всего к Генеральному штабу 1919—1920 гг. были «причислены» 23 командира Красной Армии⁹⁹, в том числе 19 военных специалистов. Так, в представлении Реввоенсовета 13-й армии № 93 от 8 декабря 1919 г. на «причисление» к Генеральному штабу командующего армией бывшего штабе-ротмистра А. И. Геккера было сказано, что в течение всей гражданской войны он занимал «ответственные командные посты» на театре военных действий, «блестяще командуя» 13-й дивизией, а затем 13-й армией¹⁰⁰. Из указанных 23 командиров 10 человек были «переведены» в Генеральный штаб (табл. 13). Так, в представлении Реввоенсовета Республики (№ 10361/К от 31 декабря 1920 г.) на «перевод» в Генеральный штаб командующего Южным фронтом М. В. Фрунзе-Михайлова говорилось, что он, «последовательно исполняя должности командующего войсками Четвертой армии, Южной группы Восточного фронта, Восточного, Туркестанского и Южного фронтов, блестяще выказал на деле свои крупные природные военные способности»¹⁰¹. В представлении Реввоенсовета Республики (№ 10363/К от 31 декабря 1920 г.) на «перевод» в Генеральный штаб бывшего подполковника А. И. Егорова указывалось, что он вступил на должность командующего Южным фронтом в трудное время, когда «наши войска под ударами Деникина отходили к северу и оставили город Орел», под его руководством войска фронта «перешли в решительное наступление, которое привело Красную Армию к берегам Черного и Азовского морей», он «смело задуманным и умело исполненным маневром нанес жестокое поражение» буржуазно-помещичьей Польше (что дало «Советской России весьма основательные стратегические результаты»), а затем Петлюре, «принудив последнего оставить Галицию»¹⁰².

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ — БЫВШИЕ ГЕНЕРАЛЫ

(слева направо)

Первый ряд:

М. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ

А. Л. Е. ГУТОР

А. А. БРУСИЛОВ

Второй ряд:

А. П. ВОСТРОСАБЛИН

Н. А. ДАНИЛОВ

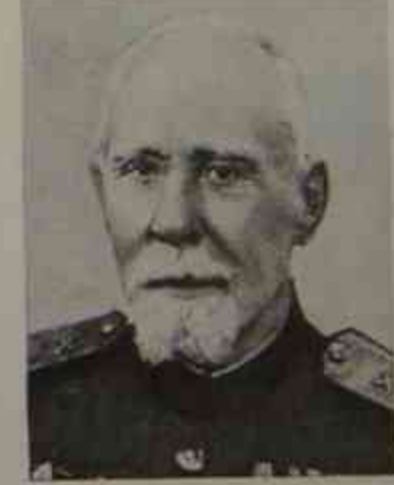
В. Н. ЕГОРЬЕВ

Третий ряд:

К. И. ВЕЛИЧКО

Н. Ф. ДРОЗДОВ

А. М. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ — БЫВШИЕ ГЕНЕРАЛЫ
(слева направо)

Первый ряд:
Е. А. ИСКРИЦКИЙ
Ф. В. КОСТЯЕВ
С. Г. ЛУКИРСКИЙ

Второй ряд:
С. Т. БЕЛЯЕВ
М. М. ЗАГЮ
Н. И. ГЕНИШТА

Третий ряд:
А. И. ВЕРХОВСКИЙ
А. А. БАЛТИЙСКИЙ
В. Л. БАРАНОВСКИЙ

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ — БЫВШИЕ ГЕНЕРАЛЫ
(слева направо)

Первый ряд:
Н. П. МИХНЕВИЧ
Н. П. ЛЕБЕДЕВ
Д. Н. НАДЕЖНЫЙ

Второй ряд:
А. А. НЕЗНАМОВ
А. К. КЛИМОВИЧ
А. А. МАВРИН

Третий ряд:
А. П. НИКОЛАЕВ
В. П. МУРАТОВ
Д. Е. КОЗЛОВСКИЙ

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ — БЫВШИЕ ГЕНЕРАЛЫ

(слева направо)

Первый ряд:

Д. П. ПАРСКИЙ
Н. М. ПОТАПОВ
Н. И. РАТТЭЛЬ

Второй ряд:

С. И. ОДИНЦОВ
В. А. ОЛЬДЕРОГГЕ
Ф. Е. ОГОРОДНИКОВ

Третий ряд:

Ф. Ф. НОВИЦКИЙ
А. Л. ПЕВНЕВ
В. Ф. НОВИЦКИЙ

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ — БЫВШИЕ ГЕНЕРАЛЫ

(слева направо)

Первый ряд:

А. В. СТАНКЕВИЧ
А. А. СВЕЧИН
А. Е. ЧЕСАРЕВ

Второй ряд:

С. Н. САВЧЕНКО
Н. Г. СЕМЕНОВ
И. П. СЫТИН

Третий ряд:

С. Г. ПЕТРОВИЧ
А. А. САМОЙЛО
А. К. РУКТШЕЛЬ

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ — БЫВШИЕ ГЕНЕРАЛЫ
(слева направо)

Первый ряд:

С. М. ШЕЙДЕМАН
Л. В. ЧИЖЕВСКИЙ
ВСЕВОЛОД
В. ЧЕРНАВИН

Второй ряд:

Д. С. ШУВАЕВ
Н. А. ХАМИН
Н. М. ФИЛАТОВ

Третий ряд:

В. М. ТРОФИМОВ
В. П. ШИРОКОВ
Ю. М. ШЕЙДЕМАН

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ — БЫВШИЕ ШТАБ-ОФИЦЕРЫ
(слева направо)

Первый ряд:

И. И. ВАЦЕТИС
М. И. ВАСИЛЕНКО
Б. М. ШАПОШНИКОВ

Второй ряд:

Ф. М. АФАНАСЬЕВ
К. И. БЕСЯДОВСКИЙ
А. К. АНДЕРС

Третий ряд:

В. Е. ГАРФ
И. А. ГЕЛЬВИХ
А. С. БЕЛОЙ

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ — БЫВШИЕ ШТАБ-ОФИЦЕРЫ
(слева направо)

Первый ряд:
В. М. ГИТТИС
Д. М. КАРБЫШЕВ
А. И. ЕГОРОВ

Второй ряд:
А. И. ГОТОВЦЕВ
И. В. ВЫСОЦКИЙ
И. М. ЗАХАРОВ

Третий ряд:
А. Н. ГУТОР
И. П. ГРАВЕ
В. Д. ГРЕНДАЛЬ

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ — БЫВШИЕ ШТАБ-ОФИЦЕРЫ
(слева направо)

Первый ряд:
С. С. КАМЕНЕВ
В. С. ЛАЗАРЕВИЧ
Н. Е. КАКУРИН

Второй ряд:
Л. Л. КЛЮЕВ
А. К. КОЛЕНКОВСКИЙ
Н. Г. КОРСУН

Третий ряд:
В. А. МИКЕЛАДЗЕ
М. А. РЕЙТЕР
М. В. МОЛКОЧАНОВ

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ — БЫВШИЕ ШТАБ-ОФИЦЕРЫ
(слева направо)

Первый ряд:

Е. Н. СЕРГЕЕВ
А. Н. ДЕ-ЛАЗАРИ
М. С. СВЕЧНИКОВ

Второй ряд:

И. И. РАТТЭЛЬ
Е. М. ГОЛУБИЦЕВ
К. П. НЕВЕЖИН

Третий ряд:

К. Ю. БЕРЕНДС
Б. И. РЫШКОВСКИЙ
Н. В. СОЛЛОГУБ

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ — БЫВШИЕ ШТАБ-ОФИЦЕРЫ
(слева направо)

Первый ряд:

В. И. ШОРИН
И. Ф. ШАРСКОВ
С. Д. ХАРЛАМОВ

Второй ряд:

Ф. П. ШАФАЛОВИЧ
Н. Н. ШВАРЦ
П. Б. ВАЛЬДЕН

Третий ряд:

Н. А. СУЛЕЙМАН
И. И. ЩОЛОКОВ
В. Г. СУХОВ

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ — БЫВШИЕ ОБЕР-ОФИЦЕРЫ (КАДРОВЫЕ)
(слева направо)

Первый ряд:
Н. В. КУЙБЫШЕВ
А. И. ГЕККЕР
С. А. МЕЖЕНИНОВ

Второй ряд:
А. В. ГЕРБЕРТ
Б. К. КОЛЧИГИН
Э. О. ВОЛЬФЕНГАТЕН

Третий ряд:
Н. Н. АРГАМАКОВ
А. В. КИРШЧНИКОВ
Е. В. АГОКАС

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ — БЫВШИЕ ОБЕР-ОФИЦЕРЫ (КАДРОВЫЕ)
(слева направо)

Первый ряд:
А. И. КОРК
Н. Д. КАШИРИН
М. К. ЛЕВАНДОВСКИЙ

Второй ряд:
В. В. ПОПОВ
Н. А. ВЕРЕВКИН-РА-
ХАЛЬСКИЙ
С. А. ПУГАЧЕВ

Третий ряд:
А. Д. ЛЮТОВ
Л. Н. ЛЕВИ
Г. К. КАВТАРАДЗЕ

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ — БЫВШИЕ ОБЕР-ОФИЦЕРЫ (КАДРОВЫЕ)
(слева направо)

Первый ряд:
Е. А. ШИЛОВСКИЙ
Я. К. ИВАСНОВ
М. Н. ТУХАЧЕВСКИЙ

Второй ряд:
Е. С. ШЕЙДЕМАН
Д. П. ТАТИЕВ
А. С. ШЕЙДЕМАН

Третий ряд:
А. К. СЕГЕРКРАНЦ
Н. М. ЦАМУТАЛИ
Я. А. ЮДИН.

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ — БЫВШИЕ ОБЕР-ОФИЦЕРЫ (ВОЕННОГО
ВРЕМЕНИ)

(слева направо)

Первый ряд:
А. И. АНТОНОВ
А. А. БЛАГОНРАВОВ
А. М. ВАСИЛЕВСКИЙ

Второй ряд:
П. П. ВОРОБЬЕВ
М. Н. ГЕРАСИМОВ
В. Г. ДЬЯКОНОВ

Третий ряд:
Д. А. КУЧИНСКИЙ
П. Е. КНЯГНИЦКИЙ
М. Ф. ЛУКИН

ТАБЛИЦА 13. КОМАНДИРЫ КРАСНОЙ АРМИИ, «ПЕРЕВЕДЕННЫЕ» В ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ ЗА ОСОБЫЕ ЗАСЛУГИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ *

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Бывший чин в старой армии	Бывший кадровый офицер или офицер военного времени	№ и год приказа Реввоенсовета Республики о переводе в Генеральный штаб
Алафузо Михаил Иванович	1891	Штабе-капитан	Кадровый	№ 230, 1921
Алексеев Платон Николаевич	1882	Полковник	»	№ 226, 1921
Армадеров Георгий Александрович	1888	Капитан	»	№ 231, 1921
Бобрищев Ардалион Александрович	1879	Полковник	»	№ 357, 1920
Егоров Александр Ильич	1883	Подполковник	»	№ 2383, 1920
Захаров Иван Николаевич	1889	Капитан	»	№ 357, 1920
Троицкий Иван Александрович	1870	Штабе-капитан	Призван из запаса	№ 272, 1921
Тухачевский Михаил Николаевич	1893	Подпоручик	Кадровый	№ 868, 1920
Уборевич-Губсевич Иероним Петрович	1896	Поручик	Военного времени	№ 1539, 1922
Фрунзе-Михайлов Михаил Васильевич	1885	Вольноопределяющийся	—	№ 2882, 1920

* Составлено по: Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в РККА. Составлен по данным к 1 марта 1923 г. Б. м., 1923.

Широкое привлечение в Красную Армию бывших офицеров Генштаба вызвало необходимость как-то отличать их от других военных специалистов — негенштабистов или имевших высшее военное, но специальное образование. В русской армии офицеры Генштаба перед чином добавляли слова «Генерального штаба» (например, «начальник штаба дивизии Генерального штаба полковник И. И. Петров»). После упразднения декретом Совнаркома от 16(29) декабря 1917 г. чинов в Красной Армии продолжал существовать в несколько преобразованном виде «корпус Генерального штаба», а относящихся к нему бывших офицеров Генштаба стали именовать «лицами Генерального штаба» (или «специалистами Генштаба»). Они получили право после своей должности добавлять слово «Генерального штаба» (или «Генштаба»), например, «начальник штаба дивизии Генерального штаба (Генштаба) И. И. Петров». Но в отличие от старой русской армии в Красной Армии к «лицам Генерального штаба» были отнесены не только бывшие офицеры Генштаба, но и все бывшие офицеры,

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ — БЫВШИЕ ОБЕР-ОФИЦЕРЫ (ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ)
(слева направо)

Первый ряд:
Д. А. МЫШЕЦКИЙ
И. Е. ПЕТРОВ
П. М. ПРОХОРОВ

Второй ряд:
А. К. СИВКОВ
А. И. ТОДОРСКИЙ
Ф. И. ТОЛБУХИН

Третий ряд:
В. К. ТРИАНДАФИЛЛОВ
И. П. УБОРЕВИЧ-ГУБОВИЧ
К. П. УШАКОВ

когда-либо окончившие два или три курса Военной академии. Остановившись коротко на особенностях привлечения в Красную Армию бывших офицеров Генштаба, рассмотрим вопрос об их численности в Красной Армии, а также соотношении с офицерами Генштаба в белогвардейских, буржуазно-националистических и других антисоветских армиях.

Впервые этот вопрос был поднят упоминавшимся выше А. А. Зайцовым¹⁰², который писал, что «широкое распространение получило мнение о массовом переходе на сторону большевиков офицеров нашего Генерального штаба. Мнение это, однако, мало отвечает фактическому положению дела. Несомненно, что часть нашего Генерального штаба приняла участие в строительстве Красной Армии и этим оказала большевикам большую услугу. Однако от этого до массового перехода на сторону красных еще далеко. Цифры говорят другое»¹⁰³. Для доказательств подобной точки зрения автор в качестве исходной цифры берет численность корпуса офицеров Генерального штаба на 1913 г.¹⁰⁴ При этом он допускает первую неточность, называя официальным списком¹⁰⁵, что приводит его к ошибке в численности офицеров Генштаба накануне первой мировой войны — 1396 человек вместо 1135. Бездоказательно считая, что число офицеров, переведенных в Генеральный штаб за время войны, соответствовало числу погибших на фронте и во время революции «от руки большевиков», автор берет эту цифру — 1396 человек — за исходную ко времени начала, как он пишет, «формирования Красной Армии». После этого, исключая из «Списка Генерального штаба», изданного Организационным управлением Всероглавштаба на 7 августа 1920 г., специалистов Генштаба Красной Армии, окончивших ускоренный курс Военной академии во время войны и переведенных в Генеральный штаб в 1917—1918 гг., Зайцов делает вывод, что «из числа 1396 офицеров нашего Генерального штаба в Красной Армии состояло лишь 283 офицера, или 20,3% общего состава нашего Генерального штаба... Итак, легенда о переходе главной массы офицеров Генерального штаба в Красную Армию не отвечает действительности»¹⁰⁷.

В своих расчетах автор допускает по меньшей мере четыре серьезные ошибки: во-первых, он не проанализировал изменения, которые произошли в корпусе офицеров Генерального штаба за 1917 г., и ошибочно считает его численность к концу этого года в 1396 человек, в то время как она на 25 октября 1917 г. составляла 1494 человека; во-вторых, как и при определении общего числа военных специалистов в Красной Армии, автор не учитывает значительный процент бывших офицеров Генштаба, которые эмигрировали и не участвовали в гражданской войне, «растворились» в среде гражданского населения, пропали без вести и т. д.; в-третьих, он неправомерно исключает из «Списка» молодых специалистов Генштаба, многие из которых, кстати сказать, оказались в белых и других армиях, и, наконец, в-четвер-

тых, не учитывает значительное число специалистов Генштаба, служивших в Красной Армии с 1918 г., но в силу разных причин не внесенных в «Списки Генерального штаба», которые были изданы Всероглавштабом в 1919—1920 гг.

Первым откликнулся на выступление Зайцова бывший профессор Военной академии генерал А. К. Банов, который опубликовал в 1932 г. статью под названием «Генеральный штаб во время гражданской войны»¹⁰⁸. В отличие от Зайцова Банов за исходные данные взял «Список Генерального штаба» на февраль 1917 г., численность же специалистов Генштаба в Красной Армии — из «Списка Генерального штаба», изданного Организационным управлением Всероглавштаба на 15 июля 1919 г., в котором содержится 418 фамилий. Исключив из этого числа 98 человек, т. е. не состоявших в корпусе офицеров Генерального штаба, а также окончивших ускоренный курс и «переведенных» в Генеральный штаб в 1917 и 1918 гг., как «неслуживших в Генеральном штабе императорской армии», Банов приходит к выводу, что в Красной Армии «вольно или невольно» осталось «всего 319 человек (21%)» от общей численности Генерального штаба, которую он принимает ко времени организации Красной Армии «несколько менее 1517, а именно, вероятно, около 1500». Хотя данные, которых придерживается Банов, по сравнению с данными Зайцова более правильные, но и он, по существу, повторил те же ошибки (но в несколько ином варианте), что и Зайцов.

В советской историографии вопрос о численности военных специалистов-генштабистов в Красной Армии впервые был поднят Л. М. Спириным¹⁰⁹, который привел архивные данные по этому вопросу к лету 1918 г., на 30 июня и к осени 1918 г. — 98, 232 и 526 человек соответственно, а также данные, взятые из «Списков Генерального штаба», изданных Организационным управлением Всероглавштаба, о численности специалистов Генштаба к 15 июля 1919 г. (417 человек)¹¹⁰ и на 7 августа 1920 г. (407 человек).

Сделаем попытку предложить свою точку зрения по этому вопросу. Для этого, взяв за основу последний изданный в Красной Армии «Список Генерального штаба», составленный по сведениям, имевшимся в Организационном управлении Всероссийского Главного штаба к 7 августа 1920 г., в котором помещено 407 фамилий, определим численность «лиц Генштаба» в корпусе Генерального штаба РККА к концу гражданской войны по следующей схеме:

1. Исключим из этого «Списка» 21 человека, которые не состояли в бывшем корпусе офицеров Генерального штаба¹¹¹.
2. Добавим 129 человек, которые не были включены в «Список» на 7 августа 1920 г., но значились в «Списке» на 15 июля 1919 г. (70 человек) и в «Дополнительном списке Генерального штаба», составленном по сведениям бывшего Народного комиссариата по военным делам Украинской Советской Социалистической Республики к 1 сентября 1919 г. (59 человек). В «Дополнитель-

ном списке» всего помещено 70 «лиц Генштаба» (11 из них включены в «Список» на 7 августа 1920 г.), которые приказом Наркомвоенна Украины № 174 от 26 марта 1919 г. были призваны на военную службу «для укомплектования штабов и военных учреждений лицами со специальной высшей военной подготовкой»¹¹², из этих 70 человек продолжали службу в Красной Армии 14¹¹³, ушли в деникинскую и другие армии — 9, пропали без вести — 47¹¹⁴.

3. Добавим военных специалистов — «лиц Генштаба» (124 человека), которые в период с ноября 1917 по декабрь 1920 г. сотрудничали с Советской властью (в частности, М. Д. Бонч-Бруевич, С. И. Одинцов, И. Г. Пехливанов, Н. М. Потапов, М. С. Свечников и др.) и служили в Красной Армии, но по различным причинам не были включены ни в один из трех вышеуказанных «Списков».

Итак, в корпусе Генерального штаба РККА в 1918—1920 гг. всего служили 639 «лиц Генштаба», в том числе 252 генерала, 239 штаб-офицеров, 148 обер-офицеров.

Для того чтобы подсчитать, какой процент составляет 639 от общей численности генштабистов, следует сначала определить, из чего она слагалась. Как отмечалось выше, на 25 октября в корпусе офицеров Генерального штаба состояло 1494 человека: 133 бывших кадровых офицера, окончивших старший класс 2-й очереди ускоренных курсов Военной академии были переведены в Генеральный штаб приказом Всероглавштаба. Наконец, 305 человек окончили ускоренные курсы Военной академии в Сибири (с 9 сентября 1918 г. она называлась Всероссийской академией Генерального штаба). Из этого числа 217 были переведены в Генеральный штаб в ноябре 1918 г.¹¹⁵, а 88 — в мае 1919 г.¹¹⁶

Таким образом, к концу гражданской войны генштабистов всего было 1932, из них 33% (639 человек) служили в Красной Армии, т. е. значительно более, чем считали А. А. Зайцов и А. К. Банов.

Однако при подсчете численности генштабистов в Красной Армии следует иметь в виду, что не все указанные выше 639 человек честно служили Советской власти: некоторые из них перешли на сторону белых, участвовали в контрреволюционных организациях и т. д.

Но 475 военных специалистов-генштабистов, как подсчитано автором на основе архивных материалов ЦГВИА и ЦГАСА (по службным спискам, учетных карточек и т. д.), честно служили Советской власти на различных командных, штабных, административных и преподавательских должностях, в том числе и на высших командных должностях в звене фронт—армия—дивизия в Действующей Красной Армии (см. прил. 4).

К сожалению, мы не располагаем боевыми расписаниями белогвардейских и других антисоветских армий. Однако изучение судеб бывших офицеров Генштаба, в том числе и молодых генштабистов, окончивших ускоренные курсы Военной академии и

переведенных в Генеральный штаб в 1918—1919 гг., все же позволяет высказать по этому вопросу некоторые соображения. Так, по нашему мнению, в белых и других армиях служили 750 генштабистов, из них свыше 700, примерно поровну, в деникинской и колчаковской армиях, причем в первой из них служили преимущественно генштабисты, состоявшие в корпусе офицеров Генерального штаба, а в колчаковской — семь восьмых составляли офицеры ускоренных выпусков из Военной академии, «переведенные» в Генеральный штаб в 1918—1919 гг. Эмигрировали (причем среди них могли быть и участники белого движения) 225 человек, наконец, судьбу 275 генштабистов установить не удалось.

Таким образом, в период гражданской войны в Красной Армии был корпус Генерального штаба РККА, а входившие в него «лица Генштаба» представляли наиболее ценную часть военных специалистов, привлечению которых Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли особое внимание. Учреждение же «корпуса Генерального штаба РККА» позволило Высшему Военному Совету в несколько преобразованном виде (с учетом новых условий в армии) воссоздать и «службу Генерального штаба»: начиная с «завес», которые послужили основой для создания фронтов, затем в сформированных армиях и дивизиях, а также в центральных управлениях, учреждениях и военно-учебных заведениях и т. д. согласно штатам были предусмотрены должности, которые должны были замещаться только «лицами Генштаба». Поэтому позволим себе не согласиться с мнением военного специалиста, бывшего офицера Генерального штаба, впоследствии Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова, что после Октябрьской революции Генеральный штаб русской армии «сошел в могилу»¹¹⁷. Правда, в силу ряда обстоятельств, рассмотрение которых выходит за рамки монографии, 5 августа 1921 г. Академия Генерального штаба РККА была переименована в Военную академию РККА (в 1925 г. ей было присвоено имя М. В. Фрунзе)¹¹⁸, а затем приказом Реввоенсовета Республики № 1904 от 10 августа 1922 г. упразднено все, что было связано с понятием «Генеральный штаб». Так, был отменен приказ Реввоенсовета Республики № 1944 1919 г. о порядке «причисления» командиров РККА к Генеральному штабу; в положениях и штатах упразднено наименование «лица Генштаба» для окончивших бывшую Николаевскую военную академию (Академию Генерального штаба) и Военную академию РККА и заменено наименованием «лица с высшим общим военным образованием»; вместо «Списков Генерального штаба», издававшихся Организационным управлением Всероглавштаба в 1919—1920 гг., Отделом по командному составу Штаба РККА в 1923 г. был опубликован «Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (по данным на 1 марта 1923 г.)»; из штата Оперативного управления Штаба РККА было исключено отделение по службе Генерального штаба, которое

ведало учетом, прохождением службы и т. д. «лиц Генштаба»; приказом Реввоенсовета Республики № 2256 от 26 сентября 1922 г. была отменена особая форма одежды для «лиц Генштаба», учрежденная приказом Реввоенсовета Республики № 322 от 31 января 1922 г., и им присваивалась форма той части, в которой они проходили службу.

Однако через 13 лет, 22 сентября 1935 г., Штаб РККА был переименован в Генеральный штаб РККА, начальником которого был назначен бывший военный специалист, Маршал Советского Союза А. И. Егоров¹¹⁹, а 11 апреля 1936 г. на базе оперативного факультета Военной академии имени М. В. Фрунзе была воссоздана Академия Генерального штаба РККА, во главе которой был поставлен бывший военный специалист комдив Д. А. Кучинский¹²⁰. Таким образом, Генеральный штаб РККА, как высший орган военного управления, и Академия Генерального штаба РККА — военно-учебное заведение, предназначенное для подготовки кадров для Красной Армии высшей квалификации, в том числе и для службы в Генеральном штабе, снова заняли почетное место в Вооруженных Силах СССР.

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ НА ВЫСШИХ КОМАНДНЫХ И ШТАБНЫХ ДОЛЖНОСТЯХ В ДЕЙСТВУЮЩЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ

Как отмечалось выше, в Красной Армии к концу гражданской войны служили около 75 тыс. военных специалистов (бывших генералов, кадровых офицеров и офицеров военного времени). Об их службе в Действующей армии будет сказано ниже. Здесь же лишь отметим, что в центральных органах военного управления — Высшем Военном Совете, Всероссийском Главном штабе, Высшей военной инспекции, Центральном управлении снабжений и т. д. подавляющее большинство административных должностей — младших, средних и особенно высших — занимали военные специалисты. Бывшие генералы и офицеры занимали должности военных руководителей, а также подавляющее большинство других старших должностей и в местных органах военного управления (в семи окружных, 39 губернских, 395 уездных и 569 волостных комиссариатах по военным делам)¹²¹. Военные специалисты составляли свыше 90% преподавательского и строевого состава военных академий, высших школ, ускоренных и краткосрочных командных курсов и т. д. Но круг деятельности военных специалистов не ограничивался только административной и преподавательской деятельностью. Они служили также в Народном комиссариате по военным делам и состоявшем при нем Оперативном отделе (Опероде), Полевом штабе Реввоенсовета Республики и т. д. Так, в числе «ответственных лиц» Наркомвоена находились бывший Генштаба генерал Н. М. Потапов (управляющий делами), бывший генерал П. Д. Бурский (исполняющий должность начальника отдела бюро печати), бывший Генштаба

капитан В. И. Самуйлов (управляющий канцелярией) и т. д.¹²² В Оперод Наркомвоена, который возглавлял бывший штабс-капитан С. И. Аралов (член РКП(б) с 1918 г.), входили 11 военных специалистов-консультантов, окончивших ускоренный курс Военной академии и переведенных в Генеральный штаб приказом Всероглавштаба № 18 от 27 июня 1918 г.: бывшие капитаны Ю. И. Григорьев, Н. Н. Доможиров, Н. А. Киселев, Б. И. Кузнецов, Б. П. Лащин, Б. Н. Скворцов, В. Ю. Стульба, Б. Ф. Черниговский-Сокол, И. Д. Чинтулов, бывший ротмистр Г. О. Маттис и бывший есаул В. И. Максимов¹²³.

В Высшем Военном Совете, созданном 3 марта 1918 г., все должности от начальника отделения и выше занимали бывшие генералы и кадровые офицеры, преимущественно генштабисты. 6 сентября 1918 г. был учрежден Реввоенсовет Республики, к которому перешли функции Высшего Военного совета и все права коллегии Наркомвоена. Основным рабочим органом Реввоенсовета стал Полевой штаб, в ведение которого были переданы все вопросы, связанные с ведением вооруженной борьбы на фронтах гражданской войны. Полевой штаб возглавляли бывшие Генштаба генералы Н. И. Ратэль, Ф. В. Костяев, М. Д. Бонч-Бруевич и П. П. Лебедев, все основные должности в нем также занимали бывшие офицеры Генерального штаба. Так, помощником начальника Полевого штаба был Генштаба генерал Г. Н. Хвоцинский; начальниками управлений — Генштаба генералы В. И. Михайлов (Оперативного), М. М. Загю (Военных сообщений), Генштаба полковник В. В. Далер (Организационного); начальниками отделов — Генштаба генералы В. А. Афанасьев, С. М. Волков, Н. Г. Мыслицкий, С. Н. Савченко, К. М. Ушаков, Генштаба полковник Б. М. Шапошников, Генштаба подполковник В. Е. Волков и др.; помощниками начальников отделов — Генштаба генерал В. К. Петерсон, Генштаба полковник К. И. Бесядовский; начальниками отделений — Генштаба генералы А. А. Незнамов, С. К. Сегеркранц, Генштаба полковники М. Н. Земцов, К. В. Иванов, Н. Е. Щепетов, Генштаба капитан Ф. Л. Григорьев; инспектором снабжения при начальнике Полевого штаба был Генштаба генерал Н. А. Сулейман, начальником связи Полевого штаба — Генштаба подполковник А. П. Медведев.

Перейдем к рассмотрению вопроса, связанного со службой военных специалистов на высших командных и штабных должностях в Действующей Красной Армии.

Первым мероприятием Высшего Военного Совета после заключения Брестского мира было создание так называемой «завесы» (заслона) «из отдельных отрядов, удерживающих указанные каждому из них районы и действующих во взаимной связи» на наиболее вероятных направлениях наступления неприятеля¹²⁴. Поскольку история организации войск «завесы» до сих пор почти не исследована, коротко остановимся на этом вопросе. В связи со сломом старой армии штабы фронтов старой армии упразднялись, на них возлагалась задача «закончить демобилизацию

остатков армий и имущества»; как прообраз будущих фронтовых объединений в составе «завесы» предусматривалось, в частности, образование Северного, Северо-Западного, Западного и Южного участков отрядов «завесы» и двух оборонительных районов — Петроградского (объединенного в апреле 1918 г. с Северным участком) и Московского. В участки «завесы», во главе каждого из которых стоял военный совет в составе военного руководителя и двух комиссаров, входили все красноармейские, красногвардейские, партизанские и повстанческие отряды; в отрядах на участках «завесы» создавались штабы, состоявшие из оперативного и общего отделов.

Однако смысл создания «завесы» не исчерпывался только тем, что она служила прикрытием границ Советской Республики: «завеса» являлась в то время едва ли не единственной формой военной организации, приемлемой для многих генералов и офицеров, избегавших участия в гражданской (как они говорили, «братоубийственной» войне), но тем не менее добровольно вступивших в «завесу», служба в которой являлась для них как бы продолжением борьбы против кайзеровской Германии. Постепенно, свыкнувшись с условиями службы в «завесе» и ее подразделениях, которые вначале военным специалистам представлялись совершенно неприемлемыми, большинство из них впоследствии осталось на службе, когда отряды «завесы» были развернуты в дивизии, а сама «завеса» — во фронты для участия в гражданской войне. Таким образом, «завеса», как писал В. Д. Бонч-Бруевич, «явилась способом привлечения старого офицерства в новую, постепенно формируемую армию. Офицеры и генералы эти и явились теми кадрами, без которых нельзя было сформировать боееспособную армию, даже при том новом и основном факторе, который обусловил победоносный путь Красной Армии, — ее классовом самосознании и идейной направленности»¹²⁵.

Формирование участков «завесы» и входивших в них отрядов производилось на основании временных штатов, которые утверждались Высшим Военным Советом. На должности военных руководителей участков «завесы» и их начальников штабов, военных руководителей отрядов, их начальников штабов и т. д. назначались бывшие генералы и полковники, преимущественно офицеры Генерального штаба, для которых предусматривались специальные должности. Так, в штате Северного участка и Петроградского района, утвержденном 11 марта 1918 г., были 24 должности Генерального штаба (фактически же в этом штабе на 18 июня 1918 г. состояли 20 сверхштатных военных специалистов — бывших офицеров Генерального штаба¹²⁶, кроме того, на 6 августа в этом штабе зарегистрировались, но еще не состояли на службе еще 49 специалистов Генштаба). В штабах отрядов, входивших в участки «завесы», также предусматривались по штату должности Генштаба. Так, в Московском районе обороны на 27 апреля 1918 г. состояли 46 специалистов Генштаба¹²⁷, а в отрядах —

ТАБЛИЦА 14. ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ НА ДОЛЖНОСТЯХ ВОЕННЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ И НАЧАЛЬНИКОВ ШТАБОВ УЧАСТКОВ «ЗАВЕСЫ» И РАЙОНОВ ОБОРОНЫ *

Участок «завесы» (район обороны)	Военный руководитель, чин в старой армии	Начальник штаба, чин в старой армии
Северный участок и Петроградский район	Инженер-генерал Шварц Алексей Владимирович, затем Генштаба генерал Парский Дмитрий Павлович	Генштаба генерал Геруа Борис Владимирович, затем Генштаба полковник Александров Леонид Капитонович
Южный участок	Генерал Чернавин Всеволод Владимирович	—
Северо-Западный, затем — Западный участок	Генштаба генерал Егорьев Владимир Николаевич	Генштаба генерал Свечин Александр Андреевич, затем Генштаба генерал Новиков Александр Васильевич
Московский район	Генштаба генерал Банов Константин Константинович	Генштаба генерал Семенов Николай Григорьевич

* Составлено по: ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 366, 368—371.

от пяти (Ржевский и Калужский) до восьми (Вяземский и Рязанский) (табл. 14).

Военные специалисты были также поставлены на должности военных руководителей и начальников штабов отрядов «завесы» Московского района (табл. 15).

Начиная с июля 1918 г. отряды участков «завесы» были переформированы в дивизии, что можно проследить на примере Невельского отряда. На основании приказов по Западному участку «завесы» № 101 и 102 от 15 июля 1918 г.¹²⁸ был издан приказ военного совета Невельского отряда № 43 от 15 июля 1918 г., в котором говорилось, что штаб военного руководителя отряда и все его отделы, отделения и приданные к нему части «переименовываються в управление Витебской дивизии и соответствующие отделы и части снабжения» по штатам, объявленным в приказе Наркомвоена № 294 от 20 апреля 1918 г., начальником дивизии был назначен военный руководитель Невельского отряда Генштаба С. С. Каменев, от которого «через его ближайших помощников и сотрудников» должны были исходить «все указания и распоряжения по переформированию штаба руководства в управление дивизий и его отделы»; военный совет Невельского отряда, говорилось в приказе, «с 16-го сего июля переименован в военный совет Витебской дивизии»¹²⁹. Аналогичным образом в дивизии были переформированы отряды на других участках «завесы».

ТАБЛИЦА 15. ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ НА ДОЛЖНОСТЯХ ВОЕННЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ И НАЧАЛЬНИКОВ ШТАБОВ ОТРЯДОВ, ВХОДИВШИХ В МОСКОВСКИЙ РАЙОН ОБОРОНЫ *

Отряд	Военный руководитель, чин в старой армии	Начальник штаба, чин в старой армии
Тверской	—	Генштаба полковник Поляков Петр Иванович
Ржевский	—	Генштаба генерал Серебренников Иван Константинович
Вяземский	Генштаба генерал Махров Николай Семенович	Генштаба полковник Гегстрем Евгений Элисович
Калужский	Генштаба генерал Новицкий Федор Федорович	Генштаба капитан Сергеев Владимир Васильевич
Тульский	Генштаба генерал Суворов Андрей Николаевич	Генштаба полковник Хвоцинский Георгий Николаевич
Рязанский	Генштаба генерал Шейдеман Сергей Михайлович	Генштаба полковник Смирнов Владимир Михайлович

* Составлено по: ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 368, 368—371.

Так, в Московском районе обороны Тверской отряд был преобразован в 3-ю Московскую дивизию, Ржевский — во 2-ю Тверскую, Вяземский — во 2-ю Московскую, Калужский — в Калужскую, Тульский — в 1-ю Тульскую и Рязанский — в 1-ю Рязанскую дивизии¹³⁰.

Согласно штату, объявленному в приказе Наркомвоена № 294 от 20 апреля 1918 г., в штабе дивизии предусматривались четыре должности Генштаба: начальника штаба дивизии, двух его помощников (по оперативной и разведывательной части) и командира батальона связи (начальника связи); две должности (начальника дивизии и начальника снабжения) могли замещаться лицами Генштаба; наконец, в каждом из штабов трех пехотных бригад должен был быть специалист Генштаба — заведующий оперативной частью.

Степень укомплектованности дивизий Московского района генштабистами показывает табл. 16.

В сформированных дивизиях других отрядов «завесы» должности начальников дивизий, начальников штабов, их помощников по оперативной и разведывательной части, начальников связи и заведующих оперативной частью штабов бригад, как правило, также занимали специалисты Генштаба (табл. 17).

Из приведенных данных видно, что практически все командные и штабные должности в участках «завесы» и входивших в участки отрядах, переформированных впоследствии в дивизии,

ТАБЛИЦА 16. ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ В ШТАБАХ ДИВИЗИЙ МОСКОВСКОГО РАЙОНА (ИЮЛЬ 1918 Г.) *

Дивизия	Должность Генштаба	Фамилия, имя, отчество, чин в старой армии
3-я Московская	Начальник дивизии	Вакантная
	Начальник штаба	Генштаба полковник Поляков Петр Иванович
	Помощник по оперативной части	Генштаба полковник Гершельман Владимир Константинович
	* по разведывательной части	Вакантная
	Начальник связи	Генштаба капитан Ораевский Иван Федорович
	Зав. оперативной частью 1-й бригады	Генштаба штабс-ротмистр Климовецкий Александр Карлович
	* 2-й бригады	Генштаба капитан Кривченко Петр Александрович
	* 3-й бригады	Генштаба штабс-капитан Стрыхарь Павел Маркович
		Генштаба генерал Корольков Георгий Карлович
		Генштаба полковник Алексеев Константин Васильевич
2-я Тверская	Начальник дивизии	Генштаба штабс-ротмистр Олейников Павел Иванович
	Начальник штаба	Генштаба штабс-капитан Варфоломеев Николай Ефимович
	Помощник по оперативной части	Генштаба штабс-капитан Хрулев Владимир Васильевич
	* по разведывательной части	Вакантные
	Начальник связи	Генштаба генерал Махров Николай Семенович
	Зав. оперативной частью 1, 2, 3-й бригад	Генштаба генерал Гегстрем Евгений Элисович
	Начальник дивизии	Генштаба штабс-капитан Кашнин Николай Иванович
	Начальник штаба	Вакантная
	Помощник по оперативной части	Генштаба подполковник Дубов Леонид Иосифович
	* по разведывательной части	Вакантная
Начальник связи	Вакантные	
2-я Московская	Зав. оперативной частью 1, 2, 3-й бригад	Вакантные

ТАБЛИЦА 16 (окончание)

Дивизия	Должность Генштаба	Фамилия, имя, отчество, чин в старой армии
Калужская	Начальник дивизии	Вакантная
	Начальник штаба	Генштаба капитан Сергеев Владимир Васильевич
	Помощник по оперативной части	Генштаба подполковник Молочанов Михаил Васильевич
	» по разведывательной части	Генштаба штабс-капитан Полозов Иван Наумович
	Начальник связи	Генштаба капитан Перемытов Алексей Макарович
	Зав. оперативной частью 1, 2, 3-й бригад	Вакантные
1-я Тульская	Начальник дивизии	Генштаба генерал Суворов Андрей Николаевич
	Начальник штаба	Генштаба подполковник Волков Вячеслав Евгеньевич
	Помощник по оперативной части	Генштаба ротмистр Никольский Николай Александрович
	» по разведывательной части	Штабс-капитан Эберман Александр Павлович
	Начальник связи	Вакантная
	Зав. оперативной частью 1, 2, 3-й бригад	Вакантная
1-я Рязанская	Начальник дивизии	Вакантная
	Начальник штаба	Генштаба полковник Андерс Александр Карлович
	Помощник по оперативной части	Генштаба подполковник Людсканов-Цыков Константин Александрович
	» по разведывательной части	Генштаба подполковник Забегалов Николай Яковлевич
	Начальник связи	Генштаба капитан Панкратьев Алексей Прохорович
	Зав. оперативной частью 1-й бригады	Генштаба штабс-капитан Кирпичников Алексей Владимирович
	» 2-й бригады	Генштаба есаул Сидорович Степан Клавдиевич
» 3-й бригады	Генштаба капитан Слицкоухов Павел Павлович	

ТАБЛИЦА 17. ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ НА ДОЛЖНОСТЯХ НАЧАЛЬНИКОВ ДИВИЗИИ И В ШТАБАХ ДИВИЗИИ, ВХОДИВШИХ В СЕВЕРНЫЙ УЧАСТОК И ПЕТРОГРАДСКИЙ РАЙОН *

Дивизия	Должность Генштаба	Фамилия, имя, отчество, чин в старой армии
2-я Петроградская	Начальник дивизии	Генштаба генерал Костяев Федор Васильевич
	Начальник штаба	Генштаба полковник Сияльский Владимир Павлович
	Помощники начальника штаба	Генштаба капитаны Мазышев Александр Кольмич, Трофимов Вадим Владимирович
3-я Петроградская	Начальник дивизии	Вакантная
	Начальник штаба	Генштаба генерал Плющевский-Плющик Григорий Александрович
	Помощники начальника штаба	Генштаба генерал Цыгальский Михаил Викторович, Генштаба капитан Люттов Александр Дмитриевич
4-я Петроградская	Начальник дивизии	Генштаба полковник Малютин Борис Владимирович
	Начальник штаба	Генштаба капитан Поликарпов Михаил Алексеевич
	Помощники начальника штаба	Генштаба капитан Побываев Владимир Ильич, Генштаба капитан Гуртовенко Харитон Владевич
Старорусская (затем 2-я Новгородская)	Начальник дивизии	Генштаба генерал Подгурский Федор Александрович
	Начальник штаба	Генштаба штабс-капитан Захаров Павел Александрович
	Помощники начальника штаба	Генштаба подполковник Юршевский Яков Яковлевич, Генштаба капитан Тарасов Владимир Иванович
Псковская	Начальник дивизии	Генштаба генерал Ольдерогге Владимир Александрович

* Составлено по: ИРАСА, Ф. 11, Оп. 5, Д. 422, Л. 413, 414, 432, 434, 438

Дивизия	Должность Генштаба	Фамилия, имя, отчество, чин в старой армии
1-я Новгородская	Начальник штаба	Генштаба подполковник Меднокритский Василий Евгеньевич
	Помощники начальника штаба	Генштаба капитаны Лус Эдуард Карлсвич, Макулович Александр Иванович
	Начальник дивизии Начальник штаба	Вакантная Генштаба подполковник Преображенский Владимир Иванович
	Помощники начальника штаба	Генштаба капитаны Сысоев Евгений Владимирович, Кадников Николай Иванович

* Составлено по: ЦГАСА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 44. Л. 402—404, 413, 414, 434, 436, 437.

замещались военными специалистами, преимущественно бывшими офицерами Генштаба.

Отряды «завесы», прикрыв западные границы страны, сыграли большую роль в обороне Советской Республики. Из отрядов «завесы» были сформированы первые регулярные соединения Красной Армии. В это время был приобретен опыт использования военных специалистов на высших командных и штабных должностях, а их служба в «завесе» явилась как бы переходным этапом к службе в Действующей Красной Армии с совершенно иными задачами. Наконец, структура командования «завесой» и входившими в ее состав отрядами в лице военного руководителя, единолично ответственного за военное руководство, и политических комиссаров, на которых возлагалась ответственность за выполнение войсками приказов военного руководителя и его политическую лояльность, была положена в основу управления Действующей Красной Армией в звене фронт—армия—дивизия, а также органов центрального и местного военного управления.

Как известно, в июне 1918 г. был создан Восточный фронт против Чехословацкого корпуса и эсеров-белогвардейских формирований, а приказом Реввоенсовета Республики от 11 сентября 1918 г. вместо «завесы» были образованы фронты, командующими которых были назначены военные руководители, бывшие Генштаба генералы соответствующих участков «завесы» (Д. П. Парский — Северного фронта, В. Н. Егорьев — Восточного, П. П. Сытин — Южного); вместо Западного участка отрядов «завесы» был создан Западный район обороны (начальник района — А. Е. Снегсарев)¹²¹.

По состоянию на 7 октября 1918 г. Южный фронт (командующий — бывший Генштаба генерал П. П. Сытин, член военного совета — бывший штабс-капитан П. Е. Лазимир, начальник штаба — бывший Генштаба полковник И. И. Защук) состоял из шести участков: Брянского (военный руководитель — бывший Генштаба генерал А. А. Яковлев), Курского (военный руководитель — бывший Генштаба полковник В. П. Глаголев), Воронежского (военный руководитель — бывший генерал В. В. Чернявин), Поворинского (военный руководитель — бывший полковник Н. А. Кануков), Балашево-Камышинского (военный руководитель — бывший генерал Н. А. Левицкий)¹²².

Таким образом, «завеса», призванная «прислать фронтовым революционным отрядам сколько-нибудь регулярную организацию»¹²³, сосредоточила значительное число военных специалистов и стала, по свидетельству одного из видных организаторов состава, через который подавляющее большинство военных специалистов перешло затем на внутренние фронты Красной Армии¹²⁴. Поэтому правомерно считать, что именно учрежденной Высшим Военным Советом в марте 1918 г. системой оперативных объединений, получивших название «завесы», и были заложены начала того высокого «удельного веса» военных специалистов в Действующей Красной Армии, особенно на высших командных и штабных должностях, который, по существу, сохранился до конца гражданской войны.

Для того чтобы обосновать эту точку зрения, проведем анализ командных и штабных должностей в звене фронт—армия—дивизия, взяв за основу опубликованный в «Директивах командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.)» (М., 1978. Т. 4. С. 529—595) список ее руководящего состава.

На основных фронтах гражданской войны в 1918—1920 гг., начиная с Восточного против белочехов и внутренней контрреволюции (июнь 1918 г.) до Южного, созданного в сентябре 1920 г. против генерала Врангеля, на должности командующего фронтом состояли 20 человек (причем М. В. Фрунзе-Михайлов на эту должность назначался трижды, В. М. Гитлис, А. И. Егоров, Д. Н. Надежный, М. Н. Тухачевский и В. И. Шорин — дважды).

Из указанных 20 человек 17, т. е. 85%, были военными специалистами — кадровыми офицерами (табл. 18).

Должности начальников штабов фронтов замещали только военные специалисты — бывшие кадровые офицеры: 22 генштабиста (А. К. Андерс, Ф. М. Афанасьев, А. А. Балтийский, В. Е. Гарф, В. П. Глаголев, А. И. Давыдов, Н. Н. Доможиров, И. И. Защук, А. К. Коленковский, Ф. В. Костяев, В. С. Лазаревич, П. П. Лебедев, В. В. Любимов, П. М. Майгур, И. Х. Паука, А. М. Перемытов, Н. В. Пневский, Н. Н. Петин, С. А. Пугачев, Н. В. Солдогуб, В. Ф. Тарасов, Н. Н. Шварц) и три бывших полковника (Е. И. Бабин, П. В. Благовещенский и Е. А. Николич); все

ТАБЛИЦА 18. ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ НА ДОЛЖНОСТИ КОМАНДУЮЩЕГО ФРОНТОМ (1918—1920 гг.) *

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии	Партийность на 1 января 1921 г.
Афанасьев Федор Михайлович	Генштаба подполковник	—
Вацетис Иоаким Иоакимович	Подполковник	—
Гитис Владимир Михайлович	*	—
Егоров Александр Павлович	Подполковник	Член РКП(б) с 1918 г.
Егорьев Владимир Николаевич	Генштаба генерал	—
Каменев Сергей Сергеевич	Генштаба полковник	—
Лебедев Павел Павлович	Генштаба генерал	—
Муравьев Михаил Артемьевич	Подполковник	Земр
Надежный Дмитрий Николаевич	Генштаба генерал	—
Ольдерогге Владимир Александрович	Генштаба полковник	—
Парский Дмитрий Павлович	Генштаба генерал	—
Самойло Александр Александрович	*	—
Свечников Михаил Степанович	Генштаба полковник	Член РКП(б) с 1917 г.
Славен Петр Антонович	Полковник	—
Сытин Павел Павлович	Генштаба генерал	—
Тухачевский Михаил Николаевич	Подпоручик	Член РКП(б) с 1918 г.
Шорин Василий Иванович	Полковник	—

* Составлено по: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.): Сб. документов. М., 1978. Т. 4. С. 529—533.

начальники штабов фронтов были беспартийными, никто из них не изменил Советской власти.

Из 100 командующих армиями военными специалистами были 82 человека (см. прил. № 5)¹²⁵, из них бывших кадровых офицеров было 62. Членами РКП(б) были 17 человек. Изменили Советской власти 5 человек, из них три бывших кадровых офицера-генштабиста (Б. П. Богословский, Н. Д. Всеволодов, Ф. Е. Махин) и два бывших офицера военного времени (И. Л. Сорокин, А. И. Харченко).

Начальников штабов армий было 93, из них бывших кадровых офицеров — 77 (83%), в том числе 49 бывших офицеров Генштаба, бывших офицеров военного времени — 8; у восьми человек прежнюю службу установить не удалось. Среди начальников штабов армий членов РКП(б) не было; изменили Советской власти семь человек, в том числе 5 бывших офицеров Генштаба (В. А. Желтышев, В. Я. Люндквист, В. Е. Медокритский,

А. С. Нечволодов, А. Л. Симонов) и два кадровых офицера штабов армий можно назвать таких крупных военных специалистов, как Л. К. Александров, М. А. Баторский, В. И. Буймистров, А. М. Зайончковский, Ф. Ф. Новицкий, Г. А. Плющевский-Плющик, В. И. Стойки и др.

Рассмотрим также численность военных специалистов на должности начальников дивизий и начальников штабов дивизий того звена, которое в период гражданской войны решало оперативно-тактические задачи непосредственно на поле боя.

На должности начальников 142 стрелковых и 33 кавалерийских дивизий¹²⁶ в 1918—1920 гг. всего состояло 485 человек, из них у 118 службу до октября 1917 г. установить не удалось. Из остальных 367 человек военных специалистов было 327 (почти 90%), в том числе 209 кадровых офицеров (выше 55%), из них 35 бывших офицеров Генерального штаба. Не военных специалистов (бывших унтер-офицеров, солдат, матросов и вообще не служивших в армии) на должности начальников дивизий было 40 человек (около 10%).

Среди начальников дивизий — военных специалистов можно назвать таких, как бывшие Генштаба генералы Е. А. Пскрицкий, В. А. Ольдерогге, Д. П. Парский, Ф. А. Подгурский, А. К. Ремезов, П. П. Сытин, С. М. Шейдеман; генералы Е. Н. Мартынов, М. М. Радкевич, А. В. Соболев, А. В. Станкевич; Генштаба полковники Н. Е. Какурин, С. С. Каменев; полковники М. Н. Васильев, И. И. Вацетис, Е. М. Голубинцев, В. Ф. Грушецкий, М. С. Матияевич, А. Г. Скоробогач, И. Ф. Шарсков; Генштаба подполковники М. И. Василенко, А. Г. Кеппен, В. В. Любимов, И. Х. Паука, Е. Н. Сергеев; подполковники Г. К. Восканов, В. Н. Каховский, Н. Г. Крапивянский, В. И. Попович, В. И. Солдухин, С. С. Шевелев; войсковой старшина Ф. К. Мирный; Генштаба капитан Н. В. Лисовский; капитаны С. Б. Волынский, Б. К. Колчигин, М. К. Левандовский; есаул Н. Д. Каширин; штабс-капитан Г. Н. Батурин; бывшие офицеры военного времени Г. Д. Гай, Е. И. Ковтюх, А. Д. Козицкий, Б. В. Майстрах, Г. И. Овчинников, Ю. В. Саблин, А. И. Седакин, П. А. Солдухин, А. И. Тодорский, Н. И. Худяков, Р. П. Эйдеман и др. Изменили Советской власти бывшие офицеры военного времени Н. А. Григорьев, А. Г. Сапожков и др. (менее 1% от общей численности начальников дивизий).

На должности начальника штаба дивизии состояло 524 человека, в том числе 78 человек, которые замещали также должность начальника дивизии и уже учтены выше. У 140 человек службу до октября 1917 г. установить не удалось; 133 человека, занимавших должность начальника штаба дивизии менее одного месяца, нами так же не учтены. Оставшиеся 173 человека все были военными специалистами, из них 87 человек — кадровыми офицерами, в том числе 5 генералов, 45 штаб- и 37 обер-офицеров; 24 человека были генштабистами. Среди начальников штабов

дивизий можно назвать фамилии бывших Генштаба генералов Е. Э. Герстрема, З. И. Зайченко, Г. А. Плющевского-Плющика, Генштаба полковников В. К. Гершельмана, И. И. Защука, М. Е. Леонтьева, В. В. Окермана, Н. Н. Родкевича; известных кавалеристов-полковников А. А. Губина и К. К. Жолнеркевича; бывшего офицера военного времени Ф. И. Толбухина (впоследствии Маршала Советского Союза) и др.

Исследование вопросов, связанных с общей численностью военных специалистов в Красной Армии в 1918—1920 гг. и замещавших ими должностей в Действующей Армии, позволяет сделать вывод о том, что к концу гражданской войны общая численность военных специалистов составляла в среднем 75 тыс. В Красной Армии служили все категории командного состава старой армии: от бывших верховного главнокомандующего в первую мировую войну генерала А. А. Брусилова и военных министров царского и Временного правительства генералов А. А. Поливанова, Д. С. Шуваева и А. И. Верховского до прапорщиков П. Л. Романенко и И. П. Шевчука, произведенных в офицеры из солдат за храбрость. Начиная с системы оперативных объединений «завесы», где практически все высшие должности занимали бывшие генералы и кадровые офицеры (преимущественно офицеры Генерального штаба), в учрежденных фронтах, сформированных армиях и дивизиях военные специалисты занимали подавляющее большинство высших командных и штабных должностей (они составляли 85% командующих фронтами, 82% командующих армиями, до 70% начальников дивизий; все начальники штабов фронтов и почти все начальники штабов армий были военными специалистами, в штабах дивизий они составляли более 50%). Должность главнокомандующего всеми Вооруженными Силами Республики занимали бывший полковник И. И. Вацетис и Генштаба полковник С. С. Каменев. Таким образом, не только в центральных и местных органах военного управления, в военно-учебных заведениях и т. д., но и в Действующей армии военные специалисты замещали подавляющее большинство высших командных и штабных должностей. Поэтому вполне правомерно говорить, что бывшие генералы и офицеры принимали активное участие не только в военном строительстве Советского государства, и в частности в подготовке для него военных кадров из рабочих и трудящихся крестьян, но и в защите Советской России на фронтах гражданской войны против сил внутренней и внешней контрреволюции. Этот вывод опровергает точку зрения авторов, утверждающих, что подавляющее большинство военных специалистов — бывших кадровых офицеров служили на административных должностях в тылу, а «армиями... командовали, как правило, прапорщики и штабс-капитаны военного времени» и что этой же категорией бывших офицеров «очень часто» возглавлялись штабы «от низших до высших»¹³⁷.

В задачу монографии не входило исследование вопроса об удельном весе военных специалистов на должностях старшего и

среднего командного состава в звене командир полка — командир батальона. Но совершенно очевидно, что и на этих должностях, особенно командира полка, преобладали военные специалисты. Так, в 3-й армии Восточного фронта в конце 1918 г. из 61 лица командного состава, начиная от командира дивизии до командиров батальонов включительно, 47 человек (до 80%) были военными специалистами. Большинство должностей командиров полков и значительную часть должностей командиров батальонов также занимали военные специалисты — офицеры военного времени¹³⁸.

Среди замещавших высшие должности в Действующей Красной Армии (звена фронт—армия—дивизия) военных специалистов — офицеров военного времени был сравнительно небольшой процент членов РКП(б), что же касается кадровых офицеров, то среди них членов партии большевиков насчитывались буквально единицы. Реввоенсовет Республики отмечал в 1919 г., что, «чем выше была командная категория, тем меньше число коммунистов мы могли для нее найти»¹³⁹.

Причины невступления бывших кадровых офицеров в партию были различными, но, пожалуй, наиболее общий случай такого положения можно объяснить словами бывшего Генштаба генерала Н. М. Потапова. Я не решился, писал в 1925 г. Потапов, принять предложение Н. И. Подвойского, К. А. Мехоношина и Э. М. Склянского вступить в партию, «опасаясь, что меня, как бывшего царского офицера, будут считать „примазавшимся“ к партии. Я предпочел работать честно, оставаясь беспартийным»¹⁴⁰. Более того, будучи в своей основной массе беспартийными, военные специалисты подчеркивали, что их «основной принцип — никакого вмешательства в политику и служение только исключительно военному делу»¹⁴¹.

В этих условиях, а также учитывая недоверие красноармейских масс к бывшим генералам и офицерам, нельзя было их назначать на командные должности в качестве единоначальников. Поэтому был введен институт военных комиссаров, который ограничивал права и функции командира и вводил коллегиальную форму управления войсками в виде реввоенсоветов во фронтах и армиях, комиссаров при начальниках дивизий, командирах полка и т. д. О количестве комиссаров говорит пример 3-й армии Восточного фронта, в которой на 22 января 1919 г. было 303 комиссара и 47 помощников комиссаров¹⁴². Первоначальная функция военного комиссара, по словам М. В. Фрунзе, сводилась к роли «ока Советского государства»¹⁴³. Однако сложные условия гражданской войны требовали от командного состава не только оперативного (или, как тогда говорили, «технического») руководства войсками, но и большой политической и организаторской деятельности, которую привлеченные на службу в Красную Армию военные специалисты выполнить не могли. Это быстро привело к превращению «нашего комиссарского состава из контролеров в администраторов и организаторов Красной Армии. Работа ... в этом направлении была проделана огромная»¹⁴⁴. VIII съезд

партии дал высокую оценку деятельности военных комиссаров, которые «рука об руку с лучшими элементами командного состава в короткий срок создали боеспособную армию»¹⁴². Поэтому не случайно совещание военных руководителей и инструкторов формирования Северного участка «завесы» и Петроградского района обороны 11 мая 1918 г. «единогласно пришло к решению», что «создание армии на научных основах, подобно принятым во всех армиях мира», с участием «наиболее полезных делу боевых сотрудников» (военных специалистов) «возможно лишь при сохранении института политических комиссаров при старших начальниках до начальника дивизии включительно...»¹⁴³. А бывший Генштаба полковник С. С. Каменев, впоследствии главнокомандующий всеми Вооруженными Силами Республики, отмечал, что только «удачное сочетание коммуниста и генштабиста (офицера Генерального штаба) дает все 100% командования»¹⁴⁴.

Введение института военных комиссаров явилось важнейшим мероприятием Коммунистической партии и Советского правительства по созданию и укреплению массовой регулярной Красной Армии, решающим средством использования в этих целях богатого опыта службы и военных знаний бывших генералов и офицеров старой армии. «Без военкома, — писал В. И. Ленин, — мы не имели бы Красной Армии»¹⁴⁵.

Являясь проводниками политики Коммунистической партии в армии, военные комиссары наряду с организацией партийно-политической работы среди красноармейцев и населения и руководством политотделами не только осуществляли «строжайший политический контроль за деятельностью военных специалистов»¹⁴⁶, но и оказывали на них большое влияние, помогая им понять цели и задачи революционной армии, способствуя выработке у них социалистического сознания. Большое значение для вступления бывших офицеров в партию большевиков сыграло решение VIII Всероссийской партийной конференции о введении института кандидатов в члены РКП(б)¹⁴⁷. Уже в том же году кандидатами в члены партии были приняты многие военные специалисты, преимущественно бывшие офицеры военного времени и молодые кадровые офицеры; после гражданской войны часть из них была принята в члены РКП(б). Так, членами партии стали также крупные военачальники, как М. И. Василенко (1932 г.), В. М. Гитлис (1925 г.), Н. Е. Какурин (1924 г.), С. С. Каменев (1930 г.), А. И. Корк (1927 г.), В. С. Лазаревич (1932 г.), С. А. Меженнов (1931 г.), Н. Н. Петин (1933 г.), С. А. Пугачев (1934 г.), А. А. Самойло (1944 г.) и др.

* * *

¹ История гражданской войны в СССР. М., 1957. Т. 3. С. 226.

² Бригов В. Рождение Красной Армии. М., 1961. С. 162.

³ ЦГАСА. Ф. 33988, Оп. 1. Д. 49. Л. 90.

⁴ Там же. Ф. 11. Оп. 11. Д. 60. Л. 231, 231об.

⁵ Ефимов Н. А. Командный состав Красной Армии // Гражданская война. М., 1928. Т. 2. С. 95.

⁶ Гражданская война и военная ин-

тервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 106.

⁷ Кляцкин С. М. На защите Октября. М., 1965. С. 397.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 239.

⁹ Резолюции и постановления 3-го Всероссийского съезда профессиональных союзов. М., 1920. С. 24.

¹⁰ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 600.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 117.

¹² Декреты Советской власти. М., 1978. Т. 9. С. 7—8.

¹³ Правда. 1920. 30 мая.

¹⁴ Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 12. С. 113.

¹⁵ ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 372. Л. 7. Копия заявления была направлена комиссару Всероглавштаба Д. Н. Курскому и в газету «Уральский рабочий».

¹⁶ Спириин Л. М. В. И. Ленин и создание советских командных кадров // Воен.-ист. журн. 1965. № 4. С. 14.

¹⁷ История гражданской войны в СССР. М., 1960. Т. 5. С. 82, 83.

¹⁸ ЦГАСА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 284. Л. 30. Кроме того, 4 тыс. бывших унтер-офицеров и подпоручиков.

¹⁹ Среди военнопленных и перебежчиков были также офицеры армий Краснова, Юденича, Миллера и др.

²⁰ Спириин Л. М. Указ. соч. С. 11. Военнопленные и перебежчики, произведенные в офицерский чин в белых армиях, приравнивались «к категории прочих бывших офицеров, как лиц, получивших соответствующую подготовку для занятия командных должностей» (ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 312. Л. 17).

²¹ Спириин Л. М. Указ. соч. С. 12.

²² ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 312. Л. 261, 262. Из этого числа в Екатеринбург прибыло 465 человек, остальные в результате эпидемии тифа умерли в дороге.

²³ Там же. Л. 53, 54.

²⁴ Там же. Л. 26—29.

²⁵ Там же. Л. 11.

²⁶ Там же. Л. 13.

²⁷ Там же. Л. 38.

²⁸ Там же. Л. 33, 58, 81.

²⁹ Там же. Оп. 3. Д. 71. Л. 14. При составлении проекта «Временных правил» были использованы: составленный в Управлении по командному составу Всероглавштаба «Перечень намеченных мероприятий об использовании бывших офицеров из числа военнопленных и перебежчиков белых армий» (Там же. Оп. 6. Д. 312. Л. 90, 91); докладные записки Управления по командному составу Всероглавштаба № 56 от 20 апреля 1920 г. (Там же. Л. 29) и № 192 от 11 июля 1920 г. (Там же. Л. 51, 51 об.); дополнения к проекту «Временных правил», внесенные Особым отделом ВЧК (Там же. Л. 49—50, 59); приказ Реввоенсовета Республики № 774 от 7 мая 1920 г., согласованный с Народным комиссариатом внутренних дел (Там же. Л. 9).

³⁰ Служивших в этанно-хозяйственных отделах штабов армий в мировую войну.

³¹ Эти положения содержались, в частности, в «Перечне намеченных мероприятий об использовании бывших офицеров из числа военнопленных и перебежчиков белых армий».

³² ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 312. Л. 212.

³³ Там же. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 284. Л. 30 об.

³⁴ Там же. Л. 31.

³⁵ Ефимов Н. А. Указ. соч. С. 97, 107.

³⁶ Гаазе Г. Ю. Белые офицеры и солдаты в наших рядах // Сборник воспоминаний к 4-й годовщине РККА. М., 1922. С. 81.

³⁷ Там же. С. 83.

³⁸ Ефимов Н. А. Указ. соч. С. 88, 97, 107.

³⁹ Имеются в виду призывы бывших офицеров, проживавших в качестве частных лиц на территории, временно находившейся под управлением белогвардейских правительств. Достаточно сказать, что только с 1 ноября 1918 г. по 1 декабря 1919 г. от врага была освобождена территория общей площадью 1 194 600 кв. км с населением 15 708 тыс. человек. См.: Кузьмин Г. В. Разгром интервентов и белогвардейцев в 1917—22 гг. М., 1977. С. 315.

⁴⁰ Ворошилов К. Е. Статьи и речи. М., 1936. С. 227; Шагаин Н. И.

- Организация и строительство Советской Армии в 1918—1920 гг. М., 1954. С. 225; 244; История гражданской войны в СССР. Т. 5. С. 375; *Повалов А. М.* Ленинская политика привлечения буржуазных военных специалистов в Красную Армию. М., 1983. С. 42 и др.
- ⁴¹ *Кляцкин С. М.* Указ соч. С. 464; 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968. С. 159; *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. С. 124. *Кораблев Ю. И.* В. И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября. 2-е изд. М., 1979. С. 529.
- ⁴² *Гринишин Д. М.* Военная деятельность В. И. Ленина. М., 1957. С. 218; *Котов А. Т.* Победа Великой Октябрьской социалистической революции и проблема использования старой интеллигенции // Учен. зап. Белорус. ин-та физкультуры. Минск, 1958. Вып. 2. С. 40.
- ⁴³ *Федюкин С. А.* Об использовании военных специалистов в Красной Армии // Воен.-ист. журн. 1962. № 6. С. 39.
- ⁴⁴ *Ефимов Н. А.* Указ. соч. С. 96.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ *Ворошилов К. Е.* Указ. соч. С. 230.
- ⁴⁷ ВКП(б) и военное дело в резолюциях съездов и конференций ВКП(б). 2-е изд. М., 1928. С. 287.
- ⁴⁸ ЦГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1642. Л. 2933.
- ⁴⁹ Для подтверждения правильности указанной нами численности военных специалистов приведем еще следующие доказательства: примерно такую же цифру (в пределах 70 тыс. человек) мы получим, если сложим число военных специалистов, вступивших в Красную Армию добровольно (примерно 8 тыс. человек), призванных по мобилизации (примерно 48,5 тыс. человек) и перешедших в Красную Армию из белых армий или из числа взятых в плен до 1 января 1921 г. (12 тыс. человек). Наконец, военные специалисты составляли примерно 13—16% от общего числа командно-административного состава. Действительно, на 1 апреля 1920 г. из общего числа 216 280 человек военные специалисты (28 410 человек) составляли 13%; на 15 ав-

- густа 1920 г. — 48 400 человек из 314 180 (15%), наконец, на 1 января 1921 г. — 71,5 тыс. (примерно 16% от 446 729 человек). См.: *Ефимов Н. А.* Указ. соч. С. 94—96.
- ⁵⁰ *Зайцов А. А.* 1918 год: Очерки по истории русской гражданской войны. Париж, 1934. С. 183, 184.
- ⁵¹ *Спириин Л. М.* Указ. соч. С. 12.
- ⁵² В них, в частности, освещается история Генштаба в 1905—1918 гг.: Воен.-ист. журн., 1971. № 12; 1972. № 7; 1974. № 12; 1976. № 3; 1978. № 8.
- ⁵³ Это центральное управление носило различные наименования: Свита его величества по квартирмейстерской части (1796 г.), Департамент Генерального штаба (1832 г.) и т. д. В результате реформы Генерального штаба в 1905 г. центральный орган его управления — ГУТШ был превращен в высший орган военного управления, независимый от Военного министерства. Однако в конце 1908 г. ГУТШ было снова введено на правах главного управления в состав Военного министерства.
- ⁵⁴ Кроме того, в систему Военного управления входили войсковые штабы казачьих войск и Семипалатинской области, а также Отдельного корпуса пограничной стражи.
- ⁵⁵ Свод военных постановлений 1869 года. 2-е изд. СПб., 1907. Кн. 5. Ст. 3. (Далее: СВП). Для корпуса офицеров Генерального штаба существовали особые штаты, объявленные приказом по военному ведомству № 1 от 2 января 1914 г.
- ⁵⁶ В Военной академии обучались, как правило, подпоручики и поручики, реже — штабс-капитаны; прием в нее штабс-капитанов гвардии и капитанов армии составлял исключение (СВП. 4-е изд. СПб., 1914. Кн. 15. Ст. 15).
- ⁵⁷ *Нагаев В. В.* Сборник законоположений и распоряжений по службе личного состава корпуса офицеров Генерального штаба. СПб., 1914. Прил. 9. гл. 1. отделение третье, пункт 10.
- ⁵⁸ Например, в 1914 г. из 823 офицеров, державших предварительные экзамены при штабах военных округов, их выдержали 420 человек

- (51%) (ЦГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1477. Л. 34).
- ⁵⁹ СВП. 4-е изд. Кн. 15. Ст. 4.
- ⁶⁰ К 1-му разряду относились офицеры, имевшие в среднем не менее 10 баллов (при 12-балльной системе).
- ⁶¹ Во время учебы в Военной академии офицеры продолжали числиться по штату в своих частях, где они считались сверхкомплектными (СВП. 4-е изд. Кн. 15. Ст. 60).
- ⁶² Число «причисленных» к Генеральному штабу офицеров было установлено ежегодно в 55 человек (СВП. 2-изд. СПб., 1907. Кн. 6. Ст. 158), но на 18 июля 1914 г. в связи с мобилизацией их число (с учетом успешно окончивших Военную академию в течение последних трех лет, т. е. в 1911—1913 гг.) было доведено до 198 человек.
- ⁶³ Например, в 1911 г. из 80 офицеров, окончивших дополнительный курс Военной академии, был «причислен» к Генеральному штабу 61 человек, в 1912 г. — из 112 — 80 (ЦГВИА. Ф. 544. Оп. 2. Д. 1298. Л. 11; Д. 1467. Л. 13).
- ⁶⁴ Приказы по Генеральному штабу № 17 и 18 от 11 мая 1909 г. Среди первоначально «причисленных» к Генеральному штабу были, например, офицеры «из крестьян» — М. С. Михалькович, «из мещан» — В. К. Шевченко и сын почтово-телеграфного чиновника г. Режицы В. В. Жамов (ЦГВИА. Ф. 409. № 88—918, 326—599, 358—580). Однако не были «причислены» к Генеральному штабу потомственные дворяне Ф. Ф. Одноглазков (Там же. № 131—361), Г. В. Туношенский (Там же. № 139—889), Л. В. Янковский (Там же. № 288—730), окончившие Академию соответственно 49-м, 47-м и 51-м.
- ⁶⁵ СВП. 2-е изд. Кн. 6. Ст. 160. В мирное время продолжительность стажа службы в штабах и строевых частях, необходимого для «перевода» в Генеральный штаб, для «причисленных» к Генеральному штабу офицеров была установлена в 30 месяцев.
- ⁶⁶ ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 12. Д. 5. Л. 4. Данные на 1 мая 1913 г.
- ⁶⁷ В качестве курьеза укажем, что,

- например, в «Списке Генерального штаба» на 18 июля 1914 г. четыре генерала (А. А. Горийцов, Л. Д. Евреинков, А. Ф. Козен и Л. А. Фредерикс) занимали должности почетных опекунов «Опекунского совета учрежденный имп. Марии».
- ⁶⁸ Временное управление Военной академии во главе с генералом А. А. Зейфартом (в феврале 1915 г. его сменил генерал В. В. Витковский) состояло из девяти человек.
- ⁶⁹ Так, в период с 1 ноября 1914 по 15 марта 1915 г. был разрешен «перевод» в Генеральный штаб «причисленных» к нему офицеров, окончивших полный курс Военной академии в 1911—1914 гг.; в мае 1915 г. было разрешено «причисление», а затем «перевод» в Генеральный штаб обер-офицеров, окончивших: дополнительный курс Военной академии по 1-му разряду, но отчисленных от нее по собственному желанию или «как неудовлетворивших условиям причисления к Генеральному штабу»; дополнительный курс Военной академии в 1912—1914 гг. по 2-му разряду; дополнительный курс Военной академии в 1905—1909 гг., но отчисленных в строй; наконец, в октябре 1915 г. было разрешено «причислить» к Генеральному штабу, а в мае 1916 г. «перевести» в него офицеров, окончивших два класса Военной академии в 1914 г. (ЦГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1545. Л. 14 об.—19).
- ⁷⁰ Там же. Д. 1546. Л. 2.
- ⁷¹ На подготовительные курсы 2-й очереди прибыли офицеры, исполнявшие вакантные должности Генерального штаба в полевых штабах Действующей армии, выдержавшие вступительные экзамены в академию в 1911—1913 гг. (но не попавшие в нее по конкурсу) и предварительные письменные испытания в военных округах в 1914 г. В каждой из этих категорий преимущественно отдавалось предпочтение имевшим орден Св. Георгия или Георгиевское оружие, а также раненым (Там же. Ф. 200. Оп. 2. Д. 2184. Л. 95—96 об.).

- 72 ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1123. Л. 146—147 об.
- 73 ЦГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 700. Л. 71.
- 74 Спирин Л. М. Указ. соч. С. 12.
- 75 Там же.
- 76 ЦГАСА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 158. Л. 73.
- 77 Там же. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 74.
- 78 Там же. Л. 310.
- 79 Там же. Л. 110—111.
- 80 Приказ Наркомвоена № 294 от 20 апреля 1918 г.
- 81 Приказ Наркомвоена № 790 от 31 августа 1918 г.
- 82 Приказ Реввоенсовета Республики № 197 от 5 ноября 1918 г.
- 83 Приказ Реввоенсовета Республики № 474 от 26 декабря 1918 г.
- 84 Приказы Реввоенсовета Республики № 220 от 13 ноября и № 460 от 26 декабря 1918 г.
- 85 ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1124. Л. 138.
- 86 Там же. Д. 122. Л. 302.
- 87 Там же. С. 298.
- 88 Там же. Л. 304. Объявление было опубликовано в газетах: «Известия ВЦИК» от 29 июня, «Известия Народного комиссариата по военным делам» от 27 июня, «Знамя России» от 29 июня (Там же. Л. 296).
- 89 В Военной академии, в частности, на 1 апреля 1918 г. состояли 44 бывших генерала и офицера Генерального штаба, из них 14 профессоров и 20 преподавателей.
- 90 ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 293—294. К сожалению, этот вопрос решен не был, лишь отдельным бывшим офицерам Генерального штаба удалось вернуться в Советскую Россию, другие стали работать в гражданских учреждениях, часть эмигрировала, наконец, остальные пополнили ряды командного состава белогвардейских и других армий.
- 91 Там же. Л. 7, 8, 103, 103 об. 19—122, 578—581 об., 561—570 об., 574—581 об.
- 92 Там же. Л. 108.
- 93 Там же. Л. 173—175.
- 94 Там же. Л. 125. В связи с тем что некоторые бывшие офицеры Генерального штаба отказывались от предоставляемых им должностей, приказом Наркомвоена

- № 616 были установлены меры «против лиц комсостава (в том числе и бывших офицеров Генерального штаба.— А. К.), прошедших через аттестационную комиссию и отказывающихся от поступления на военную службу».
- 95 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 14, 15.
- 96 Там же. Ф. 11. Оп. 5. Д. 123. Л. 39. Эти временные правила были изданы в дополнение приказа Наркомвоена № 472 от 22 июня 1918 г. с объявлением «Временных правил о зачислении в резервы лиц командного состава для назначения на командные должности в формируемой армии». Инициатива в издании этого приказа принадлежала начальнику Генерального штаба Н. М. Потанову, который направил по этому вопросу два доклада — от 31 мая и 28 июня 1918 г. (Там же. Д. 1124. Л. 27, 64).
- 97 Там же. Л. 66—68.
- 98 Известия Наркомвоена. 1919. 30 нояб.; ЦГВИА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 930. Л. 123.
- 99 М. И. Алафузо, П. Н. Алексеев, Г. А. Армадеров, А. А. Бобринцев, Б. А. Буренин («причислены» к Генеральному штабу приказом Реввоенсовета Республики № 166, 1920 г.); А. И. Геккер (№ 229, 1920 г.); И. И. Глудин (№ 241, 1920 г.); П. Н. Грекулов (№ 511, 1920 г.); А. И. Егоров, И. Н. Захаров, С. С. Ивановский (№ 432, 1920 г.); И. И. Кабалов (№ 86, 1920 г.); К. К. Калашников (№ 503, 1920 г.); П. П. Каратыгин (№ 205, 1920 г.); Н. И. Косогоров (№ 229, 1920 г.); Н. А. Мульков (№ 229, 1920 г.); А. И. Мясковский (№ 272, 1920 г.); К. П. Нежелли (№ 373, 1919 г.); В. В. Скворцов (№ 205, 1920 г.); И. А. Троицкий, М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич-Губоревич, М. В. Фрунзе-Михайлов были «переведены» в Генштаб в 1920—1922 гг.
- 100 ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 930. Л. 123.
- 101 Там же. Л. 125.
- 102 Там же. Л. 123.
- 103 Зайцов А. А. Где был наш Генеральный штаб во время гражданской войны // Русский инвалид. Париж, 1932. № 36/37; Он же.

- 1918 год: Очерки по истории русской гражданской войны. С. 184—187.
- 104 Зайцов А. А. 1918 год. С. 184.
- 105 Список Генерального штаба (со всеми исправлениями по 20 августа 1913 г.). СПб., 1913.
- 106 Последний такой список был издан в 1914 г.
- 107 Зайцов А. А. 1918 год. С. 186, 187.
- 108 Часовой. Париж, 1932. 15 июля.
- 109 Спирин Л. М. Указ. соч. С. 12, 13.
- 110 Этот «Список», несмотря на последний порядковый номер 417, в действительности содержит 418 фамилий, так как № 207 ошибочно указан дважды (под ним значатся две фамилии — В. Н. Майдель и В. И. Максимов). «Список» отпечатан типографским способом (Б/м, б/г) тиражом в 500 экз. из расчета рассылки его по 10 экз. в каждый из штабов фронтов, по 5 экз. в каждый из штабов армий и внутренних округов, 50 экз. в главные управления, по 3—4 экз. в каждый штаб стрелковой и кавалерийской дивизии и «в запас 139» (ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1008. Л. 1—4).
- 111 П. О. Агапов, М. А. Адабаш, Ф. И. Балабин, А. Г. Безруков, Н. П. Борисов, П. Д. Бурский, И. И. Вацетис, Александр Е. Гутор, М. А. Довгирд, П. М. Захаров, Ф. А. Макшеев, Е. И. Мартынов, Н. А. Мюллер, В. И. Новосельский, В. И. Пневский, А. В. Ротштейн, Э. И. Рыдин, П. А. Сверчков, П. Д. Тележников, А. А. Ткаченко, Е. Е. Уссаковский.
- 112 ЦГАСА. Ф. 25860. Оп. 1. Д. 60. Л. 10, 11.
- 113 К. В. Алексеев, А. И. Батрук, Н. Н. Десино, Д. П. Кадомский, М. Н. Кузнецов, М. В. Лебедев, К. А. Мартынов, А. А. Матвеев, Н. М. Острянский, И. Н. Поярков, А. А. Рябинин, В. И. Стойкин, В. Н. Сушков, М. В. Фастыковский.
- 114 ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38, 39.
- 115 Это были слушатели старшего класса 3-й очереди (окончившие ускоренные курсы 1, 2-й и 3-й очереди), которые вместе с профессорско-преподавательским составом Военной академии в ав-

- густе 1918 г. в Казани перешли на сторону белых (ЦГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1643. Л. 6, 6 об.; Д. 1640. Л. 3—8).
- 116 Слушатели, окончившие ускоренные курсы и старший класс 4-й очереди Всероссийской академии Генерального штаба (Там же. Д. 1642. Л. 26—28).
- 117 Шапошников Б. М. Мозг армии. М., 1927. Т. 1. С. 18.
- 118 Академия Генерального штаба. М., 1976. С. 33; Академия имени М. В. Фрунзе. М., 1973. С. 83.
- 119 Академия Генерального штаба. С. 43.
- 120 Там же. С. 44.
- 121 Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 107; ЦГАСА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 155. Л. 6.
- 122 ЦГАСА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. Л. 25.
- 123 Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 23—25.
- 124 Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920 гг.). Сб. документов. М., 1969. С. 30.
- 125 Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М., 1964. С. 274.
- 126 ЦГАСА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 387—389.
- 127 Там же. Л. 276—279.
- 128 Там же. Л. 356—358.
- 129 Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 44. Л. 284.
- 130 Там же. Л. 402—404, 413, 414, 434, 436, 437.
- 131 Директивы Главного командования Красной Армии. С. 54—55.
- 132 ЦГАСА. Ф. 4. Оп. 10. Д. 39. Л. 54—56.
- 133 Бонч-Бруевич М. Д. Формирование новых вооруженных сил // ГИМ ОПИ. Ф. 426. Ф. 84. Л. 201.
- 134 Гражданская война 1918—1921 гг. М., 1930. Т. 3. С. 54.
- 135 Командующих армиями невоенных специалистов было 13, в том числе один бывший вольноопределяющийся (М. В. Фрунзе-Михайлов), пять бывших унтер-офицеров (С. М. Буденный, О. И. Городовиков, Г. В. Зиновьев, М. М. Лашевич, Т. С. Хлесин), два бывших матроса (П. Е. Дыбенко, И. П. Матвеев), пять в армии не служивших (К. Е. Ворошилов, И. С. Кожевников, Н. Н. Кузьмин, Г. Я. Сокольников, П. Э. Якир); у пяти человек (В. П. Блохина, С. И. Загудек

- менного, С. К. Мацленского, А. А. Ржевского, В. Л. Степанова) службу до октября 1917 г. установить не удалось.
- ¹²⁸ Всего в 1918—1920 гг. были сформированы 131 стрелковая дивизия и 34 кавалерийские.
- ¹²⁹ *Герасимов М. Н.* Пробуждение. М., 1965. С. 5 (предисловие В. Д. Поликарпова).
- ¹³⁰ *Смирин Л. М.* Указ. соч. С. 45.
- ¹³¹ Два года (1917—1919 гг.): Краткий отчет о деятельности Революционного Совета Республики // *Ист. арх.* 1956. № 1. С. 145.
- ¹³² ЦАНИ. Ф. 8. (Н. М. Потанова). Д. 4. Л. 8.
- ¹³³ ЦГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 13 об.
- ¹³⁴ В том числе 122 комиссара и 12 их помощников в штабе армии и непосредственно подчиненных ему частях; 164 комиссара и 33 их помощника в 29, 30 и 51-й стрелковых дивизиях и т. д. (ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 315. Л. 7—18).
- ¹³⁵ *Фрунзе М. В.* Избр. произведений. М., 1957. Т. 2. С. 157.
- ¹³⁶ Там же. С. 292.
- ¹³⁷ Восьмой съезд РКП(б), март 1919 г.: Протоколы. М., 1959. С. 417.
- ¹³⁸ ЦГАСА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 104—105. Телеграмма Высшему Военному Совету, подписанная военным комиссаром М. М. Лашевичем и 12 военными специалистами.
- ¹³⁹ *Гусев С. И.* Гражданская война и Красная Армия: Сб. статей. М., 1958. С. 113.
- ¹⁴⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 148.
- ¹⁴¹ Партийно-политическая работа в Красной Армии (апрель 1918—февраль 1919 гг.): Документы. М., 1961. С. 8.
- ¹⁴² Восьмая конференция РКП(б): Протоколы. М., 1961. С. 227.

В соответствии с поставленными задачами в монографии сделана попытка рассмотреть узловые аспекты проблемы привлечения бывших генералов и офицеров старой армии к военному строительству и защите завоеваний Великого Октября, начиная с сотрудничества сравнительно немногочисленных их представителей с Советской властью в первые месяцы ее существования (в качестве экспертов, консультантов и т. д.), затем добровольного поступления на службу в Красную Армию (особенно в период отражения интервенции Четверного союза в 1918 г.) и, наконец, мобилизации командного состава старой армии с целью использования его профессиональных военных знаний и опыта для строительства массовой регулярной Красной Армии.

Поиски форм военного строительства проводились в сложных условиях развязанной внутренней контрреволюцией и международным империализмом гражданской войны; декретом от 15(28) января 1918 г., подписанным В. И. Лениным, была создана Рабоче-Крестьянская Красная Армия, основанная «на добровольческих началах, выборном командном составе, широком участии комитетов и государственном обеспечении семей»¹.

В борьбе с первыми очагами внутренней контрреволюции части Красной Армии вместе с отрядами Красной гвардии успешно выполнили поставленную перед ними задачу. Однако уже опыт войны с кадровой кайзеровской армией в феврале 1918 г. показал, что для надежной защиты завоеваний революции необходима массовая регулярная Красная Армия (с централизованным командованием, назначаемым командным составом, организованная по штатному расписанию, с принятыми в армии органами управления и т. д.), от укрепления которой, как писал В. И. Ленин в сентябре 1918 г., зависела прочность республики в борьбе с империализмом, зависела победа социализма в России и во всем мире².

Так как руководители Наркомвоена считали, что выбранный ими путь строительства Красной Армии (на добровольческих началах, с выборным командным составом и т. д.) «есть единственный путь, которым может и должен идти социалист при построении армии»³, Советское правительство поручило разработку планов строительства массовой регулярной Красной Армии со-

зданному 3 марта 1918 г. Высшему Военному Совету. Так был сделан новый смелый шаг в ленинском курсе (начало которому было положено в период отражения интервенции Четверного союза) на широкое привлечение для военного строительства и защиты Советской Республики бывших генералов и офицеров старой армии (в том числе на высших командных, штабных и административных должностях), что законодательно закрепил V Всероссийский съезд Советов 10 июля 1918 г.

Однако было очевидно, что назначать командный состав старой армии на самостоятельные (особенно на высшие командные) должности в новую социалистическую армию нельзя. Это объяснялось прежде всего тем, что большинство военных специалистов (преимущественно из бывших кадровых офицеров) принадлежали к буржуазно-дворянской части русского общества, сохраняли его идеологию и, следовательно, не могли быть преданы делу революции; бывшие генералы и офицеры, как правило, не могли единолично управлять построенными по классовому принципу объединениями, соединениями и частями Красной Армии, ибо девизом военных специалистов был: «никакого вмешательства в политику», служить «исключительно военному делу»⁴. Поэтому одновременно с принятием ленинского курса на широкое привлечение в Красную Армию бывших генералов и офицеров для строгого контроля за их деятельностью был учрежден институт военных комиссаров.

Привлечение командного состава старой армии на службу Советскому государству представляло собой очень сложный, а иногда и мучительный процесс. В период слома старой армии и упразднения ее офицерского корпуса практически не было принято необходимых мер, чтобы «выделить из среды командного состава старой армии тех, кто с пользой мог бы послужить делу формирования новых вооруженных сил»⁵. В результате четверть миллиона бывших офицеров, оказавшись «не у дел», «разметались» по всей огромной территории бывшей Российской империи. Положение их усугублялось тем, что, согласно декрету Совнаркома от 16(29) декабря 1917 г., бывшие генералы и офицеры по правовому и материальному положению были приравнены к солдатам и потому увольнялись без выслуженной пенсии, которая для подавляющего большинства из них являлась единственным средством к существованию. Если офицеры военного времени, призванные из запаса, еще могли вернуться к своей прежней деятельности, то положение кадровых офицеров и офицеров военного времени, которые были призваны со школьной скамьи и не имели никакой гражданской специальности, было намного сложнее. Кроме того, несмотря на общую линию ЦК РКП(б) и Советского правительства в отношении привлечения на службу бывших офицеров и генералов, далеко не сразу было осознано, что «не все из бывших офицеров являются врагами социалистической республики, что многие, признав Советскую власть, честно исполняют свои гражданские обязанности по отношению к республике»⁶.

В результате со стороны отдельных руководителей Наркомвоена, партийных и советских работников, военных комиссаров и т. д. допускались непродуманные действия и распоряжения как в отношении бывших генералов и офицеров, так и их семей, родствичков и т. д. Это выражалось в том, что имели место факты часто беспричинных арестов, обысков, регистраций и т. д. Все это привело к тому, что в добровольческий период формирования Красной Армии в ее ряды вступило лишь 10% от зарегистрированных кадровых офицеров. Но несмотря на это, патриотизм и привычка к военной службе взяли верх, и тысячи бывших генералов и офицеров, в том числе и кадровых, в феврале 1918 г. приняли активное участие в отражении интервенции Четверного союза.

Определяющим фактором поворота бывших генералов и офицеров в сторону сотрудничества с Советской властью явилось постепенно пришедшее понимание того, что она — единственная в стране власть, представляющая Россию и ее народ, единственная реальная сила, способная защитить национальные интересы страны от внутренних и внешних врагов. Именно поэтому бывшее офицерство, особенно патриотически настроенное, более демократическое по происхождению и ближе связанное с народом, почитало своим долгом поддержать большевиков в их вооруженной борьбе за независимость Родины. Большое значение при этом имела позиция Советского правительства по отношению к военным специалистам: не посягать на их политические убеждения, если они согласны добровольно, честно и добросовестно отдать свои военные знания и опыт в интересах народа. Это было законодательно закреплено в резолюции V Всероссийского съезда Советов от 10 июля 1918 г.: «Каждый военный специалист, который честно и добросовестно работает над развитием и упрочением военной мощи Советской Республики, имеет право на уважение Рабочей и Крестьянской Армии и на поддержку Советской власти»⁷.

Ленинский курс на использование в Красной Армии профессиональных знаний и опыта военных специалистов предусматривал строгий контроль за их деятельностью со стороны военных комиссаров. Антисоветская подрывная деятельность части военных специалистов, их участие в подпольных контрреволюционных организациях, акциях шпионажа, измены и т. д. решительно пресекались. Однако практика показала, что там, где была хорошо поставлена партийно-политическая работа и над деятельностью военных специалистов установлен строгий контроль, подобные действия со стороны военных специалистов имели место значительно реже. Это свидетельствовало о правильности политики РКП(б) и Советского правительства в отношении военных специалистов, и потому, несмотря на факты измены, дезертирства и т. д., общий курс на привлечение бывших генералов и офицеров в интересах Советского государства оставался неизменным.

Тем не менее, по сути дела, на протяжении всей граждан-

ской войны в партии возникали спорные мнения по вопросу привлечения бывших генералов и офицеров к военному строительству и защите Советского государства вообще, на высшие командные должности в особенности, что привело к созданию на VIII съезде партии так называемой «военной оппозиции». Однако в ходе развернувшейся дискуссии благодаря твердому ленинскому курсу съезд отверг платформу «военной оппозиции», как несовместимую с политикой РКП(б). Вместе с тем, отдавая должное деятельности военных специалистов, служивших в Красной Армии, в принятой VIII съездом Программе партии подчеркивалось, что необходимым условием привлечения бывших генералов и офицеров на службу в Красную Армию является «сосредоточение политического руководства армией и всестороннего контроля над командным составом в руках рабочего класса»⁸.

Как мы стремились обосновать, в Красной Армии к концу гражданской войны служили около 75 тыс. военных специалистов — бывших генералов и офицеров, основную массу которых (свыше 65 тыс. человек) составляли бывшие офицеры военного времени. Чрезвычайно большой удельный вес составляли бывшие офицеры (особенно кадровые) в центральных и местных военных управлениях и учреждениях военного ведомства, а также в военно-учебных заведениях, где преподавательский и административно-хозяйственный состав почти на 90% был представлен бывшими офицерами. Помещенные же в четвертой главе таблицы и приложение 5 показывают, что и в Действующей Красной Армии высшие командные и штабные должности в звене фронт — армия — дивизия занимали преимущественно военные специалисты (и, в частности, генштабисты).

Среди военных специалистов было 12 тыс. бывших белых офицеров, попавших в плен или перешедших добровольно на сторону Советской власти, которые после соответствующей проверки служили в Действующей Красной Армии и принимали участие в советско-польской войне и разгроме врангелевщины. То, что бывшим белым офицерам, которые с оружием в руках боролись против Советской власти, была предоставлена возможность также с оружием в руках искупить вину перед народом, является ярким свидетельством того, что Советская власть проявляла достаточную гуманность по отношению к своим бывшим врагам.

Деятельность военных специалистов в Красной Армии на высших командных, штабных и административных должностях вызывала злобу их бывших однокашников и сослуживцев, боровшихся против Советской власти в рядах белогвардейских и других антисоветских армий и оказавшихся в эмиграции. Бывший полковник П. П. Дьяконов, недолго служивший в Красной Армии, а затем перебежавший к белым, угрожал военным специалистам, что их ничто не спасет «от суда истории»⁹. Достойная отповедь Дьяконову и в его лице всем антисоветским деятелям белой эмиграции была дана М. Д. Бонч-Бруевичем, который писал: «Суд истории обрушится не на нас (военных специалистов. — А. К.), остав-

шихся в России и честно исполнивших свой долг, а на тех, кто препятствовал этому, забыв интересы своей Родины и пресмыкаясь перед иностранцами, явными врагами России в ее прошлом и будущем»¹⁰.

Оценка роли и значения военных специалистов в строительстве массовой регулярной Красной Армии и защите Советского государства на фронтах гражданской войны дана в трудах В. И. Ленина, указывавшего, что «без них Красной Армии не жать те победы, которые она одержала»¹¹. Однако главную причину успехов Красной Армии на фронтах гражданской войны, где решалась судьба Советского государства, следует искать не в общей численности военных специалистов среди командного состава Действующей Красной Армии и не в их высоком удельном весе на высших командных, штабных и административных должностях (как это пытались и пытаются ныне делать эмигрантские и зарубежные буржуазные историки), а в военно-стратегическом руководстве вооруженной борьбой со стороны ЦК РКП(б) и Советского правительства. Это руководство выразилось, в частности, в том, что все наиболее важные и принципиальные вопросы, связанные со строительством Красной Армии и защитой Советского государства, решались под непосредственным руководством В. И. Ленина в ЦК партии, Совнаркоме, Совете Рабоче-Крестьянской Обороны, которому была предоставлена вся полнота власти в деле мобилизации сил и средств для защиты Советской Республики. Характеризуя стойкость и мощь Красной Армии, VIII съезд партии указал, что они обеспечиваются «классовым составом главной массы бойцов, организацией комиссаров и коммунистических ячеек, наконец, общим партийным и советским руководством жизнью и деятельностью армии»¹². Это признавали и сами военные специалисты. Так, главнокомандующий всеми Вооруженными Силами Республики С. С. Каменев писал, что «основным костяком Красной Армии был рабочий класс и революционные командиры — члены партии. Большевики были цементирующим началом как в отношении политической сознательности, так и боевой стойкости частей»¹³.

Следует особенно подчеркнуть, что значительную роль в победах Красной Армии сыграли советские командные кадры из бывших унтер-офицеров и солдат, имевших боевой опыт первой мировой войны, а также рабочих и трудящихся крестьян, подготовленных на ускоренных командных курсах; именно эта категория командного состава, преимущественно младшего и среднего звена, вынесла на себе основную тяжесть гражданской войны.

В монографии (в тексте, таблицах и приложениях) уже упоминались фамилии сотен военных специалистов (в том числе впервые в советской историографии), преимущественно бывших генералов и штаб-офицеров, генштабистов, внесших вклад в военное строительство и защиту Советского государства. В пе-

риод гражданской войны погибли сотни военных специалистов всех категорий: десятки были повешены, расстреляны и замучены белыми (бывшие генералы А. П. Николаев, А. В. Соболев, А. В. Станкевич, А. А. Таубе, бывшие полковники М. М. Балк, А. А. Маклаков, Н. В. Новиков, А. А. Сосницкий и др.).

С окончанием гражданской войны, несмотря на десятикратное сокращение Красной Армии, военные специалисты составляли свыше 30% от общей численности командного состава, причем многие из них занимали высшие командные, штабные, административно-хозяйственные и другие должности (бывшие генералы В. Л. Барановский, А. А. Брусилов, П. П. Лебедев, В. П. Муратов, Д. Н. Надежный, Ф. Ф. Новицкий, Ю. М. Шейдеман, бывшие полковники В. Е. Гарф, В. Д. Грендаль, Ан. Е. Гутор, С. С. Каменев, Н. Н. Петин, Н. В. Соллогуб, И. Ф. Шарсков, В. И. Шорин и другие, бывшие подполковники В. Д. Базилевич, А. И. Егоров (впоследствии Маршал Советского Союза), бывшие капитаны А. И. Корк, В. С. Лазаревич, С. А. Меженинов, С. А. Пугачев, бывший подпоручик М. Н. Тухачевский (впоследствии Маршал Советского Союза), бывшие офицеры военного времени Д. А. Кучинский, И. П. Уборевич-Губоревич, И. Ф. Федько и др.). Среди военных специалистов можно назвать фамилии известных теоретиков военного искусства и военной истории (бывших генералов А. М. Зайончковского, Е. И. Мартынова, А. А. Незнамова, А. А. Свечина, полковников И. И. Вацетиса, А. Н. Де-Лазари, подполковника А. К. Коленковского, офицеров военного времени С. Н. Красильникова, А. Н. Лапчинского, В. К. Триандафиллова и др.), Героев Труда — бывших генералов В. Ф. Новицкого, А. Е. Снесарева, Л. В. Чижевского и др., военных инженеров К. И. Величко, Д. М. Карбышева, впоследствии Героя Советского Союза, и Н. И. Унгермана; инженеров-артиллеристов бывших генералов Н. Ф. Дроздова, С. Г. Петровича, бывших полковников П. А. Гельвиха, И. П. Граве, подполковника С. А. Беркалова и др., творцов стрелкового оружия бывших полковника Ф. В. Токарева, генералов В. Г. Федорова, Н. М. Филатова, офицера военного времени А. А. Благодрава, впоследствии действительного члена Академии наук СССР и др.

После окончания гражданской войны появившийся на определенном ее этапе термин «военные специалисты» наряду с термином «краскомы» (т. е. «красные командиры», окончившие краткосрочные командные курсы) вышел из употребления, ибо грани, разделявшие эти категории командного состава, за время гражданской войны постепенно стерлись. В результате всех лиц, занимавших в Красной Армии командные, штабные, административно-хозяйственные и другие должности, стали именовать «командирами РККА», которые образовали корпус командного состава. М. В. Фрунзе писал, что «нужно стремиться, чтобы военные специалисты как таковые, как обломок какого-то отмершего государственного строя прекратили свое существование, чтобы их

не было у нас, а были только военные работники, одни — партийные, другие — беспартийные, но все являлись бы работниками Рабоче-Крестьянской Красной Армии, верными интересам пролетарской государственности»¹⁴. События, связанные с культом личности И. В. Сталина и нарушениями социалистической законности, не прошли бесследно и для бывших военных специалистов¹⁵. Но, несмотря на это, сотни бывших офицеров, преимущественно военного времени, приняли активное участие, в том числе и на высших должностях, в Великой Отечественной войне. Среди них начальник Генерального штаба бывший полковник Б. М. Шапошников и его первый заместитель офицер военного времени А. И. Антонов; командующие фронтами бывший полковник М. А. Рейтер, бывшие офицеры военного времени И. Х. Баграмян, А. М. Василевский, Л. А. Говоров, Д. Т. Козлов, П. А. Курочкин, И. Е. Петров, М. А. Пуркаев, Ф. И. Толбухин, И. В. Тюленев, В. Д. Цветаев; командующие армиями бывшие офицеры военного времени Н. А. Гаген, М. Н. Герасимов, К. Д. Голубев, Ф. Д. Гореленко, А. А. Гречкин, Д. Н. Гусев, А. И. Данилов, М. Г. Ефремов, Е. П. Журавлев, И. Г. Захаркин, Г. Ф. Захаров, Н. Д. Захватаев, А. И. Зыгин, В. Я. Качалов, Н. К. Клыков, М. П. Ковалев, А. Н. Крутиков, В. И. Кузнецов, Ф. И. Кузнецов, В. В. Курасов, М. Ф. Лукин, В. Н. Львов, П. Ф. Малышев, В. И. Морозов, С. И. Морозов, Н. Н. Никишин, Ф. И. Перхорович, Б. А. Пигаревич, Н. П. Пухов, П. С. Пшеничников, П. Л. Романенко, А. И. Рыжов, В. П. Свиридов, А. К. Смирнов, И. Г. Советников, А. А. Хадеев, М. С. Хозин, В. В. Цыганов, А. И. Черепанов, Н. Е. Чибисов, В. А. Юшкевич, В. Ф. Яковлев и др. Одно уже перечисление этих фамилий является ярким подтверждением того, что тысячи и тысячи военных специалистов и в период гражданской войны, и на фронтах Великой Отечественной войны оправдали доверие Коммунистической партии и Советского государства.

Исследование проблемы привлечения командного состава старой армии к военному строительству и защите Советского государства представляет большое научно-теоретическое и практическое значение, позволяет определить место и значение военных специалистов как в создании Красной Армии, так и ее победах над силами внутренней контрреволюции и международного империализма. Использование опыта и знаний военных специалистов в нашей стране явилось значительным вкладом в теорию и практику строительства вооруженных сил социалистического государства. Изучение этой проблемы вскрывает несостоятельность утверждения белоэмигрантских и буржуазных историков, занимавшихся и занимающихся изучением судеб российского офицерства после Октябрьской революции, об его якобы поголовной враждебности Советской власти, с одной стороны, и будто бы решающей роли в строительстве Красной Армии, ее победах на фронтах гражданской войны — с другой.

Актуальность проблемы использования профессиональных

военных, их знаний и опыта для строительства армии нового типа в наше время заключается также в том, что оно не носит какой-либо исключительный и специальный характер, а приобретает значение одной из закономерностей, имеющей место в странах, которые встали на путь глубоких социальных преобразований. Ибо перед ними, как и перед Советским государством 70 лет назад, встает проблема создания вооруженных сил для защиты революционных завоеваний от сил внутренней контрреволюции и возможной агрессии империалистических государств.

* * *

- ¹ Самуйлов В. И. Устройство Вооруженных Сил Республики. Пг., 1919, Вып. 1. С. 6.
- ² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 96.
- ³ ЦГАСА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 5 об.
- ⁴ ЦГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 29, 29 об.
- ⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 426. Д. 84. Л. 209.
- ⁶ ЦГАСА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 647. Л. 7.
- ⁷ Съезды Советов в документах. М., 1959. Т. 1. С. 68.
- ⁸ Восьмой съезд РКП(б), март 1919: Протоколы. М., 1959. С. 399.

- ⁹ Общее дело. Париж, 1921, 21 февр.
- ¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 426. Д. 84. Л. 235.
- ¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 218, 199.
- ¹² Восьмой съезд РКП(б). С. 418.
- ¹³ Каменев С. С. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1944. С. 44.
- ¹⁴ Фрунзе М. В. Избр. произведения. М., 1934. С. 73.
- ¹⁵ Великая Отечественная война Советского Союза, 1941—1945: Краткая история. М., 1965. С. 38—40.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
СПИСОК ГЕНЕРАЛОВ И ОФИЦЕРОВ
ДОВОЛЬНОЧЕСКОЙ АРМИИ —
УЧАСТНИКОВ «1-го КУБАНСКОГО ПОХОДА» *

Фамилия, имя, отчество	Чин	Социальное происхождение	Имелось ли за ним, за его родителями, женой недвижимое имущество, родовое или благоприобретенное
Абрамов Федор Федорович	Генштаба генерал	Из дворян	Не имелось
Алексеев Михаил Васильевич	»	Сын солдата сверхсрочной службы	»
Архипов Иван Захарович	Полковник	Из дворян	»
Барцевич Владимир Петрович	Генштаба подполковник	Из потомственных почетных граждан	»
Бершов Константин Георгиевич	Полковник	Из потомственных дворян	»
Блейш Александр Николаевич	»	»	»
Богаевский Африкан Петрович	Генштаба генерал	»	»
Боровский Александр Александрович	Генштаба капитан	Из дворян	»
Будлюбан Евгений Григорьевич	Полковник	Из потомственных дворян	Сведений не имеется
Веденяпин Евгений Орестович	Полковник	Из дворян	Не имелось
Вихлянцев Андрей Михайлович	»	Из крестьян	»
Гершельман Василий Сергеевич	»	Из потомственных дворян	»
Гилленшмидт Яков Федорович	Генерал	Из дворян	За родителями родовое имение 2400 дес. земли
Глазенап Петр Владимирович	Полковник	»	Не имелось
Гнилорыбов Михаил Николаевич	»	»	»
Гравицкий Георгий Константинович	»	Из мещан	»

Фамилия, имя, отчество	Чин	Социальное происхождение	Имелось ли за ним, за его родителями, женой недвижимое имущество, родовое или приобретенное
Гротенгельм Георгий Магнусович	»	Из дворян	Сведеный не имеется
Данилов Иродион Андреевич	»	Сын титулярного советника	Не имелось
Деникин Антон Иванович	Генштаба генерал	Сын майора	»
Дрейлинг Роман Константинович	Генштаба полковник	Из дворян	»
Ерогин Лев Михайлович	Подполковник	Сын капитана	У родителей имение
Жданов Гавриил Васильевич	Полковник	Из мещан	Не имелось
Жебрак Михаил Анатольевич	»	Из крестьян	»
Залетин Евгений Владимирович	»	Сын поручика	»
Захаркин Николай Венедиктович	Подполковник	Сын коллежского асессора	»
Зозулевский Сергей Илларионович	Полковник	Из потомственных дворян	»
Икишев Сергей Михайлович	»	Сын коллежского асессора	»
Иллешевич Лев Львович	»	Из потомственных дворян	»
Индеекин Владимир Иванович	»	Из крестьян	»
Казанович Борис Ильич	Генштаба генерал	Из дворян	»
Капнин Константин Львович	Генштаба капитан	Сын подполковника	»
Карташов Иван Иванович	Полковник	Сын надворного советника	»
Карпов Владимир Александрович	Генерал	Из дворян	Имение 2 тыс. десятин
Кириенко Алексей Касьянович	Полковник	Сын поручика	Не имелось
Колчинский Александр Александрович	Генштаба подполковник	Сын подполковника	»
Кондратьев Иван Михайлович	Подполковник	Из мещан	»
Корвин-Круковский Алексей Владимирович	Полковник	Из потомственных дворян	Благоприобретенное имение 430 дес.
Корнилов Лавр Георгиевич	Генштаба генерал	Сын коллежского секретаря	Не имелось

Фамилия, имя, отчество	Чин	Социальное происхождение	Имелось ли за ним, за его родителями, женой недвижимое имущество, родовое или приобретенное
Краснянский Тихон Петрович	Полковник	Из казачьих детей	»
Кутепов Александр Павлович	»	Из дворян	»
Лисовой Яков Маркович	Генштаба подполковник	Из крестьян	»
Марков Сергей Леонидович	Генштаба генерал	Из потомственных дворян	»
Мильковский Александр Степанович	Полковник	Сын коллежского асессора	»
Миончинский Дмитрий Тимофеевич	»	Из дворян	»
Науменко Вячеслав Григорьевич	Генштаба генерал	»	»
Нежепцев Митрофан Иосифович	Генштаба полковник	Сын коллежского асессора	Имелось имение, не разделенное с матерью
Новосильцов Леонид Николаевич	Полковник	Из дворян	Не имелось
Патронов Иван Федорович	Генштаба полковник	Сын унтер-офицера	»
Пешня Михаил Александрович	Полковник	Из мещан	»
Плохинский Назарий Борисович	Подполковник	Из крестьян	»
Ползиков Михаил Николаевич	Полковник	Из дворян	»
Пронин Василий Михайлович	Генштаба подполковник	Сын титулярного советника	»
Рашпиль Георгий Антонович	Полковник	Из дворян	»
Роженко Владимир Ефремович	Генштаба капитан	Из крестьян	»
Романовский Иван Павлович	Генштаба генерал	Из дворян	»
Ряснянский Сергей Николаевич	Генштаба капитан	»	»
Симановский Александр Анатольевич	Полковник	Из потомственных дворян	»
Трухачев Сергей Михайлович	Генштаба полковник	Из дворян	»
Тунеберг Ростислав Михайлович	Полковник	»	»

Фамилия, имя, отчество	Чин	Социальное происхождение	Имелось ли за ним, за его родителями, женой недвижимое имущество, родовое или благоприобретенное
Турцевич Вячеслав Платонович	»	Из потомственных дворян	»
Хабатов Василий Семенович	»	»	»
Харжевский Афиноген Анодинович	»	Из мещан	»
Хованский Иван Константинович	»	Из дворян	»
Христофоров Евгений Ильич	»	Из потомственных дворян	»
Черепов Александр Николаевич	»	Из дворян	»
Шоколи Николай Александрович	»	»	»
Штейфон Борис Александрович	Генштаба полковник	Из мещан	»
Щеглов Василий Павлович	Полковник	»	»
Щербович-Вечор Александр Ольгердович	»	Из потомственных дворян	»
Эльснер Евгений Феликсович	Генштаба генерал	Из дворян	»
Эрдели Иван Георгиевич	»	Из потомственных дворян	»

* Составлено на основании послужных списков (ЦГВИА, Ф. 409). Чины указаны на октябрь 1917 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПРАВИЛА НАЗНАЧЕНИЯ БЫВШИХ ОФИЦЕРОВ
В ВОЗРАСТЕ ДО 50 ЛЕТ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО
В ЧАСТИ ВОЙСК
И УЧРЕЖДЕНИЯ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ
НА ОСНОВАНИИ ПРИКАЗА
РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ
№ 29 ОТ 3 ОКТЯБРЯ 1918 ГОДА

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1) Управлению по командному составу армии Всероссийского Главного Штаба предоставляется право поименного назначения на вакантные должности в действующей армии тех из бывших офицеров, кои признаются желательными для несения службы на фронте на командных и военно-административных должностях.

2) В деле выбора названное Управление руководствуется прежней служебной деятельностью выдвигаемых лиц и настоящей оценкой их в аттестационных комиссиях.

3) В целях составления наиболее полного кандидатского списка на таковых лиц необходимо незамедлительно произвести на местах проверку учетно-регистрационного материала о всех бывших офицерах в возрасте до 50 лет включительно.

4) Для этой цели все местные военные комиссариаты заканчивают в кратчайший срок (не позже 5 дней по получении на местах настоящих правил) проверку того учетного материала, который имеется у них после ряда произведенных регистраций. Местные военные комиссариаты обязаны точно установить наличие в данной местности новых лиц, не включенных в предшествующие регистрации, и сообщить сначала по телеграфу цифровые данные, разбив их по родам оружия и последним должностям, а затем выслать дополнительно на вновь зарегистрированных учетные карточки в Управление по командному составу армии. О всех снятых с учета (с указанием причины и нового адреса) должно быть сообщено в форме списка со ссылкой, когда именно были представлены на них в Управление по командному составу учетные карточки.

Примечание. Те местные военные комиссариаты, которые не доставили учетных карточек по прежней регистрации, должны доставить таковые в Управление в самый кратчайший срок, предварив телеграммой о высылке этого материала.

5) Предварительно составления кандидатского списка распоряжением Управления по командному составу вносится на рассмотрение подлежащих аттестационных комиссий весь материал на намеченных в кандидаты лиц.

6) По получении благоприятных решений аттестационных комиссий Управление по командному составу армии составляет кандидатские списки и уведомляет через окружные военные комиссариаты, кто включен в списки, для предварения этих лиц о необходимости быть готовыми к вызову в армию.

7) Вызов кандидата к новому месту служения делается Управлением по командному составу армии через окружные военные комиссариаты. Последние передают этот наряд в местные военные комиссариаты, которые делают все распоряжения по отправлению предназначенных и следят за срочностью исполнения приказа.

8) Распоряжения по нарядам Управления по командному составу должны быть передаваемы к исполнению в течение 24 часов по получении таковых на местах.

9) Отправление кандидатов к местам вызова должно быть осуществляемо в течение 7 дней после вручения данному лицу предписания.

10) Отказ кандидатов от назначения в армию в порядке настоящих правил не допускается и карается как уклонение от службы в военное время. Также не допускается возбуждение ходатайств об освобождении от назначения со стороны начальствующих лиц, коллегий и организаций.

11) В зависимости от потребности в лицах командного и иного состава кандидаты или будут вызываться непосредственно на места новой службы, или будут предварительно зачисляться в резерв ближайшего округа.

12) За время состояния в резерве призванные на службу получают все виды довольствия, установленные по должностям, и для замещения коих они призваны. При отправлении к месту назначения эти лица снабжаются аттестатами об удовлетворении их довольствием, копии таковых вместе с письменными сведениями отправляются по месту назначения призванных.

13) При отправлении предназначенных непосредственно в места призыва в действующую армию таковые лица снабжаются всеми видами путевого довольствия, распоряжением местных военных комиссариатов, на весь путь до места назначения и за все время, потребное для переезда, который должен быть совершен в установленный законом поверстный срок.

II. О ПОРЯДКЕ НАЗНАЧЕНИЯ НА ВАКАНТНЫЕ ДОЛЖНОСТИ В ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ СПЕЦИАЛИСТОВ (АРТИЛЛЕРИСТОВ, ИНЖЕНЕРОВ И ДР.) ИЗ СОСТАВА СЛУЖАЩИХ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ УПРАВЛЕНИЯХ НАРКОМВОЕН

1) В случае необходимости экстренного замещения должностей военными специалистами и отсутствия кандидатов для незамедлительного назначения должности эти замещаются путем назначения соответствующих лиц из состава служащих в Центральных Управлениях Наркомвоен и учреждений, непосредственно подведомственных сим Управлениям.

2) Таковые назначения совершаются по нарядам Управления по командному составу армии, распоряжением подлежащих Центральным Управлений в пределах не свыше 25% наличного состава данного учреждения. Выбор таковых лиц должен быть сделан теперь же, а самые командировки будут осуществляться по мере надобности.

3) Ответственность во всех отношениях за сделанный выбор возлагается на начальников управлений.

III. О ПОРЯДКЕ НАЗНАЧЕНИЯ НА ВАКАНТНЫЕ ДОЛЖНОСТИ В ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ ЛИЦ ИЗ ЧИСЛА БЫВШИХ ОФИЦЕРОВ, НАХОДЯЩИХСЯ НА СЛУЖБЕ В РАЗЛИЧНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ, НЕПОДВЕДОМСТВЕННЫХ НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПО ВОЕННЫМ ДЕЛАМ

1) Бывшие офицеры, состоящие ныне на службе в правительственных или общественных учреждениях, неподведомственных Народному Комиссариату по военным делам, достигшие возраста, указанного в приказе Революционного Военного Совета Республики № 29, и поименно призываемые на службу в армию, предназначаются на соответствующие их прежней военной службе должности — по избранию Управления по командному составу.

2) Избрание необходимых для армии кандидатов осуществляется Управлением по командному составу в порядке ст. 2-й «Общих положений» настоящих правил.

Совет Всероссийского Главного Штаба
А. Свечин, И. Давялтовский

ЦГАСА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 62. Л. 9об. — 11.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ИНСТРУКЦИЯ ГУБЕРНСКИМ ОТДЕЛАМ ОСОБОЙ КОМИССИИ ПО УЧЕТУ БЫВШИХ ОФИЦЕРОВ ПРИ РЕВВОЕНСОВЕТЕ РЕСПУБЛИКИ (ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБОРОНЫ РЕСПУБЛИКИ ОТ 2-го ИЮЛЯ 1919 г.)

- 1) Рассмотрению губернских отделов Особой комиссии по учету бывших офицеров в порядке постановления Совета Рабоче-Крестьянской Обороны Республики от 2 июля 1919 г. подлежат сведения о всех бывших офицерах старой армии, находящихся на территории губернии, как состоящих на службе во всех без исключения советских учреждениях (невоенных), так и нигде не служащих.
- 2) Регистрация всех не зарегистрированных до сего времени бывших офицеров должна быть закончена во время работ губотделов Особкомучет, которые контролируют как самую регистрацию, так и распоряжения по сему местным властям.
- 3) Губотделы Особкомучет выносят постановления о каждом бывшем офицере указанных выше категорий как в отношении незаменимости их по месту настоящей службы, так и в отношении пригодности для службы в армии.
- 4) Губотделы постановляют свои решения не только на основании получаемого документального о каждом бывшем офицере материала, но и путем фактического контроля правильности получаемых сведений всеми имеющимися в распоряжении губотделов средствами.
- 5) Все данные до сего времени бывшим офицерам отсрочки по постановлениям губернских комиссий по отсрочкам считаются аннулированными на основании постановления Совета Рабоче-Крестьянской Обороны от 19 июня 1919 г. (приказ Реввоенсовета Республики № 1100).
- 6) При предоставлении в губотделы надлежащих удостоверений о том, что учреждением возбуждено перед Центральной комиссией по отсрочкам ходатайство об оставлении данного лица в занимаемой должности, губотдел телеграфирует об этом в Особкомучет, которая, в свою очередь, сносятся с Центральной комиссией по отсрочкам. О результатах ходатайства губотдел получает уведомление по телеграфу от Особкомучет и впредь до получения такой телеграммы лица, о коих возбуждено ходатайство, с мест не снимаются.
- 7) В отношении пригодности по состоянию здоровья бывших офицеров для службы в армии губотделы по результатам медицинского освидетельствования постановляют, пригоден ли каждый для службы: а. в действующей армии на строевых должностях. б. в действующей армии на нестроевых или административных должностях. в. в действующей армии на нестроевых или административных должностях в тыловом районе. г. в обстановке мирного времени на строевых должностях, в частях войск внутренних военных округов и в войсках вспомогательного назначения. д. в обстановке мирного времени на нестроевых и административных или е. совершенно к военной службе не пригоден.

8) При определении пригодности к занятию лишь административных должностей губотделам принимать во внимание предыдущий служебный стаж бывших офицеров, пригодными для службы на административных должностях в учреждениях Наркомвоен вне зависимости от состояния здоровья могут быть признаваемы лишь лица, занимавшие административные должности в главных и окружных управлениях военного ведомства до начала войны 1914—1918 гг.

9) Из состава служащих в гражданских советских учреждениях должны быть по возможности изъяты все бывшие офицеры, особенно же участники войны 1914—1918 гг.

10) Губотделам в своих работах обращать особое внимание на соответствие военного служебного опыта каждого бывшего офицера занимаемому им ныне месту службы, имея в виду основную задачу работы — выделить всех пригодных для службы в армии лиц командного состава, исполняющих ныне работу, не соответствующую их опыту и специальной подготовке, или занимающих должности, не требующие специальных знаний военных.

11) В отчетах о своих работах губотделам особо отметить обнаруженные случаи укрывательства от службы бывших офицеров как со стороны укрывающихся, так и со стороны учреждений, способствовавших уклонению от военной службы.

12) По мере надобности Особкомучет будут командированы на места особые контрольные комиссии для фактической проверки деятельности губотдела Особкомучет во всех отношениях в пределах поставленных губотделам задач.

13) Одновременно с постановлениями о выделении в армию бывших офицеров губотделы делают распоряжения и наблюдают за выполнением таковых о направлении в состав резервов соответствующих военно-окружных штабов в сроки: в десятидневный — лиц, на ответственности коих по занимаемым ими ныне должностям состоят денежные суммы, или имущество, или таковая же отчетность, и в пятидневный — всех остальных лиц.

14) Ежедневные по телеграфу донесения о своих работах губотделы делают по нижеследующей форме: Телеграмма. Военная. Москва. Командное. Председателю Особкомучет. За (число, месяц) принято на учет по (такой-то губернии) комсостава двоеточие пехоты 00 кавалерии 00 артиллерии 00 инженерно-технических войск 00 админхозслужбы 00. Точка. Предназначено выделению резерв округа по пехоте двоеточие (подробно указать цифрами всех по бывшим чинам) по кавалерии (подробно указать цифрами всех по бывшим чинам) по артиллерии (подробно указать цифрами всех по бывшим чинам) по инженерно-техническим войскам (подробно указать цифрами всех по бывшим чинам) и админхозслужбы (подробно указать цифрами всех по бывшим чинам). Точка. Предгуботдела Особкомучет (такой-то).

Председатель Особой комиссии
при Реввоенсовете Республики
по учету бывших офицеров
А. Эйдук

ЦГАСА. Ф. 4. Оп. 10. Д. 519. Л. 8, 9.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ — БЫВШИЕ ОФИЦЕРЫ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА — В КОРПУСЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО
ШТАБА РККА В 1918—1920 гг. ^{1*}

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии; год окончания Академии Генерального штаба	Служба в Красной Армии		
		1918 г.	1919 г.	1920 г.
Абакумов Николай Иванович	Подполковник 1914	По мобилизации	су ^{2*}	с ^{2*}
Акутин Павел Тимофеевич	Капитан 1918	Добровольно	—	—
Александров Леонид Капитонович	Генерал-майор 1904	»	с	с
Алексеев Носиф Терентьевич	Капитан 1917	»	с	с
Алексеев Константин Васильевич	Полковник 1909	»	су	—
Алексеев Михаил Павлович	Генерал-майор 1894	По мобилизации	с	с
Алексеев Яков Иванович	» 1901	Добровольно	с	с
Андерс Александр Карлович	Полковник 1908	»	с	с
Андреев Федор Федорович	Подполковник 1909	По мобилизации	су	с
Анисимов Александр Иванович	Генерал-майор 1902	Добровольно	с	с
Апухтин Александр Николаевич	» 1902	По мобилизации	—	с
Артемьев Константин Петрович	Подполковник 1914	Добровольно	с	с
Аушан Андрей Иванович	Генерал-майор 1903	»	с	с
Афанасьев Александр Николаевич	Подполковник 1914	»	—	с
Афанасьев Анатолий Васильевич	» 1914	»	с	с
Афанасьев Владимир Александрович	Генерал-майор 1899	»	с	с
Афанасьев Федор Михайлович	Подполковник 1913	»	с	с
Бабинов Николай Александрович	Генерал-лейтенант 1893	»	с	с
Банов Константин Константинович	» 1894	»	с	—
Балабин Филипп Иванович	Полковник 1908	»	—	с
Балабин Дмитрий Васильевич	Генерал от инфантерии 1882	—	—	с

Продолжение

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии; год окончания Академии Генерального штаба	Служба в Красной Армии		
		1918 г.	1919 г.	1920 г.
Балтийский Александр Алексеевич	Генерал-майор 1903	Добровольно	с	с
Балуев Петр Семенович	Генерал от инфантерии 1882	»	с	с
Барановский Владимир Львович	Генерал-майор 1910	»	с	с
Бардинский Иван Алексеевич	Капитан 1918	»	с	с
Бармин Александр Александрович	Полковник 1907	»	с	с
Бармин Иван Александрович	Генерал-майор 1904	»	с	с
Бартельс Иван Иванович	Капитан 1918	»	с	с
Баторский Михаил Александрович	Подполковник 1914	»	с	с
Батрук Александр Иванович	Капитан 1914	»	су	с
Беловский Алексей Петрович	Генерал-майор 1906	—	—	с
Белой Александр Сергеевич	Полковник 1909	Добровольно	с	с
Белькович Леонид Николаевич	Генерал от инфантерии 1889	»	с	с
Беляев Александр Иванович	Генерал-майор 1904	»	с	с
Беляев Николай Семенович	» 1899	»	с	с
Бензема Давид Андреевич	Полковник 1903	По мобилизации	с	с
Берендс Константин Юльевич	Подполковник 1913	Добровольно	с	с
Берман Николай Николаевич	» 1914	»	с	с
Бесядовский Константин Иванович	Полковник 1909	»	с	с
Биркан Иван Мартынович	Капитан 1918	»	с	с
Боголепов Василий Иванович	» 1918	»	с	с
Божко Василий Васильевич	» 1918	»	—	—
Бойко Андрей Миронович	» 1917	—	—	с

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии; год окончания Академии Генерального штаба	Служба в Красной Армии		
		1918 г.	1919 г.	1920 г.
Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич	Генерал-майор 1898	Добровольно	с	с
Боровский Николай Константинович	Подполковник 1914	»	—	—
Боровский Федор Николаевич	Капитан 1918	»	—	—
Бородич Константин Федорович	Подполковник 1914	—	су	—
Бражников Николай Константинович	Полковник 1904	—	су	—
Бритагов Василий Николаевич	Генерал-лейтенант 1892	—	су	—
Бугай Пантелеймон Яковлевич	Капитан 1914	—	су	—
Буймистров Владимир Иванович	Генерал-майор 1894	Добровольно	с	с
Булгаков Владимир Иванович	Подполковник 1918	»	—	—
Бутович Василий Васильевич	Генерал-лейтенант 1891	—	—	с
Бучинский Борис Иванович	Полковник 1908	—	су	—
Варфоломеев Николай Ефимович	Капитан 1918	Добровольно	с	с
Васильев Александр Федорович	» 1918	»	с	с
Васильев Михаил Николаевич	Генерал-майор 1898	—	с	—
Васильев Федор Николаевич	Генерал от инфантерии 1885	—	—	с
Величковский Яков Васильевич	Подполковник 1912	—	су	—
Верховский Александр Иванович	Генерал-майор 1911	По мобилизации	с	с
Верховский Сергей Иванович	» 1892	»	с	—
Веселаго Александр Александрович	Полковник 1902	Добровольно	с	с
Виноградов Анатолий Николаевич	Подполковник 1918	»	с	с
Витковский Василий Васильевич	Генерал-лейтенант 1885	»	с	с

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии; год окончания Академии Генерального штаба	Служба в Красной Армии		
		1918 г.	1919 г.	1920 г.
Войтына Иван Антонович	Капитан 1917	»	с	с
Войшин-Мурдас-Жилинский Ипполит Паулинович	Генерал от инфантерии 1882	»	с	с
Волков Борис Иванович	Капитан 1917	»	с	с
Волков Вячеслав Евгеньевич	Подполковник 1913	»	с	с
Волков Сергей Матвеевич	Генерал-майор 1900	»	с	с
Вольский Андрей Иосифович	Подполковник 1914	»	су	—
Воронов Николай Михайлович	Генерал от инфантерии 1887	»	—	—
Высоцкий Иван Витольдович	Капитан 1913	По мобилизации	с	с
Вышемирский Сергей Владимирович	» 1918	Добровольно	—	—
Габаев (Габашвили) Александр Георгиевич	Генерал-майор 1902	—	—	с
Гарф Вильгельм Евгеньевич	Полковник 1910	»	с	с
Гатовский Александр Николаевич	Полковник 1913	Добровольно	с	с
Гатовский Владимир Николаевич	Генерал-майор 1903	»	с	с
Гегстрем Евгений Элисович	» 1907	»	с	с
Герберт Александр Владимирович	Капитан 1912	»	—	с
Гершельман Владимир Константинович	Полковник 1911	»	с	с
Гиндце Сергей Константинович	Капитан 1917	»	с	с
Глаголев Василий Павлович	Полковник 1909	»	с	с
Глинский Николай Сергеевич	Генерал-лейтенант 1885	—	су	—
Голубев Сергей Николаевич	Капитан 1918	Добровольно	с	с
Гонтарев Борис Викторович	Полковник 1911	»	—	—

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии; год окончания Академии Генерального штаба	Служба в Красной Армии		
		1918 г.	1919 г.	1920 г.
Гончаренко Иван Иванович	» 1907 Подполковник	»	с	с
Готовцев Алексей Иванович	» 1914 Капитан	—	—	—
Граужис Ян Карлович	» 1918 Подполковник	Добровольно	с	с
Григорьев Александр Михайлович	» 1897 Капитан	—	—	с
Григорьев Сергей Дмитриевич	» 1909 Капитан	По мобилизации Добровольно	—	с
Григорьев Федор Леонидович	» 1914 »	»	с	с
Григорьев Юрий Иванович	» 1918 »	»	с	с
Гринин Федор Никитич	» 1918 Генерал-майор	»	—	—
Грининский Алексей Самойлович	» 1898 Капитан	»	с	с
Громов Николай Васильевич	» 1918 Генерал-майор	»	с	с
Грудзинский Михаил Цезарович	» 1902 Подполковник	»	—	—
Грудзинтрем Александр Георгиевич	» 1902 Подполковник	»	с	—
Гуков Владимир Матвеевич	» 1909 Капитан	—	—	с
Гурко-Омелянский Николай Николаевич	» 1917 Капитан	Добровольно	с	с
Гуртовенко Харитон Власьевич	» 1918 »	»	с	—
Гусаковский Петр Николаевич	» 1917 Генерал-лейтенант	»	с	с
Гутор Алексей Евгеньевич	» 1895 Подполковник	»	с	с
Гущинский Вячеслав Николаевич	» 1910 »	»	с	с
Давыдов Анатолий Иванович	» 1906 Генерал-майор	—	с	с
Давыдов Антоний Дмитриевич	» 1901 Подполковник	Добровольно	—	—
Далер Владимир Вильгельмович	» 1902 Генерал от инфантерии	»	с	—
Данилов Николай Александрович	» 1893 »	»	с	с

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии; год окончания Академии Генерального штаба	Служба в Красной Армии		
		1918 г.	1919 г.	1920 г.
Давыдов Сергей Иванович	» 1914 Подполковник	»	с	с
Десин Николай Николаевич	» 1895 Полковник	—	с	с
Диденко Анатолий Михайлович	» 1902 Генерал-майор	—	—	с
Дистерло Николай Александрович	» 1897 Генерал-лейтенант	Добровольно	с	—
Дитц Отто Германович	» 1909 Полковник	»	с	с
Добрынин Александр Федорович	» 1897 Генерал-лейтенант	»	с	—
Добрынин Филипп Николаевич	» 1886 »	»	с	—
Долгов Дмитрий Александрович	» 1884 Генерал от инфантерии	»	с	с
Доможиров Николай Николаевич	» 1918 Капитан	»	с	с
Дубинин Роман Иванович	» 1893 Генерал-майор	»	с	с
Дубинин Тимофей Данилович	» 1918 Капитан	»	с	с
Дубов Леонид Иосифович	» 1914 Подполковник	»	с	с
Дудов Михаил Афанасьевич	» 1918 Капитан	»	с	с
Душкевич Александр Александрович	» 1912 Подполковник	»	с	с
Дьяков Владимир Авраамович	» 1909 Полковник	»	с	с
Дьяков Георгий Семенович	» 1918 Капитан	»	с	с
Дягилев Валентин Павлович	» 1903 Генерал-майор	»	с	с
Еврейцов Константин Леонидович	» 1900 »	»	с	с
Егорьев Владимир Николаевич	» 1901 Генерал-лейтенант	»	с	с
Елизаров Николай Степанович	» 1904 Генерал-майор	»	с	с
Ермолаев Андрей Павлович	» 1914 Капитан	»	с	—

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии; год окончания Академии Генерального штаба	Служба в Красной Армии		
		1918 г.	1919 г.	1920 г.
Ермолин Павел Иванович	Подполковник 1912	»	с	с
Ермолов Николай Николаевич	» 1912	»	с	—
Жагун-Линник Степан Никифорович	» 1914	—	су	—
Жданов Николай Александрович	Генерал-майор 1903	Добровольно	с	—
Железнов Николай Васильевич	Капитан 1917	—	су	—
Жуков Владимир Яковлевич	Полковник 1906	Добровольно	с	с
Забегалов Николай Яковлевич	Подполковник 1918	»	с	с
Заболотный Аркадий Моисеевич	Генерал-майор 1904	—	су	—
Загородний Михаил Андреевич	Полковник 1917	Добровольно	су	—
Загю Михаил Михайлович	Генерал-майор 1902	»	с	с
Зайончковский Андрей Медардович	Генерал от инфантерии 1888	»	с	с
Зайченко Захарий Иванович	Генерал-майор 1898	»	с	с
Зарубаев Владимир Николаевич	Полковник 1911	»	с	с
Затеplinский Виктор Константинович	Капитан 1914	»	с	—
Захаров Павел Александрович	» 1918	»	с	с
Защук Иосиф Иосифович	Полковник 1908	»	с	с
Земцов Михаил Никонорович	» 1912	По мобилизации	с	с
Зиверт Вольдемар Генрихович	Капитан 1917	Добровольно	с	с
Зильберман Константин Николаевич	Подполковник 1913	»	—	—
Златолинский Владимир Александрович	Полковник 1903	»	с	с
Зундблад Александр Оскарович	Генерал-майор 1901	»	с	с
Иванов Александр Михайлович	» 1898	»	с	с

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии; год окончания Академии Генерального штаба	Служба в Красной Армии		
		1918 г.	1919 г.	1920 г.
Иванов Григорий Константинович	Капитан 1918	»	—	—
Ивановский Владимир Александрович	Подполковник 1910	»	с	с
Ивасинов Яков Клементьевич	Капитан 1917	»	с	—
Изместьев Петр Иванович	Генерал-майор 1906	»	с	с
Ильин Евгений Павлович	Капитан 1918	»	с	с
Иозефович Феликс Доминикович	Генерал-майор 1887	»	с	с
Исаев Евгений Иванович	Капитан 1918	»	с	с
Искрицкий Евгений Андреевич	Генерал-лейтенант 1899	»	с	с
Кабалов Александр Иванович	Генерал-майор 1904	»	с	с
Кадников Николай Иванович	Капитан 1918	»	с	с
Кадомский Дмитрий Петрович	Генерал-майор 1894	»	су	с
Кадошиников Андрей Федорович	» 1903	»	с	с
Какурин Николай Евгеньевич	Полковник 1910	—	—	с
Калюжный Иван Семенович	Подполковник 1913	Добровольно	с	с
Каменев Сергей Сергеевич	Полковник 1907	»	с	с
Каменский Михаил Павлович	Генерал-майор 1901	»	с	с
Каменский Сергей Николаевич	» 1900	»	с	с
Камкин Николай Иванович	Капитан 1918	»	с	с
Камнев (Петерс) Владимир Николаевич	Генерал-майор 1894	»	с	с
Капустин Николай Яковлевич	Полковник 1911	»	с	с
Карелов Александр Александрович	Капитан 1914	»	с	с
Карклин Вильгельм Карлович	Подполковник 1913	»	с	с

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии; год окончания Академии Генерального штаба	Служба в Красной Армии		
		1918 г.	1919 г.	1920 г.
Карников Вячеслав Александрович	Генерал-майор 1898	—	—	с
Карасон Карл Карлович	Полковник 1906	Добровольно	с	с
Кельчевский Евгений Анатольевич	Подполковник 1912	—	—	—
Кенцен Андрей Георгиевич	» 1914	Добровольно	с	с
Кириичников Алексей Владимирович	Капитан 1918	»	с	с
Киселев Николай Александрович	» 1918	»	—	—
Клембовский Владислав Наполеонович	Генерал от инфантерии 1885	»	с	с
Климовецкий Александр Карлович	Капитан 1918	»	с	с
Климович Антон Павлович	Генерал-майор 1904	»	с	с
Клюев Леонид Лаврович	Подполковник 1914	»	с	с
Кобылецкий Юлиан Иосифович	» 1913	—	су	—
Кожевников Александр Васильевич	Полковник 1913	—	—	с
Козаков Владимир Гаврилович	» 1904	По мобилизации	с	с
Козловский Степан Степанович	Генерал-лейтенант 1887	Добровольно	с	с
Коленковский Александр Константинович	Подполковник 1912	»	с	с
Кольшмидт Виктор Брунович	Генерал-майор 1894	»	с	с
Комельков Александр Антонович	Полковник 1907	—	су	—
Кондратьев Борис Николаевич	Капитан 1917	—	—	—
Корк Август Иванович	» 1914	Добровольно	с	с
Корольков Георгий Карпович	Генерал-лейтенант 1893	»	с	с
Корсун Николай Георгиевич	Генерал-майор 1905	»	с	с

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии; год окончания Академии Генерального штаба	Служба в Красной Армии		
		1918 г.	1919 г.	1920 г.
Корульский Александр Николаевич	Генерал-лейтенант 1894	»	с	с
Косач Тит Стефанович	Капитан 1910	»	с	с
Косматов Александр Васильевич	Полковник 1911	»	с	с
Костяев Федор Васильевич	Генерал-майор 1905	»	с	с
Косяков Виктор Антонович	» 1902	»	с	с
Крапоткин Дмитрий Алексеевич	» 1895	—	с	с
Кривченко Петр Александрович	Капитан 1918	Добровольно	—	—
Крушевский Николай Николаевич	Подполковник 1914	»	су	—
Крюгер Александр Иванович	Генерал-майор 1891	Добровольно	с	с
Кудрявцев Николай Алексеевич	Подполковник 1905	—	—	с
Кузнецов Борис Иннокентьевич	Капитан 1918	Добровольно	с	с
Кузнецов Матвей Никифорович	Полковник 1911	—	су	с
Кук Александр Иванович	Капитан 1918	Добровольно	с	с
Куликов Петр Васильевич	» 1918	»	с	с
Кусонский Павел Михайлович	Генерал-майор 1899	»	с	с
Кутырев Гавриил Яковлевич	Капитан 1918	»	с	с
Ладыженский Владимир Алексеевич	» 1914	»	с	с
Ладыженский Гавриил Михайлович	Генерал-майор 1893	»	с	с
Лазаревич Владимир Саламанович	Подполковник 1912	»	с	с
Латынин Василий Дементьевич	» 1918	»	с	с
Лебедев Дмитрий Капитонович	Генерал-майор 1904	»	с	с
Лебедев Михаил Васильевич	» 1901	—	су	с

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии; год окончания Академии Генерального штаба	Служба в Красной Армии		
		1918 г.	1919 г.	1920 г.
Лебедев Павел Павлович	1900	Добровольно	с	с
Левитский Вячеслав Иванович	Генерал-майор 1903	—	—	с
Лео Николай Николаевич	Генерал-лейтенант 1891	Добровольно	с	с
Леонов Алексей Николаевич	Капитан 1918	»	с	с
Либус (Либусь) Николай Дмитриевич	» 1918	»	с	с
Ливенцев Николай Денисович	Генерал-майор 1889	»	—	—
Лисовский Николай Васильевич	Капитан 1914	»	с	с
Лукирский Сергей Георгиевич	Генерал-майор 1901	»	с	с
Лупаков Леонид Александрович	Подполковник 1912	»	с	с
Луц (Лусь) Эдуард Карлович	Капитан 1918	»	с	с
Любимов Владимир Виссарионович	Подполковник 1914	»	с	с
Любомиров Павел Петрович	Генерал-лейтенант 1884	»	с	с
Люттов Александр Дмитриевич	Капитан 1918	»	с	с
Ляшко Поликарп Иванович	» 1912	»	—	—
Майгур Парфений Матвеевич	» 1918	»	с	с
Майдель Владимир Николаевич	Генерал-майор 1892	»	с	с
Максимов Василий Иванович	Капитан 1918	»	с	с
Максимович Александр Николаевич	Полковник 1907	»	с	с
Максимовский Николай Николаевич	Генерал-майор 1894	»	с	с
Макулович Александр Иванович	Капитан 1918	»	с	с
Малеев Дмитрий Павлович	Полковник 1894	»	с	с
Малышев Александр Козьмич	Капитан 1918	»	с	с

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии; год окончания Академии Генерального штаба	Служба в Красной Армии		
		1918 г.	1919 г.	1920 г.
Мартынов Константин Акимович	Генерал-майор 1905	»	с	с
Мартынов Николай Николаевич	Подполковник 1911	»	с	—
Маслов Виктор Николаевич	Капитан 1918	»	—	—
Матвеев Александр Александрович	Подполковник 1913	—	с	—
Маттис Георгий Оттович	Капитан 1918	Добровольно	с	с
Махров Николай Семенович	Генерал-майор 1904	»	с	с
Машин Александр Николаевич	Капитан 1918	»	с	с
Медведев Александр Павлович	Подполковник 1912	»	с	с
Медведев Михаил Васильевич	Капитан 1914	»	—	—
Медель Александр Иванович	» 1918	»	с	с
Меженников Сергей Александрович	» 1917	»	с	с
Мей Павел Алексеевич	» 1918	»	с	с
Мельников Дмитрий Антонович	Генерал-майор 1898	»	с	—
Менде Ростислав Федорович	Капитан 1914	—	с	—
Меницкий Иосиф-Болислав Иванович	Генерал-майор 1897	Добровольно	—	—
Михайлов Виктор Иванович	» 1904	»	с	с
Михайлов Владимир Яковлевич	Подполковник 1912	—	с	—
Михалькович Максим Степанович	Полковник 1909	—	с	—
Михеев Виктор Степанович	Генерал-майор 1905	Добровольно	с	с
Михеев Сергей Петрович	» 1902	»	с	с
Михневич Николай Петрович	Генерал от инфантерии 1882	»	с	с
Моденов Иван Дмитриевич	Капитан 1918	»	с	с

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии; год окончания Академии Генерального штаба	Служба в Красной Армии		
		1918 г.	1919 г.	1920 г.
Молочанов Михаил Васильевич	Подполковник 1918	*	с	с
Монфор Евгений Орестович	Полковник 1904	*	с	с
Моравицкий Константин Александрович	*	*	с	—
Мороз Федис Антонович	Подполковник 1913	*	с	—
Моторный Виктор Иванович	Полковник 1908	*	с	с
Момульский Александр Иванович	Генерал-майор 1905	*	с	—
Муратов Владимир Павлович	*	*	с	с
Муханов Александр Владимирович	*	*	—	с
Муханов Георгий Александрович	Полковник 1907	*	—	—
Мыслицкий Николай Григорьевич	Генерал-майор 1902	*	с	с
Надежный Дмитрий Николаевич	Генерал-лейтенант 1901	*	с	с
Невазоров Александр Павлович	Подполковник 1914	*	—	—
Незнамов Александр Александрович	Генерал-майор 1900	*	с	с
Нестеровский Александр Иванович	Генерал-лейтенант 1892	*	с	—
Николаев Александр Николаевич	Капитан 1918	*	—	—
Никулин Иван Андреевич	Генерал-майор 1899	*	с	с
Новиков Евгений Иванович	*	*	с	с
Новиков Александр Васильевич	Генерал-лейтенант 1891	*	с	с
Новиков Владимир Викторович	Полковник 1909	*	с	с
Новицкий Василий Федорович	Генерал-лейтенант 1895	*	с	с
Новицкий Марк Парфенович	Подполковник 1914	—	с	с

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии; год окончания Академии Генерального штаба	Служба в Красной Армии		
		1918 г.	1919 г.	1920 г.
Новицкий Федор Федорович	Генерал-майор 1895	Добровольно	с	с
Оболенев Николай Николаевич	*	*	с	с
Образцов Андрей Андреевич	Капитан 1917	—	с	—
Огородников Федор Ефлампиевич	Генерал-лейтенант 1915	Добровольно	с	с
Одинцов Сергей Иванович	Генерал-майор 1902	*	—	—
Окерман Виктор Вильгельмович	Полковник 1909	*	с	с
Окунев Александр Дмитриевич	*	*	с	с
Олейников Павел Иванович	Капитан 1918	*	—	—
Олохов Владимир Аполлонович	Генерал от инфантерии 1882	—	—	с
Ольдерогге Владимир Александрович	Генерал-майор 1901	Добровольно	с	с
Ораевский Иван Федорович	Подполковник 1918	*	с	с
Орешкин Иван Петрович	*	*	с	с
Орлов Михаил Александрович	Капитан 1917	*	с	с
Панкратьев Алексей Прохорович	*	*	с	с
Панов Александр Васильевич	*	*	с	с
Парский Дмитрий Павлович	Генерал-лейтенант 1893	*	с	с
Паука Иван Христианович	Подполковник 1914	*	с	с
Пахомов Александр Георгиевич	Капитан 1918	*	—	—
Певнев Александр Леонтьевич	Генерал-майор 1900	*	с	с
Перемытов Алексей Макарович	Капитан 1917	*	с	с
Пересветов Борис Иванович	Подполковник 1910	*	с	с

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии; год окончания Академии Генерального штаба	Служба в Красной Армии		
		1918 г.	1919 г.	1920 г.
Перлик	Полковник	»	с	с
Георгий Дмитриевич	1904			
Петерсон	Генерал-майор	»	с	с
Вольдемар Карлович	1905			
Петин	Полковник	»	с	с
Николай Николаевич	1907			
Петрасевич	Подполковник	»	с	с
Петр Николаевич	1914			
Петров	Капитан	»	с	с
Михаил Михайлович	1917			
Пирог	»	»	с	с
Семен Васильевич	1918			
Плотников	Полковник	»	с	—
Евгений Борисович	1912			
Плюгто	Капитан	»	с	с
Сергей Григорьевич	1918			
Плющевский-Плющик	Генерал-майор	»	с	с
Григорий Александрович	1903			
Пневский	»	»	с	с
Николай Вячеславович	1901			
Побывалец	Капитан	»	су	—
Владимир Ильич	1918			
Подгурский	Генерал-лейтенант	»	с	с
Федор Александрович	1887			
Полыванов	Генерал от инфантерии	—	—	—
Алексей Андреевич	1888			
Поликарпов	Капитан	Добровольно	с	с
Михаил Алексеевич	1918			
Полковников	»	»	с	с
Иван Николаевич	1918			
Полозов	»	»	с	с
Иван Наумович	1918			
Полышкин	»	»	с	с
Василий Захарович	1918			
Поляков	Генерал-майор	»	с	с
Петр Иванович	1906			
Попов	»	»	с	с
Василий Федорович	1903			
Попов	Полковник	По мобилизации	су	—
Михаил Кириллович	1906			
Попов	Генерал-майор	Добровольно	с	с
Николай Иванович	1905			
Потапов	Подполковник	»	су	—
Илья Николаевич	1914			

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии; год окончания Академии Генерального штаба	Служба в Красной Армии		
		1918 г.	1919 г.	1920 г.
Потапов	Генерал-лейтенант	»	с	с
Николай Михайлович	1897			
Поарков	Полковник	»	су	с
Измаил Николаевич	1906			
Преображенский	Подполковник	»	с	с
Владимир Иванович	1913			
Пугачев	Капитан	»	с	с
Семен Андреевич	1914			
Радус-Зенкович	Генерал-майор	»	с	с
Лев Аполлонович	1900			
Раевский	Полковник	»	с	с
Михаил Федорович	1907			
Раталь	»	»	с	с
Иван Иосифович	1911			
Раталь	Генерал-майор	»	с	с
Николай Иосифович	1902			
Ремезов	»	»	с	с
Александр Кондратьевич	1899			
Ржецкий	Подполковник	»	с	с
Владимир Фелицианович	1918			
Ригельман	Полковник	»	с	с
Евгений Николаевич	1909			
Родендорф	Капитан	»	—	—
Борис Людвигович	1907			
Родкевич	Полковник	»	—	—
Николай Николаевич	1906			
Розанов	Капитан	»	с	с
Николай Николаевич	1918			
Розанов	»	»	с	с
Сергей Федорович	1910			
Ролько	»	»	—	—
Аркадий Семенович	1918			
Ростов	Полковник	»	с	с
Лев Николаевич	1910			
Рудаков	Подполковник	»	с	с
Александр Александрович	1907			
Рыльский	Генерал-майор	»	с	с
Константин Иосифович	1900			
Рышковский	Подполковник	—	—	с
Борис Иванович	1912			
Рябинин	Полковник	Добровольно	с	с
Александр Александрович	1907			
Савич	Капитан	»	—	—
Максим Яковлевич	1918			

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии; год окончания Академии Генерального штаба	Служба в Красной Армии		
		1918 г.	1919 г.	1920 г.
Савченко Сергей Николаевич	Генерал-майор 1902	»	с	с
Савченко-Маценко Лев Иванович	» 1904	»	с	—
Сакварелидзе-Бежанов Сергей Георгиевич	Подполковник 1909	»	с	с
Салов Владимир Владимирович	Капитан 1914	»	—	—
Самойло Александр Александрович	Генерал-майор 1898	»	с	с
Самсон-Гиммельшерн Ульрих Иванович	Полковник 1912	»	с	с
Самуйлов Василий Иванович	Капитан 1918	»	с	с
Сапожников Николай Павлович	Генерал-майор 1902	»	с	с
Саттерун Дмитрий Вадимович	» 1904	»	с	с
Сахаров Сергей Константинович	Капитан 1918	»	—	—
Свечин Александр Андреевич	Генерал-майор 1903	»	с	с
Свечников Михаил Степанович	Полковник 1911	»	с	с
Свицкий Владимир Николаевич	Генерал-лейтенант 1891	»	—	—
Сегеркранц Сергей Карлович	Генерал-майор 1905	»	с	с
Седачев Владимир Константинович	» 1907	»	с	с
Селенинов Владимир Вячеславович	Капитан 1918	»	—	—
Селиверстов Иван Иванович	Генерал-майор 1901	»	с	с
Семенов Николай Григорьевич	» 1904	»	с	с
Сергеев Владимир Васильевич	Капитан 1917	»	с	с
Сергеев Евгений Николаевич	Подполковник 1914	»	с	с
Сергиевский Дмитрий Дмитриевич	Генерал-майор 1897	»	с	с
Серебрянников Владимир Григорьевич	» 1900	»	с	с

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии; год окончания Академии Генерального штаба	Служба в Красной Армии		
		1918 г.	1919 г.	1920 г.
Сиверс Николай Николаевич	Генерал-лейтенант 1895	»	с	с
Ситников Александр Николаевич	Полковник 1903	»	с	с
Скворцов Борис Николаевич	Капитан 1918	»	с	с
Сластников-Сластенко Наум Иосифович	» 1918	»	с	—
Слащкоухов Павел Павлович	Полковник 1918	»	с	с
Смирнов Алексей Владимирович	» 1907	»	с	с
Смирнов Анатолий Степанович	Капитан 1917	—	су	—
Смирнов Владимир Михайлович	Полковник 1907	Добровольно	с	с
Снесарев Андрей Евгеньевич	Генерал-лейтенант 1899	»	с	с
Соковнин Всеволод Алексеевич	Генерал-майор 1900	»	с	—
Соковнин Михаил Алексеевич	Генерал-лейтенант 1892	»	с	с
Соколов Лев Корнильевич	Генерал-майор 1906	»	су	—
Соллогуб Николай Владимирович	Полковник 1910	»	с	с
Солышкин Михаил Ефимович	Генерал-майор 1902	По мобилизации	с	с
Срывагин Владимир Андреевич	Капитан 1918	Добровольно	с	—
Стаев Павел Степанович	Генерал-майор 1896	»	с	с
Стасевич Владимир Ефимович	Капитан 1918	»	—	—
Стойкин Владимир Иосифович	Генерал-майор 1903	—	су	с
Стокальский Родослав Евсеевич	Подполковник 1918	Добровольно	—	—
Строев (Рихтер) Михаил Павлович	Капитан 1914	»	с	с
Стрыхарь Павел Маркович	» 1918	»	с	с

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии; год окончания Академии Генерального штаба	Служба в Красной Армии		
		1918 г.	1919 г.	1920 г.
Стугин Михаил Александрович	Полковник 1904	»	с	с
Студьба Владимир Юльянович	Капитан 1918	»	с	с
Суворов Андрей Николаевич	Генерал-майор 1903	»	с	с
Судейман Николай Александрович	» 1910	»	с	с
Сухов Василий Гаврилович	Подполковник 1913	»	с	с
Суходольский Геннадий Дмитриевич	Полковник 1911	»	с	—
Сухомлин Семенов Андреевич	Генерал-лейтенант 1894	»	с	с
Сушков Владимир Николаевич	Генерал-майор 1894	»	су	с
Сысоев Евгений Владимирович	Капитан 1918	»	с	с
Сытин Павел Павлович	Генерал-майор 1899	»	с	с
Тарановский Александр Дмитриевич	Капитан 1914	»	с	с
Тарасов Владимир Иванович	» 1918	»	—	—
Тарасов Владимир Федорович	» 1918	»	—	—
Таубе Александр Александрович	Генерал-лейтенант 1891	»	—	—
Таубе Сергей Фердинандович	Генерал-майор 1905	»	с	с
Теодори Георгий Иванович	Капитан 1918	»	с	—
Тераевич Константин Паулинович	» 1918	»	—	—
Тихменев Георгий Михайлович	Генерал-майор 1911	»	с	с
Токаревский Вячеслав Константинович	Полковник 1911	»	с	с
Томелин Сергей Валерианович	Генерал-майор 1903	»	с	с
Трофимов Вадим Владимирович	Капитан 1918	»	с	с
Туров Яков Семенович	» 1918	»	—	—

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии; год окончания Академии Генерального штаба	Служба в Красной Армии		
		1918 г.	1919 г.	1920 г.
Тюлин Михаил Степанович	Генерал от кавалерии 1889	—	—	с
Тюреников Борис Николаевич	Капитан 1918	Добровольно	—	—
Умнов Константин Александрович	» 1917	»	с	с
Ушаков Константин Михайлович	Генерал-майор 1900	»	с	с
Ушаков Николай Михайлович	Капитан 1910	»	с	с
Фастыковский Михаил Владимирович	Генерал-майор 1908	»	су	с
Федотов Александр Ипполитович	» 1898	»	с	с
Фетисов Петр Емельянович	Полковник 1911	—	су	—
Фешот Фердинанд Фердинандович	» 1903	Добровольно	с	с
Фидлер Вильгельм Генрихович	Капитан 1914	—	—	с
Фомичев Михаил Иванович	Подполковник 1908	»	с	с
Фрейман Александр Константинович	Генерал-лейтенант 1888	»	с	с
Хамин Николай Александрович	» 1891	»	с	с
Харламов Сергей Дмитриевич	Полковник 1910	»	с	с
Хвощинский Георгий Николаевич	Генерал-майор 1905	»	с	с
Хенриксон Николай Владимирович	» 1901	»	с	с
Хрулев Владимир Васильевич	Капитан 1918	—	—	с
Хрыпов Иван Антонович	» 1918	Добровольно	с	—
Цейтлин Василий Михайлович	» 1918	»	с	с
Цихович Януарий Казимирович	Генерал-лейтенант 1897	»	с	с
Цуриков Афанасий Андреевич	Генерал от кавалерии 1883	—	—	с

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии; год окончания Академии Генерального штаба	Служба в Красной Армии		
		1918 г.	1919 г.	1920 г.
Цыгальский Михаил Викторович	Генерал-майор 1903	Добровольно	с	с
Чаусов Николай Дмитриевич	» 1899	»	с	с
Черемисинов Владимир Михайлович	» 1900	»	су	—
Черепеников Алексей Иванович	» 1896	»	с	с
Черкасов Петр Владимирович	Генерал-лейтенант 1900	»	с	с
Черинговский-Сокол Бронислав Фаддеевич	Капитан 1918	»	с	—
Чернышев Виктор Николаевич	Полковник 1906	»	с	с
Чернявский Иван Александрович	Капитан 1917	—	су	—
Чистулов Иван Дмитриевич	» 1918	Добровольно		
Шавров Борис Николаевич	Полковник 1906	»	с	с
Шапошиников Борис Михайлович	» 1910	»	с	с
Шафалович Федор Платонович	Подполковник 1913	»	с	с
Шарц Николай Николаевич	Полковник 1911	»	с	с
Шейдеман Сергей Михайлович	Генерал от кавалерии 1883	»	—	—
Шеманский Анатолий Дмитриевич	Генерал-майор 1897	»	с	с
Шемякин Константин Яковлевич	» 1891	»	с	с
Шестун Василий Викторович	Подполковник 1908	»	с	с
Шило Николай Иванович	Капитан 1918	»	с	с
Шиловский Евгений Александрович	» 1917	»	с	с
Шировов Виктор Павлович	Генерал-лейтенант 1889	»	—	—
Шифрин Петр Николаевич	Полковник 1904	»	с	с

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии; год окончания Академии Генерального штаба	Служба в Красной Армии		
		1918 г.	1919 г.	1920 г.
Шинкин Владимир Иванович	» 1907	»	с	с
Шинковский Евгений Евгеньевич	» 1908	»	с	с
Шнилько Григорий Андреевич	» 1907	»	с	с
Шрейдер Анатолий Александрович	Капитан 1910	»	с	с
Штубендорф Алексей Оттович	Генерал-майор 1904	»	с	с
Шуваев Александр Дмитриевич	Подполковник 1912	»	с	с
Шуваев Дмитрий Савельевич	Генерал от инфантерии 1878	»	—	—
Шукевич Иван Людвигович	Подполковник 1906	»	с	с
Шумов Леонид Андреевич	» 1912	»	с	с
Щенетов Николай Евлевич	Полковник 1906	»	с	с
Щолоков Иван Иванович	» 1902	»	с	с
Эзерниг Карл Иванович	Генерал-майор 1899	»	с	с
Эйгель Николай Матвеевич	» 1897	—	—	с
Эйгель Виктор Николаевич	» 1902	По мобилизации	с	с
Энглер Николай Владимирович	Капитан 1918	Добровольно	—	с
Энден Михаил Михайлович	» 1917	»	с	с
Юршевский Яков Яковлевич	Подполковник 1918	»	с	с
Ягода Александр Николаевич	» 1914	»	с	—
Ягодкин Павел Яковлевич	Генерал-майор 1897	»	с	с
Якимович Александр Александрович	» 1904	»	с	с
Яковлев Александр Александрович	» 1903	»	с	с

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии; год окончания Академии Генерального штаба	Служба в Красной Армии		
		1918 г.	1919 г.	1920 г.
Яковский Николай Васильевич	Капитан 1918	»	с	с
Яшко Иван Васильевич	Подковник 1909	»	с	с

^{1*} Составлено по: Список Генерального штаба. Составлен по сведениям, имеющимся в Организационном управлении Всероссийского Главного штаба к 15 июля 1919 года. В. м., б. г.; Список Генерального штаба. Составлен по сведениям, имеющимся в Организационном управлении Всероссийского Главного штаба к 7 августа 1920 года. В. м., б. г.; Дополнительный список Генерального штаба. Составлен по сведениям бывшего Народного комиссариата по военным делам Украинской Советской Социалистической Республики к 1 сентября 1919 года. В. м., б. г.

^{2*} Буквы «су» означают, что данное лицо было включено в «Список Генерального штаба», составленный по сведениям бывшего Народного комиссариата по военным делам Украинской Советской Социалистической Республики к 1 сентября 1919 г.

^{3*} Буква «с» означает, что данное лицо было включено в «Список Генерального штаба», изданный Организационным управлением Всероссийского Главного штаба на 15 июля 1919 г. и на 7 августа 1920 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ — КОМАНДУЮЩИЕ АРМИЯМИ *

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии		Партийность (на 1 января 1921 г.)
	кадровый офицер	офицер военного времени	
Авксентьевский Константин Алексеевич	—	Подпоручик	Член РКП (б) с 1917 г.
Алафузо Михаил Иванович	Капитан	—	—
Аралов Семен Иванович	—	Штабс-капитан	Член РКП (б) с 1918 г.
Балтийский Александр Алексеевич	Генштаба генерал	—	—
Белой Александр Сергеевич	Генштаба полковник	—	—
Берзин Рейнгольд Иосифович	—	Поручик	Член РКП (б) с 1905 г.
Блажевич Иосиф Францевич	Подполковник	—	—
Блюмберг Жанно Карлович	—	Прапорщик	—
Богословский Борис Петрович	Генштаба подполковник	—	—
Бутягин Юрий Павлович	Подполковник	—	—
Василенко Матвей Иванович	Генштаба подполковник	—	—
Васильев Михаил Николаевич	Генштаба генерал	—	—
Вацетис Иоаким Иоакимович	—	—	—
Восканов Гаспар Карапетович	Подполковник	—	Член РКП (б) с 1919 г.
Всеволодов Николай Дмитриевич	Генштаба полковник	—	—
Гай Гая Дмитриевич	—	Прапорщик	Член РКП (б) с 1918 г.
Гарф Вильгельм Евгеньевич	Генштаба полковник	—	—
Геккер Анатолій Ильич	Штабс-ротмистр	—	—
Гитис Владимир Михайлович	Полковник	—	—
Глаголев Василий Павлович	Генштаба полковник	—	—
Голубинцев Евгений Матвеевич	Полковник	—	—
Дубовой Иван Наумович	—	Прапорщик	Член РКП (б) с 1917 г.

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии		Партийность (на 1 января 1921 г.)
	кадровый офицер	офицер военного времени	
Душкевич Александр Александрович	Генштаба под- полковник	—	—
Егоров Александр Ильич	Подполковник	—	Член РКП(б) с 1918 г.
Жданов Николай Александрович	Генштаба ге- нерал	—	—
Зарубаев Владимир Николаевич	Генштаба пол- ковник	—	—
Захаров Павел Александрович	Генштаба ка- питан	—	—
Искрицкий Евгений Андреевич	Генштаба ге- нерал	—	—
Какурин Николай Евгеньевич	Генштаба пол- ковник	—	—
Клюев Леонид Лаврович	Генштаба под- полковник	—	—
Княгиницкий Павел Ефимович	—	Прапорщик	Член РКП(б) с 1917 г.
Ковтюх Епифан Иович	—	Штабс-капитан	Член РКП(б) с 1918 г.
Корк Август Иванович	Генштаба ка- питан	—	—
Крузе Владимир Михайлович	Подполковник	—	—
Кук Александр Иванович	Генштаба ка- питан	—	—
Кутырев Гавриил Яковлевич	»	—	—
Лазаревич Владимир Саламанович	Генштаба под- полковник	—	—
Левандовский Михаил Карлович	—	Штабс-капитан	Член РКП(б) с 1920 г.
Лисовский Николай Васильевич	Генштаба ка- питан	—	—
Любимов Владимир Виссарионович	Генштаба под- полковник	—	—
Максимов Иван Федорович	Подполковник	—	—
Мармузов Павел Кузьмич	»	—	—
Матиясевич Михаил Степанович	Полковник	—	—
Махин Федор Евдокимович	Генштаба под- полковник	—	—
Меженинов Сергей Александрович	Генштаба ка- питан	—	—

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии		Партийность (на 1 января 1921 г.)
	кадровый офицер	офицер военного времени	
Миронов Филипп Кузьмич	Войсковой старшина	—	Член РКП(б) с 1920 г.
Молкочанов Михаил Васильевич	Генштаба под- полковник	—	—
Надежный Дмитрий Николаевич	Генштаба ге- нерал	—	—
Негродов Борис Леонтьевич	Подполковник	—	—
Новиков Александр Васильевич	Генштаба ге- нерал	—	—
Одинцов Сергей Иванович	»	—	—
Павлов Александр Васильевич	—	Поручик	—
Паука Иван Христианович	Генштаба под- полковник	—	—
Распопов Владимир Павлович	»	—	—
Ратайский Андрей Иосифович	Полковник	—	—
Ремезов Александр Кондратьевич	Генштаба ге- нерал	—	—
Самойло Александр Александрович	»	—	—
Семенов Николай Григорьевич	»	—	—
Сергеев Евгений Николаевич	Генштаба под- полковник	—	—
Скачко Анатолий Евгеньевич	—	Штабс-капитан	Член РКП(б) с 1917 г.
Славец Петр Антонович	Полковник	—	—
Смирнов Александр Сергеевич	Подполковник	—	—
Снесарев Андрей Евгеньевич	Генштаба ге- нерал	—	—
Соллогуб Николай Владимирович	Генштаба пол- ковник	—	—
Сорокин Иван Лукич	—	Прапорщик	—
Степин Александр Карлович	—	Поручик	Член РКП(б) с 1919 г.
Тухачевский Михаил Николаевич	Подпоручик	—	Член РКП(б) с 1918 г.
Уборевич-Губоревич Иероним Петрович	—	Подпоручик	Член РКП(б) с 1917 г.

Фамилия, имя, отчество	Последний чин в старой армии		Партийность (на 1 января 1921 г.)
	кадровый офицер	офицер военного времени	
Угрюмов Леонид Яковлевич	Полковник	—	—
Федько Иван Федорович	—	Прапорщик	Член РКП(б) с 1917 г.
Харламов Сергей Дмитриевич	Генштаба пол- ковник	—	—
Харченко Александр Игнатьевич	—	Поручик	—
Хейриксон Николай Владимирович	Генштаба ге- нерал	—	—
Худяков Николай Иоакимович	—	Штабс-капитан	—
Чернавин Всеволод Владимирович	Генерал	—	—
Чернышев Виктор Николаевич	Генштаба пол- ковник	—	—
Шиловский Евгений Александрович	Генштаба ка- питан	—	—
Шидя-Алексюк Степан Огннович	—	Прапорщик	—
Шорин Василий Иванович	Полковник	—	—
Шуваев Александр Дмитриевич	Генштаба под- полковник	—	—
Эйдеман Роберт Петрович	—	Прапорщик	Член РКП(б) с 1917 г.
Эйхе Георги Христофорович	—	Штабс-капитан	—

* Составлено по: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.); Сб. документов, М., 1979, т. 4, с. 533—544; ЦГВИА. Ф. 409. Послужные списки.

Абакумов Н. И. 236	Антошевич Б. Л. 148
Абалешев А. А. 179	Апучин С. А. 81, 85, 86
Абрамов Ф. Ф. 227	Апарин Г. А. 180
Авксентьевский К. А. 258	Апухтин А. Н. 236
Автономов А. И. 55	Апушкин В. А. 61
Агапов П. О. 217	Анциков В. П. 179
Агеев А. М. 19	Аралов С. И. 127, 199, 258
Агокас Е. В. * 179	Арбатов Ю. 169
Агокас Н. В. 179	Арватов Ю. И. 175
Агокас С. В. 179	Аренбристр В. В. 179
Адабан М. А. 217	Аржанов М. М. 179
Адлерберг А. А. 27	Армадеров Г. А. 193, 216
Азовцев Н. Н. 8, 18	Артемьев К. П. 236
Акимов М. В. 169, 180	Архангельский А. П. 61
Акро В. Г. 180	Архинов И. З. 227
Акутин П. Т. 70, 236	Аузан А. И. 236
Алафузо М. И. 193, 216, 258	Афанасьев Ал. Н. 236
Александр Н. М. 64	Афанасьев Ан. В. 236
Александров 145	Афанасьев В. А. 199, 236
Александров Е. В. 179	Афанасьев Ф. М. * 207, 208, 236
Александров Л. К. 58, 201, 209, 236	Ахшарумов А. В. 75
Алексеев В. А. 180	
Алексеев И. Т. 236	Бабинов Н. А. 236
Алексеев К. В. 203, 217, 236	Бабин Е. И. 207
Алексеев М. В. 30, 35, 48, 78, 98, 185, 227	Бабченко А. А. 180
Алексеев М. П. 236	Багговут Н. Н. 179
Алексеев П. Н. 193, 216	Баграмян И. Х. 225
Алексеев Я. И. 236	Багратион Д. П. 154, 179
Алехин Е. С. 13	Базаров П. А. 58
Альтфатер В. М. 59, 66	Базилевич В. Д. 224
Ангарский М. С. 19	Банов А. К. 10, 19, 195, 196
Андерс А. К. * 204, 207, 236	Банов К. К. 201, 236
Андогский А. И. 59, 66, 85, 88	Балабин Ф. И. 217, 236
Андреев Ф. Ф. 236	Баланин Д. В. 236
Анисимов А. И. 236	Балахонов Я. Б. 13
Антонов А. И. * 225	Балашев И. С. 180
Автонов-Овсенко В. А. 6, 17, 55, 56, 76, 99, 116, 176	Балк М. М. 224
	Балканов Ф. П. 180
	Балтийский (Андреев) А. А. * 67, 207, 237, 258

* Фамилии военных специалистов, отмеченные в указателе звездочкой, см. также портреты (на вклейке), кроме того, на вклейке помещены портреты: Аргаматов Н. Н., Веревкин-Рахальский Н. А., Вольфенгаген Э. О., Воробьев П. П., Дьяконов В. Г., Кавтарадзе Г. К., Куйбышев Н. В., Левин Л. Н., Мышецкий Д. А., Попов В. В., Прохоров П. М., Сегер-ранц А. К., Сивков А. К., Татиев (Татишвили) Д. П., Цамутали Н. М., Шейдеман А. С., Шейдеман Е. С., Юдин Я. А.

Балуев П. С. 138, 169, 237
Баранов М. В. 179
Барановский В. Л. * 224, 237
Бардинский И. А. 237
Бармин А. А. 237
Бармин И. А. 237
Барсуков М. М. 179
Бартельс И. И. 237
Барцевич В. П. 227
Баторский М. А. 209, 237
Батрук А. И. 217, 237
Батурия Г. Н. 209
Башинский Р. И. 180
Безруков А. Г. 217
Беловский А. П. 237
Белой А. С. * 85, 237, 258
Белополюский И. А. 180
Белорусский Л. И. 179
Белькович Л. Н. 237
Беллев А. И. 237
Беллев Н. С. 85, 88, 237
Беллев С. Т. * 179
Бензема Д. А. 237
Беренде К. Ю. * 59, 237
Беренс Е. А. 74
Берзин Р. И. 17, 55, 258
Беркалов С. А. 180, 224
Берман Н. Н. 237
Вернарделли Е. А. 179
Бершов К. Г. 227
Бессонов Н. И. 79
Бесядовский К. И. * 75, 199, 237
Беттихер Н. И. 179
Биркан И. М. 237
Благовецкий А. А. 138
Благовецкий П. В. 207
Благоурахов А. А. * 224
Благоурахов Г. И. 89
Блаженец (Блажеевич) И. Ф. 258
Блейш А. Н. 227
Блюмберг Ж. К. 258
Бобрищев А. А. 193, 216
Бобров М. Е. 162
Бобаевский А. П. 227
Богатко Н. И. 61, 80, 81
Богданов Ф. А. 174
Богдановский М. А. 179
Боголепов В. И. 237
Богословский Б. П. 208, 258
Божко В. В. 237
Бойко А. М. 237
Боддырев В. Г. 191
Болецкий К. Б. 58
Болотов А. А. 179
Бонч-Бруевич М. Д. * 2, 5, 9, 14, 17, 19, 20, 45, 47, 54, 57, 58, 67-69, 73-75, 78, 80, 83, 90, 95, 99, 114, 116, 187, 196, 199, 200, 217, 222, 238
Борисов В. Е. 66, 67, 72
Борисов Н. П. 217
Боровский А. А. 227
Боровский Н. К. 238
Боровский Ф. Н. 238
Бородин М. И. 180
Бородин М. П. 180
Бородич К. Ф. 238
Боярский С. Н. 179
Бражников Н. К. 238
Брандт 143
Братанов В. Н. 238
Бржевский И. А. 179
Брилевич А. А. 179
Бритов В. В. 166, 212
Брусиллов А. А. * 9, 19, 30, 33, 169, 210, 224
Бубнов А. С. 17
Бугай П. Я. 238
Буденный С. М. 17, 217
Буймистров В. И. 209, 238
Булгаков В. И. 238
Булюбаши Е. Г. 36, 227
Буравченков А. А. 9, 18, 21, 28, 50, 52
Буренин Б. А. 216
Бурский П. Д. 198, 217
Бурцев В. Л. 10
Бутович В. В. 238
Бутыркин С. Н. 63, 180
Бутягин Ю. П. 259
Бучинский Б. И. 238
Вальден П. Б. * 56
Вальтер Л. В. 180
Ванков С. Н. 180
Варфоломеев Н. Е. 72, 203, 238
Василевский А. М. * 225
Василенко М. И. * 209, 212, 259
Васильев А. П. 179
Васильев А. Ф. 238
Васильев М. Н. 16, 209, 238, 259
Васильев Ф. Н. 238
Ватаца В. А. 179
Вахарловский А. Н. 179
Вахарловский В. Н. 81, 179
Вацетис (Вацетис) И. И. * 2, 9, 18, 19, 55, 58, 85, 87, 88, 109, 120, 182, 208-210, 217, 224, 259
Вдовьев-Кабардинцев В. В. 209
Веденягин Е. О. 227
Величко К. И. * 57, 69, 71, 179, 224
Величковский Я. В. 238
Венедиктов Е. М. 55
Верховский А. И. * 9, 19, 108, 119, 169, 210, 238
Верховский С. И. 238
Верцинский Э. А. 66-68, 115
Веселаго А. А. 238
Ветлугин А. 10
Виноградов А. Н. 238

Винокуров А. В. 8, 18
Винокуров А. Н. 102, 104
Витковский В. В. 215, 238
Вихлинец А. М. 227
Владиславский Н. А. 179
Власов И. И. 8, 18
Внуков Л. В. 179
Войтына И. А. 239
Войшин-Мурдас-Жилинский И. П. 239
Волков Б. И. 239
Волков В. Е. 199, 204, 239
Волков П. М. 8, 18
Волков С. М. 199, 239
Володарский В. (Гольдштейн М. М.) 69
Вольнский С. Б. 209
Вольский А. И. 239
Воронов Н. М. 79, 239
Воропаев Д. А. 17
Воротников А. С. 179
Ворошилов К. Е. 12, 19, 129, 175, 213, 214, 217
Восканов (Восканян) Г. К. 209, 259
Вострецов С. С. 13
Востросаблин А. П. * 19
Врангель П. Н. 48, 207
Всеволодов Н. Д. 208, 259
Высоцкий И. В. * 239
Вышемирский С. В. 239
Гаазе Г. Ю. 167, 174, 213
Габаев (Габашвили) А. Г. 239
Габин Н. И. 180
Гаврилов Л. М. 2, 9, 18
Гаген Н. А. 225
Гай (Гайк Бжишкян) Г. Д. 209, 259
Ганский Г. 119
Гантимуров А. Г. 179
Гарф В. Е. * 16, 207, 224, 239, 259
Гатовский А. Н. 239
Гатовский В. Н. 239
Гаусман И. К. 61
Гегстрем Е. З. 202, 203, 210, 239
Геккер А. И. * 19, 192, 216, 259
Геллер Ю. А. 19
Гельвих П. А. * 180, 224
Геништа Н. И. * 180
Генкина Э. В. 7
Герасимов М. Н. * 9, 18, 31, 35, 36, 52, 53, 218, 225
Герберт А. В. * 239
Геруа Б. В. 201
Гершельман В. К. 203, 210, 239
Гершельман В. С. 227
Гилленшмидт Я. Ф. 36, 227
Гиндзе С. К. 239
Гирс Г. Ф. 180
Гиссер Г. Г. 66
Гиттис В. М. * 207, 208, 212, 259
Глаголев В. П. 27, 239, 259
Гладкий С. В. 179
Гладков П. Д. 179
Глазенап П. В. 227
Глезаров Л. М. 132, 142
Глицкий Н. С. 239
Глудин И. И. 216
Гилорыбов М. Н. 227
Говоров Л. А. 174, 225
Гоерц В. А. 179
Головин Н. Н. 52
Головинский А. Б. 180
Голощекин Ф. И. 81, 85, 86
Голуб П. А. 53
Голубев К. Д. 225
Голубев С. Н. 239
Голубинцев Е. М. * 16, 209, 259
Гольнский Д. С. 179
Гонтарев Б. В. 239
Гончаренко И. И. 240
Гореленко Ф. Д. 225
Горелик Я. М. 18
Горецкий К. Е. 180
Городецкий Е. Н. 8, 9, 18, 29, 52-54
Городовиков О. И. 217
Горайнов А. А. 215
Готовцев А. И. * 240
Граве И. П. * 180, 224
Гравицкий Г. К. 227
Грашкин Д. И. 17
Граужис Я. К. 240
Грекулов П. Н. 216
Грендаль В. Д. * 19, 179, 224
Гречкин А. А. 225
Грибов С. Е. 13
Григорьев А. М. 240
Григорьевич А. И. 180
Григорьевич Б. Н. 180
Григорьев Н. А. 209
Григорьев С. Д. 240
Григорьев Ф. Л. 75, 199, 240
Григорьев Ю. И. 199, 240
Гринишин Д. М. 8, 18, 214
Гришин Ф. Н. 240
Гришинский А. С. 68, 81, 240
Гродский Г. Д. 180
Громов Н. В. 240
Громыченко А. Е. 180
Гротенгельм Г. М. 36, 228
Грудзинский М. Ц. 240
Грундитрем А. Г. 240
Грушецкий В. Ф. 16, 209
Губин А. А. 179, 210
Гук Г. К. 58
Гуков В. М. 240
Гун В. В. 180
Гурко-Омельянский Н. Н. 240
Гуртовенко Х. В. 205, 240
Гусаковский П. Н. 240
Гусев Д. Н. 225

Гусев С. И. (Драбкин Я. Д.) 17, 116, 125, 161, 218
Гутор Александр Е. 217
Гутор Алексей Е. * 57, 169, 240
Гутор Анатолий Е. * 180, 224
Гуцинский В. Н. 240

Давыдов А. И. 207, 240
Давыдов А. Д. 240
Давыдов А. М. 162
Далер В. В. 75, 199, 240
Данилевский А. Ф. 18, 51, 161
Данилов А. И. 225
Данилов П. А. 228
Данилов Н. А. * 114, 169, 240
Данилов С. Н. 241
Данилов Ю. Н. 59, 114
Данишевский К. Х. 5
Дашчев И. Ф. 13
Дедов К. П. 180
Дейч Н. О. 180
Де-Лазари А. Н. * 180, 224
Деникин А. И. 10, 19, 32, 48, 52, 54, 228
Десио Н. Н. 49, 217, 241
Дехинов В. Н. 180
Джигубский Н. П. 180
Дзевялтовский-Гитовт Н. Л. 83, 87, 233
Дзержкович А. А. 180
Дианов 143
Даденко А. М. 241
Дистерло Н. А. 241
Дитерихс М. К. 57, 58, 114
Дитц О. Г. 241
Добрышин А. Ф. 241
Добрышин Ф. Н. 241
Довбор-Мусницкий Р. И. 47
Довгирд М. А. 217
Долгов Д. А. 241
Долгин В. Ф. 179
Домбровский А. О. 180
Домников В. 8, 18
Доможиров Н. Н. 199, 207, 241
Доне В. А. 179
Дорофанкин А. А. 180
Драгомиров А. М. 80, 81
Дрейер М. Н. 180
Дрейлинг Р. К. 228
Дроздов Н. Ф. * 180, 224
Дроздовский М. Г. 47
Друнин А. П. 179
Дубинин Р. И. 241
Дубинин Г. Д. 241
Дубов Л. И. 203, 241
Дубовой И. Н. 259
Дудник В. М. 19
Дулов М. А. 241
Дурляхов (Дурляхер) Р. А. 180
Дутов А. Н. 34

Духовин Н. Н. 39, 57, 58, 61
Душкевич А. А. 16, 241, 259
Дыбенко П. Е. 66, 217
Дымман В. Л. 180
Дьяков В. А. 241
Дьяков Г. С. 241
Дьяконов П. П. 10, 222
Дягилев В. П. 241

Евецкий А. П. 180
Евреннов К. Л. 241
Евреннов Л. Д. 215
Егоров А. И. * 79, 191-193, 198, 207, 208, 216, 224, 259
Егорьев В. Н. * 9, 19, 32, 201, 206, 208, 241
Елизаров Н. С. 241
Ельшин А. Я. 80
Еремеев К. С. 43, 54, 56, 116
Ермолаев А. П. 241
Ермолин П. И. 242
Ермолов Н. Н. 242
Ерогин Л. М. 36, 228
Ерыкалов Е. Ф. 51
Ефимов Н. А. 6, 167, 212-214
Ефимович В. М. 75
Ефремов М. Г. 225

Жагун-Линник С. Н. 242
Жамов В. В. 215
Жданов Г. В. 228
Жданов Н. А. 242, 259
Жданович К. А. 180
Жебрак М. А. 228
Железнов Н. В. 242
Желенин М. Я. 180
Желтышев В. А. 208
Жолнеркевич К. К. 210
Жуков В. Я. 242
Журавлев Е. П. 225

Забегалов Н. Я. 204, 242
Заболотный А. М. 242
Забудский Г. А. 180
Загородный М. А. 242
Загуменный С. И. 217-218
Загю М. М. * 68, 75, 199, 242
Зайковский М. Ф. 179
Зайончковский А. М. * 134, 169, 209, 224, 242
Зайончковский П. А. 9, 18, 21, 23, 24, 50, 51
Зайцов А. А. 10, 19, 177, 194-196, 214, 216, 217
Зайченко З. И. 81, 210, 242
Залесский Н. П. 179
Залесский П. И. 49, 54
Залетин Е. В. 228
Зарубаев В. Н. 16, 106, 107, 242, 259

Затенлиньский В. К. 242
Захаркин И. Г. 225
Захаров Г. Ф. 225
Захаров И. Н. 193, 216
Захаров П. А. 205, 242, 259
Захаров П. М. * 217
Захарьин Н. В. 228
Захватаев Н. Д. 225
Защук В. А. 179
Защук И. И. 207, 210, 242
Зейфарт А. А. 215
Зейц К. Ф. 71
Зейц Р. Ф. 75, 179
Земцов М. Н. 76, 199, 242
Зенин В. В. 179
Зернов В. М. 179
Зиверт В. Г. 242
Зигель П. М. 180
Зильберман К. Н. 242
Зимин Я. Г. 8, 18
Зиновьев Г. В. 217
Зиновьев (Радомысльский) Г. Е. 28, 52, 67
Златолинский В. А. 242
Зозулевский С. И. 228
Зудилин 145
Зундبلاد А. О. 242
Зыгин А. И. 225

Иванов А. М. 242
Иванов А. С. 180
Иванов Г. К. 243
Иванов К. В. 199
Ивановский В. А. 243
Ивановский С. С. 216
Ивасюв Я. К. * 72, 243
Ивашкевич А. В. 179
Изместьев П. И. 67, 243
Икишев С. М. 228
Илляшевич Л. Л. 228
Ильин Е. П. 243
Ильин-Женевский А. Ф. 55
Индейкин В. И. 228
Иовлев А. М. 8, 17, 214
Иозефович Ф. Д. 80, 81, 243
Ионов В. М. 179
Ирошников М. П. 8, 18
Исаев Е. И. 243
Исаков Н. Д. 179
Искрицкий Е. А. * 16, 209, 243, 259
Истомин Н. М. 100

Кабалов А. И. 243
Кабалов И. И. 216
Кавеньяк (Cavaignac) Л. Э. 31
Кавтарадзе А. Г. 19, 20, 114, 183
Кадников Н. И. 206, 243
Кадомский Д. П. 49, 217, 243
Кадошников А. Ф. 243
Казанович Б. И. 228

Каванский Е. С. 13
Какурин Н. Е. * 6, 17, 19, 209, 212, 243, 259
Калашников К. К. 216
Каледин А. М. 34, 60, 78
Калинин М. Е. 180
Калинин М. И. 174
Калугин Н. И. 180
Калужный И. С. 243
Каменев С. С. * 2, 9, 19, 109, 201, 208-210, 212, 223, 224, 226, 243
Каменский М. П. 66, 243
Каменский С. Н. 243
Каменщиков В. В. 46, 55, 58
Камкин Н. И. 243
Камнев (Петерс) В. Н. 185, 243
Канненберг В. Р. 64, 180
Кануков Н. А. 207
Кашин К. Л. 228
Капель В. О. 191
Капустин Н. Я. 58, 243
Каратыгин П. П. 216
Карачан И. Р. 180
Карачан Р. Р. 180
Карачун Г. И. 180
Карбышев Д. М. * 19, 179, 224
Карелов А. А. 243
Карклин В. К. 243
Карликов В. А. 244
Карлсон К. К. 244
Карпов В. Ф. 16
Карташов И. И. 228
Карцов В. А. 36, 228
Каськов И. 19
Каховский В. Н. 209
Качалов В. Я. 225
Каширин Н. Д. * 55, 209
Кашкин Н. И. 203
Квадри В. В. 180
Квещинский М. Ф. 80
Кедров М. К. 158
Келлер Ф. А. 30
Кельчевский Е. А. 244
Кеппен А. Г. 209, 244
Керенский А. Ф. 32, 34, 37, 53, 56
Кивареев А. А. 180
Кириенко А. К. 228
Кириенко Ю. К. 53
Кириичев Н. Л. 179
Кирпичников А. В. * 72, 204, 244
Киселев Л. П. 179
Киселев Н. А. 179, 199, 244
Киященко Г. Т. 58
Клембовский В. Н. 169, 244
Климовецкий А. К. 203
Климович А. К. * 244
Клыков Н. К. 225
Клюев Л. Л. * 244, 259
Кляцкин С. М. 8, 9, 18, 53, 115, 119, 161, 167, 176, 213, 214

Князевский П. Е. * 259
Кобозов П. А. 89
Кобылецкий Ю. И. 244
Ковалев М. П. 225
Ковалевский Н. А. 179
Ковровцев В. А. 180
Ковтук Е. И. 13, 209, 259
Кожеников А. В. 58, 244
Кожеников И. С. 217
Козаков В. Г. 244
Козен А. Ф. 215
Козинский А. Д. 209
Козлов Д. Т. 225
Козловский Д. Е. * 180
Козловский С. С. 244
Колетов С. Н. 44, 45
Колесниковский А. К. * 207, 224, 244
Колесниченко И. 17
Колонтай А. М. 102
Колчак А. В. 57
Колчин Б. К. * 209
Колчинский А. А. 58, 228
Кольшмидт В. Б. 244
Комельков А. А. 244
Кондратьев Б. Н. 244
Кондратьев И. М. 228
Кораблев Ю. И. 8, 18, 29, 52, 53, 88, 114, 116, 117, 161, 176, 214
Корнин-Круковский А. В. 36, 228
Коренин А. П. 9, 18, 21, 23, 24, 50, 51
Корк А. И. * 9, 18, 19, 212, 224, 244, 260
Корнилов Л. Г. 31, 57, 58, 78, 228
Корольков А. Л. 180
Корольков Г. К. 203, 244
Корольков П. Ф. 174
Корсун Н. Г. * 244
Корудьский А. Н. 245
Косач Т. С. 245
Косматов А. В. 245
Косогоров Н. И. 216
Костевич М. М. 180
Костицын Т. Д. 180
Костнев Ф. В. * 103, 104, 116, 166, 199, 205, 207, 245
Косиков В. А. 245
Котов А. Т. 8, 18, 214
Крапивинский Н. Г. 55, 209
Краноткин Д. А. 245
Красильников С. Н. 224, 244
Краснов П. Н. 32, 34, 37, 52, 53, 56, 99, 170, 213
Краснянский Т. П. 229
Крепке А. К. 180
Криввицкий А. А. 179
Кривченко П. А. 203, 245
Крузе В. М. 260
Крутиков А. Н. 225
Крушевский Н. Н. 245
Крыленко Н. В. 5, 15, 39, 45, 46, 48, 53-58, 60, 61, 66, 67, 73, 77, 102, 115, 116, 131
Крюгер А. И. 245
Кудрявцев Н. А. 245
Кузнецов Б. И. 72, 199, 245
Кузнецов В. И. 225
Кузнецов М. Н. 217, 245
Кузнецов Н. Г. 75
Кузнецов П. А. 80
Кузнецов Ф. А. 16
Кузнецов Ф. И. 225
Кузьмин Г. В. 213
Кузьмин Н. Н. 217
Кузьмин Ф. С. 8, 17, 18, 51, 161
Кузьмин-Караваев А. Т. 180
Кук (Кужк) А. И. 18, 72, 245, 260
Куликов П. В. 245
Кун Л. К. 180
Курасов В. В. 225
Куропаткин Н. Н. 53
Курочкин П. А. 225
Курский Д. Н. 213
Кусонский П. А. 58, 114
Кусонский П. М. 245
Кутецов А. П. 229
Кутузов В. В. 9, 18
Кутырев Г. Я. 245, 260
Кучинский Д. А. * 198, 224
Кушников М. А. 180
Кшесинская М. Ф. 33
Ладухин В. Н. 19
Ладыженский В. А. 245
Ладыженский Г. М. 245
Лазарев М. С. 57, 114
Лазаревич В. С. * 207, 212, 224, 245, 260
Лазаревич Ю. С. 85, 180
Лазимир П. Е. 207
Ланно Д. Д. 19
Ланно П. П. 179
Ланчинский А. Н. 224
Ланшин Б. П. 199
Латынин В. Д. 245
Лацис М. И. (Судрабс Я. Ф.) 5
Лашевич М. М. 217, 218
Лебедев Д. К. 245
Лебедев М. В. 217, 245
Лебедев П. П. * 18, 19, 98, 112, 148, 199, 207, 208, 224, 246
Левандовский М. К. * 209, 260
Левитский В. И. 246
Левитский В. А. 180
Левинский Н. А. 207
Легран Б. В. 62
Ленин В. И. 3-6, 8, 10, 12, 14-20, 32, 37, 38, 43, 51-53, 55, 56, 58-60, 65-69, 72-74, 79, 83, 84, 88, 90, 107, 109, 114-117, 119, 120, 122, 125, 126, 128, 129, 131, 158, 164, 168, 212, 213, 218, 219, 223, 226
Лео Н. Н. 246
Леонидов Л. Б. 19
Леопольд А. Н. 246
Леопольд Н. А. 179
Леопольд М. Е. 210
Лермонтов В. М. 179
Лещенков 145
Либус (Либусь) Н. Д. 246
Ливадия Г. В. 75, 180
Ливенцев Н. Д. 80, 81, 246
Ливин Я. 119
Линно Г. К. 179
Липицкий С. В. 8, 18
Липский А. Ф. 114
Липский В. А. 59, 114
Лисовой Я. М. 229
Лисовский М. А. 179
Лисовский Н. В. 209, 246, 260
Литвин А. Л. 17
Лихонин Е. А. 179
Ломиковский К. В. 179
Лопатинский А. В. 179
Лукин Г. Л. 180
Лукин М. Ф. * 225
Лукирский С. Г. * 68, 73, 81, 246
Лукицкий Н. Н. 179
Лушаков Л. А. 246
Лус (Лусь) Э. К. 246
Лутовинов И. С. 53
Лысенко Л. С. 179
Львов В. Н. 225
Львов К. В. 179
Любимов В. В. 16, 207, 209, 246, 260
Любов 145
Любомиров П. П. 246
Любканов-Цанков К. А. 204
Люндекист В. Я. 208
Лютков А. Д. * 205, 246
Ляхович В. А. 61
Лышко П. И. 246
Маврин А. М. * 180
Майгур П. М. 70, 72, 207, 246
Майдель В. Н. 217, 246
Майстрах Б. В. 209
Макавеев М. И. 180
Макаров 76
Макосей-Шибинский Г. Г. 180
Макосей-Шибинский С. Г. 180
Максимов В. И. 199, 217, 246
Максимов Н. Ф. 260
Максимович А. Н. 246
Максимовский Н. Н. 246
Макулович А. И. 206, 246
Макшеев Ф. А. 217
Малева Д. П. 246
Малков-Панин В. В. 75
Малышев А. К. 205, 246
Малышев П. Ф. 225
Мальчевский А. Ю. 179
Малотин Б. В. 205
Мамонтов (Мамантов) К. К. 107
Маниковский А. А. 57, 60-62, 115
Маркович А. И. 180
Марке К. 38
Марков С. Л. 229
Мармузов П. К. 16, 260
Мартынов Е. И. 217, 224
Мартынов Е. Н. 209
Мартынов К. А. 49, 217, 247
Мартынов Н. Н. 247
Марушевский В. В. 61, 62
Маслов А. Д. 75
Маслов В. Н. 247
Масловский В. А. 179
Мастяко И. А. 180
Матвеев И. И. 217
Матвеев М. Н. 85
Матвеевко А. А. 217, 247
Матвеевич М. С. 209, 260
Матис Г. О. 199, 247
Махин Ф. Е. 208, 260
Махров Н. С. 202, 203, 247
Мацилецкий С. К. 218
Машин А. Н. 247
Медведев А. И. 86
Медведев А. П. 76, 199, 247
Медведев М. В. 247
Медведев М. Е. 16
Медель А. И. 247
Медокритский В. Е. 206, 208
Меженников С. А. * 9, 18, 19, 72, 212, 224, 247, 260
Мей П. А. 247
Меликов В. А. 7
Мельников Д. А. 49, 247
Менде Р. Ф. 247
Меницкий П. Б.-И. 247
Мельников И. И. 49
Мехоношин К. А. 56, 62, 74, 89, 116, 211
Микеладзе В. А. * 180
Микин В. К. 180
Миллер В. И. 52
Миллер Е. К. 170, 213
Мильковский А. С. 229
Милуков А. А. 179
Мишин С. К. 129
Мишч Н. И. 8, 18, 53
Миончинский Д. Т. 229
Миронов Ф. К. 209, 260
Митин 145
Михайлов В. И. 75, 199, 247
Михайлов В. С. 180
Михайлов В. Я. 247
Михайлов Е. Е. 180
Михайловский П. П. 179
Михалькович М. С. 58, 215, 247

Михеев В. С. 247
Михеев С. П. 247
Михневич Н. П. * 247
Михельсон А. А. 61
Мовчин Н. Н. 17
Моденов И. Д. 247
Молкочанов М. В. * 204, 248, 260
Молчанов Е. В. 79
Монастырев Н. С. 179
Монфор Е. О. 248
Моравицкий К. А. 248
Мороз Ф. А. 59, 248
Морозов В. Н. 225
Морозов С. И. 225
Моторный В. Н. 248
Мочульский А. И. 248
Муев Д. Д. 179
Мульков Н. А. 216
Муравьев М. А. 56, 114, 208
Муралов Н. И. 118
Муратов В. П. * 180, 224, 248
Муханов А. В. 248
Муханов Г. А. 76, 248
Мухин Ф. Ф. 180
Мухоперец И. М. 17
Мучник Н. А. 138, 180
Мыслицкий Н. Г. 199, 248
Мюллер Н. А. 217
Мялковский А. И. 216
Мясников (Мясникян) А. Ф. 39, 89, 127

Нагаев В. В. 214
Надеждинский Н. Н. 179
Надежный Д. Н. * 69, 80, 207, 208, 224, 248, 260
Найда С. Ф. 161
Найденов В. Ф. 179
Науменко В. Г. 229
Наумов В. П. 2
Невежин К. П. * 216
Невзоров А. П. 248
Негродов Б. Л. 260
Неженцев М. И. 229
Незнамов А. А. * 71, 199, 224, 248
Ненароков А. П. 19
Нестеровский А. И. 248
Нечволодов А. С. 209
Никитин А. В. 179
Никифоров Т. Ф. 180
Никишин Н. Н. 225
Николаев А. П. * 224
Николаев А. Н. 248
Николич Е. А. 207
Никольский В. Н. 180
Никольский Н. А. 204
Никонов Ф. П. 17, 207
Никулин И. А. 248
Новиков Е. И. 248
Новиков 145

Новиков А. В. 16, 201, 248, 260
Новиков В. В. 201, 248
Новиков Н. В. 224
Новицкий В. Н. 180
Новицкий В. Ф. * 19, 66, 67, 224, 248
Новицкий М. П. 248
Новицкий Ф. Ф. * 202, 209, 224, 249
Новосельский В. И. 148, 217
Новосильцов Л. Н. 229
Носов А. Д. 180
Нотбек В. В. 49, 80, 81

Оболешев Н. Н. 249
Образцов А. А. 249
Овчинников Г. Н. 209
Огородников Ф. Е. * 80, 249
Одинцов С. И. * 56-58, 61, 196, 249, 260
Одноглазков Ф. Ф. 215
Окерман В. В. 210, 249
Окулов А. И. 127
Окунев А. Д. 249
Олейников П. И. 203, 249, 263
Олохов В. А. 249
Ольдерогге В. А. * 19, 71, 205, 208, 209, 249
Ораевский И. Ф. 203, 249
Орановский В. А. 31
Орешкин И. П. 249
Орлов 162
Орлов М. А. 249
Орлов М. Н. 180
Орловцев Н. И. 180
Осинов П. В. 179
Островский Е. 6
Острицкий Н. М. 217

Павлов А. В. 260
Павлуновский И. П. 55
Панкратьев А. П. 204, 249
Панов А. В. 249
Панов М. В. 180
Панпушко В. В. 180
Парсаданов М. 116
Парский Д. П. * 9, 19, 69, 71, 109, 169, 201, 206, 208, 209, 249
Патронов И. Ф. 229
Паука И. Х. 16, 207, 209, 249, 260
Пахомов А. Г. 249
Певнев А. Л. * 249
Перемытов А. М. 204, 207, 249
Пересветов Б. И. 249
Перетерский Н. Н. 105, 106
Перлик Г. Д. 250
Перхорович Ф. И. 225
Пестов В. В. 180
Пестриков Н. С. 180
Петерсон В. К. 199, 250
Петин Н. Н. 19, 207, 212, 224, 250
Петрасевич П. Н. 250

Петриковский Петренко С. И. 55
Петров В. П. 1, 8, 18, 115
Петров Г. К. 55
Петров И. Е. * 225
Петров М. М. 250
Петров Ю. П. 8, 18, 28, 52
Петрович С. Г. * 180, 224
Петровский Д. А. 116, 118
Пехливанов П. Г. 67, 69, 71, 196
Пешня М. А. 229
Пигаревич Е. А. 225
Пирог С. В. 250
Плотников Е. Б. 250
Плохинский Н. В. 229
Плюс М. И. 75, 180
Плюто С. Г. 250
Плющевский-Плющик Г. А. 205, 209, 210, 250
Пневский В. И. 217
Пневский Н. В. 49, 81, 119, 207, 250
Побыванец В. И. 205, 250
Подвойский Н. И. 56, 61, 62, 66-68, 70, 73, 74, 77, 79, 80, 90, 99, 115-118, 131, 166, 211
Подгурский Ф. А. 69, 71, 205, 209, 250
Позеря Б. П. 127
Познанский В. С. 19
Позоев Г. А. 179
Позоев Л. А. 179
Ползиков М. Н. 229
Поливанов А. А. 169, 210, 250
Поликарпов В. Д. 218
Поликарпов М. А. 205, 250
Полковников И. Н. 250
Полозов И. Н. 204, 250
Полторацкий И. А. 179
Полушкин В. З. 250
Поляков Б. П. 70
Поляков П. И. 202, 203, 250
Поплавский А. Ф. 180
Попов В. Ф. 250
Попов М. К. 250
Попов Н. И. 250
Попович В. И. 209
Портнов В. П. 17, 118, 119
Постников А. Д. 180
Потапов И. Н. 193, 250
Потапов Н. М. * 9, 45, 61, 62, 66, 70, 115, 187, 189, 196, 198, 211, 216, 218, 251
Потомин А. И. 179
Поярков И. Н. 49, 217, 251
Преображенский В. И. 206, 251
Прозоровский Н. Н. 180
Прокофьев И. М. 180
Пронин В. М. 229
Протасов Л. Г. 21, 50, 51
Прошьян П. П. 73
Пугачев С. А. * 207, 212, 224, 251

Пуркаев М. А. 225
Путна В. К. 13
Пухов Н. И. 225
Пушкин А. С. 134
Пушкин Г. А. 134, 161
Пшевников П. С. 225
Пыхачев В. А. 179
Пятницкий Б. В. 180

Радкевич М. М. 81, 209
Радус-Зенкович Л. А. 251
Раевский М. Ф. 251
Райков Д. Т. 162
Ранский Г. 17
Раскольников Ф. Ф. 66
Расповов В. П. 16, 260
Ратайский А. И. 16, 260
Ратталь И. И. * 251
Ратталь Н. И. * 19, 68, 75, 199, 251
Рафалович Н. Ф. 180
Рашиль Г. А. 229
Рдултовский В. И. 180
Рейтер М. А. * 225
Ремезов А. К. 16, 209, 251, 261
Ржевский А. А. 218
Ржевицкий В. Ф. 251
Ригельман Е. Н. 251
Рихтер И. В. 179
Роговский А. А. 179
Родендорф Б. Л. 251
Родзянко М. В. 36
Родкевич Н. Н. 210, 251
Роженко В. Е. 229
Розанов Н. Н. 251
Розанов С. Н. 191
Розанов С. Ф. 251
Розенберг Г. А. 179
Ролько А. С. 251
Ромащенко П. Л. 210, 225
Романов Н. А. (Николай II) 28, 30, 39, 185
Романов Н. Н. (Николай Николаевич, вел. князь) 30
Романов П. А. (Петр I Великий) 51
Романовский И. П. 229
Ростов Л. Н. 251
Рот В. Ф. 180
Ротштейн А. В. 217
Рудаков А. А. 251
Руднев П. И. 179
Рудольф А. В. 179
Рузский Н. В. 30
Руктешель А. К. * 180
Румянцев А. В. 58
Рупнейт В. Р. 180
Рыжов А. И. 225
Рыльский К. И. 251
Рыддин Э. И. 217
Рышковский Б. И. * 251
Рыбинин А. А. 217, 251

- Ряснянский С. Н. 229
- Саблин Ю. В. 55, 209
Савич М. Я. 251
Савченко С. Н. * 199, 252
Савченко-Маценко Л. И. 252
Садлацкий В. К. 179
Сакварелидзе-Бежанов С. Г. 252
Саккилари А. Н. 179
Салов В. В. 252
Салтыков Н. Д. 181
Самойло А. А. * 9, 19, 59, 81, 208, 212, 252, 261
Самсон-Гиммельшерн У. И. 252
Самуйлов В. И. 199, 226, 252
Сангайло К. П. 180
Сапожков А. Г. 209
Сапожников 145
Сапожников А. В. 180
Сапожников Н. П. 81, 252
Саткевич А. А. 179
Саттеруп Д. В. 252
Сахаров В. В. 30
Сахаров С. К. 252
Сбойчаков М. 18
Свердлов Я. М. 68, 69, 117, 121, 161
Сверчков П. А. 217
Свечин А. А. * 19, 48, 54, 201, 224, 233, 252
Свечников М. С. * 19, 56, 196, 208, 252
Свидерский Н. И. 179
Свиридов В. П. 225
Святогор К. Ф. 138
Свяцкий В. Н. 252
Северин Д. А. 209
Сегеркранц С. К. 199, 252
Седачев В. К. 252
Седякин А. И. 209
Сейделер С. И. 75
Селенинов В. В. 252
Селиверстов И. И. 252
Семанов С. Н. 18
Семашко Н. А. 101
Семенов Г. М. 34
Семенов Н. Г. * 201, 252, 261
Сергеев В. В. 72, 202, 204, 252
Сергеев Е. Н. * 209, 252, 261
Сергеевский Б. Н. 58
Сергиевский Д. Д. 252
Серебренников И. К. 202
Серебренников Н. П. 179
Серебрянников В. Г. 252
Сиверс А. М. 179
Сиверс Н. Н. 253
Сиверс Р. Ф. 55
Сидорович С. К. 204
Симановский А. А. 229
Симановский И. Д. 180
Симонов А. Л. 209
Ситников А. Н. 253
- Сильский В. П. 205
Скалон В. Е. 57-59, 114
Скачко А. Е. 261
Скворцов Б. Н. 199, 253
Скворцов В. В. 216
Склянский Э. М. 45, 62, 66, 74, 118, 132, 137, 159, 163, 176, 211
Скоробогач А. Г. 16, 209
Скоронадский П. П. 99
Скребнов А. А. 179
Скрышник М. Н. 114
Славен П. А. 208, 261
Славиш М. М. 17, 118, 119
Сластенок-Сластенко Н. И. 253
Слатин М. Н. 179
Слиашиков А. П. 84
Слицоухов П. П. 204, 253
Слюсарев Н. М. 179
Смелов И. И. 85
Смирнов А. В. 253
Смирнов А. К. 225
Смирнов А. С. 16, 253, 261
Смирнов В. М. 125, 202, 253
Смирнов Д. Л. 19
Смысловский В. К. 179
Смысловский Е. К. 179
Смысловский М. К. 179
Снесарев А. Е. * 19, 109, 206, 224, 253, 261
Соболев А. В. 209, 224
Советников И. Г. 225
Соковнин В. А. 81, 253
Соковнин М. А. 253
Соколов Л. К. 253
Сокольников (Бриллиант) Г. Я. 217
Соллогуб Н. В. * 89, 99, 100, 117, 118, 207, 224, 253, 261
Солнышкин М. Е. 253
Соловьев А. Г. 179
Солодухин В. И. 16, 209
Солодухин П. А. 209
Солонина А. А. 180
Сорокин И. Л. 55, 208, 261
Сосницкий А. А. 224
Спирин Л. М. 8, 9, 17, 18, 21, 25, 28, 36, 50-53, 170, 177, 178, 186, 187, 195, 213, 214, 216-218
Срывагин В. А. 253
Ставицкий И. П. 179
Стаев П. С. 253
Сталин (Джугашвили) И. В. 6, 17, 67, 225
Станкевич А. В. * 209, 224
Станкевич В. Б. 32
Стариков В. 148
Старов В. П. 179
Стасевич В. Е. 253
Сташевский В. В. 179
Стебакова Л. И. 19
Стеклов Ю. М. 79
- Степин (Степин) А. К. 261
Степанов В. Л. 218
Стойкин В. И. 209, 217, 253
Стокальский Р. Е. 253
Стравинский Н. А. 180
Стрельбицкий А. В. 180
Строя (Рихтер) М. П. 253
Стрыхарь П. М. 203, 253
Стругин М. А. 64, 254
Стульба В. Ю. 199, 254
Суворов А. Н. 202, 204, 254
Судейман Н. А. * 68, 75, 199, 254
Суриц В. И. 61
Сухов В. Г. * 59, 254
Суходольский Г. Д. 254
Сухомлин С. А. 104, 254
Сущков В. Н. 217, 254
Сысоев Е. В. 206, 254
Сытин И. П. 191
Сытин П. П. * 109, 206-209, 254
- Тарановский А. Д. 254
Тарасов В. И. 205, 254
Тарасов В. Ф. 70, 207, 254
Таубе А. А. 224, 254
Таубе С. Ф. 254
Текутьев Д. Н. 180
Тележников П. Д. 217
Тельшевский Н. Г. 179
Теодори Г. И. 254
Тераевич К. П. 254
Тер-Арутюнянц М. К. 55
Терехов Н. В. 114
Тетеревятников В. Н. 180
Тетеревятников В. Я. 180
Тихменев Г. М. 81, 254
Тихобразов Д. Н. 58
Тихонравов К. И. 179
Тихонравов М. К. 179
Тихоцкий К. П. 180
Ткаченко А. А. 180, 217
Тодорский А. И. * 13, 17, 209
Токарев Ф. В. 180, 224
Токаревский В. К. 254
Толбухин Ф. И. * 210, 225
Толстов А. С. 179
Толстой А. Н. 7
Томлин С. В. 254
Томпсон Э. Г. 117
Транквиплевский М. П. 179
Траскунов М. 19
Трегубов Г. С. 179
Триандафиллов В. К. * 224
Тризна Б. Р. 179
Триковский Н. С. 71
Трифонов В. В. 19
Троицкий П. А. 193, 216
Трофимов В. В. 70, 205, 254
Трофимов В. М. * 180
- Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 67, 74, 97, 125, 149
Трухачев С. М. 229
Тунеберг Р. М. 229
Туношевский Г. В. 215
Туров Я. С. 254
Турцевич В. П. 230
Тухачевский М. И. * 17, 167, 193, 207, 208, 216, 224, 261
Тысский А. В. 179
Тюленев И. Ф. 225
Тюлин М. С. 255
Тюренок В. Н. 255
- Уборевич-Губоревич И. П. * 13, 193, 216, 224, 261
Угрюмов Л. Я. 261
Удольский А. А. 179
Умнов К. А. 255
Унгерман А. И. 179
Унгерман Н. И. 179, 224
Урицкий М. С. 69
Уссаковский Е. Е. 217
Устюгов В. Н. 18
Ушаков В. А. 180
Ушаков К. М. 199, 255
Ушаков К. П. * 13
Ушаков Н. М. 255
Фанченко М. Д. 75
Фастыковский М. В. 49, 217, 255
Федоров А. Е. 180
Федоров А. П. 180
Федоров В. Г. 163, 180, 224
Федоров И. И. 179
Федотов А. И. 255
Федько И. Ф. 13, 224, 261
Федюкин С. А. 2, 5, 7, 8, 11, 16, 17, 19, 20, 176, 177, 214
Фетисов П. Е. 255
Фешот Ф. Ф. 255
Фидлер В. Г. 255
Филатов Н. М. * 180, 224
Филипповский Н. И. 180
Фирсов А. П. 179
Флейснер Э. Ф. 64
Флоренский М. Н. 179
Флоринский Н. И. 179
Фок Н. А. 148
Фокке Д. Г. 59
Фомин В. В. 179
Фоминных С. Ф. 10, 19
Фомичев М. И. 255
Франич Ф. М. 179
Фредерикс Л. А. 215
Фрейганг В. В. 180
Фрейман А. К. 255
Фролов В. А. 180
Фрунае-Михайлов М. В. 17, 174, 192, 193, 207, 211, 216-218, 224, 226

Хабалов В. С. 230
Хадеев А. А. 225
Хамин Н. А. * 61, 255
Хан-Гуссейн-Нахичеванский 30
Харжевский А. А. 230
Харитонов С. С. 76
Харламов С. Д. * 255, 261
Харченко А. И. 208, 261
Хасанов И. З. 8, 18, 29, 52
Хаханьян (Хаханов) Г. Д. 13
Хвесин Т. С. 217
Хвоцицкий Г. Н. 81, 109, 199, 202, 255
Хенриксон Н. В. 255, 261
Химец В. А. 179
Хмельков С. А. 75, 179
Хованский И. К. 230
Хозин М. С. 225
Хотинский Ю. Р. 180
Христофоров Е. И. 230
Хрулев 203, 255
Хрынов И. А. 255
Худинов Н. И. 209, 261

Цабель С. А. 179
Цалькович И. М. 19
Цветаев В. Д. 225
Цветаев Н. Н. 8, 18, 116, 161
Цейтлин В. М. 255
Цеплит И. Я. 59
Цимблер А. И. 138, 153
Цихович Я. К. 46, 79, 80, 255
Цуриков А. А. 169, 255
Цыгальский М. В. 205, 256
Цыганов В. В. 225

Чабров Н. Н. 180
Чаусов Н. Д. 256
Чебыкин П. А. 58
Челюстин Н. М. 179
Черемиснов В. М. 256
Черемисов В. А. 67
Черепанов А. И. 225
Черепеников А. И. 256
Черепов А. Н. 230
Черкасов П. В. 256
Чернавин Виктор В. 51, 52
Чернавин Всеволод В. * 19, 201, 207, 261
Черниговский-Сокол Б. Ф. 199, 256
Чернышев В. Н. 256, 261
Чернявский И. А. 256
Четков В. М. 180
Чибисов Н. Е. 225
Чижевский Л. В. * 224
Чинтулов И. Д. 199, 256
Чис С. В. 180
Чумаковский Л. А. 179

Шавров Б. Н. 256
Шайкевич 162
Шамшев С. Г. 180
Шапкин Т. Т. 175
Шапошник В. Н. 17
Шапошников Б. М. * 9, 18, 75, 197, 199, 217, 225, 256
Шарсков И. Ф. * 16, 209, 224
Шатагин Н. И. 8, 18, 29, 51-53, 214
Шафалович Ф. П. * 19, 256
Шапковский Е. Е. 180
Швари А. В. 61, 179, 201
Швари Н. Н. * 207, 256
Шевелев С. С. 209
Шевченко В. К. 215
Шевчук И. П. 210
Шевчук М. С. 180
Шени В. П. 179
Шейдеман С. М. * 202, 209, 256
Шейдеман Ю. М. * 179, 224
Шелестов Д. К. 17, 20
Шеманский А. Д. 256
Шемякин К. Я. 256
Шепелев С. В. 180
Шестун В. В. 256
Шило Н. П. 256
Шиловский Е. А. * 72, 256, 261
Широков В. П. * 80, 256
Шифрин П. Н. 256
Шашкин В. И. 59, 257
Шинковский Е. Е. 257
Шкеленко А. М. 58
Шкляр-Алексюк С. О. 261
Шлосман П. А. 179
Шмидт А. А. 179
Шоколи Н. А. 230
Шокоров В. Н. 47
Шорин В. И. * 19, 207, 208, 224, 262
Шошин А. П. 179
Шнилько Г. А. 257
Шрейтер А. А. 257
Штейфон Б. А. 230
Штубендорф А. О. 257
Шуваев А. Д. 257, 262
Шуваев Д. С. * 185, 210, 257
Шукевич И. Л. 257
Шумов Л. А. 257
Шутко К. И. 73

Щеглов В. П. 230
Щепетов Н. Е. 75, 199, 257
Щербачев Д. Г. 47
Щербович-Вечор А. О. 230
Щолоков И. И. * 257

Эберман А. П. 204
Эверт А. Е. 30
Эзеринг К. И. 257
Эйгель Н. М. 257
Эйдеман Р. П. 13, 209, 262

Эйдук А. В. 138, 140, 151, 158-160, 162, 170, 235
Эйхе Г. Х. 13, 262
Эльснер Е. Ф. 230
Эльснер Н. Е. 180
Энгель В. Н. 257
Энгельс Ф. 38
Энглер Н. В. 257
Энден М. М. 257
Эрдели И. Г. 230

Юденич Н. Н. 170, 213
Юнгмейстер В. Ю. 179
Юрениев (Кротовский) К. К. 125, 127
Юршевский Я. Я. 205, 257
Юшкевич В. А. 225

Ягода А. Н. 257

Ягодкин П. Я. 257
Явлин К. Г. 58
Якимович А. А. 257
Якир И. Э. 217
Яковлев А. А. 207, 257
Яковлев В. В. 179
Яковлев В. Ф. 225
Яковлев Д. В. 61
Яковлев Д. И. 179
Яковлев Я. А. 58
Яковский Н. В. 258
Якубинский П. В. 180
Якубовский В. П. 180
Янковский Л. В. 215
Ярославский Е. М. (Губельман) И. И. 17
Яськевич В. М. 162
Яцко И. В. 258

Оглавление

Введение	3
Глава первая	
Великая Октябрьская социалистическая революция и офицерский корпус русской армии	21
Офицерский корпус русской армии накануне Октября 1917 г.	21
Октябрьская революция. Слом старой армии. Судьбы русского офицерства	29
Глава вторая	
Ленинский курс на привлечение командного состава старой армии к военному строительству и защите Советского государства	55
Привлечение бывших генералов и офицеров на службу Советской власти в первые месяцы после победы Октября	55
Роль военных специалистов в создании и деятельности Высшего Военного Совета и подготовке кадров высшей военной квалификации	72
Переход к мобилизации бывших генералов и офицеров в целях создания регулярной Красной Армии	89
Глава третья	
Деятельность Коммунистической партии и Советского правительства по усилению командного состава Действующей Красной Армии военными специалистами	120
Подтверждение ленинского курса по отношению к военным специалистам на VIII съезде РКП(б)	120
Учреждение особых комиссий по учету бывших офицеров и их деятельность (апрель 1919— февраль 1920 г.)	132
Глава четвертая	
Военные специалисты в Красной Армии	165
Численность военных специалистов в 1918—1920 гг.	165
Военные специалисты в корпусе Генерального штаба РККА	181
Военные специалисты на высших командных и штабных должностях в Действующей Красной Армии	198
Заключение	219

Приложения

Приложение 1. Список генералов и офицеров Добровольческой армии — участников «1-го Кубанского похода»	227
Приложение 2. Правила назначения бывших офицеров в возрасте до 50 лет включительно в части войск и учреждения действующей армии на основании приказа Революционного военного совета Республики № 29 от 3 октября 1918 года	231
Приложение 3. Инструкция губернским отделам Особой комиссии по учету бывших офицеров при Реввоенсовете Республики (постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны Республики от 2-го июля 1919 г.)	234
Приложение 4. Военные специалисты — бывшие офицеры Генерального штаба — в корпусе Генерального штаба РККА в 1918—1920 гг.	236
Приложение 5. Военные специалисты — командующие армиями	259
Именной указатель	263

Александр Георгиевич
КАВТАРАДЗЕ

**Военные специалисты
на службе
Республики Советов
1917—1920 гг.**

Утверждено к печати
Институтом истории СССР
АН СССР

ИБ № 38148

Редактор издательства
М. А. Васильев

Художник
Л. А. Григорян

Художественный редактор
М. Л. Храмцов

Технические редакторы
Л. В. Каскова,
И. Н. Жмуркина

Корректоры
Л. А. Лебедева,
Р. В. Молочанова

Сдано в набор 12.06.87
Подписано к печати 15.10.87
А-04790. Формат 60×90^{1/16}
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 22,4
Усл. кр. отт. 20,4. Тираж 10 000 экз. Тип. зак 680
Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90.
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
готовятся к печати:

В. Я. Лаврычев

**ВОЕННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ
КАПИТАЛИЗМ В РОССИИ**

Ин-т истории СССР.— М.: Наука, 1988 (I кв.).— (В пер.): 2 р. 50 к.

Автор книги на основе фактического материала, в значительной степени впервые вводимого в научный оборот, рассматривает развитие государственно-монополистического капитализма в годы первой мировой войны, формирование его в определенную систему, что ознаменовало качественно новый этап капиталистического обобществления производства, расширения материальных предпосылок для социалистической революции.

В. И. Бовыкин

**РОССИЯ НАКАНУНЕ ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЙ:
К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ПРЕДПОСЫЛОК ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Ин-т истории СССР.— М.: Наука, 1988 (II кв.).— 12 л.— 80 к.

Что представляла собой Россия в 1917 г., почему она оказалась «слабым» звеном мировой империалистической цепи, страной, где впервые в истории победила социалистическая революция? Явилось ли это результатом неповторимых особенностей развития нашей страны или проявлением общих закономерностей исторического процесса? Автор книги освещает важнейшие направления, по которым шло изучение социально-экономических предпосылок Октябрьской революции, анализирует спорные точки зрения, дает картину экономического и социального развития России накануне 1917 г., показывает ее место в мировой капиталистической системе.

СОВЕТСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ НА СТРАЖЕ МИРА
И СОЦИАЛИЗМА

/Ин-т воен. истории.— М.: Наука, 1988 (III кв.).— 20 л.— (В пер.):
2 р. 50 к.

В книге раскрываются изменения в социальной природе и назначении Советских Вооруженных Сил, основные факторы их боевой мощи, их место в системе международных военно-политических отношений, в обеспечении мира и безопасности.

Книги можно предварительно заказать в магазинах «Академкнига».
Для получения книг почтой заказываем просим направить по одному из перечисленных адресов:

117192 Москва, Мичуринский про-
спект, 12, магазин «Кни-
га — почтой» Центральной
конторы «Академкнига»;
197345 Ленинград, Петроавло-
вская ул., 7, магазин «Кни-
га — почтой» Северо-За-
падной конторы «Академ-

книга»;

252030 Киев, ул. Пирогова, 4,
магазин «Книга — почтой»
Украинской конторы «Ака-
демкнига» или в ближай-
ший магазин «Академ-
книга».

1 р. 80 к.

2
2-179.476

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ НА СЛУЖБЕ РЕСПУБЛИКИ СОВЕТОВ 1917 - 1920 ГГ.

Силы внутренней и внешней контрреволюции развязали против молодой Советской Республики гражданскую войну. Для защиты завоеваний Великого Октября необходимо было в кратчайший срок создать массовую регулярную Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Это было возможно лишь при широком привлечении на службу Советской власти бывших генералов и офицеров старой армии. О напряженной борьбе В. И. Ленина, партии за решение этой важнейшей проблемы рассказывает предлагаемая книга.

EESTI RAHVUSRAAMATUKOGU

Z-17870

